

ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ АНГЛИЙСКОЙ РЫЦАРСТВЕННОСТИ

А. Б. Фергюсон

ARTKUR B. FERGUSON

THE INDIAN SUMMER
OF ENGLISH
CHIVALRY

Studies in the decline and trans.
Formation of chivalric idealism

DUKE UNIVERSITY PRESS
DURHAM, NORTH CAROLINA
1960

АРТУР БОУЛЗ ФЕРГЮСОН

ЗОЛОТАЯ ЭПОХА
АНГЛИЙСКОЙ
РЫЦАРСТВЕННОСТИ

Исследование упадка и трансформации
рыцарского идеализма

Санкт-Петербург
2004

ББК 63.3(0)4

УДК 94

Ф43

За помощь в осуществлении издания данной книги
издательство «Евразия» благодарит
Кипрушкина Вадима Альбертовича

Научный редактор:
к. и. н. Муравьева М. Г.

Фергюсон Артур Боулз

Ф43   Золотая осень английской рыцарственности. Исследование упадка и трансформации рыцарского идеализма. Перевод с англ., предисловие и краткий биографический словарь Муравьевой М. Г. — Евразия, СПб.: 2004. — 352 с. ISBN 5-8071-0147-2

Предлагаемая читателю книга Артура Фергюсона, написанная более сорока лет назад, проливает совершенно неожиданный свет на привычные нам категории изучения средневекового рыцарства. По жанру работа Фергюсона смыкается со знаменитой книгой Хейзинги «Осень Средневековья» и составляет одно, парадоксальное, но весьма гармоничное целое. Обе они рассказывают о функционировании идеи рыцарственности, раскрывают причины ее независимого от действительности существования в драматически меняющихся условиях XV столетия. Франко-бургундский материал Хейзинги оттеняется абсолютно отличным и совершенно специфичным английским материалом. Тем не менее, вряд ли можно говорить о преемственности между этими двумя исследованиями. Разделенные несколькими десятилетиями и бурными водами Атлантического океана, Хейзинга и Фергюсон творили по-разному, пользовались разной методологией и обращались к разным сюжетам. Сама книга представляет собой шесть очерков по истории скорее рыцарской мысли, нежели рыцарских практик, взаимосвязанных между собой и посвященных различным аспектам проявления рыцарственности в XV веке: политической, национальной, образовательной и интеллектуальной сферам функционирования рыцарских идей на закате Средневековья.

© Муравьева М. Г., перевод, предисловие, краткий
библиографический словарь, 2003

© Лосев П. П., обложка, 2004

© Евразия, 2004

ISBN 5-8071-0147-2

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Для судеб европейской культуры было принципиально важным не только то, насколько верным было рыцарство своим идеалам. Не менее — если не более — существенным было их содержание. Пополняя и изменяя исходные христианские ценности, рыцарские идеалы — независимо от того, в какой мере они соблюдались, — служили трамплином нравственного подъема. Они побуждали к сопереживанию, состраданию, сочувствию, заставляли задуматься над выбором своих решений, размышлять над их последствиями и для себя и для других. Пусть это было уделом лишь одиночек или даже только нереализуемым идеалом. Чтобы преодолеть варварство и жестокость, надо для начала знать, что им противостоит. Счастье Запада в том, что осмысление этого нравственного противостояния началось более чем восемь столетий тому назад.

Ю. М. Бессмертный

Интерес к рыцарству является постоянным и устойчивым на протяжении последних четырех столетий вне зависимости от того, представляет ли рыцарство какие-либо социально-политические реалии или нет. В современном российском обществе он также достаточно высок, что демонстрируют многочисленные Интернет-чаты, огромное количество сайтов новоявленных рыцарских орденов (вроде Ордена Красного Вепря) или просто коллекций материалов и источников, связанных с рыцарством. Однако интерес к рыцарству в наши дни тоже носит определенный характер: о рыцарях мы чаще всего вспоминаем в контексте куртуазного поведения и раздающихся вздохов, рефрен коих «перевелись-де рыцари в жизни — некому радость каждой женщине доставить и позаботиться о ней». С другой стороны интернет-ордена мало заботятся о дамах, их скорее

интересуют турниры и обеспечение собственной «крутости» посредством махания мечами и детального обсуждения успехов и техники боя (это их сильно приближает к реальным средневековым рыцарям). Так, разговор корреспондента радио «Эхо Москвы» с А. А. Сванидзе свелся к теме любви в рыцарской культуре, что само по себе симптоматично*. Романтизация рыцарства и рыцарственности — это результат многовековой кропотливой работы огромного количества талантливейших ученых, поэтов и писателей, которым важно было создание идеала, эталона для поклонения. Не стоит также забывать, что рыцарство и рыцарственность является популярной темой не только в нашей стране, но и в европейских странах и США. Многочисленные красочные издания, Интернет-сайты, общества по изучению рыцарства пытаются возродить «добродетели рыцарского образа жизни», призвать к пересмотру этики и нравственности, выступающих, по их мнению, в качестве товаров современного постиндустриального общества, ибо куртуазность, благочестие, чувство справедливости и честь суть фундаментальные ценности западноевропейской аксиологической системы, позволившей западной культуре выжить в условиях варварства и гниения**.

Интерес к рыцарству в отечественной историографии возрос за последние десять-пятнадцать лет. Начало такому всплеску положила публикация знаменитой книги Й. Хейзинги «Осень Средневековья», затем работы Кардини, Руа и Кина поддержали его. Все эти исследования интересны по-разному и изучают различные аспекты средневекового рыцарства. Предлагаемая читателю книга Артура Фергюсона, написанная более сорока лет назад, проливает совершенно неожиданный свет на привычные нам категории изучения средневекового рыцарства. По жанру работа Фергюсона смыкается с исследованием Хейзинги и составляет одно, парадоксальное, но весьма гармоничное целое. Обе

* Прямой эфир радиостанции «Эхо Москвы» 29 апреля 2000 [18:15–18:45]. — см. <http://www.echo.msk.ru/interview/interview/4064.html>.

** Brian R. Price, *Isn't Chivalry Dead?! in AKA SCA Brion Thornbird ap Rhys, Earl and Knight, OL September 14, 1995* — см. сайт: <http://www.chronique.com/>

они рассказывают о функционировании идеи рыцарственности, раскрывают причины ее независимого от действительности существования в драматически меняющихся условиях XV столетия. Франко-бургундский материал Хейзинги оттеняется абсолютно отличным и совершенно специфичным английским материалом. Тем не менее вряд ли можно говорить о преемственности между этими двумя исследованиями. Разделенные несколькими десятками лет и бурными водами Атлантического океана, Хейзинга и Фергюсон творили по-разному, пользовались разной методологией и обращались к разным сюжетам. Но историческое чутье объединяло их. Книга Фергюсона, хотя и является, по его словам, «в некотором смысле побочным продуктом», стала событием в изучении позднего Средневековья.

Артур Боулз Фергюсон (1913–1999) родился в канадском городке Виндзор в графстве Онтарио, недалеко от Торонто, в семье шотландского происхождения. Он получил образование и степень бакалавра (1935 г.) в университете Западного Онтарио (Лондон, Канада), одном из лучших канадских университетов. В том же году Фергюсон отправился в Корнелльский университет, США, где закончил аспирантуру, защитил докторскую диссертацию (в 1939 г.) и был взят на кафедру истории Дюкского университета (США), на которой он проработал больше сорока лет. В 1942 г. Фергюсон был призван в американские ВВС, где прослужил до 1946 г., принимая участие в основных военно-воздушных операциях США во время Второй мировой войны. Именно это заставило его принять участие в работе над предпринятой Дюкским университетом в 1950-е гг. историей Второй мировой войны. Фергюсон стал автором 12 глав этого одного из первых американских исследований подобного рода. Вернувшись на кафедру истории Дюкского университета в 1946 г., А. Фергюсон вновь занялся своей специализацией по истории идей ренессансной Англии. «Золотая осень английской рыцарственности», его первая книга, появилась в 1960 г., вслед за ней Фергюсон опубликовал еще 4 монографии, включая «Традицию рыцарственности в ренессансной Англии» (1986 г.), последняя же его монография «Далекая древность: восприятие первобытной истории в ренессансной Англии» была опубликована в 1993 г.

Фергюсон не только являлся блестящим ученым, но и очень популярным и любимым студентами профессором. Благодаря ему кафедра истории Дюкского университета и по сей день является крупнейшим центром изучения истории Англии раннего Нового времени в США, издает журнал по истории позднего Средневековья и раннего Нового времени, являющийся одним из самых престижных журналов США в этой области.

Кроме научных интересов, Артур Фергюсон много времени уделял своему хобби — разведению породистых коккер-спаниелей, его завод по разведению коккеров в Кеннелзе (Дарем, США), который был открыт в 1949 г., на сегодня является престижнейшим питомником такого рода. Жизнь Фергюсона, так же как и его научная карьера были весьма насыщенными, и трудно переоценить влияние его творчества на целое поколение историков, изучающих Средние века и раннее Новое время.

Сама книга представляет собой шесть очерков по истории скорее рыцарской мысли, нежели рыцарских практик, очерков, взаимосвязанных между собой и посвященных различным аспектам проявления рыцарственности в XV веке: политической, национальной, образовательной и интеллектуальной сферам функционирования рыцарских идей на закате Средневековья. Фергюсон всегда определял себя историком идей и, следуя методологии Дж. Коллингвуда, находился у самых истоков оформления «истории идей» как самостоятельного направления внутри исторических исследований. Творя в 1950–1960-е гг., в то бурное время переосмысления и перелома в исторической науке, он внес свой неоценимый вклад в развитие того, что мы называем новой исторической наукой, новой социальной, а главное — социокультурной истории. Историческое творчество его замечательно тем, что мы можем видеть плоды его изысканий, проверенные временем, и его собственную рефлекссию и эволюцию в рамках избранной методологии. Фергюсон, пожалуй, до последнего сохранил свою приверженность изучению интеллектуального климата эпохи, истории идей, социокультурных аспектов развития гуманистической и ренессансной идеологии. Коллингвуд в свое время так определил историю как науку: «Она состоит в

концентрации мысли на чем-то таком, чего мы еще не знаем, и в попытке его познать»*. Именно этот импульс — незнание — и двигал Фергюсоном как в процессе исследования рыцарской мысли, так и в момент написания работы. Отсутствие заранее сформированной схемы позволило ему отказаться от привычных объяснений рыцарского идеала. И его изначальная цель — показать упадок рыцарского идеализма к 1400 г. и его возрождение, «золотую осень» после 1460 г. — удалась благодаря избранной методологии.

По организации текста видно влияние Хейзинги и Буркхарда, однако здесь оно и заканчивается. Фергюсон категорически не принимает идею Хейзинги о «человеке играющем» и о рыцарственности как грандиозном спектакле, затеянном из чувства стремления средневекового человека к прекрасному. Не разделяет он также и идею о противоречии рыцарского идеала действительности, автором коей является также Хейзинга** и которая превратилась в постулат историографии рыцарства и рыцарственности. Проследивая «возрождение» рыцарственности, ее дискурсивное функционирование в хрониках и романах в качестве источника вдохновения, Фергюсон показывает, как она медленно и постепенно сменялась принципами и идеалами гуманистического «реализма». Продолжая свою мысль, он детально исследует взаимосвязь теоретической рыцарственности с реальными политическими практиками и вопросами войны и мира в XV веке. Основная мысль его ясна: рыцарственность смогла существовать в качестве идеала именно благодаря своей отдаленности от реальной жизни и именно поэтому она стала предполагаемой основой для восстановления сил Англии, измотанной Столетней и гражданской войнами, в качестве нации и государства. Здесь Фергюсон формулирует первый принцип существования и функционирования идей в обществе: идея не есть реальность, она развивается и существует именно потому, что от реальности оторвана; как только идея начинает смыкаться с реальностью, она исчезает. Реальный рыцарь сэр Томас Мэлори

* Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. — М., 1980. — С. 12.

** См. Хейзинга Й. Осень Средневековья. — М., 1988. — С. 101–115; гл. VII «Значение рыцарского идеала в войне и политике».

был весьма непривлекательной личностью, убийцей и насильником, но мы восхищаемся им как автором самого рыцарственного из романов «Смерть Артура». Настоящий рыцарь, эталон рыцарского поведения, прославленный Фруассаром сэр Уильям Бошам, сподвижник Черного принца, становится патроном лоллардов, и вся его рыцарственность в одночасье оказывается забытой певцами доблестных подвигов*.

Книга Фергюсона тем не менее получила много критических отзывов. В частности, профессор М. К. Поуик высказал свое несогласие с центральным тезисом Фергюсона, считая, что рыцарственность романов нельзя переносить в жизненные реалии, что они совершенно несовместимы с оной, и мы можем говорить о рыцарственности только в рамках «Сэра Гавейна» или «Короля Артура», то есть рыцарственность не оказывала никакого влияния на практическую политику и не была связана с ней, иначе не произошло бы Ренессанса**. Профессор Денгем также задает подобный вопрос: смотрели ли люди того времени на рыцарскую литературу как на серьезное произведение или воспринимали ее всего лишь как развлекательное чтение? Отвечая на вопрос утверждением последней фразы, он считает, что не было «возрождения» рыцарственности после 1460 г., происходил процесс всего лишь преемственности, прерванный несоответствием Генриха VI как своему месту короля, так и званию рыцаря, и процесс этот был вдохновлен какстоновскими изданиями, мораль коих является совершенно ясной. К тому же, считает Денгем, правила рыцарственности, возможно, и вдохновляли некоторых молодых людей, но к законам Падуи апеллировал Джон Типтофт при проведении своей политики. Таким образом, координация идеала и действительности является проблемой для исто-

* См. подробнее о Бошаме: Catto J. I. «Sir William Beachamp between Chivalry and Lollardy», in Ch. Harper-Bill and Ruth Harvey (eds.), *The Ideals and Practice of Medieval Knighthood*, III. Papers from the third Strawberry Hill conference, 1986 (Woodbridge, The Boydell Press, 1990), pp. 39–48.

** Powicke M. R. «Review of *The Indian Summer of English Chivalry*», in *Speculum*, vol. 36, no. 3 (1961): 482–484.

рика идей, ему необходимо помнить об исторических фактах больше, а думать о мифологии меньше, считает профессор Йельского университета*.

Действительно, Фергюсон увлекается описанием идей больше, чем фактологией исторического процесса, и это ведет к несоответствиям между функционированием идеала и действительностью. Изучение мышления и мировоззрения является весьма шаткой почвой для обоснованных выводов, оставляя место лишь гипотезам, предположениям и допущениям. Важно не поддаваться обманчивому очарованию стройности мировоззренческих концепций, иногда действительно складывается ощущение, что Фергюсон оказывается зачарованным этой игрой рыцарственности и гуманизма, забывая о реальных людях, которые породили все эти произведения. Один из недостатков его исследования мы видим в игнорировании биографических данных, связей и окружения тех, чьи работы он цитирует и на мысли которых он опирается. Исследование сильно проигрывает в этом аспекте, ибо часто неясным представляется, откуда автор источника перенял ту или иную модель рыцарского поведения, аллегорию доблестного подвига или идеи по воспитанию государя. Отсутствует момент преемственности, все эти произведения живут своей жизнью, и получается, что реальные люди, произведшие их на свет, являются такими же фикциями, как и их идеи. Такого рода оторванность является существенным недостатком многих исследований по интеллектуальной истории и истории идей. Окончательный упадок рыцарственности как концептуального осмысления своей идентичности может быть отнесен и к временам Гражданских войн в Англии XVII века — последней феодальной войне Средневековья. Этот вывод также возможен из тех данных, которые приводит Фергюсон.

Тем не менее критика Поуика и Денгема, безусловно крупнейших английских медиевистов, породила другую крайность в изучении рыцарства и рыцарственности: отрицание их реальности, их влияния на повседневные практики правящего класса. Поэтому тенденция историографии

* Dunham W. H. «Review of *The Indian Summer of English Chivalry*», in *The Journal of Modern History*, vol. 33, no. 3 (1961): 313–314.

1970-х гг., особенно ярко отраженная в книгах Мориса Кина, тенденция к демонстрации практичности рыцарства в экономических и политических делах, отсутствия «рыцарского поведения», распространения предательства и насилия, буквально захватила медиевистов, где-то уставших от идеализации образа. Тем не менее такой подход стал лишь другой крайностью. Отрицать влияние рыцарственности на поведенческие стереотипы правящего класса, все еще остававшегося военной элитой, означает совершенно упустить самую суть средневековой жизни.

Другим недостатком, на наш взгляд, является недостаточное внимание к религиозному аспекту рыцарственности XV века, а точнее, к его неявному присутствию. Автор сознательно лишает себя очень потенциального пути анализа функционирования идеала — поддержки религиозного мировоззрения. Особенностью английской рыцарственности являлось то, что многие «истинные» рыцари, такие как сэр Уильям Бошам или сэр Джон Олдкасл, ставшие сторонниками лоллардов, экспериментировали с христианством, интерпретируя его постулаты произвольно, в зависимости от сложившейся обстановки. «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь» — великолепный образчик такого эксперимента.

Третьим моментом, который не был в должной степени разработан Фергюсоном, выступает куртуазная любовь и ее роль в том идеале, который был сформулирован к концу XV века. Опустить ее нельзя. Женщина, Прекрасная Дама выступала для рыцаря своего рода красной тряпкой, побуждающей его к определенного рода активным действиям. Куртуазность и идеал гражданственности, точнее, постепенное вытеснение куртуазности из системы ценностей джентльмена-правителя знаменует собой новый этап в социальных отношениях общества позднего Средневековья — раннего Нового времени. Уход женщины демонстрирует появление четко очерченных сфер деятельности с детализированными предписаниями того, что подобает представителям этих сфер.

Но, несмотря на приведенную выше критику, предлагаемая читателю книга не становится менее интересной или менее значимой. Достоинства ее настолько перевешивают недоработки, часть из них, кстати, относится просто к дру-

гим методологическим посылкам, что перевод «Золотой осени...» — это значительная веха для отечественной историографии.

Безусловным достижением предлагаемой книги является как новое использование старых, хорошо известных историкам источников (Какстона и Мэлори), так и введение в исторический оборот новых. Особенно ценным видится привлечение художественной литературы, доселе не рассматривавшейся серьезно историками по причине своего художественного характера, что, по мнению многих из них, не могло служить достоверным источником по *истории* Средних веков. Однако эти же памятники литературы не изучались и литературоведами из-за отсутствия выдающихся художественных особенностей (например, «Веселые забавы» Стефена Хоуза) по сравнению с произведениями таких гигантов, как Дж. Чосер и У. Гауэр. Фергюсон обращает внимание специалистов на то характерное мировоззрение, которое оказывается выраженным в данных, с точки зрения литературоведа, нечитабельных источниках (вроде «Книги о знатности»). Сегодня, когда отношение к использованию литературных произведений в современной исторической науке стало меняться, такой подход нам может показаться само собой разумеющимся. Однако в начале 1960-х гг., когда на первый план стали выдвигаться цифры, знаменовавшие собой новый «научный» подход, литературное произведение, рыцарский роман отошли к разряду «ненадежных», «неточных» исторических источников, часто мешающих на пути познания истины (в возможности коего многие даже не сомневались). Только постмодернистское внимание к нарративу, работа с оным и поиск способов его деконструкции, вернули литературу на подобающее ей место в истории.

Фергюсон совершенно сознательно попытался исследовать тот миф рыцарственности, который кочевал из одного рыцарского романа в другой. Его подходом стала убежденность, что миф сам по себе является значимым и, более того, что он используется в литературе, сознательно или нет, с определенной целью. Здесь Фергюсон поднял очень важную проблему циркуляции мифа и сопутствующих ему явлений. Прежде всего ему удалось показать, что средневековые авторы использовали мифы бессознательно. Миф становится

неким критерием, полезным для выделения и определения характеристик, которые универсальная тема рыцарственности по сути своей принимает в литературе, а также при оформлении специальной формы, того особенного отличительного признака, который прослеживается во всех этих работах. Свидетельством данной бессознательности является использование аллегории как жанра*. Мифологическую модель становится весьма легко проследить благодаря аллегории. Мы видим здесь основную тему смерти и возрождения, инициации, ухода и возвращения, тему, главную для средневековой рыцарской литературы любого вида — тему путешествия: Данте отправляется в царство мертвых, кельтская мифология полна путешественников, совершающих свой путь в своеобразной преисподней, пилигримы ищут свои святыни, но, что важнее всего, сотни рыцарей пересекают сотни полей и преодолевают сотни лесов в поисках предметов странных и возвышенных, вроде Грааля. Миф поиска является ключевым для понимания всей рыцарской литературы. Фергюсон помещает этот миф в центр рыцарской идеологии: путешествие совершается в двух мирах — духовном и реальном, отражая по сути своей положение рыцарства в ту эпоху, оба эти мира необходимы, они не существуют друг без друга, но каждый из них подчиняется своим правилам и законам. Так Фергюсон решает проблему противоречия идеала и реальности.

Другой особенностью использованного корпуса источников является внимание к форме произведения, к его стилю. Фергюсон был известен своей пунктуальностью и педантичностью как при изучении источников, так и при их цитировании (все цитаты в тексте даны на староанглийском, старофранцузском или латинском языках). Жанр рыцарского романа является чистой формой рыцарственности в источниках. Однако мы имеем огромное количество источников, на первый взгляд не относящихся к изучаемой теме, например Лондонские хроники, написанные горожанами Лондона, которые меньше всего уделяли внимания проявлениям рыцарственности (что, кстати, стало доказа-

* См. по этому поводу классическую работу: C. S. Lewis. *The Allegory of Love* (London, OUP, 1936).

тельством практичности позднего Средневековья, огромного удельного веса городов в средневековой экономике и роли зарождающегося в его недрах капиталистического уклада), или, скажем, «Кентерберийские рассказы» Чосера — этот манифест антирыцарственности.

Приведем в пример хорошо всем известные «Кентерберийские рассказы». Среди собравшихся в трактире мы находим двух представителей аристократии — старого почтенного рыцаря и его сына, молодого дерзкого сквайра. Отношение пилигримов к обоим показательно через их оценку повествования рыцаря и сквайра. Прежде всего, повествование рыцаря они называют «историей» (*storie*, II.3110–1)*, поскольку речь идет об исторической реальности (для людей того времени), повествование же сквайра, являющееся для них выдумкой, фантазией, именуется романом, что в принципе подтверждается композицией самого рассказа. Чосеровский рыцарь, ветеран многочисленных войн, предстает перед нами в своем рассказе опытным в делах мирских, государственных и административных, его задачей становится идеализация знатного образа жизни, рыцарственности и доблести. Сама история построена в ритуализованном, полном достоинства стиле, главной целью которого является оправдание власти и действий Тезея, вся она пронизана подчеркиванием порядка и властности. Язык, которым рыцарь излагает свой рассказ, отличает его от всех остальных паломников, не только употреблением другой лексики, но и построением предложения; расстановкой знаков препинания Чосер демонстрирует, что, с его точки зрения, сам рыцарь уверен в своей властности, в своем социальном статусе и превосходстве над другими (см., например, I.855, 857, 859, 873–875, 885–886, 1000). Рассказ он ведет неторопливо, понимая, что все равно его дослушают до конца. Однако смысл его истории, на первый взгляд, противоречит форме: на самом деле рыцарство представлено алчным, аристократические привилегии — находящимися под угрозой. Получается, что рыцарь совершенно четко осознает упадок ры-

* Здесь и далее цитирование идет по английскому тексту Чосера, поскольку в русском переводе многие стилистические и лексические особенности опущены: *The Complete Works of Geoffrey Chaucer*, 2d ed., ed. by F. N. Robinson (Boston, 1957).

царского идеала и видит неизбежные изменения в социальном климате эпохи, однако, понимая это, рыцарь, несмотря на свое тяжелое экономическое положение и упадок своего сословия, уверен в своем высоком социальном статусе; он посредством языка обнажает перед нами это чувство привилегированности перед лицом снижающегося уважения к идеалу, который когда-то уведомлял об их социальном положении.

Сквайр же, напротив, пытается рассказать совершенно выдуманную историю о татарском царе Камбускане, обладателе всех достоинств, которыми только может обладать царь. В отличие от греческой истории (тогда то, что мы называем сегодня мифологией, считалось историей), которую избрал его отец и которая была близка и понятна большинству пилигримов, сквайр выбирает далекую от своего и большинства присутствующих опыта татарскую реальность, которую слушатели воспринимают в качестве мифологии, некой Страны Чудес, где может произойти все, что угодно, и сразу же теряют интерес к рассказу (см. V. 35–41; 675, 681, 693–694). Другой причиной потери интереса является и то, что в рассказе сквайра нет цели, то есть она не видна из повествования, тогда как рассказ рыцаря был подчинен совершенно ясной морали. Сквайр же не понимает, что его рассказ неинтересен, а лесть Франклина воспринимает как должное*. Таким образом, иной подход к нарративу позволяет нам не просто получить и проанализировать информацию, но посредством изучения формы и языка проникнуть в реалии мифа и мифологию реальности. Метод, использованный Фергюсоном по отношению ко многим литературным источникам, полностью оправдывает себя.

Интересно то, что в своем исследовании Фергюсон практически не касается куртуазной любви в контексте рассмотрения рыцарственности, а ведь это именно то, чем рыцарство знаменито. Наоборот, он, кажется, сознательно обходит эту часть функционирования мифа стороной, пытаясь

* См. более подробно об этом примере: Jost, Jean E. «Potency and Power. Chaucer's Aristocrats and Their linguistic Superiority», in Liam O. Purdon and Cindy L. Vitto (eds.) *The Rusted Hauberk. Feudal Ideals of Order and Their Decline* (Gainesville, University Press of Florida, 1994), pp. 49–76.

выявить, чем же является идеал без Прекрасной Дамы, что остается рыцарю кроме как совершения доблестных подвигов в процессе служения ей. И оказывается, что рыцарь все равно имеет весьма насыщенную жизнь. Особенно интересны здесь два аспекта рыцарской идеологии: национализм (или шовинизм, как называет его Фергюсон) и место рыцаря в системе управления государством. Фергюсон блестяще показывает, как формула рыцарь-защитник была перенесена в патриотические рамки, где рыцарь становился защитником прежде всего своих английских реалий, своих собственных униженных и оскорбленных, своих английских Прекрасных Дам, таким образом четко очерчивая границу между своим и чужим, создавая образ «Другого».

Этот «Другой», не англичанин и не рыцарь, является тем отправным пунктом, в отличие от которого формируется рыцарский идеал. И процесс этот тесно связан с первыми ростками английского национализма, появившимися после середины XV века. С другой стороны, пересмотр чисто военной функции рыцаря и добавления гражданского компонента в виде выполнения административных обязанностей, например мирового судьи или члена Парламента, также способствовал национальному самоопределению английского рыцарства. Рыцарский идеал никогда не существовал в окостеневшей форме, его элементы по-разному интерпретировались в зависимости от нужд эпохи, здесь мы, несомненно, можем увидеть связь идеала и действительности. Рыцарственность становится не просто практическим кодексом поведения (как его часто именуют и пытаются ему следовать). Живучесть его определяется принятием одного как концепции коллективной идентичности английским правящим слоем. Для того чтобы править, недостаточно родиться знатным или благородным, необходимо им стать. Этот простой постулат начинает широко применяться на практике в Англии XV столетия. Данный «практический кодекс поведения» живуч не потому, что правящий слой вдруг стал стремиться к прекрасному или английских аристократов замучила ностальгия по дням Ланселота и короля Артура, но потому, что он давал необходимый базис для самоидентификации, позволявший чувствовать себя членом определенной статус-группы в условиях изменчивого социального климата позднего Средневековья.

Фергюсон блестяще демонстрирует, как рыцарственность стала тем руководством к обучению, в котором нуждались молодые джентльмены и сквайры. Попытка аристократии ограничить проникновение в свой круг различным *parvenu* через введение практического кодекса поведения, тесно взаимосвязанного с надлежащим воспитанием, подразумевающим не только владение оружием, но и обладание широкими гуманитарными знаниями, обернулась в конечном итоге против нее, ибо рыцарственность превратилась исключительно в демократическую концепцию, позволявшую любому человеку благородного происхождения (но не знатного, то есть любому представителю джентри) посредством прохождения через образовательный институт (университет или один из четырех Иннов) занять место в структуре правящего класса. В данном ключе рыцарственность сыграла свою роль посредника между уходящими ценностями неудовлетворительных для XV века форм политической власти и новыми, гуманистическими представлениями о гражданственности и договорной форме правления. Рыцарственность здесь является центральной идеей того, как можно достигнуть легитимного положения у кормила государства. *De regimine principum* писались не из графоманства клириков, но исходя из осознания важности наличия единого представления о власти у монарха и его подданных.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что книга Артура Булза Фергюсона явилась большим событием в историографии позднего Средневековья и раннего Нового времени, обозначив собой новый поворот в интерпретации старых идеалов, освободивший дорогу ученым нового поколения к творчеству. Перевод этого произведения на русский язык дает нам альтернативу превалирующему в нашем сознании и нашей историографии постулату о рыцарственности как несбыточном идеале, совершенно бесполезном, но эстетичном и красочном грандиозном спектакле позднего Средневековья, позволяет нам под другим углом взглянуть на жизнь средневекового человека, гораздо более сложного по сути своей, нежели «Homo Ludens».

ПРЕДИСЛОВИЕ К ОРИГИНАЛЬНОМУ ИЗДАНИЮ

Исследование, которому посвящена данная книга, в некотором смысле явилось побочным продуктом работы над более широким кругом вопросов. Изучая социальные и политические взгляды в Англии конца Средних веков и начала Возрождения, я начал все больше и больше осознавать, что в сложившейся у нас на данный момент картине английского мировоззрения этой переходной эпохи, а видится она в лучшем случае просто туманной, существует определенная область знаний, которую мы представляем себе особенно неясно. Она касается мышления правящего класса, начиная от короля и заканчивая последним оруженосцем, которое в то время старалось приспособиться к расширяющейся сфере обязанностей, пришедшей вслед за усложнением общества. Этот процесс включал в себя схему ценностей, которые хотя никогда и не вступали в серьезный конфликт с учением церкви, а, напротив, полностью поддерживались ею, тем не менее пошли гораздо дальше церковного вероучения и стали служить проводником рыцаря или джентльмена в светской жизни или даже идеей, питающей правительственную политику. Все это в той или иной степени и стало проблемой рыцарственности. Возникает вопрос: каким образом и до какой степени? Более того, что именно включал в себя рыцарственный взгляд на вещи? На эти вопросы, казалось, не существовало приемлемого ответа. Поэтому я решил изучить разрозненные и зачастую скудные материалы, относящиеся к интересующей меня

теме, в надежде восстановить, пусть лишь в общих чертах, недостающую часть картины. Если результаты моего исследования помогут другим ученым ответить на подобные вопросы, я пойму, что мои труды не пропали даром. Тем более что сами поиски ответов были захватывающими.

Я глубоко благодарен фонду Развития Образования имени Форда за то, что они дали мне возможность потратить время на это исследование. Я также благодарен за оказанную Ученым Советом Дюкского университета финансовую помощь при подготовке монографии и особенно при ее публикации. Я приношу свою особую благодарность моему брату, профессору Уоллесу К. Фергюсону, и Маргарите Уинг Фергюсон за бесценные советы и критику, которые они давали на различных этапах исследования и написания книги, а также за неоценимую готовность помочь в любой ситуации. Огромное спасибо профессору Дюкского университета Джону Фишеру за его вдумчивое и критическое прочтение рукописи. Мне хотелось бы также отметить любезность сотрудников Уиднеровской и Фольгеровской библиотек, а также терпеливую помощь, которую я получил от сотрудников издательства Дюкского университета. Преданная поддержка моей жены при осуществлении корректуры и составлении указателя спасла меня от многих непростительных ошибок. За те же, которые все же нашлись в тексте, я несу полную ответственность.

В интересах читателя, который, как и я сам, не слишком озабочен филологическими изысканиями, я модернизировал написание цитат из английских источников и перевел все неанглийские отрывки. Иногда я расставлял знаки препинания, необходимые для большей ясности. Однако в целом я старался держаться как можно ближе к оригинальной версии текстов.

*14 марта 1960 года
Артур Б. Фергюсон*

ВВЕДЕНИЕ

Для средневекового мышления рыцарственность имела практическое значение. Она была актуальна для своего времени, и ее атрибуты достаточно точно отражали реальность средневековой жизни. Рыцарские идеи служили своеобразным руководством для светской деятельности правящего класса и, по всей видимости, вполне отвечали этой цели. Однако ко времени Елизаветы рыцарственность превратилась в память о прошедшей эпохе. Ее сознательно поддерживали, она оставалась весьма притягательной и достаточно яркой для того, чтобы вдохновить Спенсера на эпическую поэму и сэра Филиппа Сидни, рыцаря нового типа, на подвиги, но все же рыцарственность оставалась иллюзорным воспоминанием, хотя и связанным до сих пор с обществом, но изменившимся уже достаточно давно. Этот переход от реальности к воспоминанию, от того, что имело непосредственную значимость, к романтическому вдохновению, от живого идеала к материалу, из которого формируется символизм, является важной нитью в цепочке изменений, породивших английский Ренессанс — который являлся, в некотором смысле, именно *английским* Ренессансом. Часть его истории была приоткрыта в ходе недавних исследований, посвященных характеру и воспитанию джентльмена эпохи Ренессанса¹. Эти исследования дали нам возможность детально рассмотреть развитие нового идеала джентльмена-правителя, который впитал в себя и в конце концов заменил собой рыцарский идеал. Мы хорошо представляем себе и рыцарский идеал в дни

его расцвета (когда бы тот ни был — подобно большинству Золотых эпох, он показывает тенденцию удаляться во времени по мере того, как продвигается исследование)². Но мы все еще очень мало знаем о смерти старого идеала или о том, как образовывались те новые социальные установки, из которых возник ренессансный идеал в своей полностью выраженной форме. Особенно темным остается период начиная примерно от конца Столетней войны и до начала протестантской Реформации. В это время старые идеи все еще казались действенными массовому сознанию, несмотря на тот факт (более очевидный историку, чем людям того времени), что социальные основания, поддерживающие старый порядок, были в значительной степени разрушены, но мышление уже начинало приспосабливаться к условиям нового общества сотней едва различимых способов.

Множество факторов повлияли на появление этой особенной темной эры в истории английской культуры, не признаваемой исследователями английского Ренессанса и слишком часто игнорируемой медиевистами. Имеющиеся свидетельства — по крайней мере те, что непосредственно отражают дух периода — часто весьма немногочисленны для историка, привыкшего по большей части к обширной документации, а также почти лишены эстетических достоинств, способных заинтересовать литературоведов, которые выполнили основную часть работы по исследованию позднего английского рыцарства, и выполнили ее замечательно. Но они, как и следовало ожидать, ограничились проблемами, относящимися к оценке художественных достоинств литературных произведений, что никогда не включало те вопросы, которые историк хотел бы видеть решенными. Таким образом, очень часто историк и литературовед обнаруживают, что возделывают одну и ту же ниву. Но фактом остается то, что большую часть работ по английской рыцарственности провели ученые, занимавшиеся прежде всего традицией куртуазной любви, или ученые, посвятившие себя критическому анализу Артуровского рыцарского романа. Историк же идей желает знать еще и то, каким образом традиции рыцарственности были связаны с политической и социальной мыслью, т. е. с теми проблемами,

которые имели непосредственное значение для реальной жизни. К тому же источники, которые интересны для историка, не всегда будут привлекать литературного критика, а памятники литературы, хотя и являются основой для изучения идей, не смогут вполне удовлетворить историка. Последнему порой кажется горькой правдой, что ценность его литературных источников почти прямо пропорциональна их нечитабельности. Он убеждается, что «Книга о знатности» (*The Boke of Noblesse*) и «Веселые забавы» Стефена Хоуза (*The Pastime of Pleasure*) намного показательней, чем «Смерть Артура» (*Morte Darthur*).

Однако еще более печальна общая неспособность увидеть в этих сведениях, притягательных или нет, целых или фрагментарных, выражение характерного мировоззрения, которое за отсутствием какого-либо лучшего термина можно назвать рыцарским духом. В общем-то, исследователи французской рыцарственности избежали этой ловушки, но именно их успех лишь усилил вероятность попадания в нее английских исследователей. Слишком часто делалось допущение, что английская рыцарственность неясно отражала в себе, как в зеркале, более зрелую и утонченную французскую рыцарственность. В действительности английская рыцарственность развивалась, подобно множеству иных английских феноменов, нетипично. Исследования в сфере английской мысли позднего Средневековья обращались, часто с впечатляющим эффектом, к религиозной, политической, юридической и социальной мысли. Однако их данные демонстрировали скорее точку зрения церковника или юриста, но не рыцаря или, если точнее учитывать английскую специфику, класса тех, кто имел право носить герб — джентри, если угодно. До недавнего времени этот класс оставался малоизученным. Даже рыцарская традиция, вернее то, что от нее осталось в литературе, в значительной степени была передана нам клириками*,

---

* Здесь и далее по тексту имеются в виду клерки, занимавшиеся канцелярской работой внутри английского административного аппарата. Поскольку все они в XV веке еще оставались служителями церкви, мы сохраняем их церковное название. — *Прим. ред.*

которым посчастливилось быть более близко знакомыми с жизнью аристократии и, следовательно, иметь дело с ее потребностями.

К тому же рыцарская литература, обращаться к которой при изучении идей этого периода необходимо, страдает погрешностями перевода. Англичане пятнадцатого и начала шестнадцатого столетий хотя и были способны на немалую оригинальность, особенно в практических делах, но еще не приобрели интеллектуальной уверенности, достаточной для того, чтобы создать свою собственную литературу. Их закоснелая привычка основываться на произведениях других намного усложняет задачу оценить мысль автора, его покровителей или его читателей в целом. Рыцарские романы, которые все еще составляли большую часть того, что читала английская публика, вызывают особенное разочарование при попытке использовать их как источник для изучения современных им идей. В лучшем случае, как в случае «Смерть Артура», они представляют собой более-менее точные переложения неанглийских текстов или текстов другой эпохи, в значительной степени значимых в той мере, в какой они отражают взгляды тех, кто адаптировал эти произведения. В других отношениях они являются лишь составляющей общего наследия рыцарского христианского мира, едва ли способной пролить свет на то, что было специфичным для культуры Англии пятнадцатого столетия.

Поэтому неочевидным было существование такого явления, как рыцарское мировоззрение, которое до некоторой степени выходило за рамки узких забот военной и придворной жизни и охватывало всю светскую деятельность правящего класса. Тем не менее при более внимательном чтении становится ясно, что ментальные установки правящего класса Англии позднего Средневековья определенным образом были связаны со всеми наиболее значительными проблемами светской жизни, будь то частные или общественные. Именно к этому комплексу идей и установок я применил термин «рыцарственный» (*chivalric*). В определенном смысле он — не исторический, поскольку авторы того времени ограничивали значение этого слова исключительно военными

асpekтами рыцарской жизни³. Но историка должны извинить за то, что он проводит параллели, которые выходят как за границы словаря, так и менее аналитического сознания той эпохи.

Однако существует еще одно затруднение. Исследователи этой переходной эпохи не всегда уделяли достаточное внимание тому, что является довольно обычным феноменом, а именно характерной для общепринятых ценностей тенденции изменяться медленнее, чем те социальные условия, которые определяли эти ценности, и они продемонстрировали сопутствующее этому стремление рассматривать мировоззренческие установки более позднего периода в терминах более раннего периода. Люди Англии пятнадцатого столетия были склонны оценивать нарождающееся общество капитала и закона, централизованного правительства и международного соперничества, опираясь в первую очередь на идеи, унаследованные от более ранней эпохи и освященные устоявшейся традицией. Гуманизм своевременно вдохновил на новое мышление и во многом содействовал построению системы координат, более адекватной новым условиям. Тем временем ловкий англичанин, преследуя практические цели, приспособлялся к изменениям в своем окружении, не сильно меняя при этом свой понятийный аппарат, с помощью которого он привык решать такие проблемы. Поэтому косность старых идеалов и одновременное практическое изменение мировоззренческих установок являются факторами чрезвычайного исторического значения.

Например, было обычным упоминать ностальгический дух, в котором люди, подобные Мэлори и Какстону, подходили к предмету рыцарственности, и сомневаться в практичности, даже в искренности, их очевидной попытки вернуть Англию времен упадка к рыцарской добродетели⁴. Предполагали, что подобная преданность абсолютно средневековому идеалу рыцаря могла быть лишь романтической в эпоху, когда сам рыцарь был вынужден отказаться от своего исключительного положения военного и когда Англия, без сомнений, нуждалась в сильном центральном правительстве больше, чем в сентиментальном обращении к устаревшему этическому

идеалу. Однако рассуждать таким образом означает преувеличивать перспективу истории и предполагать, что общественные идеалы позднего Средневековья не отставали от назревающих проблем национальной жизни. Рыцарственность конца пятнадцатого века не являлась, как рыцарственность Спенсера, Скотта или Теннисона, подлинно романтической. Подобный романтизм всегда несет на себе клеймо проигранного дела, аромат безвозвратно ушедшего прошлого. Какстон, автор «Книги о знатности» Мэлори, а также, возможно, и Стефен Хоуз, пытались вновь утвердить рыцарственность как живой идеал, вполне подходящий для тех, кто ответствен за материальное благосостояние общества, а не восстанавливать в правах нечто, что навсегда ушло из жизни.

Таким образом, картина мышления, формировавшаяся в среде английского рыцарства, была далека от полноты или точности. Подобно средневековой живописи, она была лишена перспективы. Основные ее составляющие, хотя и несколько деформированные, вырисовывались достаточно четко; но взаимосвязь между ними не выглядит ясной, нечетким представляется и задний план картины. Если проводить другое сравнение, то мировоззрение того периода необходимо рассматривать как движущуюся картину, отражающую реалии изменяющегося общества. В самом деле, главное значение исследований мышления данного времени состоит в том, чтобы сделать более очевидными те процессы, благодаря которым идеи и установки, узнаваемо характерные для средневековой культуры, исчезают и сменяются Ренессансом. В конце концов, можно сказать, что это переходное время отличалось особой радикальностью по сравнению с большинством других периодов в истории английской культуры.

Поэтому характер этих изменений необходимо тщательно рассмотреть в качестве столь же важного предмета исследования, как и рыцарская традиция мышления в своей ортодоксальной форме. Признавая, что стареющие стволы средневековой мысли еще сохраняли жизнеспособность, мы в то же время должны быть осмотрительны, чтобы не пропустить еще зачаточные отношения, оформлявшиеся в их тени. В мешанине новых установок, пока еще не вполне очевидных и зачастую не признанных

своим временем, мы можем найти источник предрассудков, которые созрели в последующее столетие и придали английскому Ренессансу его характерные качества. *Historia nihil facit per saltem**; не за одну ночь появилась тюдоровская концепция джентльмена-правителя. В самом деле, ее истоки можно прекрасно отследить в истории мысли пятнадцатого столетия.

Если это исследование каким-либо образом поможет прояснить механизм рыцарского мышления и бросит сколько-либо ясный свет на те процессы, в результате которых оно изменилось, то оно сослужит свою службу. В первую очередь я занимался историей рыцарской мысли, а не рыцарской практики, хотя зачастую отделить идеал от внешних форм, в которых он воплощается в жизни общества, невозможно и нежелательно. Я ограничил свои исследования по большей части письменными источниками этого периода. Однако там, где примеры начала пятнадцатого или второй половины четырнадцатого столетий оказывались особенно полезными, я не колеблясь углублялся в прошлое. Подобным же образом, для того чтобы документально подтвердить переходные процессы, посредством которых новый идеал сменил старый, иногда было необходимым выходить за рамки эпохи революции Генрихов. Кроме того, я, насколько это было возможным, ограничил эти исследования теми произведениями, в которых более-менее непосредственно была выражена мысль их авторов. Существование переводов, и особенно любые свидетельства их популярности, являются, конечно, фактами огромного значения. Но если мы желаем понять, что происходило в умах англичан, мы должны выжать все возможное из немногочисленных дошедших до нас оригинальных произведений, и помнить о том, что при переводе, а точнее при обращении с заимствованными материалами, средневековый автор чувствовал полную свободу, адаптируя источник к своим собственным мыслям и ценностям. Я не могу претендовать на открытие каких-либо новых деталей. Ско-

---

* История не делается сразу (лат.). — Здесь и далее переводы редактора. — Прим. ред.

рее я попытался взглянуть по-новому на те, что были доступны и по большей части достаточно известны (хотя в некоторых важных случаях ими пренебрегали), и исследовать их в новом контексте.

Я изложил данный материал в серии более или менее параллельных исследований. Вначале я рассмотрел вопрос о том, существовало ли в действительности сколько-нибудь заметное возрождение рыцарственности в Англии конца пятнадцатого столетия, и предпринял попытку в какой-то степени оценить природу и широту рыцарской мысли в тот период. В следующей главе рыцарская традиция рассматривается в связи явной назидательной тенденцией, наблюдаемой в средневековой мысли. Она рассматривается как интеллектуальная сила, способная сформировать взгляды правящего класса на проблемы светской жизни, как своеобразная светская пристройка к главному зданию христианского мышления. В третьей главе дается более детальное изложение источников интеллектуального вдохновения, из которых возникла новая система ценностей, заменившая рыцарскую. В целом эти источники можно описать как примеры классической античности, истолкованные в свете политической и социальной реальности тюдоровского национального государства. Четвертая глава посвящена тому, как рыцарская традиция была связана с политической реальностью. Хотя эта проблема остается неясной, она тем не менее очень важна, ибо именно связь рыцарственности с практической, в значительной степени политической, функцией правящего класса и дала ей ту своеобразную значимость, которая существенна для жизнеспособности любой системы идеалов. И наоборот, именно тогда, когда рыцарский идеализм перестал быть системой ценностей, достаточной для светской жизни правящего класса, когда уже действительно появилось нечто новое, о рыцарственности можно было бы сказать, что она перешла в царство романтизма, — и только тогда. За этим следует истолкование рыцарского идеализма как системы координат, в которой обсуждалась династическая политика и решались основные вопросы войны и мира. Только таким образом идеал, в котором сражение

прославлялось как главное и высшее светское занятие человека рыцарского звания или стремлений, мог бы служить ориентиром для внешней политики в то время, когда воинственность отдельного рыцаря была поглощена более общей воинственностью династической политики. В заключение дается оценка рыцарской традиции как образовательного идеала. Это был, в определенном смысле, решающий момент в разложении рыцарственности, социальный по своему происхождению, политический по своим последствиям. Он касался того, какой тип образования наиболее подходил нуждам английского джентльмена, который все больше и больше погрязал в административной работе и все больше осознавал свои гражданские обязанности в нарождающемся национальном государстве. Рыцарская традиция не смогла полностью разрешить этот вопрос, и тюдоровским гуманистам осталось взять все, что представляло в этой традиции интерес, и включить почти целиком в гуманитарное образование, основанное на следующих взаимосвязанных предпосылках: английский джентльмен потенциально был «правителем», а одновременно и защитником общества; для того чтобы осуществить свое предназначение, он должен был обладать добродетелью и мудростью; и эти качества могло дать только книжное образование, главным образом обучение моральной философии.

Читателю будет очевидно, что на протяжении этих глав я сосредоточился в первую очередь на тех моментах, в которых рыцарская традиция была связана с общественными делами. В работе такого рода я не чувствовал себя обязанным рассмотреть все аспекты в равной степени. Поскольку в том, что относится к этой переходной эпохе, нет ничего нового, что можно было бы добавить к хорошо нам известной истории куртуазной любви, например, или к знакомому образу христианского рыцаря, я попытался сделать эти сюжеты составной частью обсуждения. Это решение возникло из неуклонно растущего убеждения, что жизнеспособность рыцарской традиции зависела от сохранения тех точек, в которых идеал соприкасался с действительностью. Как только они были разрушены, поток реальности, необходимый для суще-

ствования социального идеала, иссяк. Эта связь с миром практического опыта оставалась в мышлении английского джентри в течение долгого времени после того, как условия английского общества больше не поддерживали ее. В самом деле, до тех пор пока новые стереотипы не заменили разрушенные, отсутствовала всякая связь между идеализмом правящего класса и тем положением в обществе, которое со временем он должен был занять. До этого времени английские джентри все еще могли принимать рыцарство всерьез, и степень такой серьезности еще не вполне ясна. После этого такое стало уже невозможным. Поэтому основными вопросами, на которые отвечает данная книга, являются следующие: насколько серьезно рыцарственность воспринималась, что пришло ей на смену и как эти перемены происходили.

ГЛАВА I

РЫЦАРСКОЕ «ВОЗРОЖДЕНИЕ»

Несмотря на то что к середине XV века политические, социальные и экономические основания рыцарского идеализма оказались в большинстве своем разрушены, рыцарство все еще способно было вызывать живую реакцию в умах англичан на протяжении оставшейся половины столетия и даже в начале нового века. С меньшей уверенностью можно сказать, что такого рода интерес усилился в это время. Необходимо признать — обычно это утверждают с определенной долей убежденности, — что тенденции, проявлявшиеся в повседневной жизни и событиях того времени, совершенно не способствовали ничему подобному. Их совместное воздействие быстро вытесняло «опоясанного» рыцаря с той уникальной позиции, которую он занимал внутри политического организма. Со времен Французских войн и Войны Роз рыцарь перестал быть военной силой, поскольку его монополия была подорвана лучниками-йоменами, порохом и профессиональными военными. Войны также внесли свой вклад в формирование этой социальной и политической тенденции, вклад, достаточно сильный для того, чтобы подорвать исключительность аристократии как социальной касты и, таким образом, уничтожить один из основных факторов, на которых изначально покоился рыцарский идеализм. Но среди беспорядка и неэффективного правления английское джентри искало защиты, пытаясь изменить систему личных взаимоотношений, в «ублюдочном феодализме», который оставлял

мало места для рыцарской преданности¹. Обстоятельства, еще серьезнее изменившиеся во время гражданских войн*, недвусмысленно складывались в пользу сильного правительства, необходимого в качестве панацеи от всех бед, а не в пользу идеализма любого вида, не говоря уже об идеализации вырождающегося рыцарства.

Рыцарское сословие в строгом смысле этого слова на самом деле уже не обязательно было связано с политической или административной жизнью общества. Многие видные люди, занимавшиеся местными делами или заседавшие в парламенте, предпочитали избегать титула, не всегда равноценного налагаемому финансовому бремени. Даже во время войн оруженосцы (сквайры) при найме на командные посты рассматривались фактически наравне с рыцарями. Однако существовало и множество тех, кто получил рыцарский титул формально, либо по наследству, либо по пожалованию, и ценил его. Многие также искали титул из соображений социального престижа, все еще с ним связанного. Некоторые случайно попались под требование принять рыцарский титул, как того требовал статут, по которому все мужчины с годовым доходом в 40 фунтов должны были быть посвящены в рыцари, иногда же король реализовывал свои полномочия на арест и опись имущества, стремясь выжать из потенциального рыцаря либо плату за пожалование титула, либо штраф за отказ принять оный. Важным является и тот факт, что рыцарское сословие как таковое перестало иметь практическое значение. Как указывает мисс Трап, «идеи, ассоциировавшиеся с рыцарством, не могли... подогревать энтузиазм для осуществления деятельности по управлению страной»².

Но, надежно изолированные от разлагающего влияния реальности, эти идеи все еще могли процветать в более абстрагированной среде существования идеала. Довольно-таки большое и совершенно явно увеличивавшееся количество книг, посвященных рыцарским темам, само по себе является достаточно значимым фактом.

---

* Имеются в виду события середины и второй половины XV века, известные также под названием Войны Роз. — *Прим. ред.*

И именно этот факт необходимо осторожно интерпретировать. В эпоху, когда книги были исключительно редким явлением, трудно делать какие-либо обобщения относительно интересов читателей. Если, как мы можем судить, объем литературы о рыцарстве увеличился, то это может объясняться в первую очередь тем, что возросло общее число людей, способных покупать и читать книги, а не тем, что увеличился интерес читателей к теме³. Более того, литературу данного периода необходимо изучать, учитывая ее долю среди других жанров, многие из которых обнаруживают нерыцарский способ мышления, если не носят откровенно антирыцарский характер. Сэр Джон Фортезкью⁴, например, так же как и Джордж Эшби⁵, весьма лояльный чиновник низкого происхождения, могли подходить к проблемам светской жизни в духе практичности и реализма, что оставляло мало места для рыцарского идеализма, даже если они не так уж явно выражали антирыцарские настроения, как это делал их французский современник — Коммин⁶. Однако нельзя полностью не принимать во внимание количество изданных книг. Оно не только является доказательством явного интереса правящего класса к теме, но в определенном смысле даже может помочь объяснить, почему этот интерес существовал, так как идеи могут долго жить в книгах и получать распространение вследствие их чтения — иногда спустя много времени после того, как они прекратили получать поддержку из реальной жизни.

Многие авторы либо сочиняли, либо переводили, либо редактировали для публикации трактаты о воспитании и поведении, приличествующем рыцарю, а также о близко связанных с этой темой военном деле и геральдике. Мы знаем имена некоторых из них: Николас Аптон, Стефен Скруп, Уильям Вустер, Адам Лутфут, сэр Гилберт Хей, Уильям Какстон, а также Джон Типтофт, граф Вустера⁷. К этому списку можно также добавить Стефена Хоуза, чей аллегорический роман «Веселые забавы» (*The Pastime of Pleasure*) является достойным внимания исследованием о воспитании рыцаря⁸. С воспитанием рыцарства была также связана литература под общим названием «зерцало государей», несмотря на то что она затрагивала тему рыцарственности лишь косвенно. Это

знакомый нам трактат типа *de regimine principum**, несколько примеров которого можно обнаружить и в Англии XV — начала XVI века⁹.

Письменные памятники этого периода очень часто использовали рыцарскую литературу более раннего времени, особенно французскую. Как Мэлори в своем пересказе романов артуровского цикла, так и Какстон в своих переводах этих и других произведений рыцарской литературы¹⁰, говорили о ценностях рыцарственности в той форме, которая, без сомнения, вдохновляла светскую мысль читателя в той же степени, в какой жития святых побуждали его к религиозному созерцанию. Легенды артуровского цикла, и это правда, прекрасно сочетались с желанием династии Тюдоров романизировать свое британское происхождение и таким образом повысить свой престиж в глазах английской публики¹¹. Но их популярность явно предвосхитила возвышение династии Тюдоров, и это можно рассматривать как бесспорный знак того, что вновь стал культивироваться интерес ко всему, носившему отпечаток рыцарственности, — особенно если все это одновременно являлось еще и бесспорно английским.

Аллегория куртуазной любви была не так уж тесно связана с рыцарской традицией, по крайней мере в том, что касалось ее видимого проявления. Однако со времен «Романа о Розе» она сделалась неотъемлемой частью этой традиции, полагавшейся в первую очередь на литературную и этическую сторону вопроса. Следует отметить, что рыцарская традиция переживала нечто вроде золотой осени в первые десятилетия эпохи правления Тюдоров. Стефен Хоуз¹² и анонимный автор трактата «Суд любви» (*The Court of Love*)¹³ вдохнули новую жизнь в окостеневшую форму, угасавшую с момента создания Лидгейтом «Стеклянного храма» (*Temple of Glass*). Уильям Данбар¹⁴ и Гевин Дуглас¹⁵ стали продолжателями этой традиции, все еще процветавшей в Шотландском королевстве.

---

* О правлении государей (лат.).

И в те времена существовали истории, в которых описывались великолепные ратные подвиги, действовавшие на воображение читателей XV века так же сильно, как и во времена Фруассара. К сожалению, английским хронистам XV столетия не хватало того дара живого повествования, которым были наделены их французские современники. Временами казалось, что они совершенно сознательно избегали разговоров на тему рыцарских деяний — тому пример лаконичное свидетельство очевидца Фабиана об осаде Кале (1436 год): «И так осада продолжалась три недели, во время оных многие рыцарственные деяния были совершены с обеих сторон, кои, из-за длительности их описания, я пропускаю»¹⁶. Но блестящее царствование Генриха V породило по крайней мере одного хрониста, достойного своей темы и писавшего на итальянском языке, Тита Ливия де Форли¹⁷. Как бы то ни было, от английской аристократии все еще ожидали чтения французских хронистов. «Прочтите Фруассара» — так звучит совет Какстона в адрес англичан¹⁸, и если он не смог превратить Фруассара в классическое произведение по истории рыцарства, доступное в переводе на английский язык и в печатном виде, то эту ошибку в следующем поколении исправил Джон Бурсье, лорд Бернерс¹⁹.

Книги, принадлежащие ко всем указанным выше категориям, нашли свое место, и, несомненно, довольно важное, на не слишком перегруженных литературой полках рыцарского класса²⁰. Однако не стоит определять данный круг людей слишком узко. Расширяющийся класс тех, кому было разрешено носить герб, стремился к рыцарскому идеалу так же упорно, как и узкий круг тех, кто формально принадлежал к рыцарскому сословию. Именно из первой группы вышли покровители книгопечатания, которое и породило большую часть рыцарской литературы XV — начала XVI века. Какстон оказался в центре значительной группы книголюбов-энтузиастов. Некоторые из них принадлежали, как и он сам, к лондонскому патрициату, но большинство, вероятно, — к аристократии или джентри. Именно они были теми «многими знатными и другими джентльменами», кто убедил его напечатать артуровские истории Мэлори,

и, без сомнений, именно они вдохновили его на подготовку к публикации других памятников рыцарской литературной традиции²¹.

* * *

Это потрепанное сокровище, бывшее одновременно как рыцарским романом, так и хроникой рыцарственных деяний, стало основным фактором, определявшим общественную атмосферу того времени. Такого рода литература доказывает повышение интереса ко всему, что несло хоть какой-то отпечаток рыцарственности; но в то же время она была и источником необходимого вдохновения: это одновременно и причина, и следствие золотой осени английской рыцарственности. Поток подобных текстов, никогда не бывших в избытке в Англии, внезапно иссяк ко времени Войны Роз. Англия слишком тесно была связана с гораздо более сложным по организации французским рыцарством, чтобы создать собственно английскую рыцарскую литературу. Вместе с тем в течение долгих периодов английской истории особенности языка и политики обеспечивали этой стране изоляцию, достаточную для того, чтобы богатая культура континентального рыцарства не была принята в Англии как ее собственная. Пока Чосер и Гауэр не занялись переводами этих культурных богатств для английских читателей, английская рыцарская литература оставалась печально слабой в том, что касалось ее собственных попыток создать рыцарский роман. Не появилось в Англии и хроник такого же типа и уровня, как хроники Жуанвиля и Фруассара. Конечно, правда, что большинство романов на различного рода диалектах английского языка появились в конце XIV — начале XV века²². Однако большинство из них лишь поверхностно передавали сюжет французского оригинала. Им сильно не хватало тонкости рыцарского мышления в его классическом варианте. Тем не менее они были весьма значимыми, ибо прежде всего эти романы свидетельствуют о том, что рыцарский идеализм был жив и существовал в умеренно ортодоксальной форме в Англии, где рыцарское сословие быстро теряло свое практическое значение. Без сомнения, некото-

рые англичане читали французские манускрипты, но, несмотря на то что французский язык оставался достаточно популярным, таких людей было, вероятно, не так уж много. Однако, хотя к концу Столетней войны многие представители английского высшего класса все еще имели прямой доступ к французской культуре (иначе наставление Какстона молодому джентльмену читать Фруассара было бы тогда глупым замечанием, не слишком характерным для этого мудрого старика)²³, на самом деле доступ к главному потоку рыцарской культуры был бы еще более затруднен, если бы не усилия Мэлори, Какстона, Бернерса, не говоря уже — и они этого заслуживают гораздо больше — о де Уорде и Копленде, которые последовали по стопам Какстона в деле публикации рыцарской литературы.

Не будет слишком большим преувеличением утверждать, что именно в период от Мэлори до Бернерса наиболее значительным явлением английской литературы стало возрождение рыцарского наследия путем переводов, адаптаций и публикаций классики континентальной рыцарской литературы²⁴. Как бы то ни было, в результате появился культ нелепо раздутого благоговения перед уже деградировавшим идеалом, и именно это, без сомнения, помогает объяснить, почему такая деградация так долго ускользала от взгляда англичан, живших в ту эпоху, и почему современные историки считают, что в подобное положение вещей трудно поверить. Это демонстрирует прежде всего тот факт, что двор Генриха VIII, со всем своим возрожденчеством, имевший при себе Эразма и Мора, приглашенных итальянских художников и мастеров, воссоздававших на стенах и надгробных памятниках образы классической античности, наконец, пронизанный макиавеллиевским политическим реализмом, оставался во многих отношениях рыцарским, а его привычки, подобно его зданиям, все еще копировали средневековую модель. Генрих лично «приказал» лорду Бернесу перевести Фруассара, но понадобилось еще одно поколение для того, чтобы нетерпимые протестанты подобно Эскему выступили против «Смерти Артура»²⁵.

Вполне вероятно, что людям, жившим в то время, такое вторичное появление рыцарской литературы могло

казаться более значительным «Возрождением», чем Ренессанс, происходивший в то же самое время и представляющий для современных историков гораздо больший интерес. Новое знание медленно распространялось в Англии и в начале XVI века все еще принадлежало относительно узкому кругу гуманистов. Эти ученые в большинстве своем были лучшими умами своего времени, поскольку рыцарственность не смогла повлиять на воображение или определить ход мысли тех натур, кто обладал большей оригинальностью или реалистичностью. Гуманизм, напротив, значил намного больше для будущего английской мысли²⁶. Несмотря на свой врожденный консерватизм, он оказался способным адаптироваться к новым условиям, в то время как рыцарский идеал оставался статичным и реакционным во всем, что касалось его отношения к английским проблемам эпохи Ренессанса. Но если плоды какстоновской деятельности хоть как-то ценились теми, кто покровительствовал ему, молодой английский джентльмен, живший в эпоху ранних Тюдоров, перенимал свои представления о светском обществе и своем в нем положении прежде всего от литературы, богатой рыцарскими хрониками и романами.

* * *

Судя по всему, английское джентри в этот период намного лучше осознавало свой статус в обществе, чем обычно. Отражая реальную сложность общественных отношений в то время, когда старые феодальные отношения повсеместно изменялись под влиянием потребностей и возможностей денежной экономики, когда статус везде уступал контрактным отношениям, официальные документы после 1413 года стали чаще использовать термины, указывающие на социальный статус. Оказывается, что именно в этот момент впервые появляется обозначение «джентльмен», начиная таким образом свою длительную и исключительно полезную карьеру в качестве многозначного термина, особенно подходящего для обращения к правящему классу, внутри которого формальные аристократические титулы начинают терять свое

первоначальное значение. Однако подобные термины в значительной степени сохраняли свое юридическое значение на протяжении столетия; и складывается впечатление, что они поглощали все внимание английских законодателей, возможно даже за счет других, более важных дел. Статут 1440 года устанавливал, что кандидаты на выборах в парламент в качестве рыцарей от графства должны быть «видными рыцарями того же самого графства... или такие же видные сквайры, джентльмены по рождению, из того же графства, способные быть рыцарями; и никто не может претендовать на это, если он является йоменом или ниже»²⁷.

Часто в литературе данного периода высказывается мнение, что весь общественный порядок нуждается в определении — что, возможно, и являлось правдой. Однако если статус рыцаря и был достаточно точно определен, границы же других сословий, упомянутых в статуте, оставались размытыми. Теории сословий уделяется огромное внимание, равно как и вопросу сущности и происхождения знати²⁸. И в этом процессе нового определения общественных отношений проявляется еле заметная тенденция подчеркивать важность аристократии для тех, кто считал, что рыцарские ценности обеспечивают систему светских отношений. В отличие от популярной поэмы XIV века «Странник мира» (*Cursor Mundi*), которая сознательно оставляла место для среднего класса среди мирян, не являвшихся ни знатными, ни «подлыми» по статусу²⁹, «Сент-Олбанская Книга» XV века, составленная отчасти, чтобы показать, «как отличить джентльмена от человека неблагородного происхождения и как началась крепостная зависимость», резко упрощает картину, ограничивая общество наличием джентльменов и простолюдинов³⁰. Даже в литературе, которая не касается предмета рыцарственности, можно обнаружить следы такого углубления классового самосознания. «Танец Смерти», поэма, популярная на протяжении всего столетия, рисует жизнь рыцарского класса — барона, рыцаря, сквайра и леди — веселой, учливой, галантной и абсолютно отличной от скупой и скаредной жизни купца и буржуа³¹. Какстон при переводе трактата Люлля «Книга о рыцарском ордене» изменил оригинал тринадцатого

века, которому он, как правило, следовал с большой точностью, более строго определяя тех, кто имел право входить в рыцарское сословие³². Хотя сам он принадлежал к буржуа, он решительно настаивал на том, что его книга о рыцарстве была предназначена исключительно для «знатных джентльменов»³³. Таким образом, несмотря на социальную и политическую действительность, традиция делить общество на три сословия умирала весьма медленно.

Безусловно, наиболее важное доказательство рыцарского «Возрождения» можно найти в произведениях тех, кто во второй половине века заставлял обретшую гордость Англию осознать свое почетное место в мире, утверждая принципы и прецеденты рыцарской традиции. Такое намерение, заметное прежде всего у Мэлори, достаточно явно проявилось в какстоновских комментариях к «Книге о знатности», в этом средоточии шовинизма под личиной рыцарственности. Но о них немного позже.

* * *

Однако свидетельства существования или возможного возрождения рыцарских настроений не ограничиваются литературными источниками. Их можно также обнаружить во все более тщательно разрабатываемых внешних аксессуарах, с помощью которых рыцарство делало себя видимым, без чего ему трудно было бы сохранять свое место в жизни общества. Геральдика в свой «золотой век»³⁴ сделалась исключительно точной и красочной наукой, а после 1417 года стала доменом лишь профессиональной группы герольдов³⁵. Турниры, которые зачастую проводились в соответствии с моделью, описанной в рыцарских романах³⁶, продолжали разнообразить вялую придворную жизнь, проводясь в случае важных событий³⁷. Воинская доблесть, лежащая в основе рыцарственности и особенно ярко проявлявшаяся в турнирах, нашла свое отражение и в дуэлях. Последний известный судебный поединок, имевший место на английской земле, произошел в 1492 году³⁸, но частные дуэли продолжали подтверждать ту мысль, что рыцарь обязан лично защи-

щать свою честь и свое правое дело. Николас Аптон доказывает, что оба этих проявления являются абсолютно законными воинскими действиями. Он даже стремился оправдать частный поединок на более широком, не слишком моральном, как нам может показаться, основании, заключавшемся в том, что поединок был способом получения «славы и почитания». Такие поединки, говорит он, происходят, чтобы «доказать свою силу и мужественность, сия же мужественность и стойкость суть моральные добродетели: более того, они также являются одними из основных добродетелей», и, поскольку они не противоречат «общим законам всего человечества», их следует разрешить³⁹.

Действительно, именно такие практики несут на себе несомненный отпечаток упадка. Красной нитью через них проходит все то же сознательное стремление к соблюдению внешней формы, часто за счет потери изначального духа, движущего рыцарем. Истинный турнир, битва «стенка на стенку», *melee**, в котором рыцарю нравилось видеть образ боя как такового, вылился в нечто относительно культурное. От схватки в открытом поле, включавшей в себя все что угодно, кроме ограничений и правил, и отличавшейся от войны только тем, что сражались предположительно больше из любви, чем из ненависти к противнику, и тем, что она не заканчивалась захватом или потерей владений, турнир превратился в представление, ограниченное различными правилами и деревянной загородкой, — в придворный спектакль. То, что Жюссеранд говорил о французском турнире XV века, можно без всякого преувеличения отнести и к английской действительности. «У них были, — писал он, — свои правила и собственный церемониал, исполняемый с исключительным совершенством, сложный, выраженный в “пламенеющем” стиле мастерами живописи: теперь у них не было выбора, кроме как исчезнуть подобно самому стилю, высшему выражению готики на грани своей смерти. На самом деле они очень далеко отстояли от жестоких битв в открытом поле времен Филиппа Августа и Генриха

* Схватка (франц.).

Плантагенета. Теперь, несмотря на ушибы, раны и смерть, они стали красивыми празднествами, похожими на украшенный миниатюрами манускрипт, похожими на ожившие миниатюры. “Слишком много, чтобы продолжаться” — говорит народная мудрость. И действительно, в результате этого хорошо организованного блеска турнир был обречен. Будущее лежало за теми поединками, чьи *plaideries** презирались свободными рыцарями прошедших времен»⁴⁰.

Рыцарский поединок действительно становился все более популярным. Походя на битву еще меньше, чем на дуэль, он вообще потерял связь с реалиями военного дела. Рыцари сражались теперь по разные стороны деревянного барьера. Их оружие было легким и тупым, латы же были настолько тяжелы, так искусно приспособлены для того, чтобы сломать копье, что представляли собой нечто вроде чрезвычайно дорогой спортивной униформы. Участник поединка вряд ли мог что-нибудь видеть через узкие прорези своего шлема, за исключением того, что находилось прямо перед ним, да и это он видел весьма расплывчато. Такое вооружение для поединка в определенном смысле символизировало процесс превращения тяжеловооруженного рыцаря в анахронизм, когда он становился все более беспомощным перед лицом современного вооружения. Поединок все чаще являлся простой демонстрацией личной доблести, отчасти придворной забавой, отчасти атлетическим состязанием. Его правила, подобно правилам турнира, с которым он был обычно связан, сделались лишь формальными. Они устанавливались специальным Судом Лорда Маршала^{**}:⁴¹, и достигли своей предельной сложности в ис-

* Защитники (*франц.*).

** Суд Лорда Маршала, или Рыцарский Суд (Court of Chivalry), — специальный суд под председательством Лорда Маршала Англии, в чью юрисдикцию входило определение подлинности гербов, генеалогии, претензий на титул и т. д. К началу XVII века суд утратил свою уголовную юрисдикцию, оставаясь тем не менее апелляционной инстанцией для разбора дел об оскорблении чести и достоинства, а также претензий на титул. — *Прим. ред.*

ключительно цивилизованном и замечательно ясном трактате «Руководство для проведения поединков и триумфов»* (*Ordinances for Joustes and Triumphes*), написанном в 1466 году Джоном Типтофтом, графом Вустера⁴².

По прошествии времени, особенно когда мы попадаем в XVI век, атлетическая составляющая воинственных игр становится все более очевидной. Вполне подходившие для такого рода занятий, поединки превратились в часть развлекательной программы на больших празднествах вместе с таким же отмирающим видом спорта, как стрельба из лука⁴³. Одновременно и турнир стал зрелищем великолепным, однако мало чем напоминавшим войну. Теперь турниры не имитировали рыцарские романы с их честной, иногда утомительной, воинственностью, а стремились следовать избитой и надуманной традиции придворной аллегории⁴⁴. Это *pas d'armes*** идеально подходило особенно к данному виду театрального действия, когда убежденные рыцари, воплощавшие на поле битвы определенные качества, сражались друг против друга. Только в таком виде, надлежаще очищенные от каких-либо связей с военным делом, турниры и могли существовать в эпоху полностью романтизированного рыцарства, выступавшего в качестве проводника одного из самых сложных придворных развлечений, елизаветинского «триумфа», скорее маскарада, чем военного состязания. Когда мы читаем о празднествах 1581 года, в которых четверо придворных, среди которых был и «Мастер Филипп Сидни», представшие в качестве «четырех взлелеянных чад желания», вызвали на поединок защитников «крепости совершенной красоты» и после бесконечных аллегорических сцен и малочисленных схваток на арене оказались победителями, мы знаем, что находимся в новой эре, эпохе истинно романтической рыцарственности⁴⁵.

К тому времени этот процесс окостенения, так заметный в организме рыцарственности, еще не полностью

* Триумф — в Англии раннего Нового времени — пышная процессия, празднество, часто представление или пышное зрелище, сопровождавшее рыцарский турнир. — *Прим. ред.*

** Демонстрация оружия (*франц.*).

парализовал ее сознание. Защита Аптоном дуэли содержит в себе простую честность, которая может показаться устаревшей, но вряд ли является формальной. Рассказы о сражениях у Мэлори, утомительные для современного читателя, несут подлинный знак *aficionado**. Описываемые им подробности похожи на те, которые он видел как в настоящем, так и в турнирном сражении, и он с удовольствием их смакует. Нам не следует принимать за чистую монету процедуру обычного провозглашения королевского турнира, в которой декларировалось, что такие «ратные подвиги, нужные для тренировки владения оружием», традиционно совершаются, «чтобы испытать знат и дать ей возможность заслужить титул Рыцаря, который защищает нашу мать Святую Церковь, служит королям и принцам, охраняет королевства и государства и поддерживает в них порядок и мир»⁴⁶. Это всего лишь придворная формулировка; ее высокопарный тон слишком часто разоблачался фривольностью придворного поведения, сопровождавшей подобные мероприятия⁴⁷. Но необходимо учитывать, что Какстон в 1485 году все еще мог рассматривать поединок как практический и необходимый элемент подготовки к войне⁴⁸. Однако только в XVI веке на практике становится очевидным, что турнир перестал иметь что-либо общее с конкретными целями обучения военному делу⁴⁹.

По сути, историку весьма неразумно недооценивать важность турнира как живого символа рыцарского идеализма. Как *imago Martis*** он прежде всего должен был символизировать ту сторону рыцарского идеализма, которая была наиболее значима для военной, и следовательно, основной функции рыцаря. Существовали и другие символы — рыцарские ордена и яркие геральдические атрибуты, — и все они получили широкое распространение тогда, когда практическая значимость рыцарства стала исчезать. Тем не менее они продолжали служить социальным притязаниям тоскующих по прошлому джентри будущих поколений. Однако только звон

* Знак ревностной приверженности (итал.).

** Образ Марса (лат.).

оружия мог сохранить некоторую иллюзию реальности. Более того, турнир вырождался очень постепенно. Большинство современников не заметили его упадка. Даже историку тяжело с уверенностью утверждать, в какой момент турнир превратился исключительно в военную игру и сделался театрализованным представлением, принял форму рыцарского эквивалента театрального миракля*. Возможно, этот процесс происходил быстрее на континенте, чем в Англии. Но английский двор поддерживал тесные отношения с большинством центров европейской рыцарственности.

* * *

Бургундский двор в этом отношении, как, впрочем, и во многих других, был для английского двора источником вдохновения и соответствующей моделью для подражания⁵⁰. Расположенный в самом процветающем бургундском обществе Северной Европы и обязанный своим блеском главным образом (как это ни парадоксально) успехам фламандской торговли и промышленности, двор Карла Смелого вскормил особенно искусственный вид рыцарственности, колоритный в своей великолепии, дошный в своих церемониальных процедурах, с помощью которых каждая его функция была театрализована. Было бы удивительным, если бы английская аристократия не воспринимала его как один из самых впечатляющих примеров. Поэтому многие предпринимали путешествие через Ла-Манш, ибо англичане всегда могли найти причину для посещения бургундских городов. Кроме того, Бургундия также часто оказывала определенную поддержку англичанам в процессе нелегких переговоров с Францией. По любому поводу между обоими дворами существовал весьма оживленный дипломатический обмен.

* Миракль — ист. форма пьесы морального содержания, чьим сюжетом обычно являлась жизнь Иисуса Христа или жития святых. — *Прим. ред.*

Именно в связи с такого рода переговорами в 1467 и 1468 годах были устроены празднества, рыцарственный дух которых, кажется, захватил воображение современников как нечто в те дни необычное. В 1467 году возобновление дружеских отношений между Англией и Бургундией ознаменовалось пышной постановкой исторической пьесы, в которой Антуан, Бургундский Бастард, сражался на протяжении нескольких дней с Энтони Вудвиллем, лордом Скейлзом, братом английской королевы⁵¹. Можно сказать, что это событие имело популярность, если судить по тому, насколько многочисленной и представительной была публика, собравшаяся в Лондоне. Постановка была на редкость впечатляющей, как будто взятой из книги. Она готовилась задолго до того узким кругом придворных, которые включили в нее всю свою формальность и фривольность, какую можно было извлечь из рыцарских романов. Спектакль делался со всею помпой, на какую только был способен процветающий Лондон, чтобы только угодить Эдуарду IV Йорку, в чьей политике они были уверены. Впечатление, которое этот турнир произвел на английских наблюдателей, можно проследить в большом количестве сохранившихся описаний. Оно было настолько сильным, что даже поколение спустя лондонец Роберт Фабиан, обычно лаконичный в своих описаниях, все еще считал необходимым пересказывать эту историю во всех подробностях в своей хронике⁵².

В следующем году сестра Эдуарда Маргарита вышла замуж за герцога Бургундского. И вновь празднества, на этот раз в Брюгге, были наполнены обманчиво сильным духом рыцарственности. Вновь центральным событием стали индивидуальные поединки⁵³. Должно быть, многие молодые английские джентльмены вернулись в Англию, убежденные в том, что они видели нечто настоящее. Один из них действительно оставил свои впечатления: «Что же до двора герцога, лордов, леди, благородных дам, рыцарей, оруженосцев и джентльменов, я никогда не слышал ни о чем подобном, за исключением двора короля Артура»⁵⁴. Если же он видел лишь наружный блеск театрального представления, давайте простим его, ибо ему было на что посмотреть. Даже победитель, англичанин,

снова лорд Скейлз, гордость Вудвиллей, въехал на арену на коне, покрытом от холки до ушей попоной из чистого золота с пурпурными и голубыми вставками, и за ним следовало шесть пажей, почти так же великолепно украшенных.

Однако не только придворные поддерживали контакты с бургундским двором. Основой английского интереса в Нидерландах являлась экономика. Если блеск бургундского рыцарства основывался на достижениях бургундской торговли, то именно торговля шерстью и другими тканями поддерживала постоянную связь между англичанами и бургундцами, а также делала их всех более восприимчивыми к рыцарственным притязаниям бургундского двора. Если бы лондонцы имели низкое мнение о своих фламандских соперниках, если бы в действительности автор «Григорианской хроники», сам бывший горожанином, мог рассказать лишь о скаредности бургундцев по отношению к тем, кто прибыл в свите английского двора на празднества в Брюгге⁵⁵, пример бургундского общества никогда бы не оказал такого глубокого влияния, которое ощущалось даже купечеством. Не случайно Какстон, который на протяжении многих лет занимал важные посты в среде английских купцов в Брюгге, превратился в старости в одного из наиболее влиятельных толкователей рыцарской традиции для английской читающей публики. Не удивляет и то, что в своих предприятиях по книгопечатанию он использовал покровительство герцогини Маргариты⁵⁶.

Богатые торговые города Северной Европы совершенно правильно рассматриваются в качестве колыбели трансальпийской ренессансной культуры. Они также обеспечили и условия, которые сделали возможным золотую осень рыцарского духа. По крайней мере, они сделали возможным существование ярких внешних форм, которые благодаря своей пышной экстравагантности маскировали бедность духа того времени. Нуждаясь в других источниках вдохновения, в любом другом примере из светской жизни кроме рыцарства, как Бургундия, так и Англия на протяжении нескольких поколений довольствовались тем, что крайне усложняли церемониал, который заодно служил выражением идеализма ис-

тинно феодального общества. Английский двор в этом отношении, без сомнения, являлся лишь бледным подобием блестящего бургундского двора, но существуют все признаки того, что он пытался быть достойным своего прославленного соседа⁵⁷.

* * *

И важно помнить, что интерес к такого рода вещам ограничивался, без сомнения, лишь кругом придворной аристократии. Хотя рыцарство являлось продуктом классовой системы и его типичный представитель слишком часто с пренебрежением относился к горожанину (хроники последующего времени полны историй о проявлениях варварства по отношению к людям более низкого происхождения, общеизвестные рассказы о рыцарской вежливости так никогда и не смогли компенсировать эти истории), процветающий горожанин, когда он думал о такого рода вещах, все же стремился принять стереотипы рыцарственности. Рыцарские нормы и правила, должно быть, были для него, так же как и для джентльмена, признаком возвышенной жизни в этом мире. В Англии, где, по видимости, человеку низкого звания было легче, чем в других местах, получить титул рыцаря благодаря финансовому благосостоянию, для многих горожан высшим символом мирского успеха все еще оставались герб и воинские атрибуты⁵⁸.

Даже когда лондонские купцы и не искали внешних знаков благородного происхождения, они все же могли принимать живое участие в пышных рыцарских зрелищах, окружавших двор. Мэру и городским магистратам Лондона были отведены почетные места на знаменитом турнире в Смитфильде в 1467 году. Какстон поделился со своим знакомым «молодым джентльменом» интересом к внешним проявлениям рыцарственности, так же как и к духу рыцарства. Английский купеческий класс, особенно в Лондоне, еще не имел другого мерила светской утонченности, за исключением того, который заключался в рыцарских ритуалах. В конце концов, придворные зрелища обеспечивали лондонских горожан ве-

ликолепнейшими представлениями, и любой из них надолго сохранил в своей памяти уважение к рыцарским традициям. Можно было жаловаться на дороговизну таких зрелищ, и можно было слушать проповеди у Креста Св. Павла⁵⁹, осуждающие как гордыню, так и тщеславие рыцаря и его склонность к культивированию такого духа, бывшего источником дьявольских козней. Но скорее всего, люди не обращали внимания на происходившее. Однако, подобно своим собратьям, жившим в XIX веке, они не могли избавиться от определенного любопытства по отношению к аристократической жизни и тайного восхищения лордами. Они жили в классовом обществе, которое воспринимали как данное Богом. И они без вопросов принимали рыцарский идеализм этого общества.

* * *

Но иногда прорывалось и колкое замечание, напоминающее нам, что в английском обществе находились и люди, способные смеяться над рыцарскими ритуалами и относиться к рыцарям более пренебрежительно, чем те ожидали. Например, турнир очень едко описывается в напоминающей бурлеск поэме, известной как «Турнир в Тоттенгеме»⁶⁰. Имя автора нам неизвестно. Возможно, им является один из тех клириков, которые, считая себя наставниками общества, часто обращались к сатирической форме изложения⁶¹. Кто бы ни был ее автором, поэму написали с целью намеренно унизить рыцарственность: «В природе нашей недостатки находить в воителях таких прекрасных». Она повествует о деревенских парнях, которые с высмеянной серьезностью состязаются за руку Тиббе, дочери Ривса, используя в схватке цепи вместо копий. Хотя поэма, вероятно, относилась к другому социальному слою и вряд ли была написана для того же круга читателей, что и рыцарский роман, в ней прослеживается то же презрение, которое характеризует баллады о Робин Гуде. В этих балладах сэр Гай Гисборн, к примеру, совсем непривлекательная личность, обречен страдать из-за бесчестия поражения от рук разбойника йомена⁶². Но это лишь достойные упоминания примеры.

Англия не породила той критики рыцарственности, какую мы обнаруживаем во Франции⁶³. Мэлори, без сомнения, прекрасно понимал, каков был французский оригинал его сэра Динадана, и постарался везде, где только можно, уничтожить отзвуки сатирического описания этого персонажа⁶⁴. Не появился в Англии этого периода и еще один сэр Топас в качестве пародии на литературную традицию, которая уже угасала. Трудно избавиться от чувства, что Стефен Хоуз едва сдерживал смех, перечисляя тупые до абсурда приключения Гранда Амура и Крассавицы Пусели, но мы все же вынуждены считать, что он был абсолютно серьезен⁶⁵.

* * *

Рыцарские упражнения и зрелища продолжали быть в центре придворных мероприятий на протяжении всего XVI века. Однако трудно сказать, в какой момент они перестали казаться современникам реальной составляющей жизни нации и сделались, подобно романам Ариосто и Спенсера, выражением сознательного романтизма, свободного от тех нелепостей и фальши, которые были присущи идеалу, вышедшему из моды. В этом отношении последним типично рыцарским примером человека, занимавшего английский трон, был Ричард III. По своему воспитанию и характеру он принадлежал к старому порядку, когда простые рыцарские ценности верности, доблести и храбрости, справедливости и милосердия все еще служили рыцарским целям, носил ли рыцарь корону или просто меч. В отличие от своего брата Эдуарда и своего злого гения Генриха Тюдора, он не смог приспособиться к набирающему силу политическому реализму. Без сомнения, многие вокруг него разделяли его взгляды и предубеждения, равно как и получили одинаковое с ним воспитание⁶⁶.

Возможно, перелом наступил в начале царствования Генриха VIII Тюдора, когда молодой монарх, хоть и не бывший всецело продуктом лишь рыцарственного воспитания, наслаждался тем не менее игрой в рыцарство и

поощрял к этому своих придворных. В годы, следовавшие за его коронацией, началась чередой придворных развлечений, в которых особенно выделялись поединок и турнир. Если бы Холлу, хронисту, позволялось говорить о придворных вкусах, он бы оценил эти рыцарские зрелища скорее за их внешний блеск, чем за военную значимость. При этом для Генриха они были возбуждающими забавами, дававшими выход его животной энергии, и вдобавок были достаточно воинственными, чтобы остальные воспринимали его в качестве серьезного воина. «Всегда влекомый желанием служить Марсу, — говорит нам Холл, — король лично участвовал в этих соревнованиях, где ломались копья, ко всеобщей тревоге и всеобщему восхищению всего народа»⁶⁷. Облаченный в кованые доспехи, сделанные французским мастером, он смотрелся еще массивнее, чем в своем придворном платье, с ног до головы являя собой победителя рыцарских романов. То, что он рассматривал себя наследником героев старины, ясно выражается в той заботе, с которой он лелеял артуровскую традицию. Он следил за тем, чтобы «настоящий» Круглый стол, находившийся в Винчестере, содержался в хорошем состоянии, и он любил показывать его своим дипломатическим гостям⁶⁸. Вслед за своими предшественниками он настаивал, чтобы важные дипломатические совещания сопровождалась рыцарскими играми. В лице своего соперника — Франциска I, короля Франции, — он обнаружил человека тех же пристрастий, и они превратили «Лагерь Золотой парчи» (*Field of the Cloth of Gold*)* в событие, вызывающее к рыцарской традиции⁶⁹. Должно быть, простому очевидцу казалось, что мало изменений произошло с того времени, когда другой Гарри прославил английское оружие в битве

* *Field of the Cloth of Gold* (англ.) — встреча между Генрихом VIII и Франциском I в июне 1520 года, ознаменовавшаяся великолепным турниром между английскими и французскими рыцарями и празднествами. Само название, которое в отечественной литературе переводится по-разному (от Парчового турнира до Поля Золотой Парчи), является неправильным переводом французского Лагеря Золотой Парчи. — Прим. ред.

с цветом французского рыцарства* и когда Ричард Бошам влиял на европейское рыцарство немногим менее сильно, нежели легендарный бургундец, Жак де Лален.

То, что он позволял духу рыцарственности влиять на свои политические решения, конечно же, доказать гораздо труднее. Даже в дни своей юности он окружал себя людьми здравомыслящими, чтобы уравнивать избыток рыцарственности, которым природа так щедро наградила его. Но как мы увидим в последней главе, он вполне был готов предоставить английскую армию для участия в крестовом походе против неверных мусульман, о чем вполне искренне мечтал его тесть, Фердинанд Арагонский, натура гораздо более сложная, чем он сам⁷⁰. И вполне вероятно, что последовавшая за этим война с Францией была предпринята им в духе, весьма похожем на те мотивы, которыми руководствовался Эдуард III, вступив в Столетнюю войну, — частично династического реализма, частично духа странствующей рыцарственности.

Действительно, вполне возможно, что двор молодого Генриха VIII был более заметно облачен в рыцарские одежды, нежели двор его отца, чьи пристрастия были менее возвышенными и который начал в Италии поиски культуры, способной трансформировать традицию рыцарственности не в сторону возрождения, но скорее чтобы заменить ее. Пока более важные государственные дела не заставили Генриха VIII принять со всей своей суровой серьезностью роль ренессансного государя, он подавал надежды сделаться типичным ренессансным покровителем наук и искусств. Обнадеженный этим, собравшийся вокруг Эразма оптимистично мыслящий узкий круг гуманистов пожелал встретиться с ним. И у историков есть причины называть его английским Лоренцо Великолепным, продолжившим традицию, заложенную старым Козимо, Генрихом VII**. При этом

* Имеется в виду Генрих V. — *Прим. ред.*

** Козимо (1389–1464) — основатель дома и династии Медичи; Лоренцо Великолепный (1449–1492), старший сын Козимо Медичи, патрон искусств и наук, титул Великолепный, однако,

остается фактом то, что когда итальянские художники и мастера расписывали в традиции классической античности стены Хэмптон Корта и неуверенно создавали «романские» (*Romaune*) декорации* для празднеств в Лагере Золотой Парчи⁷¹, пока сам Генрих VIII гулял с Томасом Мором в его Лондонском саду (приблизив его к себе, так как они разделяли общие интересы), основным духом двора оставалась рыцарственность. Когда Генрих покровительствовал Эразму, то он одновременно «приказал» лорду Бернесу перевести Фруассара. В то время, когда Полидор Вергилий продолжал исследовать английскую историю в свете своего беспристрастного гуманистического знания, при этом редко появляясь на различного рода празднествах, которые сопровождали дипломатическую миссию, Эдуард Холл явно приукрашенно и исключительно длинно излагал историю тщательно продуманных рыцарских встреч Генриха и Франциска I⁷², а «Переводчик Ливия» (Тит Ливий де Форли) готовил для царственного чтения рыцарскую сагу о Генрихе V⁷³. Когда граф Сюррея находил вдохновение для своей поэзии в самых новых итальянских изысках, то его манера самовыражения всякий раз отражала глубоко заложенное в нем рыцарское воспитание и предубеждения, характерные для средневекового рыцаря. Следует также помнить о том, что все это придворное великолепие продолжало придавать видимость рыцарской чувственности обществу, в основе своей нерыцарственному.

Такая внешняя форма, сама по себе, скорее всего, мало наполненная духом рыцарственности, во многом продолжала придавать оттенок прошлого новому обществу. Но после революционных событий тридцатых годов новая Англия сочла необходимым найти новые способы самовыражения и извлекать из новых источников вдохнове-

является официальным названием тех, кто не мог претендовать на титул «Превосходительство», закрепился за Лоренцо в молодые годы. — *Прим. ред.*

* Декорации, стилизованные под так называемый «римский» стиль резьбы. — *Прим. ред.*

ния те ценности, с помощью которых она оценивала свою политику и формировала свой образ действий. Во время царствования Генриха VIII Роджер Эскем сумел в хорошо обдуманых выражениях осудить ту литературную традицию, благодаря которой двор этого монарха в годы его молодости самовыражался и формировал свои идеалы. То, что он порицал ее как морально порочную, известно всем, кто изучал это время. Но следует помнить, что он заклеил ее и как устаревшую. «Английские авторы благодаря другим временам озабочены другими делами». То, что подходит одному поколению, не подходит другому. «Книги о фальшивой рыцарственности», говорил он, весьма плачевным образом передавали моду «времен наших отцов», но дальше так продолжаться не может⁷⁴. И хотя в действительности Англия давно переросла рыцарскую традицию, только теперь она начала это осознавать. Впитав в себя новую науку и привыкнув к истинно национальной значимости тюдоровского государства, англичане могли вновь обратиться к рыцарственности, возможно с большим энтузиазмом, однако с чувством ностальгии и в атмосфере романтизма.

* * *

Если в конце XV столетия действительно имело место некое возрождение рыцарственности, то чем же оно было вызвано? Как можно заключить из вышесказанного, похоже, что немного в реальной жизни того времени давало для этого предпосылки. Но способность отделять идеал от действительности является базовой характеристикой человеческого мышления того времени, и именно она получила со стороны исследователей мысли этого периода меньше внимания, чем того заслуживала. Возможно, это можно объяснить еще одним проявлением прочно укоренившейся привычки считать общие концепции реальностью, которая сверху донизу пронизывала в постепенно упрощающейся форме все общество, начиная с ученого, придерживавшегося «реалистической» системы взглядов, и заканчивая народным мышлением, и

получившая конкретное выражение в изображениях, аллегориях и даже представлениях народной культуры⁷⁵. Связанные с рыцарством идеалы и идеи, получившие художественное воплощение в хрониках и рыцарских романах и ставшие в придворных зрелищах показательными, могли существовать сами по себе, вполне независимо от реалий повседневной жизни.

Мужчины и женщины, жившие в Англии позднего Средневековья, были достаточно склонны и в действительности весьма привычны к бальзамированию общих принципов в традиционных формах и таким образом могли эффективно изолировать их от обстоятельств повседневного опыта. Вследствие этого явления, тревожившие современников и в любом случае вызывавшие сильную эмоциональную реакцию, можно было истолковать в свете принятой системы ценностей. И точно так же те тенденции, которые, по мнению историка, несомненно были направлены против существования рыцарского образа жизни, на самом деле могли способствовать сохранению традиции рыцарственности, даже если их значимость была преувеличена в глазах наиболее тупых очевидцев. Таким образом, то, что на первый взгляд кажется всего лишь пустыми словами о рыцарском идеале, можно рассматривать как достаточно честную реакцию на сумбурные события XV века.

Отчасти возрождение интереса к идеалам рыцарственности может объясняться и реакцией аристократии на социальные тенденции, угрожавшие исключительности ее положения. Рыцарственность возникла как кодекс светских ценностей, предназначенный для рыцарского сословия, в то время, когда простая модель трехсословного общества стала иметь мало общего с действительностью общественной жизни. Можно с уверенностью сказать, что в Англии стало довольно трудно определить границы этого класса, поскольку мелкая аристократия была глубоко связана узами родства и общими интересами с городскими торговыми классами. Но тем не менее к привилегии ношения герба и стремлению к вступлению в ряды рыцарей по-прежнему относились ревностно, и в любом из рассматриваемых источников можно это за-

метить. С течением времени, однако, новое поколение обнаружило все возрастающие возможности подняться по социальной лестнице благодаря сельскохозяйственной, торговой или военной деятельности. Мисс Трап в своем исчерпывающем исследовании структуры средневекового общества показала, насколько частым и быстрым мог быть взлет (и падение) купеческих семей и как легко богатство могло перетекать от торговых кругов к землевладельческим, которые все еще оставались основными претендентами на благородное происхождение. Эти процессы ускорились во время Столетней войны благодаря тем возможностям приобрести богатство и влияние внутри общины, которые солдату предоставляло награбленное состояние, а поставщику — обеспечение войск. Хотя, как однажды заметил М. М. Постан, война и не изменила анатомию английского общества, но она ускорила социальный метаболизм⁷⁶. Война стимулировала также те центробежные силы, всегда присущие средневековому обществу, которые в Англии сдерживались твердой монаршей рукой. Даже среди землевладельческих семей соображения локальной целесообразности и личной власти, позволяющей отстаивать свои интересы, стали приходить на смену устаревшей просто вассальной верности, которую и идеализировала рыцарская традиция⁷⁷.

Эти изменения, особенно беспокоившие аристократию, представлялись весьма тревожными внимательному наблюдателю, независимо от его социального статуса в обществе. Никто в Англии XV века даже представить себе не мог общество, основанное на концепции движущих сил. Изменения все еще казались, как о них писали Гауэр и Ленгленд, разложением устоявшейся социальной структуры, болезнью внутри политического организма⁷⁸. Даже самым реалистичным членам английского общества потребовалось довольно много времени, чтобы оценить динамичные последствия этих потрясений, вследствие которых модернизировалось английское общество. В середине следующего столетия «государственные мужи» произвели наиболее глубокий анализ этих движущих сил, впервые за всю английскую историю признав сложность социальных проблем. При этом, на практике

заботясь о благосостоянии своей страны, они воззвали к английскому общественному мнению от имени «настоящего и истинного государства», которое, сохраняя свой платоновский подтекст, оставалось, в сущности, статичным организмом средневековой теории, лишь обновленной и помещенной в местные условия ренессансной Англии⁷⁹. По сравнению с идеалом государства, не столь сложное и неспособное в той же мере захватить лучшие умы, возрождение рыцарственности было такой же консервативной реакцией на то, что происходило в развивающемся обществе.

Так социальные отношения помогают объяснить определенные аспекты рыцарской мысли. Но если мы хотим определить реальный контекст рыцарской мысли конца XV века, мы должны обратиться прежде всего к политическим событиям позднего Средневековья. Англия Мэлори и Какстона, Скрупа и Вустера лишь недавно оправилась от векового сражения с Францией. Ее континентальные владения сократились всего лишь до одного морского порта, ее когда-то уважаемые претензии на французский трон были забыты в процессе позорных и постоянных поражений. Сборник документов, касающийся последнего периода Столетней войны, который Уильям Вустер составил, несомненно, как документальное приложение к «Книге о знатности», рассказывает нам на редкость печальную историю распада и отступления, должно быть глубоко повлиявшую на автора⁸⁰. В результате гражданских войн многие англичане заразились пессимизмом, гордость их была попраана, будущее казалось неясным. Один из поэтов, сочинявших политические стихи, сравнивает Англию с запущенным садом и призывает всех «настоящих англичан» молиться за то, чтобы Эдуард IV привел его в порядок. Он обращает внимание на воинскую доблесть Эдуарда как на главное доказательство того, что он достоин быть королем⁸¹. Возможно, Какстон думал о морском и дипломатическом поражении, которое Англия только что потерпела от рук Ганзы, в тот момент, когда он внезапно прервал перевод трактата «Правила игры в шахматы» (*The Game and the Playe of Chesse*, 1475 год), чтобы напомнить своим читателям, «каким прославленным было английское королевство.

Весь мир страшился и почитал его», и сравнить то счастливое время с современным ему упадком английского престижа и процветания⁸².

Плачевное состояние государства вызвало появление наиболее резких комментариев по поводу политического и экономического состояния английской действительности еще до того, как началась памфлетная война во времена Генриха VIII. Фортеस्कью и Эшби проанализировали возможность реформ внутри королевской администрации⁸³. Неизвестный поэт ранее выразил ту же мысль в «Кратком трактате об английской политике» (*Libelle of Englyshe Polycye*), сделав ударение на потенциально благоприятные, но все еще неосознанные торговые и морские возможности Англии⁸⁴. Но среди этих примеров политического реализма можно обнаружить и безошибочные признаки рыцарского идеализма. На самом деле вполне возможно, что оба направления исходили из одинаковых предпосылок. Сэр Джон Фастольф, почитаемый своими секретарями как образец рыцарственности, обнаруживает в своих докладах об управлении английскими владениями во Франции достойное настоящего государственного деятеля понимание английской стратегической позиции, ссылаясь как на военные, так и на экономические факторы⁸⁵. На сегодняшний взгляд это кажется нормальной реакцией людей, находящихся в трудном положении, на проблемы, с которыми они столкнулись. По этой же причине, однако, современному исследователю с трудом верится в то, что такие люди могли сохранять представление о правящем классе как о группе, главной функцией которой являлась лишь защита.

Но для читателя XV века язык рыцарственности был более привычен, чем язык политического реализма. В Англии того времени авторы привыкли обсуждать политические дела, основываясь на моральных качествах людей. Традиция, к которой принадлежали Джон Гауэр и автор «Шута и правдивого рассказчика» (*Mum and the Sothsegger*)*, не говоря о большом количестве острых на

* Поэма написана между 1399 и 1406 годами, критикует царствование Ричарда II в форме дачи совета Генриху IV. Сначала

язык проповедников и поэтов, комментировавших состояние дел и бичевавших пороки правящего класса⁸⁶, считала вполне естественным искать лекарство от болезней государства в обращении к добродетелям тех, кто находился у власти. Обычно такое воззвание к совести облачалось в призыв к сохранению фундаментальных христианских ценностей. Рыцарские добродетели, однако, долгое время воспринимались как светское дополнение к церковной доктрине, этакий вид приходского гимнастического зала, построенного рядом с приходской церковью. Тогда вполне естественным казалось то, что каждый, кто был убежден в важности рыцарских ценностей как светского путеводителя для правящего класса, должен был видеть в их возрождении достаточно практичное лекарство от болезни, заметно истощавшей жизненные силы Англии. Более того, большинство людей XV века представляло общество не как место, где сталкиваются движущие силы, которые следует обуздать или обращаться с ними посредством методов действенного искусства управления государством. Эта проблема существовала всегда. Но ум того времени привык думать в терминах не динамизма, но мирового порядка, в котором изменения являются результатом человеческих пороков, проявляющихся в низвержении мира и справедливости. И именно сохранение мира и справедливости должно было быть первоочередной задачей для рыцаря.

Таким образом, рыцарская традиция была последним прибежищем светской мысли для сбитой с толку аристократии. На самом деле она была единственной возможностью в эпоху гражданских войн, ибо если и можно сделать какое-либо общее заключение по поводу этого яркого периода, то оно состоит в том, что англичане все еще жили с культурным капиталом, унаследованным от

поэму приписывали Уильяму Ленгленду, автору «Петра Пахаря», но когда обнаружилась вторая часть поэмы, относящаяся к 1406 году, было совершенно очевидно, что поэма написана другим человеком, вероятно членом парламента и представителем мелкого джентри. — *Прим. ред.*

своих предков. Для того чтобы в своей как культурной, так и экономической жизни соответствовать возрастающим запросам усложнявшегося общества, английский правящий класс был вынужден иметь относительно стабильный доход. Рыцарство в силу сложившихся обстоятельств должно было продолжать то, чем оно занималось с XII века, а именно выражать в миру этическое учение христианской церкви.

ГЛАВА II

НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ ОБРАЗЕЦ РЫЦАРСТВЕННОСТИ

Английская литература позднего Средневековья и начала эпохи Возрождения была в основе своей исключительно нравоучительной. Привычка к назиданию глубоко укоренилась в средневековом образе мысли. Она поощрялась церковью и благодаря стараниям духовенства стала настолько сильной к концу XV века, что именно она побуждала все возрастающую часть проявивших тогда активный интерес к литературе мирян к литературным упражнениям. Однако эту привычку не следует считать лишь результатом церковной культуры. Одновременно с ней формировалась и явная склонность к практичности, несомненно с ней связанная. Склонность к утилитарности одинаково характеризовала тех сообразительных людей, которые, подобно Пастонам, пытались обнаружить какой-либо порядок и безопасность в социальном хаосе, в котором оказалась Англия XV века, а также воспитанных в гуманистической традиции авторов памфлетов последующего столетия. Такой практический характер гораздо в большей степени, чем принято считать, обеспечивает элемент преемственности в английской мысли в период радикальной во всех остальных отношениях трансформации общества. Одно время он выражался в традиционных формах средневековой культуры, в другое время — он был обусловлен новой интерпретацией античной римской культуры. Возможно, именно этот характер был наиболее присущ англичанам, погрязшим в многочисленных неотложных проблемах.

Тогда неудивительно, что первые типографии должны были посвятить свою деятельность публикации книг, связанных с проблемами поведения в этом мире и спасения в грядущем (обе проблемы по-своему были исключительно практического свойства), с вопросами рыцарственности и геральдики, псовой и соколиной охоты, хорошего правления и земельным правом, образованием и благосостоянием Англии. Большая часть этой нравоучительной и утилитарной литературы была написана для того, чтобы служить примером для правящего класса, путеводителем в мирской деятельности тех, на чьих плечах лежала ответственность за управление страной. В течение столетия или около того, прошедшего со времен Войны Роз до начала царствования Елизаветы, сущность данного примера претерпела фундаментальную трансформацию. Рыцарственность, регулируемая определенного рода средневековым классицизмом, сменилась классицизмом, регулируемым романтически понимаемой рыцарственностью.

* * *

Как ни странно, именно Какстон, деловой человек, знающий реалии международной торговли и дипломатии, наиболее последовательно и осознанно, чем кто-либо другой, чьи произведения дошли до нас, убеждал английскую аристократию в необходимости возобновления преданности принципам и практике рыцарственности. И что уже более понятно, делал он это из глубокого чувства патриотизма, насущной заботы о благосостоянии Англии. Времена изменились с тех пор, как Джон Гауэр, бывший также сведущим в делах мирянином, воззвал подобным образом к знати и джентри Англии, чтобы те вспомнили свой долг перед Богом и обществом¹. Но Гауэр не беспокоился о престиже Англии. Наоборот, он рассматривал внешнюю политику, основанную на династических приключениях странствующих рыцарей, как фактор, скорее наносящий ущерб благосостоянию английского народа. И подобно проповедникам своего времени, он осуждал поиски военной славы как потенциально про-

тиворечащие самому духу христианства². Ко времени Какстона Англия столкнулась с тем, что ее престиж за границей серьезно упал, а ее материальное положение было вследствие этого весьма шатким. Причиной такого состояния дел являлась не столько безвыходность ситуации, связанная с большими военными расходами, сколько военное поражение. Таким образом, внутренняя система управления как никогда нуждалась в людях, преданных военному делу как таковому. Пришло время для духовного возрождения, и не просто во благо человеческого духа — что всегда являлось конечным желанием, — но непосредственно во благо своей страны. К кому еще тогда мог обратиться публицист-патриот как не к правящему классу? И на каком еще основании как не на возрождении преданности светским идеалам этого сословия?

Возможно, Какстон и имел в виду нечто подобное, что могло бы частично объяснить публикацию (в 1484? году) «Книги о Рыцарстве»*. Но выбор этого трактата значим сам по себе. И в любом случае в нижеприведенных строках чувствуется отзвук искренности. Они, хоть и знакомы любому специалисту по данному времени, достойны подробной цитаты:

О, вы, рыцари Англии, где обываи и традиции знатного рыцарства, бытовавшие в те дни [дни короля Артура]? Что делаете вы, кроме походов в бордели да игры в кости? И те, кто не следует доброму совету, используют бесчестное и недоброе правление против всего рыцарства. Оставьте это, оставьте и обратитесь к славным описаниям Святого Грааля, деяниям Ланселота, Галахада, Тристрама, Персефорста, Персиваля, Гавейна и многих других. Там увидите вы настоящее мужество, куртуазность и благородство. И взгляните в последующие времена со времен Завоевания, когда совершено было много доблестных деяний, во времена короля Ризгарда Львиное Сердце, Эдуарда I и сэра

---

* *The Book of the Ordre of Chyualry*, другой вариант перевода: «Книга о рыцарском состоянии» или «Книга о рыцарском сословии», а также оригинальный перевод книги Люлля на русский язык «Книга о рыцарском ордене».

Джона Шандо, сэра Уолтера Мэни. Прогните Фруасара. И также вспомните победоносного и доблестного короля Генриха V и деяния его военачальников... и многих других, чьи имена прославлены их добродетельной знатностью и деяниями, которые совершили они в гестъ рыцарского сословия³.

Чтобы его читатели не посчитали эти слова знакомой бранью в адрес общественной критики, он продолжает, апеллируя к разным ситуациям:

Я задам вопрос, чтобы не нести напраслину. Сколько рыцарей теперь найдется в Англии, которые ведут себя как рыцари. То есть а именно, те, кто знает своих коней, а кони признают их. Другими словами, имеют они все необходимое, что принадлежит рыцарю: подходящего коня, обузненного своею рукою, латы и упряжь, подогнанные под них, et cetera.

Не останавливаясь на одной критике, его чувство практичности вело к тому, чтобы дать необходимые рекомендации, которые он, без сомнения, считал весьма насущными:

Я надеюсь, что наш суверенный господин король соблаговолит дважды или трижды в год или хотя бы единожды созывать турниры с той целью, чтобы каждый рыцарь был наготове со своим конем и боевой упряжью и пользовал и тренировал свое рыцарское искусство, а также чтобы они сражались один на один, или двое на двое, и лучший полугил бы награду, бриллиант или другой драгоценный камень, чтобы это порадовало государя.

Именно такой образ действий, заключает он, должен заставить «джентльменов обратиться к старинным обычаям рыцарства», которые, в свою очередь, будут иметь два благотворных последствия. Во-первых, это способствует достижению «широкой известности и славы», что, в свою очередь, учитывая явно присущие Какстону патриотические настроения, без сомнения, должно повышать престиж Англии, а не укреплять репутацию отдельного рыцаря, как было характерно для ранней рыцарской

традиции. Английские рыцари также будут «всегда готовы служить своему государю, когда он призовет их или будет нуждаться в них». «Эту небольшую книгу, — добавляет он, — должен прочесть любой, в чьих жилах течет благородная кровь, и тот, кто намеревается вступить в знатное сословие рыцарей», ибо она содержит «практические советы и указания», необходимые для воспитания рыцаря. Действительно, Какстон умоляет Ричарда, короля «Англии и Франции»*, приказать, чтобы книгу эту «имели и читали молодые лорды, рыцари и джентльмены этого королевства, чтобы благородный кодекс рыцарственности наилучшим образом использовался в будущем и был почитаем более, нежели в недавние времена»⁴.

Я считаю, что именно такая забота о воспитании английского правящего класса, вера в действенность рыцарской литературы, в распространение добродетелей, столь желаемых в обществе того периода, и привели Какстона к осознанию необходимости переводить или редактировать переводы для публикации нескольких популярных рыцарских романов. В прологе к своему переводу романа «Бланшардин и Эглантина» (1489 год) он доказывает, что молодым аристократам обоего пола необходимо прочесть «старинные истории о доблестных подвигах и героических военных деяниях... ибо это займет их досуг и заставит их изучить книгу более подробно да поразмыслить над оной»⁵. Он также видел в романах иллюстрацию добродетелей, которые нашли свое выражение в рыцарских деяниях. Он опубликовал артуровские легенды в изложении Мэлори не только «с целью, чтобы знатные люди могли узреть и узнать доблестные деяния рыцарственности», но также чтобы продемонстрировать, как добродетельные поступки ведут к получению чести, а порочные — к наказанию.

Ибо здесь можно узреть доблестную рыцарственность, куртуазность, теловезность, дружелюбие, отвагу, любовь, дружбу, трусость, смертоубийство, ненависть,

---

* Имеется в виду Ричард III. — Прим. ред.

добродетель и грех. Вершите добрые дела и отриньте зло, и придете к доброй славе и известности⁶.

Подобно сэру Филиппу Сидни, он верил, что литература может как вдохновить на совершение определенных поступков, так и доставить читателю удовольствие; но поскольку джентльмен эпохи Возрождения понимал свои действия как службу во благо многогранного ренессансного государства⁷ (его собственная многосторонность была во многом отражением возраставшей сложности английской жизни эпохи Тюдоров), Какстон имел в виду прежде всего рыцарское деяние, совершенное на поприще служения, то есть те действия, которые рыцарь предпринимал, чтобы осуществить свою традиционную роль руки, защищающей общественный организм.

Столь же полезной он нашел и историю. На самом деле сомнительно, что он проводил четкое различие между историей и легендой; он скорее рассматривал традиционных романтических героев Готфрида Бульонского или Карла Великого в качестве исторических фигур до тех пор, пока, как в случае короля Артура, единственного британца среди Девяти Героев* (что кажется весьма ироничным), у него не появлялись причины сомневаться в их историчности⁸. Жизненный путь достойных мужей древности отражал также идеалы, которые представляли в свете рыцарственности задолго до того, как Какстон ознакомил с ними публику⁹. В прологе к «Полихроникону» (1482 г.) он так серьезно, как никто другой в ренессансной литературе, воззвал к практической значимости исторического опыта, не обращая внимания на изящество стиля. «Сказочные небылицы поэтов» побуждали

* Девять Героев (или Девять Достойных, иногда Девять Бесстрашных), широко использовавшиеся в рыцарских романах исторические деятели прошлого, отличившиеся особой храбростью и «рыцарственностью». Впервые сформировавшись в XIV веке, они включают в себя: Гектора, Юлия Цезаря, Александра Македонского, короля Артура, Карла Великого, Готфрида Бульонского, Иисуса Наввина, Давида, Иуду Маккавея. Тогда же французы добавили и десятого героя — Бертрана дю Геклена, но это добавление было малоизвестно и непопулярно за пределами Франции. — *Прим. ред.*

людей к жалости и правосудию, красноречие ораторов и «ученых клириков» направляло других по дороге добродетели, хотя иногда они и лгали.

Но история, превращая вещи в слова, являет всю пользу и выгоду. Она кажет гестность и делает пороки отвратительными. Она укрепляет благородных мужей, а грешных и глупцов суть подавляет. Также те деяния, кои история живописует из опыта, большую пользу являют для праведной жизни¹⁰.

При этом Какстон считает, что именно рыцарская добродетель и рыцарские деяния наиболее ясно отражаются в зеркале истории. История заставляет рыцарей не только совершать благородные поступки, но и видеть в таких «битвах в защиту и опеку своей страны и общественного благосостояния»¹¹ славу, которая так высоко ценится в списке рыцарских достижений. Действительно, Какстон считает, что главной целью всех человеческих деяний является стремление оставить о себе память в истории. Поскольку, утверждает он, «плоды добродетели суть бессмертны, особливо если они облачены в знатные деяния истории, тогда справедливым является то, что смертные должны выстрадать чрез тяжкий труд и старания славу и признательность в веках»¹².

Рыцарская традиция всегда черпала силы в историях рыцарских деяний. Те англичане, которые более других способствовали распространению популярности рыцарственности — Эдуард I, Эдуард III и такие известные рыцари, как Ричард Бошам, — вполне сознательно выстраивали свое поведение в соответствии со сказками о рыцарском прошлом¹³. Эта тенденция наиболее явно проявилась в формах, которые сами по себе были достаточно внешними: например, в установке Круглых столов в Артуровой манере или, как это делал Бошам, в участии в трехдневном турнире, точно соответствующем по своей форме знаменитым турнирам, описанным в рыцарских романах. Если мы заглянем в их мысли, то обнаружим, что такие явления также добавляли едва заметные оттенки к тому, как эти люди видели себя, и в соответствии с таким образом они, без сомнения, принимали свои

далеко идущие решения. В этом смысле рыцарственность в своем призыве к аристократическому воображению всегда была романтической. В XV веке, в условиях крушения социальных и экономических устоев общества, рыцарственность даже в большей степени зависела от примера древних героев и стимулировалась известностью, заключенной в деяниях рыцарей или, в более широком смысле, воинов.

Лидгейт, творивший во второй половине XV столетия, говорит нам, что он начал свою «Книгу о Трое» по просьбе принца Генриха (будущего Генриха V), который любил читать «книги о древности», чтобы принц мог «Об истинном рыцарстве вспомнить снова. О достоинстве... и доблести древнего рыцарства»¹⁴. Действительно, этот, как может показаться, самый рыцарственный из английских правителей XV века внимательно следил за тем, чтобы оставить свой след в истории — возможно, даже сильнее, чем он сам признался бы, поскольку истинный рыцарь должен демонстрировать скромность наряду с поисками доблестной славы¹⁵. Часто (если верить его официальному биографу) он, казалось, сознательно поступал в соответствии с рыцарскими примерами. Например, он решает атаковать самую укрепленную и хорошо защищаемую башню в Кане вместо менее укрепленной. Перед этой операцией он вызывает Дофина на поединок, чтобы избежать ненужного кровопролития и серии разрушительных осад. Вот он, милосердный жест, который, без сомнений, впечатлил бы нас, если бы мы не знали, что подобного рода вызовы делались и в другие критические моменты военных действий и имели столь же отрицательные последствия¹⁶. И он ведет себя исключительно скромно перед лицом победы: после падения Арфлера он спускается со своего коня, снимает обувь и триумфально входит в город босиком¹⁷. Он был также способен и на весьма беспощадные поступки, которые делались на основе реальной оценки тактической ситуации: в тяжкий момент во время битвы при Азенкуре он хладнокровно приказывал англичанам убить всех пленных¹⁸. Но тогда в XV веке рыцарская добродетель, подобно христианскому милосердию, почиталась, когда ее нарушали, так же часто, когда ее соблюдали.

В тяжелые времена англичане обращались за патристическим, равно как и рыцарским, вдохновением к историям военных походов Генриха. По приказу Годфрида, герцога Глостера, Тит Ливий де Форли применил все свое искусство и ученость, полученные в ренессансной Италии, в описании жизни Генриха V, что, несомненно, должно было оказать моральную поддержку англичанам в критический момент войны с Францией. В результате «Жизнь Генриха V» (*Vita Henrici V*)¹⁹ (1437 или 1438 г.) рассказывает нам сказку, представляющую собой любопытную смесь рыцарского героизма, который демонстрировал сам король, достаточно объективного описания осад и прозорливого искусства управления государством, достойного ренессансного деспота²⁰. Эта и другие версии жизненного пути Генриха и в XVI веке великолепно служили увековечиванию образа царственного рыцаря, рыцарственного героя на фоне национальных декораций, что и является вкладом Англии в историю рыцарского идеализма.

Именно такой образ, в который верили сторонники Йорков, из всех представителей того времени воплотился в лице графа Уорика. До того как «делатель королей», следуя своей переменчивой фортуне, погряз в трагических раздорах, ознаменовавших поздний период его деятельности, его позитивно мыслящие сторонники вполне могли рассматривать его в качестве человека, идеально подходящего для благого дела защиты и восстановления престижа и благосостояния королевства. Хроника, написанная вскоре после событий 50-х — начала 60-х гг. XV века, обращается к «...знатному рыцарю и достойнейшему из мужей, Ричарду графу Уорика, щиту нашего королевства»²¹. Другой хронист этого времени говорит о нем несколько раз, употребляя язык, напоминающий нам Мэлори: «Он был избран и побывал повсюду, ибо он суть нахрабрейший и мужественнейший из всех рыцарей ныне живущих»²². После успешной стычки в 1459 году с испанским торговым флотом в Ла-Манше он изображается как единственный человек, желающий и способный защитить честь и процветание короля и своей земли... за кою мужественность и его великую политическую про-

зорливость и почитаемые всеми деяния при взятии Кале и другие доблестные подвиги Общины данной земли восхваляли его... и почитали и принимали его как самого знаменитого из рыцарей, ныне живущих²³.

Было бы полезным отметить, что рыцарственность Уорика представлена здесь, одновременно почти с инстинктивным пониманием стратегической важности Кале и Ла-Манша, в контексте национальных интересов, а не рыцарских ценностей. Интересно также заметить, что его тактика на поле боя была похожа скорее на тактику кондотьера, нежели рыцаря, как это отметил Пол Кендаль. Уорик отдавал предпочтение тактике, которая вела к победе, а именно — использованию артиллерии и сложных осадных операций, искусному разворачиванию частей йоменов-лучников, а не лобовому удару тяжеловооруженных рыцарей. Его привычка оставаться конным в тылу, которая позволяла ему более оперативно руководить битвой, безусловно, навлекла на него огонь упреков французских хронистов, хотя и была в высшей степени благоразумным действием. Они изображали Уорика как труса, несмотря на то что он обычно во время первой стычки с врагом лично вел свои отряды в бой²⁴. В Уорике, так же как и в Генрихе V, можно увидеть исторический пример рыцарственности в действии, едва заметно изменившийся в течение XV века. И хотя это мало кто тогда понимал, у всех на глазах рыцарь уже превращался в ренессансного солдата.

* * *

Как мы видели, рыцарские романы одновременно с историческими документами, в которых отразились рыцарские деяния, своими примерами служили делу обучения рыцарственности. Среди разного рода переводчиков и адаптаторов романов такого рода сэр Томас Мэлори занимает отдельное место. Его «Смерть Артура» (завершенная в 1469 или 1470 г.) стала наиболее известной из рыцарских сказок, которые были столь многочисленны

и популярны в конце XV века. Его личность и, по крайней мере, его личное отношение, если мы желаем его обнаружить, отражены в данной работе. И именно это делает «Смерть Артура» в каком-то смысле одним из самых важных из не слишком многочисленных источников информации о состоянии рыцарских идей в интересующий нас период. Проблема интерпретации его работы осложняется тем фактом, что, особенно с того момента как Евгений Винавер осуществил свою фундаментальную редакцию Мэлори и опубликовал ее, вокруг литературных аспектов произведения возник достаточно жаркий спор. Однако возникшие дебаты не всегда были сосредоточены на сути дела; и временами существовала опасность того, что личность Мэлори и, в частности, более глубокие особенности его мышления терялись в дебрях спора и критики. Однако давайте не будем идти протоптанной дорогой и повернемся туда, где другие были более чем осторожны в выборе пути; поскольку литературная критика совсем не отличалась добродушием, а историк идей может, возможно, обнаружить здесь нечто большее, чем он предполагал.

Может показаться, что Мэлори разделял желание Какстона заставить традиции рыцарственности служить нравоучительной цели и целям, более явно относящимся к успехам Англии. Однако трудно быть уверенными в намерениях Мэлори, поскольку он редко прямо выражал себя или свое время в своих произведениях. На самом деле все еще нелегко с уверенностью рассуждать о нем как об индивидууме, поскольку он так недавно и несовершенно возник из своей прошлой безвестности²⁵. Однако в любом случае могут быть причины предполагать, что по крайней мере отчасти в его трудах присутствовало чувство того, что Англия времен гражданских войн печальным образом отклонилась от той великой модели рыцарственности, вдохновившей его на истории о дворе короля Артура, в трудах, которыми он занимался на склоне лет и в условиях вынужденного отдыха. Идея «дела Британии» как никакая другая идея литературного наследия XV века могла лучше всего послужить данной цели. Идея эта на протяжении многих поколений вдох-

новляла и до некоторой степени лежала в основе патриотизма, присущего английской рыцарственности. Вполне возможно, конечно, что существовал и другой стимул.

Нет необходимости искать, как делали некоторые ученые²⁶, особенных отношений или преднамеренно изобретенных параллелей между эпизодами «Смерти Артура» и эпизодами английской истории пятнадцатого столетия. Мэлори был слишком хорошим художником и в то же время слишком слабым политическим памфлетистом для того, чтобы увлечься политической аллегорией, возведенной в систему. Его работа не является *roman à clef**. Но, подобно множеству других англичан своего времени, он был склонен рассматривать правление Генриха V как время, когда удачная английская политика процветала под властью подлинно рыцарственного короля. Он сам мог бы вспомнить Азенкур и последовавшие затем победоносные походы во Франции. Сходство между этим свидетельством о победе, случившейся под руководством человека, который старался собрать вокруг себя внешние атрибуты рыцарского героя, и историей о Короле Артуре, особенно историей об Артуре и императоре Луции, едва ли могло ускользнуть от образного и довольно патриотичного ума Мэлори. Как указывает Винавер, Артур в изображении Мэлори становится не «простым абстрактным центром братства Круглого стола, а... политическим и военным лидером, сознающим свою ответственность за благосостояние и престиж своего королевства»²⁷. Не мог Мэлори не увидеть в братоубийственной борьбе, которая уничтожила Круглый стол, и в неудачной попытке стареющего Артура властвовать над своим королевством соблазнительную параллель Войне Роз и разрушению английской монархии, которое, как он должен был понимать, происходило вокруг него в тот самый момент, когда он работал над своим романом «Рыцарь-заключенный». Несомненно, Мэлори размышлял над непостоянством английской публики и над успехом политики Йорков, когда он, оценивая то, как успешно Мордред получил

* Ключевым произведением (франц.).

всеобщую поддержку во время последнего завершающего похода против Артура, вставил следующее сообщение:

О вы, мужи Англии! Разве не видите все вы, какое творилось злодейство? Ведь то был величайший из королей и благороднейший рыцарь в мире, всего более любивший общество благородных рыцарей и всем им слава и опора, но даже и им не остались довольны англичане. Вот таков был прежде обычай и нрав в нашей стране, и люди говорят, что мы и по сей день не отстали от этого обычая. Увы! Это у нас, англичан, большой порок, что долго нам никто не мило²⁸.

Такое специфическое обращение к англичанам своих дней необычно у Мэлори. Но он всегда помещает рыцарские примеры в английское окружение. Камелот, объясняет он, — это Вестминстер. Астолат теперь является Гильфордом, о замке Веселой Стражи «некоторые люди говорят, что это был Олнвич, некоторые, — что Бамборо». Он убеждает своих читателей, что страна Логров — это Англия. И Король Артур старался советоваться с архиепископом Кентерберийским²⁹.

Более того, в молодости Мэлори служил под началом одного из последних блистательных рыцарей, которые сделали многое для того, чтобы более успешные этапы Столетней войны стали вдохновляющими событиями для читателей английских хроник. Ричард Бошам, граф Уорика, служил для всего своего поколения образцом рыцарственности, «Отца Учтивости». Император Сигизмунд, тоже не дилетант в рыцарских делах, воскликнул, как сообщают, что, будь вся учтивость потеряна, ее можно было бы обнаружить в нем³⁰. Бошам, совершая свои наиболее знаменитые турнирные подвиги, сознательно следовал образцу артуровского романа и возможно, в свою очередь, обеспечил Мэлори конкретной моделью для его истории о Бомейне и его успешных битвах с Черным, Зеленым и Красным Рыцарями³¹. Хотя он, по-видимому, был более известен как молодой атлет, знаменитый во многих странах, изумлявший и восхищавший дворы Европы своим искусством на турнирной арене, чем как дипломат и поверенный администратор, каким он

стал в свои более зрелые годы³², он должен был также являть собой образец рыцаря, служащего своей стране, достойного продукта рыцарства ублюдочного феодализма, истинного «рыцаря-правителя». Имея перед глазами такой «пример», для Мэлори было совершенно естественным обратиться к Круглому столу в поисках «примеров» рыцарского поведения для того, чтобы изложить их сбито́му с толка поколению, быть частью которого стало его участием в более поздние годы.

Что бы ни было источником его вдохновения, важность рыцарского идеала для образа мысли Мэлори неоспорима. «Высокое состояние рыцарства» было для него чрезвычайно реальным институтом, а его ценности — полезными и исключительно подходящими для аристократического общества, в котором он жил. Не углубляясь в опасную тему художественного единства «Смерти Артура» (*Morte Darthur*)³³, историк идей легко может увидеть в преданности Мэлори институту и системе этических идеалов, в которой он добился социального значения, интеллектуальное постоянство, которое само по себе связывает несколько историй в одно органическое целое и оставляет на них отчетливую, хотя и ненавязчивую, печать собственных убеждений Мэлори.

Какими же конкретно были эти убеждения, становится очевидным, если сравнить его работы по «переработке» французских источников в английские с самими источниками. Подобно большинству средневековых авторов, он позволяет себе предельную свободу в трактовке оригиналов. Опуская и добавляя куски текста, он делает получающиеся в результате истории в значительной степени своими собственными. В целом Мэлори интерпретирует легенды артуровского цикла, беря за основу рыцарственность, совершенно непохожей на более старую и во многом более утонченную французскую традицию. В его руках они становятся практическим кодексом поведения, контролирующим потребности и мироощущение людей, которые, подобно ему самому, были сельскими джентльменами, могли воевать на благо страны и имели причину смотреть с интересом более чем романтическим на примеры рыцарственности в действии. Это рыцарственность, присущая лишь аграрной и военной

касте, которую Мэлори интерпретирует с точки зрения реализма и здравого смысла. Это не куртуазная рыцарственность, традиция, которая ко времени Мэлори пришла в слишком глубокий упадок для того, чтобы на нее можно было опереться, и бывшая слишком утонченной для того, чтобы Мэлори смог ее полностью оценить. Не являлось она и рыцарственностью религиозного мистицизма, в которую вдохнули жизнь французские Поиски Святого Грааля (*Queste del Saint Graal*). Но меньше всего это было пародией на рыцарственность: это не содержало в себе ничего из умеренно циничного реализма, временами проявлявшегося во французском рассказе о Тристане, реализма, который родился из разочарованных притязаний и из непомерного донкихотства. Рыцарственность для Мэлори была «практической деятельностью окончательно сформировавшегося сословия... с центром при дворе великого правителя»³⁴.

Особенно показательными являются несколько изменений, которые он делает, пересказывая французский рассказ о Тристане в монологах сэра Динадана. Этот персонаж в версии Мэлори кажется весьма неуместным даже после того, как значительные части его монологов были удалены и их значение изменено³⁵. Мэлори не мог полностью выкинуть этого героя, поскольку тот слишком тесно был связан с многими эпизодами. Но он, несомненно, находил юмористические, сатиричные, слегка циничные реплики Динадана неуместными. Он старался смотреть на него как на насмешника и «шутника», которого не надо принимать всерьез; но он не мог полностью избавить его высказывания от антирыцарского яда.

Динадан в мире артуровских приключений почти так же чужд, почти столь же анахроничен, как Янки при дворе Короля Артура. Он видит абсурдность бесцельных приключений рыцарей Круглого стола, их сомнамбулической жестокости и возвышенного безумия их невознагражденной любви. Жизнь для него является благом, и эта благодать не нуждается в том, чтобы ее улучшали искусственным кодексом поведения. Вы сражаетесь только тогда, когда это необходимо — живой трус в действительности лучше, чем мертвый рыцарь³⁶. Любовь — естественна и приятна своей непринужденностью, так

зачем чахнуть на службе той, которая вне вашей досягаемости?³⁷

Нет сомнения в том, что Мэлори был способен оценить большую часть практического реализма Динадана — например, его отказ сражаться в очевидно неравном бою: «Всякому рыцарю к чести, если он умеет отказаться от того, что ему все равно не по плечу»³⁸. Здоровая неприязнь к безрассудству, конечно, нередка в поздних рыцарских произведениях. Например, она заметно проявляется в «Книге о знатности», возможно как эхо совета сэра Джона Фастольфа; поскольку этого очень практичного рыцаря в какой-то момент обвинили в трусости из-за схватки, в которой он действовал просто с обычной предусмотрительностью³⁹. Предусмотрительность, конечно, долгое время признавалась в рыцарских руководствах основной добродетелью как в битве, так и в других человеческих предприятиях. Только в романах от героя обычно требовали придерживаться иррационально жесткого стандарта храбрости⁴⁰. И сам Мэлори, по-видимому, испытывал мало симпатии к традиции куртуазной любви. Но он не мог избежать ощущения, что монологи Динадана, иные из которых развертывались с парадоксальным юмором и иронией⁴¹, являлись преднамеренной всесторонней атакой на тот институт, который он столь высоко ценил. Уму Мэлори юмор был не чужд, но ему не доставало иронии. Возможно, ни один человек, обладавший чувством юмора, не мог принять рыцарство конца Средних веков с полностью бесстрастным лицом⁴². Тем не менее то, что Мэлори способен был воспринимать свое рыцарское звание со всей серьезностью, является фактом огромного значения

Это звание по существу представляло собой простой идеал, который он столь усердно лелеял: мышление Мэлори не было аналитичным, к тому же он не всегда был последователен. Это выражается, например, в более сильном, чем в первоисточнике, контрасте между королем Марком, трусом, грубияном, воплощением всего чуждого «высокому состоянию рыцарства», и сэром Тристрамом, бесстрашным рыцарем, преданным влюбленным, образцом странствующего рыцаря. Но именно этот идеал оставляет мало места для более утонченной

рыцарской традиции куртуазной любви. Кажется, что Тристрам, независимо от наличия или отсутствия любовного напитка, всегда готов участвовать с друзьями в поисках приключений и сражений; и второстепенно то, что все это делается на службе Даме⁴³. Подобным образом Ланселот отвергает «благородную деву» потому, что он слишком занят, чтобы жениться, и слишком озабочен своим успехом в военной деятельности, чтобы завести любовниц (Прекрасных Дам — *ragamoufs*)⁴⁴. На деле идеал куртуазной любви по большей части не подходил тем представителям провинциальной аристократии, кто все еще считал основные принципы рыцарственности путеводителем в повседневной жизни. Даже во Франции, на родине куртуазности, почтенный рыцарь де ла Тур Ландри предостерегал своих дочерей от силков куртуазной любви; и его строгая и расчетливая позиция в отношении места женщины в обществе повторяется в переписке Пастонов⁴⁵. Возможно, сам Мэлори, или под влиянием французских источников, или благодаря своим собственным склонностям (если мы можем доверять дворцовым записям, в которых упоминается его имя, его отношения с женщинами не отличались особой вежливостью)⁴⁶, был менее консервативным в вопросе межполовых отношений, чем многие из его соотечественников. Несмотря на то что средневековые романы — форма, которая идеально подходила для того, чтобы отражать вкусы и предрассудки их аудитории, — были в Англии значительно менее терпимы к прелюбодеянию, нежели их французские двойники⁴⁷, Мэлори, по-видимому, никогда не был способен решить, ограничивалась ли целомудренная любовь узами супружества или же она могла существовать в отношениях, отмеченных лишь непоколебимой верностью одного любящего другому⁴⁸. Какими бы противоречивыми ни были чувства Мэлори в этих вопросах, важным фактом является не их противоречивость, а их подчинение тем граням рыцарской традиции, которые были более существенны для жизни его класса.

Несмотря на то что его рыцари были главным образом воинами, Мэлори иногда позволяет нам увидеть их в образе сельских джентльменов. По крайней мере, это верно в том, что касается сэра Тристрама, при описании успехов

которого Мэлори выходит далеко за рамки своего источника. По завершении его подвигов Артур приглашает Тристрама в Братство Круглого стола. В своей приветственной речи Артур называет его одним из лучших и благороднейших рыцарей в мире и «человеком величайшего достоинства»; и в качестве доказательства дает следующие подробности: «Во всех видах охоты тебе принадлежит первенство, и всякому способу игры на охотничьем роге ты был началом, и всех приемов травли дичи и соколиной охоты ты зачинатель, и во владении всеми музыкальными инструментами ты — лучший»⁴⁹. Даже если мы примем во внимание тот факт, что Тристрам, по-видимому, служил в агиографии рыцарского романа своеобразным святым покровителем охоты, то это все же странный список качеств для того, чьи подвиги описывались в основном в военных историях. Однако Мэлори признает ценность денег, чего мы вряд ли могли бы ожидать от традиционной рыцарской литературы. В пассаже, уникальном для артуровского цикла, как полагает Винавер, Ланселоту указывают, что «миледи королеве поиски вас стоили двадцать тысяч фунтов»⁵⁰.

Его подход к рыцарской традиции, хотя и был во многом последовательно практичным, все же не смог избежать религиозных аспектов рыцарственности. Этого и следовало ожидать. Мэлори не был бы человеком своей эпохи, если бы он не признавал тесной взаимосвязи рыцарской и христианской традиций. Действительно, во многих чертах они были идентичны, настолько полно христианская синтетическая концепция усвоила варварский идеал феодального воина: выделение светских элементов из религиозных в получившемся сплаве — это отражение скорее аналитической способности современного историка, чем средневекового мировоззрения.

Несмотря на то что, подчеркивая практический характер умозаключений Мэлори, профессор Винавер привлёк тем самым внимание к сущностной характеристике его сознания, он, возможно, преувеличил, говоря о его светскости⁵¹. Правда, в том, как Мэлори трактовал поиски Святого Грааля, немного осталось от теологической утонченности французского источника⁵²; но он никоим образом не разделял религиозного предубеждения фран-

цузского автора-монаха. Возможно, ему даже не удалось понять наиболее возвышенные моменты доктрины, предложенной последним. Конечно, он вводил теологическую идею, где только это было возможным, и добавлял несколько своих собственных положений. Но трудно избежать чувства, что Мэлори с осязательным облегчением возвращается к историям об артуровских приключениях после своего пребывания на духовных вершинах Поиска⁵³. Однако он, по-видимому, признавал важность религиозного вопроса. И в самом деле, было бы более странным, если бы он этого не признавал. Средневековый рыцарь был, как и все другие, озабочен своим спасением — особенно в последние годы, когда беспорядочные мирские дела потеряли свою особую силу. Пожилой, превратившийся в отшельника рыцарь является ключевой фигурой средневековой литературы. Он представляет собой человека, к которому молодой рыцарь из руководства Люлля приходит за советом по поводу как своих мирских, так и своих духовных обязанностей⁵⁴. В реальной жизни мы обнаруживаем графа Риверса, того самого Энтони Вудвиля, лорда Скейлза, из знаменитого турнира с Бургундским Бастардом в 1467 году, возвращающимся в более позднем возрасте к служению Богу, планирующим морское путешествие в Португалию, чтобы «пролить дневной свет на нечестивых сарацин», собирающимся совершить паломничество в Рим, носящим власяницу, пишущим различные баллады «против семи смертных грехов» и занимающимся переводом других нравственно облагораживающих работ⁵⁵. Генрих V, образец царственного рыцаря, и Эдуард IV, потенциальный паладин, лелеяли несбыточный план крестового похода: первый, несомненно, с большей искренностью, чем второй, если искренность вообще можно оценить там, где заботились о подобных традиционных жестах. Вполне естественным является то, что уже немолодой Мэлори, сидевший в то время в тюрьме и поэтому имевший достаточно времени, чтобы поразмыслить над своей жизнью, уделил в своем творчестве внимание духовной стороне рыцарской жизни.

То, что кажется современному наблюдателю чертой, говорящей о непостоянстве средневекового характера,

тенденцией колебаться, зачастую довольно стремительно, между крайностями мирских и духовных устремлений, в реальности есть результат того ощущения, что и мирские, и духовные потребности были необходимыми составляющими жизни истинного рыцаря. Человек позднего Средневековья чрезвычайно ясно осознавал существовавший потенциально, хоть и не всегда находивший реальное выражение, конфликт между мирскими и духовными заботами; и было нечто большее, чем простая болезненность, в том внутреннем конфликте, от которого он в результате страдал. Но любая попытка определить «светский ум» или «светскую цивилизацию»⁵⁶ лежала бы полностью вне его интеллектуального опыта. Светские интересы, подобно грехам, с которыми они традиционно связывались, можно было отделить от тех духовных интересов и добродетелей, которые приходили вместе с ними; но они редко отделялись друг от друга, ибо и те и другие существенным образом участвовали изначально в нравственной проблеме человеческой жизни. Град Божий мог подвигнуть религиозного ревнителя к фактическому отречению от всего остального. Град Человечий никогда не мог рассматриваться в себе и для себя; и даже самые мирские представления средневековых авторов можно назвать таковыми только при самом широком понимании термина «мирской».

Поэтому Мэлори совершенно естественным образом обнаружил, что он столкнулся, как столкнулись многие другие грешные старые рыцари, с проблемой спасения. Но мы не должны и переоценивать его религиозность. Остается открытым вопрос, стал ли бы он тратить свое время для поиска ответа на подобного рода вопрос, если бы не имел перед собой в качестве примера французский *Queste*. И его реакция на великие вопросы религии довольно уклончива. Это не удивит нас слишком сильно, если мы вспомним, что сама Церковь часто выражалась двусмысленно, желая рационализировать жизнь мира, которая, по строгому определению, есть плоть и дьявол и посему зло. Это было зафиксировано в своеобразном двойственном человеческом отношении к учению о необходимости такого зла, как секс. Мэлори следует своему французскому источнику, обнаруживая в образе Галахада воплощение божественной рыцарственности, которо-

го ни один «земной грешный» рыцарь⁵⁷ не может достичь. Тем не менее он отказывается осуждать земное рыцарство, воплощенное в Ланселоте, лучшем из земных рыцарей. Ланселот, несмотря на свое «непостоянство»⁵⁸ и свои плотские грехи, был способен многое испытать в упоении поиском Грааля и удалиться от него с полным удовлетворением, даже несмотря на то что он подошел совсем близко к своей цели⁵⁹. Для него, возможно как и для самого Мэлори, это выглядит еще одним приключением, высшим приключением в жизни земного рыцаря, участвовать в котором он был призван как лучший на это кандидат⁶⁰.

Может быть, Ч. С. Льюис затронул суть проблемы, когда предположил, что у Мэлори была тройная шкала добродетелей: плохие, представленные королем Марком, хорошие — Ланселотом и лучшие — Галахадом. Большая часть неразберихи, характерной для мысли Мэлори, по мнению Льюиса, является результатом его неспособности признать этот факт и вытекающего из этого стремления втиснуть свои этические утверждения в современную ему схему добра и зла. Эта тройная шкала, предупреждал он, естественным образом превратится в «хороший, плохой, худший», если ее читать в обратном порядке⁶¹. Однако было важно понять, что земной рыцарь, которому Мэлори очень глубоко симпатизирует, являлся, подобно большинству других людей, смесью добра и зла. Мэлори не смотрит сквозь пальцы на грехи Ланселота: ни на предмет его гордости, его незаконную любовь, ни на его «непостоянство». Но Ланселот остается для Мэлори лучшим из «земных грешных» людей и его героем — трагическим героем, но героем, в котором добро значительно перевешивало зло. Подобно другим представителям этой культурной традиции Мэлори принимает относительную недостижимость лучшего, не разочаровываясь в хорошем. Думать иначе означало бы осудить и оставить мир, что является уделом святого или законченного моралиста. Практический ум Мэлори заменяет *Le chevalierie celestiale**, взятый из французского источника, более реалис-

* Небесное рыцарство (франц.).

тичной формулой «рыцарские поступки и добродетельная жизнь»⁶². Тем не менее он признает, что в его идеале рыцарского поведения заложено указание на совершенство, выходящее за рамки этого непостоянного мира.

Мышление Мэлори, как и, несомненно, мышление английских джентри позднего Средневековья, среди которых он жил, имело мало общего с идеями монаха-цистерцианца тринадцатого столетия, написавшего французский *Queste*⁶³. Этот воин Бога принимал идею рыцарственности, но передавал ее в религиозных терминах. Он писал в то время, когда монашество все еще говорило ясным и чистым языком, проводящим бесчеловечно жесткую границу между миром и духом, и провозглашало духовный поход против плоти и дьявола. Его эпохой была эпоха Тамплиеров, эра крестовых походов, полувоенных орденов, которые служили армией воинствующего христианства. Тем не менее он говорил и на языке Церкви, когда осуждал сражения как рыцарский спорт. Церковные власти не могли не признать в рыцарском военном идеале и в прославлении убийства, находивших выражение в эпических рыцарских романах, нечто глубоко чуждое христианской идеализации мира и христианской заповеди «Не убий». Они даже рассматривали турниры как простую репетицию человекоубийства и войны и предпринимали шаги — крайне неэффективные, как оказалось, — для того чтобы их остановить. Автор *Queste* находит в Галахаде совершенное воплощение божественного рыцаря, человека предельной чистоты, не оскверненного мирскими наростами, искажающими рыцарский идеал в тот момент, когда он находит выражение в реальной практике. Его рыцарством было в высшей степени монашеское рыцарство, подчеркивавшее аскетический элемент, всегда составляющий часть законченного рыцарского идеала в то время, когда он теряет контакт с жизнью обыкновенного греховного человека — особенно с жизнью среднего рыцаря, который, если мы можем доверять проповедникам, был более, чем обыкновенно, греховен.

Мэлори принимал идею того, что существовала божественная рыцарственность, которая находилась по ту

сторону мирской рыцарственности; но он не позволял предшественнику заставить себя пренебрегать последним. Он нашел бы, я полагаю, странным и непостижимым, что кто-нибудь мог поставить этот вопрос. Возможно, его позиция прояснится, если мы подробно изучим взгляды его современника Стефена Скрупа. В своем посвящении перевода «Письма Офеи Гектору» (*The Epistle of Othea to Hector*) (трактата о рыцарских добродетелях) сэру Джону Фастольфу он предполагает, что тот добродетельный рыцарь, который проводит свою активную жизнь «в охране и защите веры, прав церкви, земли, страны и ее общего благосостояния», в результате чего он становится «знатным и почтенным среди рыцарского сословия», должен теперь, с возрастом и немощью, из-за которых он не может больше быть вполне дееспособным рыцарем, занять свое время «духовной рыцарственностью подвигов благочестивых, так как в созерцании моральной мудрости и в осуществлении духовной деятельности ты можешь прийти к тому, чтобы быть призванным в орден рыцарства, который должен вечно продолжаться...»⁶⁴. Для Мэлори, как и для Скрупа, не могло существовать конфликта между рыцарством этого мира и требованиями вечной жизни. Только когда поиск «славы» вырождался в гордость, военные игры — в простое убийство, а любовь — в разврат, когда добродетельная жизнь, которая была общей как для рыцарской, так и для христианской традиций, подвергалась риску из-за слабости плоти или искушений дьявола, только тогда рыцарская жизнь могла рассматриваться как нечто, подвергающее душу опасности⁶⁵.

Если Мэлори ставил своей целью, пусть даже ненамеренно, использовать рыцарскую традицию как пример, указывающий путь к созиданию лучшей Англии, он брался за претенциозную и, с нашей точки зрения, не очень реалистичную задачу. Г. С. Беннет был полностью прав, когда сказал, что эта эпоха «не была плодородной почвой, в которую можно было пересадить идеал рыцарственности»⁶⁶, и Е. К. Чемберс был не менее прав, утверждая, что Англия времен Пастонов нуждалась в сильном короле, а не в возвращении к рыцарственности⁶⁷. Однако

мы должны помнить, что сам Мэлори не осознавал этих трудностей. Его собственный опыт в Войне Роз, как известно⁶⁸, должен был, несомненно, научить его осознанию тщетности такого проекта. Но научил ли? Мэлори был, в конце концов, человеком своего времени. Он не мог видеть, как это видит современный историк, что он жил уже на задворках Средневековья и на пороге уже стояла новая эра. Он, так же как любой из современников, не способен был распознать признаки социальных изменений или отнестись к очевидному упадку рыцарской морали как к чему-то большему, чем духовное разложение, которое всегда ожидается в греховном человеческом обществе — в обществе, заключенном в фиксированные рамки, в которых единственным изменчивым фактором была неустойчивая и непостоянная природа самого человека. Если он искал в прошлом Золотой век рыцарственности, то это было не более чем социальной критикой, обычной для позднего Средневековья. Когда мы видим, например, что Ленгленд или Гауэр убеждают своих современников искать христианскую традицию в дни ее чистоты где-то в прошлом Золотом веке⁶⁹, нам не следует предполагать, что они безнадежно отказались от попытки увековечить эту традицию. В самом деле, крайне сомнительно, что Мэлори думал о простом «привнесении» рыцарских идеалов более, нежели авторы-моралисты, видевшие свою задачу в привнесении христианских принципов. И те и другие продолжали свое существование, хотя их идеологическая основа была подорвана. Чемберс совершенно прав, говоря, что Мэлори не был ни политическим мыслителем, ни даже политическим комментатором. Но он тем не менее был озабочен этической ценностью рыцарственности своего времени; и более справедливым было бы поместить его, по крайней мере в историческом исследовании, в компанию таких апологетов рыцарственности, как авторы «Книги о знатности» или сам Какстон, чем изображать его разочарованным воином, превратившемся в сказочника, который, несмотря на то что он «иногда протестовал против эпохи... по большей части... удаляясь в мир давно прошедшего»⁷⁰.

* * *

Хотя Мэлори и Какстон вполне заслуженно считаются первыми среди тех, кто, наравне с другими интересами, искал в идеалах рыцарства способы социального возрождения, все же эта глава была бы неполной без упоминания двух представителей молодого поколения, которые попытались привнести те же рыцарские положения в не столь благоприятную атмосферу Англии шестнадцатого столетия. Стефен Хоуз и Джон Бурсье, лорд Бернерс⁷¹, ощутили в свои молодые годы тепло золотой осени рыцарственности. До конца своих дней они говорили на языке рыцарской культуры. Но очевидно, что их коснулось и более холодное веяние новой интеллектуальной эры. Фактически они жили почти на закате той эпохи, во время которой рыцарство все еще могло восприниматься всерьез. Но в их творчестве уже видны признаки будущей тенденции толковать рыцарские традиции либо романтически, как некое средство развлечения, либо как взгляд, в лучшем случае дополняющий более широкое видение общества, на которое было способно мышление ренессансной Англии. Поэтому эти утверждения трудно оценить.

Из этих двух авторов Хоуз более оригинален и важен, но вместе с тем его и сложнее оценить. Он озаглавил свою основную работу, которую мы собираемся здесь рассмотреть, «Веселые забавы». Эта работа (Хоуз написал ее в 1506 году, первое печатное издание появилось в 1509-м) предварялась несколькими стихами, посвященными Генриху VII, в которых автор указывал, что его главная цель при написании «сказки» состояла в том, чтобы «избежать праздности». Добавьте к этому торжественные и чрезмерно скромные заявления, касающиеся его собственных способностей сочинить что-либо достойное чтения, и его повторяющееся восхищение Лидгейтом как «цветом красноречия», и читатель готов получить все или ничего. Конечно, читатель не предполагал, насколько это серьезное, очень скучное и во многих отношениях странное в своей оригинальности дидактическое произведение. Необходимо помнить, что чи-

тателей тех дней трудно было сбить с толку таким ложным фасадом неуместности и даже легкомыслия. Это, по их мнению, являлось обыкновенным вымыслом, особенно дорогим сердцу «Берийского монаха», на которого равнялся Хоуз. Это был простой для Хоуза способ сказать, что он собирается написать вымышленную историю с подтекстом. Избежать праздности значило не просто найти себе занятие, но заняться самосовершенствованием. Публика ранней тюдоровской Англии была в этом отношении такой же «викторианской», как и общество середины девятнадцатого столетия.

В действительности Хоуз экспериментировал с традиционными формами. Комбинируя аллегорию куртуазной любви, роман о рыцарских приключениях и склонность схоластического образования к энциклопедизму, он преобразовал все это в более сложную, но все еще узнаваемую модель «паломничества человеческой жизни». Результатом стало нечто исключительно средневековое по своему содержанию, но в своей целостности напоминающее, хотя и смутно, тот тип произведения, который Спенсер довел до полного совершенства в «Королеве фей»⁷². К тому же серьезность его цели становится несколько менее очевидной, когда читаешь полное заглавие, которое, во всяком случае в более поздних изданиях, выглядит как «история Гранда Амура и красавицы Пусели, названная Веселые забавы, содержащая знание семи наук и порядок человеческой жизни в мире...». К изданию 1554 года печатник добавил свое собственное вводное слово, в котором он предлагает знатному читателю эту книгу прежде всего для «лучшего наставления»⁷³. Более точное представление о том, что сам Хоуз предлагал в качестве наставления, появляется в ходе рассказа, когда идеального рыцаря убеждают «...возродить то, что долгое время было в упадке, — Цвет рыцарства»⁷⁴.

Цель Хоуза, подобно его источникам, была средневековой. В отношении рыцарских добродетелей и необходимости их возрождения они с Какстоном были заодно. Он просто собирался изложить примеры рыцарственности в своем собственном сочинении, а не в переводе. Действуя таким образом, он в значительной степени упро-

стил для нас задачу проследить свой образ мышления, отраженный в произведениях.

Как и в случаях с Какстоном и Мэлори, для критиков и историков литературы было привычным делом изображать понимание рыцарственности Хоузом в романтическом ключе, а его самого — человеком, чье «воображение возбуждалось идеалами прежних дней», чья эмоциональная поддержка разлагающихся рыцарских институтов толкала его к преднамеренному архаизму и отвлекала его внимание от настоящего к прошлому⁷⁵. Действительно, это описание больше подходит к Хоузу, нежели к Мэлори или Какстону, поскольку романтиком он был по темпераменту, если не по прихоти судьбы. Хоузу нравится туманная атмосфера рыцарского романа. Он делает многое, чтобы позволить себе не обращать внимание на точные временные указания и на логику сюжета. Возможно также, что идеалы рыцарственности привлекали его больше своей архаичностью, чем своей непосредственной полезностью. Трудно быть уверенным в Хоузе. В его работе, как и в работах Дадли, Скелтона, Андре и большинства других английских авторов начала шестнадцатого столетия, очевидна загадочная противоречивость, комбинация средневековых и ренессансных форм, которая затрудняет понимание мышления автора, но все еще остается в рамках обычных исторических категорий.

Кроме того, опасно предполагать, даже в случае Хоуза, что романтический склад ума обязательно влечет за собой осознанную попытку искать в прошлом те радости, которые трудно найти в настоящем. Сознательный архаизм предполагает понимание истории, слишком новое для большинства англичан времен правления Генриха VII. Такой архаизм характерен для выбора Спенсером декораций для своей «Королевы фей», декораций несомненно столь же нереальных для его елизаветинских читателей, сколь они нереальны для нас⁷⁶. Средневековый ум (а ум Хоуза был по большей части средневековым) обычно мог понять перемены лишь тогда, когда они назывались упадком. То же социальное развитие, которое во времена Хоуза сопутствовало установлению нового порядка жизни, являлось совершенно другим вопросом; вопро-

сом, намного более очевидным современным историкам, нежели людям того времени. Для средневековой мысли было типичным смотреть из настоящего, в котором вещи не таковы, какими им следует быть, в «золотое» прошлое, отличающееся от настоящего лишь тем, что ухудшение еще не наступило. Видеть в прошлом другое общество, неважно, насколько сильно оно может действовать некоторыми своими чертами на воображение людей настоящего — это романтизм в его особенно современной форме, корни которого можно найти в истории идей Возрождения, но вряд ли раньше⁷⁷. Хоуза, подобно Мэлори и Какстону, можно рассматривать скорее как человека, стремящегося «возродить то, что долгое время было в упадке», чем как человека, воскрешающего то, что давно мертво. Разница очевидна. Однако, вместо того чтобы настаивать на этом спорном вопросе, следует рассмотреть то, как Хоуз в действительности трактует рыцарский материал. Такое исследование, я полагаю, покажет, что идеальный рыцарь, которого имеет в виду Хоуз, представляет собой личность другого типа, сильно отличавшуюся от той исключительно военной фигуры, о которой писали большинство его предшественников.

Поскольку «Веселые забавы» в наши дни читают редко, краткое изложение этой истории не помешает. Являясь изначально скорее символическим изложением процесса возмужания, чем рыцарским романом или аллегорией куртуазной любви, произведение начинается с того, что молодой человек в начале своей карьеры стоит перед выбором. По происхождению своему он джентри, не аристократ, и первое решение, которое встает перед ним, — это выбор между активной и созерцательной жизнью. Под созерцательной жизнью нам, очевидно, предлагают понимать то, что, как правило, подразумевалось под этим термином на протяжении Средних веков, а именно жизнь церковного аскетизма и религиозного размышления. Хоуз еще далек от осознания того, что, как для Томаса Старки, созерцательная жизнь может рассматриваться как созерцательная жизнь философа в платоновском смысле или созерцательная жизнь настоящего ученого⁷⁸. Его герой колеблется, но выбирает в конце концов активный путь рыцарственности, путь мирского

достоинства и куртуазную любовь. Затем следует аллегория, определенно берущая начало в светской жизни. Этому молодому человеку, которого, между прочим, зовут Гранд Амур, сообщают во сне о красоте и добродетели красавицы Пусели, леди более высокого звания, чем он. Он тотчас влюбляется в нее и решает пуститься на ее поиски. Но он не может немедленно проследовать к Опасной Башне, где живет его леди. Во-первых, он должен стать достойным ее, первая ступень — это получение образования, образования джентльмена и рыцаря. Оно оказывается стандартным образованием, которое обеспечивали средневековые школы, состоящим из семи свободных искусств: грамматики, логики, риторики, арифметики, музыки, геометрии и астрономии. Почти половина поэмы посвящена этому по большей части традиционному курсу наставления. На полпути, в первом семестре своего предпоследнего курса, он наконец встречает красавицу Пусель в Башне Музыки. Та отвечает на его любовь более благосклонно, нежели это допускается при куртуазном поведении. Если бы Хоуз продолжал писать в том же духе, остальная часть истории потеряла бы свой смысл. По этим причинам, которые не должны нас останавливать, они слезливо прощаются друг с другом, и молодой человек продолжает работать над геометрией, которая ему плохо дается. Завершив обучение, Гранд Амур прибывает ко двору короля в стремлении получить рыцарское звание. Король же обещает присмотреть за тем, чтобы Амур получил должное наставление по владению оружием. Его успехи впечатляют, особенно если учесть краткость обучения по сравнению со временем, потраченным на умственные науки; и король в конце концов возводит его в рыцарское звание и знакомит его с принципами рыцарственности. С этого момента Гранд Амур ввязывается в серию сверхъестественных приключений, как то приличествует настоящему странствующему рыцарю, в которые входят обычные сражения с великанами и чудовищами. Все это неким образом подготавливает воссоединение с красавицей Пуселью, на которой он тут же и женится. Оставшаяся часть истории на всех парах проходит сквозь последующие годы жизни рыцаря, в которые его интересует совсем не рыцарское

дело добывания денег. В конце концов смерть настигает его, и мы слышим несколько нравоучительных завершающих речей от лица Славы, Времени и Вечности.

Несмотря на то что Хоуз применяет слово «рыцарственность» сугубо к военной стороне рыцарского обучения, нас извиняет в рассмотрении его необычной, вдохновляющей поэмы аллегория рыцарского образа жизни. В этом образе жизни традиции куртуазной любви играют значительную роль; и ум Хоуза был слишком традиционен для того, чтобы не воспользоваться подручной темой любовной аллегории⁷⁹. Тем не менее необходимо отметить, что ей не удастся возобладать над его работой в той степени, в которой она господствует над более ранними аллегориями или, если на то пошло, над «Судом Любви» и «Замком Удовольствий» Уильяма Невилля, каждая из которых относится приблизительно к тому же времени, что и его собственная поэма. Он включает тему куртуазной любви в аллерегию человеческой жизни и оживляет ее с помощью всегда популярного элемента рыцарского приключения в королевстве вещей странных и удивительных.

Хотелось бы прийти к тому выводу, что решение Хоуза изобразить более развернутую картину отражает вкус придворного общества, для которого он писал. (Он был королевским камердинером при Генрихе VII, и несомненно, его держали при дворе благодаря его литературному дару.) Возможно, это и правда, как предполагает Дж. М. Бердан, что «старая формальная эротическая аллегория не была связана с идеями новой эры» и что «Суд Любви», несмотря на то что по своим художественным достоинствам он превосходит «Веселые забавы», дошел до нас только в единственной рукописи, тогда как поэма Хоуза на протяжении столетия несколько раз переиздавалась⁸⁰. Но этот вывод, хотя он и соответствует нашему пониманию эволюционной правильности, отчасти является слишком поверхностным. Аллегория Невилля была даже еще более традиционной и гораздо менее удобочитаемой, но она, по-видимому, приобрела огромную популярность и была переиздана по крайней мере единожды⁸¹. Правда, в диалоге между печатником и автором, служившем в качестве пролога к изданию 1518 года, Коп-

ленд, печатник, открыто сомневается в этом проекте с деловой точки зрения. «Неисчислимо книг о любви напечатано было. Суть о дамах и многих доблестных рыцарях». Проблема в том, что люди больше не покупают книги, но предпочитают тратить свои деньги и свое время на всевозможные более или менее сомнительные развлечения⁸². Однако это — просто жалоба деловитого печатника, легко узнаваемая каждым, кто имел деловые отношения с их потомками в современном обществе. Если хотите, это свидетельствует о популярности жанра, который все еще мог вдохновлять «неисчислимые» публикации. Действительно, во многих отношениях Хоуз, возможно, находился на пике массового вкуса своего времени, каким бы неправдоподобным он ни казался. Вместе с тем, конечно, верно, что куртуазный вкус стремительно изменялся, реагируя на многие новые стимулы, приходящие с континента и в особенности из Италии. В любом случае Хоуз, по видимости, приобрел заметную репутацию среди аристократического класса. Томас Фейлд, в прологе к своей поэме «Разговор между опытным любовником и новичком» (*Conversation between a Lower and a Jay*), написанной некоторое время спустя, отзывался с подлинным уважением и о Невиле, и о «Молодом Стефене Хоузе», которые «трактовали любовь так искусно и достойно»⁸³.

Но здесь кроется нечто большее, чем просто проблема литературной традиции. Хоуз обращался к поколению, для которого рыцарские идеи все еще что-то значили. Подобно Мэлори, читатели Хоуза, вероятно, требовали от рыцарских институтов какого-либо практического жизненного значения. Они все еще не способны были считать эти традиции лишь романтическим пережитком. Думаю, не мог этого и Хоуз. Традиция куртуазной любви становится в «Веселых забавах» почти буржуазным обычаем. Два главных персонажа в рыцарском романе не стремились к своеобразным партизанским действиям против общества, как было обычно для прежней, в особенности французской литературы. Их не совсем законная любовь противостояла косности социального неравенства, но для того, чтобы увенчаться браком. Затем они жили счастливо. Когда его страсти ослабели с годами,

Гранд Амур просто превратился в стареющего человека, живущего на задворках общественной жизни, и чисто-сердечно посвятил себя приумножению своего состояния⁸⁴. Тогда он с женой стали обычной супружеской парой, воплощением ценностей «среднего класса», уже типичных для английских джентри. Такая тенденция существовала в английской мысли на протяжении долгого времени — ранее, как утверждает Ч. С. Льюис, Чосер «приблизил старый романтизм прелюбодеяния к самим границам нового... романтизма супружеской жизни»⁸⁵. Авторы среднеанглийских романов, по-видимому, не находились под сильным влиянием французского представления о куртуазной любви, и там, где они говорят об этом предмете, рассматривают его скорее в контексте брака, нежели в контексте прелюбодеяния⁸⁶. Подобное отношение свойственно практичному английскому мышлению позднего Средневековья. Мэлори, как мы видели, не слишком стремится развить куртуазную тему в «Смерти Артура», как он делал бы, если бы на самом деле был глубоко заинтересован в ней. И Какстон старается издать «Пятнадцать радостей брака» рыцаря де ла Тура Ландри, содержащие совершенно антикуртуазный совет своим дочерям, которые подобно дочерям Пастонов должны были прилагать слишком много усилий для приобретения мужей и были слишком заняты выработкой с ними разумного *modus vivendi*, чтобы думать о романтическом искусстве любви «по книге». В работе Хоуза история завершается не просто браком, а буржуазным браком. В нем «дикое прованское вино»⁸⁷ было одомашнено и, более того, разбавлено.

Однако в том, как Хоуз истолковывает рыцарские ценности, для нас важна не его трактовка темы куртуазной любви, но то, как он подчеркивает роль образования для рыцаря. Ранее в своем исследовании я высказал предположение, что куртуазная традиция, подобно христианскому элементу, была привита феодальному рыцарству и ее можно было снова отделить от него. Оба этих элемента могли процветать на своих собственных корнях, так как символизировали намного более универсальные потребности западного общества, чем потребности феодального рыцаря, чья практическая роль уже не была

более востребована средневековым обществом, в котором он жил, и не могла служить ему защитой. Основным признаком упадка рыцарственности можно считать то, что рыцарь-феодал перестал быть идеалом аристократического общества. Он перестает быть хоть и деградирующим, но все же приемлемым идеалом внутри целостного, не вызывающего никаких возражений комплекса идей и институтов, и становится просто пристойным маскарадным костюмом, под которым прячется совершенно новый человек. Поэтому если мы внимательно будем искать этот признак, то Хоуз может дать много пищи для размышлений.

Обучение гранда Амура составляет, как мы видели, чрезвычайно большую часть этой аллегории человеческой жизни — или, если быть более точным, жизни джентри. Будучи, по общему признанию, скучнейшей частью поэмы⁸⁸, она также является наиболее оригинальной, если ее рассматривать в том контексте, в который ее помещает Хоуз; и она вполне может быть той частью, которая наиболее близка интересам самого Хоуза. Я подробнее остановлюсь на ней в одной из последующих глав, поскольку эти описания достойны большего, нежели просто мимолетного взгляда⁸⁹. Тем не менее на данный момент следует отметить некоторые пункты. Здесь Хоуз снова обнаруживает свою способность придать фундаментальной средневековой традиции специфично ренессансный характер. Идея показа аллегории любви на фоне общей картины достаточно стара. Жан Клопинель из Мэна, который продолжил «Роман о Розе», начатый Гильомом де Лоррисом, не смог устоять перед искушением включить в свою поэму энциклопедическую эрудицию средневековых школ. Хоуз, несомненно, полагал, что он вносит свой вклад в эту классическую традицию эротической аллегории. Система образования, которую он описывает, является, кроме того, той самой схоластичной системой все еще стандартного учебного курса английских университетов. Тем не менее она не дается в форме отступления или, как в работе Клопинеля, в виде серии отступлений (прежде всего от аллегории любви), но она выглядит неотъемлемой частью аллегории, пронизывающей всю жизнь джентльмена. Ее цель не в про-

стом наставлении, но в наставлении, направленном на достижение не куртуазного успеха, а успеха в сложном мире Англии времен самого Хоуза.

Признать это означает осознать, насколько Хоуз выходит за рамки рыцарского обучения, традиционно предписываемого рыцарскими руководствами позднего Средневековья. То, что рыцарь должен получить образование в области искусств, стало значительным шагом вперед. К такому образованию, прежде ограничивавшемуся кругом клириков, теперь все в большей степени стремились люди правящего класса, которые, подобно герою поэмы Хоуза, выбрали деятельную жизнь в деловом мире. То, что Хоуз неоднократно обращается к практическому применению свободных искусств, особенно искусства риторики, к делам не только самого рыцаря (чья светская деятельность, как необходимо помнить, выходила далеко за рамки деятельности средневекового рыцаря), но также к делам общего благосостояния, ставит его в один ряд с новым поколением людей, получивших гуманитарное образование. Это те люди, которые на протяжении первой половины шестнадцатого столетия дали английскому образованию новую установку на удовлетворение значительно увеличившихся потребностей и возможностей, которые давало тюдоровское государство.

Таким образом, Хоуз являет собой один из прекраснейших образцов этой вечного гибрида — человека переходной эпохи. Этим термином зачастую злоупотребляют, используя его в качестве ярлыка, который придает некоторую видимость ученой респектабельности при отсутствии анализа. Но в том, что касается Хоуза, мы стоим на достаточно твердой почве потому, что у нас под рукой есть то, что несет все знаки сущности его исключительно социальной философии. Случай лорда Бернерса кажется более сложным и, к сожалению, не таким ценным. Дело в том, что Бернерс был простым переводчиком — хорошим переводчиком, но не тем, кто привносит в работу что-либо от себя, за исключением чувства стиля и любви к предмету.

Одно из классических произведений средневековой истории, которое особенно знаменито как зеркало рыцарской деятельности и источник рыцарского вдохнове-

ния для последующих поколений, Какстону так и не удалось сделать доступным для своих современников на их собственном языке. Он советовал молодым джентльменам Англии читать хроники Фруассара ради изучения примеров рыцарских подвигов, которые они содержат, но он не перевел и не напечатал их. Несомненно, он предпочитал более «английского» и несомненно популярного «Брута»* или более общую историю мира, содержащуюся в «Полихрониконе» Хигдена. Поэтому задача перевода Фруассара была отложена на будущее. В 1519 году лорд Бернерс, «воинственный муж, хорошо владеющий всеми военными дисциплинами», берется за перевод, и в 1523-м первое издание выходит из типографии Пинсона.

Является ли этот перевод более важным для нашей цели как свидетельство живого интереса к рыцарственности при дворе молодого Генриха VIII или же как средство, благодаря которому рыцарский идеал перешел к последующим поколениям английских джентри и таким образом бесспорно способствовал появлению романтической моды на рыцарство в эпоху Елизаветы, — это спорный вопрос. Тем не менее неоспоримо то, что его публикация стала важным событием в истории рыцарской мысли. Хроника Фруассара гораздо в большей степени, чем большинство других хроник, которые люди ранней тюдоровской Англии, по всей видимости, читали, — например, хроники Фабиана или Полидора Вергилия, — являлась летописью рыцарских деяний и косвенно повествованием о рыцарских идеалах. Только истории о правлении Генриха V, особенно перевод «Жизни Генриха V» Тита Ливия, сделанный в 1512 году, могли соперничать с Фруассаром как с источником рыцарского вдохновения, но даже здесь национальный или патриотический элемент стремился перевесить чистую традицию поиска приключений. Ум Фруассара, как правило, имел дело с рыцарским аспектом, с «прекрасным боевым подвигом», а не со столкновением национальных инте-

* «Брут» — произведение Лайамона, написанное в начале XIII века. — *Прим. ред.*

ресов. С темой рыцарственности его труды были связаны больше, чем с политикой.

Сам Фруассар, когда писал свои хроники, абсолютно искренне ставил перед собой определенную цель. Она состояла, если цитировать по переводу Бернерса, «в намерении, что достойные и благородные события ратных подвигов, осуществленных в течение войн Франции и Англии, следует больше всех запечатлеть и внести в вечную память, посредством чего доблестные и смелые будут иметь пример, который поощрит их в благих делах»⁹⁰. Ни Какстон, ни Бернерс добровольно не ограничились бы в такой степени границы и цель истории. Действительно, насколько важен тот факт, что оба они настаивали на том, что историк должен служить национальному сообществу, настолько же важно и то, что они надеялись извлечь примеры рыцарства из дел прошлого времени. В своем общем предисловии Бернерс идет даже дальше, чем Какстон, демонстрируя ценность истории, которая рассматривается как накопленный опыт столетий, для гражданской жизни страны. Он также признает, что возможно получать пользу от «памятников литературы», очевидно, иных, чем история, которая «многими людьми двигала, одними, чтобы строить города, другими, чтобы придумывать и устанавливать законы, справедливые, полезные, необходимые, приличествующие человеческой жизни; некоторыми другими, чтобы находить новые искусства, ремесла и науки, весьма необходимые для пользы человечества». Здесь мы видим первый признак той веры в творческий разум человека, которая станет присуща большинству памфлетов, писавшихся в ранний тюдоровский период, и которая в значительной степени выходила за рамки феодальной и рыцарской концепции, считавшей, что роль правительства и правящего класса заключается в защите. Действительно, кажется, что предисловие Бернерса⁹¹ странным образом выходит за границы предисловия Фруассара, ширина кругозора которого в некоторой степени сводится на нет сокращенным размером последующего перевода.

Ко времени, когда было написано предисловие к второму тому⁹², Бернерс, по-видимому, вернулся к более традиционной, более ограниченной и очевидно

более рыцарской, возможно также и более близкой ему по духу, точке зрения. Он поздравляет себя с тем, что достойно потратил свое время, сделав весьма значимый перевод Фруассара. Войны между Англией и Францией, где подробно описывались рыцарские деяния, намного превосходили, как он утверждает, другие войны по «рыцарским подвигам, мужественности и человечности». Ему нравилось, что «мои благородные соотечественники» получают удовольствие от чтения о «достойных и рыцарских подвигах их доблестных предков». Прежде всего он находил удовлетворение в одобрении, полученном от Генриха VIII. Генрих был тем человеком, который «приказал» проделать эту работу. Он разделял интерес к запечатлеванию рыцарских подвигов: «и при сем его Высочество имел милость обратить свое внимание на то, как его достойные подданные, видя в истории весьма знаменитые деяния, картины, живописующие их доблестных прародителей, дерзают всею своею добродетелью и мужественностью следовать, да пусть дерзают, если позволено». Для Бернерса, как и для Какстона и, возможно, для самого Генриха VIII, история все еще в значительной степени является вопросом рыцарства, подающего назидательный пример.

Если бы Бернерс писал несколькими годами раньше (он родился в 1467 или 1469 году), то, возможно, работал бы с Какстоном, поскольку он принадлежал к тому же поколению, что и те «многие достойные и разные джентльмены королевства Англии», которые, как говорит Какстон, убедили его напечатать истории о дворе короля Артура. Мы, конечно, не знаем, кем были эти люди, но можем предположить, что история Англии интересовала их точно так же, как и рыцарский образец. Какстон, конечно, подчеркивает оба этих момента в своем прологе к «Королю Артуру». Бернерс в ранние годы дышал тем же социальным и политическим воздухом, каким дышали Какстон и его покровители. Он, в некотором смысле, был одним из последних из той линии дореформенных рыцарей-ученых, которые, благодаря своей учености, указывают на новую эру в английской культуре, но, в

силу своей озабоченности рыцарскими ценностями, принадлежат к упадочному Средневековью⁹³.

Мы, однако, упустили бы более тонкую проблему, связанную с Бернерсом, если бы отметили лишь его перевод Фруассара. Он также перевел «Книгу о Гугоне Бордосском» (*The Boke of Duke Huon of Burdeux*), «Историю знатнейшего и храбрейшего рыцаря Артура Бретонского» (*The history of the most noble and valyant knyght Arthur of lyttel brytayne*), «Замок любви» (*The Castell of Love*) и «Золотую книгу Марка Аврелия» (*The golden boke of Marcus Aurelius*)⁹⁴. Их он закончил вместе с Фруассаром в то время, когда он на склоне лет служил в качестве главного представителя от Кале. Имея достаточно свободного времени и не имея никакой непреодолимой склонности к занятию наукой, Бернерс берется за работу над теми предметами, которые английские аристократы, предложившие, по его утверждению, вышеприведенные книги для перевода, сочли соответствующими их вкусу.

За исключением «Золотой книги Марка Аврелия», все они принадлежат рыцарской традиции. «Замок Любви» является обычной куртуазной аллегорией. Два рыцарских романа, «Герцог Гугон» и «Артур Бретонский», относятся к тому периоду, в котором этот жанр стал чрезвычайно обременен магическими и сверхъестественными элементами — настолько несомненными, как если бы сам элемент рыцарственности в некоторой степени лежал вне мира реальности. Бернерс признается, что он был обеспокоен таким сверхъестественным характером. Что же касается «Артура Бретонского», «там, где, кажется, столь много невозможного», он выражает особенное сомнение. Подобно Хоузу, он чувствовал необходимым обосновать написание такой «небылицы» на том основании, что она помогала «избежать праздности», которая является «матерью любого порока»⁹⁵. Казалось бы, он в некоторой степени придерживается той скептической и утилитарной привычки, которая столь глубоко укоренилась в английском уме. Мэлори по большей части умышленно не включал сверхъестественный, чудесный элемент в романы, которые он адаптировал⁹⁶; и Какстон трактовал все рыцарские романы с серьезностью чело-

века, заглядывающего в литературу только мимоходом ради получения чистого удовольствия от чтения.

Но вопрос в том, насколько серьезно Бернерс и его друзья принимали эти благочестивые заявления. Содержание «Артура Бретонского», доказывает Бернерс, является, в конце концов, не более невероятным, чем содержание многих других историй о рыцарских приключениях, которые он читал. Несмотря на свою наивную заботу о различении истины и вымысла, он любит эту историю; и, по-видимому, ее столь же любили и другие люди, для которых он писал, поскольку рыцарские романы оставались популярными в Англии на протяжении всего этого столетия. Развлечение значило для него гораздо больше, чем для его предшественников, оно было достойной причиной для перевода такого материала; и мы можем допустить, что он работал в равной степени как ради этой цели, так и для того, чтобы сохранить в памяти соотечественников «рыцарские подвиги и воинскую доблесть победоносных рыцарей прошлого»⁹⁷. Здесь мы наблюдаем, что является очень значимым, развитие английского мышления, а именно постепенный рост того подлинно романтического отношения к рыцарскому наследию, которое в течение столетия привело к тому, что общество, по преимуществу нерыцарское, стало проявлять живейший интерес к рыцарским историям. Читательская публика времен Елизаветы могла поблагодарить Бернерса не столько за пример рыцарских ценностей в действии, сколько за то, что он дал им мечты о рыцарственности.

Что касается «Золотой книги Марка Аврелия», то она показывает столь же значимый интерес к нерыцарскому примеру древности. Хотя это и подделка, созданная испанцем Геварой и показывающая наиболее правдоподобную картину римской мысли, она была чрезвычайно популярна в Англии шестнадцатого века и свидетельствовала о новой, ориентированной на классику культуре Ренессанса. Здесь мы вновь можем увидеть мышление раннего тюдоровского англичанина во всей его богатой противоречивости. Рыцарский пример изнашивался из-за слишком усердного использования в неблагоприятной для него сфере. Рыцарский роман находился на грани

окончательного освобождения от реальности. Несомненно, оба они сохраняли некоторую значимость для английского джентльмена; но тот искал новые источники вдохновения и охотно рассматривал новые образцы.

В те дни из Италии дули сильные ветры, которые сметут затаившуюся золотую осень рыцарственности. Новые примеры искали и нашли, и мы рассмотрим это новое нравоучительное влияние в новом контексте — в национальном государстве тюдоровской Англии. Генрих VIII, решая религиозные, политические и административные проблемы позднего времени своего правления, сам сделал многое для того, чтобы создать эту новую ситуацию. Его незамужняя дочь сделает еще больше. Английские гуманисты были в значительной степени ответственны за то, что английская читающая публика ознакомилась с образцами по-новому оцененной и истолкованной древности. Среди них были и произведения некоторых предшественников. Даже те, кто был глубоко озабочен проблемами возрожденной рыцарственности, выказывали признаки интереса к новому предмету. Основным примером служит Джон Типтофт, граф Вустера, о котором мы более детально поговорим в одной из последующих глав⁹⁸. Рыцарь до мозга костей, официально ответственный за рыцарские церемонии при дворе, он искал в итальянской культуре новый критерий знатности и нашел ответ в «Разговоре о знатности» Буанакорсо, истории настолько нерыцарской, насколько это только можно было вообразить, но тем не менее все еще имеющей дело с главным предрассудком позднесредневековой аристократии. В следующей главе мы рассмотрим некоторые аспекты новых примеров и новой ситуации. Идеи тюдоровской Англии по большей части уже подвергались всестороннему и умелому анализу. Поэтому я сконцентрируюсь лишь на тех основных проблемах, которые служили своеобразным *terminus ad quem** для предыдущего повествования, а также дадут систему исторических координат для последующих глав.

---

* Камнем преткновения (лат.).

ГЛАВА III

НОВЫЕ ПРИМЕРЫ И НОВЫЙ КОНТЕКСТ

Каким бы неуместным ни был рыцарский идеал для тех сил, которые, по мнению историка, определили изменения английского общества в конце пятнадцатого и начале шестнадцатого веков, тем не менее несомненно, что он все еще что-то значил для людей тех дней и способен был вызывать более чем просто романтический отклик. Но когда наблюдаешь апологетов рыцарского образа жизни, пытавшихся вдохнуть жизнь в старую систему ценностей, нельзя избавиться от ощущения, что они использовали пример рыцарства в значительной степени из-за отсутствия примера, более приемлемого для нового, как раз тогда формировавшегося общества. Это новое общество в конце концов породило бы свои собственные мифы и создало бы свои собственные исторические прецеденты, что оно в известной степени и сделало. Однако для того, чтобы помочь английскому мышлению преодолеть жесткий переход от средневекового образа мыслей к новому, требовались новые источники интеллектуального вдохновения. На деле этот новый источник вдохновения, этот новый «пример» в значительной степени пришел извне в форме гуманизма.

Эволюция нового *Weltanschauung**, конечно, не зависела лишь от внешних стимулов. Те английские умы,

---

* Мировоззрение (нем.).

которые внимательно относились к происходящему в окружающем их обществе, обладали замечательной способностью к реалистической оценке и к практической адаптации. Сэр Джон Фортескью, например, смог применить средневековую в целом модель мышления к новым политическим ситуациям без помощи какого-либо влияния извне, за исключением, возможно, современного ему исторического примера, который он наблюдал во Франции Людовика XI и Филиппа де Коммина. И в ранний тюдоровский период множество памфлетистов адаптировали как средневековые, так и гуманистические понятия для того, чтобы принять вызов еще более революционных событий этой эпохи и исследовать причины и следствия в экономической и социальной жизни вкупе с эмпиризмом, бывшим не менее важным оттого, что он являлся по большей части бессознательным¹. Однако сами по себе реализм и прикладной здравый смысл не в состоянии были сделать большее, чем просто подготовить путь для нового мировоззрения. В лучшем случае они направляли внимание от интеллектуальных стереотипов к реальным примерам, от мифов к реальности. Действуя таким образом, они помогали ослабить власть рыцарских идей над английским мышлением.

Рост тюдоровского национализма принес изменения, более соответствующие новому позитивному идеалу. Нация-государство, появившееся в результате революционных событий тридцатых и сороковых годов, во все возрастающей степени определяло те практические рамки, в которые идеи, имеющие традиционное значение, должны были помещаться. Теперь, как показано выше, английская мысль, в частности рыцарская, на протяжении долгого времени питалась ростом национального самосознания. В этом отношении Англия стояла во главе остальной Европы, благодаря как своему островному положению, так и тем последствиям в виде высокоцентрализованного феодализма, которые принесло с собой завоевание норманнов. Но в том, что касается рыцарской мысли, дух национализма сосредотачивался на персоне короля больше, чем на нации в современном понимании: интересы, которые он признавал, были скорее династическими, нежели экономическими или стратегическими. Были, конечно, люди, подобные автору

«Краткого трактата об английской политике», которые могли мыслить в терминах зарождающегося меркантилизма, нисколько не связанного с экономическими проблемами, занимавшими «государственных мужей» в последующем столетии. Однако такие произведения были редки и не являлись частью истории рыцарской мысли, за исключением того, что могли служить негативным свидетельством. Рыцарский ум мог отзываться на патристический призыв. Но он не был национальным; скорее он был династическим, сосредоточенным на личности короля.

Национальная идея начала вторгаться в умы англичан в своей современной, а не в средневековой форме, не раньше второй половины правления Генриха VIII. В это время из королевского правительства, типичного для предшествующего периода, рождается подлинно национальная администрация. Англиканская Реформация отделяет Англию от средневекового христианского мира и, очевидно и безвозвратно, помещает ее среди суверенных держав, которые начали тогда неограниченное соперничество, являющееся сутью современной системы государств. Тогда же памфлетисты и пропагандисты, антиквари и хронисты все больше и больше начинают использовать свое перо на благо национальных интересов. Тем самым они намечают форму тех дискуссий, которые определяют английскую историю в оставшейся части столетия.

* * *

Именно здесь, в памфлетах этого времени, мы видим, как развивается мышление, первоочередной заботой которого были отнюдь не рыцарские ценности. Возможно, новый взгляд лучше рассматривать в работах тех стоявших на общественно-активной позиции комментаторов, которые, во имя обманчиво средневекового «всеобщего благосостояния», исследовали связи между правлением и процветанием общества. Они призывали каждого ответственного гражданина исполнять свой гражданский долг, направляя как свой ум, так и тело на службу своей стране. Эти «государственные люди» (*commonwealth men*), среди которых наиболее известны Морисон, Стар-

ки и Хейлз, видели, поскольку это касалось здоровья и процветания политического организма, что в ходе правления в результате конструктивной политики происходят манипуляции наиболее весомыми силами, в частности экономическими интересами. Это требовало единения сознания всех мыслящих граждан. Вывод, который возникает из такого комментария, состоит в том, что гражданство представляет собой явление, в котором все могут принимать какое-либо участие. Благосостояние общества «требует совета каждого человека», а не совета исключительно аристократов, несмотря на идею, взлелеянную последними, что они были природными советниками королей. Сверх того, мерой гражданства является ум. Эти люди стали признавать, хотя скорее в целях практических, а не в целях политической теории, что национальное государство переросло первоначально защитную функцию, которая ему обычно приписывалась раньше. Рыцарь не мог больше рассматриваться просто как рука политического организма, держащая меч. Знатность теперь должна была оцениваться в определенной степени мерой гражданства, а гражданство — требованиями динамического общества.

Царствования Генриха VIII и Эдуарда VI дают нам огромное количество примеров такого подхода². Мы приведем лишь некоторые из них, прямо или косвенно касающиеся статуса рыцарства. Особо подходящим примером является произведение Элиота, в котором он подчеркивал то, что джентри необходимо в первую очередь обучать искусству правления, а не простому военному делу или даже придворному мастерству в представлении Кастильоне. К этому примеру мы вернемся ниже³. Возможно, наиболее показательным образцом — и в этой связи недостаточно оцененным — является памфлет «Обсуждение Благосостояние королевства Английского» (*A Discourse of Common Weal of this Realm of England*), составленный около 1549 года и ныне обычно приписываемый Джону Хейлзу⁴. Для своего обсуждения Хейлз собирает круг персонажей, выбранных в соответствии с доброй средневековой традицией как представители функционирующих органов политического организма — рыцаря, торговца, врача, земледельца и ремесленника. Рыцарь, как и подобает его званию, ведет дискуссию.

До этого момента ничто не говорит читателю о том, что скоро ему подадут нечто более соответствующее современному вкусу, нежели диалог «О благородстве и знатности» (*Of Gentylnes and Nobylte, ca. 1523*), относящийся к более раннему периоду, или интермедию Хейвуда «Погода» (*The Weather*)⁵, в которых рыцарь просто олицетворяет свое сословие и выражает его частные интересы. Конечно, рыцарь играет эту роль и для Хейлза. Он — лендлорд, выражающий характерные для своего класса жалобы и интересы⁶. Из текста можно сделать вывод, что рыцарь также получил начальное военное обучение⁷. Коротче говоря, он — типичный рыцарь. По крайней мере, он является типичным представителем того обыденного и практичного рыцарства, которое возникло в недрах английского общества позднего Средневековья и имело лишь формальное отношение к тому обходительному и возвышенному странствующему рыцарю, столь дорогому сердцу Чосера. Но скоро становится ясно, что мы вынуждены иметь дело с чем-то совсем отличным даже от рыцаря благородного происхождения, несмотря на выдвинутые им претензии на знатность на основании своей собственной службы и службы своих предков государству в качестве воинов и феодальных лордов⁸. Конечно, он несколько не походит на каких бы то ни было вдохновенных маньяков, которые на страницах Мэлори прокладывают себе дорогу через политический вакуум с довольно-таки бесцельной настойчивостью.

Хейлз, по-видимому, хотел сказать что-то, имевшее чрезвычайное значение для всеобщего благосостояния. Он выбрал, по его собственным словам, форму диалога, потому что проблемы, которые он имел в виду, подходили скорее для дискуссии, чем для прямого изложения. (Это была форма, очень распространенная среди древней литературы, и поэтому она стала особенно популярной среди писателей-гуманистов.) И он выбрал своих персонажей не потому, что они представляли собой универсальные типы статичного общества, но потому, что они представляли «каждое сословие, которое в наше время считает себя обойденным»⁹. Именно эти проблемы влияли на богатство и могущество английской нации и были главным образом экономическими. Это само по себе выглядит весьма знаменательным обстоятельством. Подо-

бно большинству других «государственных людей», Хейлз рассматривал правительство не просто как силу, призванную защищать общество, но как силу, которая существует в основном ради управления экономическими факторами в английском обществе в интересах общего «благосостояния»¹⁰. В этой связи он особенно тщательно исследует интересы всех заинтересованных лиц, стараясь обнаружить причинно-следственные связи. Хейлз находит причины болезней нации — непосредственные, реальные, а не метафизические причины. Например, он рассматривает в качестве таковых текстильную торговлю, а не волю Божию или врожденную греховность человека. Долгом тех, чьим рукам вверено государство, считает он, должна быть разработка созидательной политики, которая вылечила бы эти болезни и привела страну к богатству и процветанию.

В этом исследовании экономических причин Рыцарь принимает живейший интерес. Он задает всем наводящие вопросы, которые зачастую обнаруживают большую проницательность в поиске социальной причинности, чем другие образчики в ранней политической литературе Англии, за исключением, возможно, «Утопии» Мора. Рыцарь не дает ответов. Это, что также примечательно, — роль, отведенная Врачу, который, однако, не получил схоластического образования и не является теологически предвзятым человеком, какого, если уж на то пошло, можно было бы ожидать найти поколением ранее или даже в середине века, но представляется скорее гуманистом, стремящимся обратить свое классическое образование к практическим целям своей страны. Это именно тот человек, о ком Мор и Старки писали в своих диалогах, человек благоразумный, не позволяющий себе, говоря словами персонажа Старки Томаса Люпсета, увлечься «сладостью своих исследований, своим покоем и довольством» для того, чтобы отказаться от «попечения о всеобщем благосостоянии и политике»¹¹. Он представляет платоновский идеал образованного человека, который, в отсутствие философа-короля, чувствует себя обязанным предоставить свою мудрость в распоряжение тех, кто непосредственно отвечает за реальную деятельность правительства. Именно в качестве представителя последней группы рыцарь находит свое подлинное место в этой

социальной системе. Да, он — солдат, но его основная служба — мировой судья и представитель графства. Рыцарь знает в первую очередь проблемы своей округи, служа в комиссии по огораживаниям¹². У него также есть парламентский опыт; и он весьма определенно высказывает свое намерение во время следующей парламентской сессии привлечь внимание парламента к мудрости Врача¹³.

В самом деле, Рыцарь является олицетворением нового светского идеала — джентльмена как правителя. Хотя именно Врач отвечает на вопросы и близко подходит к тому объединению деятельной и созерцательной жизни, которому Старки придает такое большое значение, Рыцарь предстает как естественный хранитель доброго совета. Действительно, судя по проницательности вопросов, которые он ставит перед Врачом, он вполне способен на самостоятельное конструктивное мышление. Быть может, Рыцарь представляет позицию самого Хейлза, изложившего цель своего творчества и попутно представив свой собственный идеал деятельного гражданина следующим образом:

Рассматривая многие жалобы людей, касающихся упадка этого Государства и Королевства Англии... Хотя я и не призван в совет короля, главным образом которому улужение и рассуждение делать подобает, тем не менее, осознавая себя гленом этой же самой державы и будучи призванным быть одним из палаты, где подобные вещи следует рассматривать, я не могу считать себя просто сторонним этому вопросу... Поэтому, будучи ныне свободным от других дел, думал я, что мог бы использовать свое исследование просто, чтобы поговорить с самим собой. Сперва о том, о чем люди жалуются, затем о том, что должно быть прижиной первого. И о том, что известно, как такие жалобы могут быть разрешены, а состояние государства снова улужено¹⁴.

Вот он — тогдашний портрет рыцаря тюдоровского времени в действии. Если это не законченная картина, то, по крайней мере, убедительная зарисовка. Если она по-прежнему не учитывает светские, впрочем, искусно измененные аристократические черты, то тем не менее

включает все то, что более серьезно настроенные из деятелей того времени, в том числе и Элиот, считали имеющим первостепенное значение. Едва ли в ней остался хоть след от того рыцарского духа, знакомого читателям литературы позднего Средневековья — или, если уж на то пошло, тем из современников Хейлза, огромное число которых, по-видимому, продолжало находить удовлетворение (или спасение) в наиболее фантастических из рыцарских романов. Этот достойный английский джентльмен, до сих пор смотревший по-средневековому на сословное общество, в котором аристократия обладает преимущественными властью и привилегиями, пришел к осознанию того факта, что общество есть комплекс движущих сил, при этом совершенно не поняв философских заключений, следующих из него. По-прежнему принимая во внимание свою военную обязанность, он вместе с тем осознает и первостепенную важность политики в управлении этими силами. Все еще готовый, хотя готовность эта стремительно ослабевает, оставить образование клирикам (несомненно, для привлечения интереса своих «благородных» читателей к тому, что представляется утонченными аргументами образованного человека, Хейлз заставляет своего Рыцаря строго выяснять у Врача, насколько полезны книжные знания), он стремится обсудить дела с тренированным и философским умом и уважительно выслушивает его совет.

Еще один или два добавочных примера такого нового представления о социальной функции, принадлежащей правящему классу, и мы перейдем к обсуждению других вопросов. Еще в одной из этих полудраматических бесед, так популярных среди тех, кто желал обсудить злободневные проблемы того времени, озаглавленной «Должный разговор между джентльменом и землепашцем» (1530 год)¹⁵ (*A Proper Dyaloge betwene a Gentillman and a Husbandman*), «джентльмен» является промежуточной стадией развития между Рыцарем в трактате «О Благородстве» и Рыцарем Хейлза. Но он вовлечен в энергичное, хотя и совершенно тенденциозное обсуждение, касающееся необходимости церковной реформы, которая стала проблемой скорее национальной, чем классовой заботы. В частности, он выражает взгляды землевладельческого класса. Он подробно останавливается на том, как

духовенство присвоило земли его предков, играя на их чувстве страха перед чистилищем. Тем не менее в этом диалоге можно увидеть сгущающуюся тень англиканской Реформации — самого тревожного из грядущих событий. Реформация в большей степени, чем что-либо другое, способствовала тому, что внимание английского населения, независимо от класса, сфокусировалось на вопросе общего благосостояния и на национальном правительстве как на единственно возможном источнике действенного законодательства и конструктивной политики.

Эта новая национальная ориентация вновь становится очевидной в памфлетах, а точнее — в военных книгах шестнадцатого столетия. Если вообще где-то можно ожидать найти обычное соединение рыцарственности и патриотизма, которое заменило национализм в четырнадцатом и пятнадцатом веках, то именно в этой категории. Тем не менее центральной задачей опять является именно национальный интерес, а не династическая политика короны. Военные все в большей и большей степени стремились определить свою роль в обществе как долг защищать свою страну, общий для *всех* англичан, а не как долг, присущий одной лишь рыцарской касте. Именно эта тема позднее потребует особого внимания¹⁶. Сейчас достаточно будет отметить, в какой мере в памфлете «Призыв ко всем англичанам восстать в защиту Отечества» (1539 г.) (*An Exhortation to Styrrre all Englysshemen to the Defence of theyr Countrye*) сэр Ричард Морисон делает особый акцент на долге всех людей, «какового бы звания они ни были, служить своей стране таким образом, каким их государь или их начальник укажет им»¹⁷, и заключает, что если его соотечественники «отстоят это единственное поле английскими руками и английскими сердцами, то вечное спокойствие, покой, мир, победа, честь, богатство, все будет нашим»¹⁸. Вооруженная нация здесь предстает как идея, управляющая защитой королевства, и тем самым замещает идеал патриотического рыцарства¹⁹.

Необходимо помнить, что Морисон был одним из тех гуманистически воспитанных публицистов, которых Кромвель собирал вокруг себя именно ради того, чтобы сформулировать принципы тюдоровской политики и донести их до английской публики²⁰. В самом деле, как видно из предыдущих страниц, невозможно полностью

отделить новое национальное сознание от гуманистического влияния. По всей Западной Европе гуманизм ставил своей задачей использование классических принципов и классического образца в прикладных целях социальной реформы. В Англии эта тенденция находит свое характерное выражение внутри специфической ситуации тюдоровского государства.

* * *

История раннего английского гуманизма слишком обширна и слишком хорошо знакома для того, чтобы ее сколько-нибудь детально здесь пересказывать²¹. Кроме того, сама по себе она не является частью непосредственной проблемы, стоящей перед нами. Однако роль, которую новое знание сыграло в вытеснении рыцарского мировоззрения, является настолько важной, что ему придется посвятить определенное внимание как здесь, так и в последующих главах.

Античный образец особенно подходил для того, чтобы служить сырым материалом для нового социального идеала. В самом деле, Афины и Рим были во многих отношениях ближе к реалиям ранней тюдоровской Англии, чем что-либо, что можно было найти в средневековой теории. Английские рыцари давно перестали обладать особым правовым положением в английском государстве и потеряли свою монополию на военную профессию. К шестнадцатому столетию они разделили с джентри, от которых только отчасти отличались условным титулом, разнообразные обязанности местного управления. Вместе они стали частью мелкой* аристократии, от которой тюдоровская монархия все в большей степени зависела из-за судебных и административных способностей этого слоя. Таким образом, английские рыцари на первых порах переняли некоторые из характерных черт римских всадников, особенно того класса низшей знати, который был вновь реформирован Августом и приспособлен к нуждам имперского государства. В ран-

* Иногда низшей. — *Прим. ред.*

нем тюдоровском обществе джентльмен все больше и больше стремился объединить функции стража и мыслителя, формально разделенные между рыцарем и клириком, для того чтобы стать, как никогда ранее, частью по-настоящему правящего класса. Поэтому оказывалось, что он все в большей степени мог найти источник культурного вдохновения, наиболее подходящий к его жизни, тот пример, в котором он столь остро нуждался, скорее в сочинениях античности, направленных для правящего класса в целом, чем в рыцарских сочинениях, которые были предназначены в первую очередь, если не исключительно, для военной аристократии.

Английские гуманисты использовали классические источники довольно эклектично. Вдохновение они находили в Платоне. На протяжении пятнадцатого столетия итальянские гуманисты видели в нем подходящего преемника для Аристотеля как философа. Его идеал аристократического общества, которое организовано в здоровое и справедливое государство, управляемое философ-королем с помощью элиты стражей и ученых мужей; общества, в котором высшее благо лежит в добродетели и добродетель должна совершенствоваться образованием, — все это прямо-таки взывало к английскому гуманизму. Они также использовали римский идеал гражданства. Этот идеал, объединяющий «принципы греческой философии с римским политическим опытом»²², они смогли изучить по работам Цицерона и Квинтилиана, делавших акцент на активном участии в общественных делах, на красноречии как средстве и на добродетели и образовании как неотъемлемых условиях. К тому же как у Цицерона, так и у Сенеки, они смогли найти стоическую веру в силу природного разума людей как высшей власти в чисто человеческих делах и как наиболее могущественного из орудий для улучшения человеческого общества. Можно добавить, что с этой верой рыцарский идеализм имел мало общего. В частности, «разумное» отношение гуманистов, окружавших Эразма, к войне вовсе не оставляло места для рыцарской идеализации сражения как наиболее высокого светского стремления рыцарского класса²³.

Пример античности мог, таким образом, служить и моделью, и способом ее достижения. Он был образцом

отношения к обществу, более подходящим к изменившейся жизни, чем средневековые традиции, и в то же самое время был примером, во многом ослабившим влияние традиции на человеческие умы. Прямым результатом этого стало в первую очередь усвоение новых установок, а не формулировка новых идей. Но, сколь бы ни были традиционными основные предпосылки, каким бы консервативным ни являлось направление гуманистической мысли, подход английских гуманистов к человеческому обществу, и в частности к английскому обществу, был новым и решительным и стал красноречивым свидетельством стимулирующего влияния нового классицизма.

Конечно, множество образцов классической литературы давно были доступны английским ученым; и, в некотором смысле, пример античности со времен Иоанна Солсберийского был знаком и очень полезен средневековому писателю. Но античные классики служили специфическим целям средневекового общества. Они рассматривались или как дополнение к схоластической философии, или как демонстрация христианско-рыцарской этической системы. Их истолковывали строго внутри христианской схемы истории и космологии. Средневековое общество ничему ни подражало сознательно. Его писатели все, что бы ни вдохновляло их в литературе античности или начала христианской эпохи, подгоняли к своей собственной картине общества, ни в малейшей степени не чувствуя исторического несоответствия. Поэтому они упустили то неясно волнующее вдохновение, которое появится вследствие признания уникального характера античного общества. Для них римские военные герои оставались «языческими воинами-рыцарями»²⁴, которые во всем, за исключением своего язычества, были равны рыцарям средневекового христианского мира. Девять Героев, обычный репертуар каждого придворного поэта, совершенно одинаковым образом демонстрировали рыцарские добродетели — Иисус Навин, Гектор и Юлий Цезарь, так же как Артур, Карл Великий и Готфрид Бульонский²⁵, Лидгейт, которого никоим образом нельзя заподозрить в незнакомстве с классическим образованием, сказал:

*Рыцари Греции и города Трои
Приняли его законы, и затем в Риме городе,*

*И в Карфагене, стране великой и знатной,
Помнящей славу Ганнибала и достойного Сципиона*²⁶.

Это была античность, в значительной степени подогнанная под Средневековье, которую Какстон передаст английским читателям на самом пороге новой эры. Люди Англии пятнадцатого столетия не способны были увидеть, что общество Афин и Рима отличалось от их собственного общества, хотя все еще и связывалось с ним узами интеллектуальной и эмоциональной близости и многообразием общего опыта и общих интересов.

Именно это люди тюдоровской Англии в разной степени сумели оценить. Сэр Томас Смит (очевидно, вторя в этом отношении Уильяму Гарисону) мог, например, объяснить английские институты первых годов правления Елизаветы, сравнив их с римскими. Кроме того, он сумел также увидеть, что и английские джентри не были аналогом римских всадников. В самом деле, он находил основную схожесть между ними и их классическими двойниками именно в их административной функции, в том положении, которое они занимали в сложном аппарате государства, а не в их воинской роли, средневековому уму казавшейся во всем одинаковой²⁷. Позднее сэр Уильям Сегар проведет подобное различие, которое даже более примечательно с точки зрения исторического различия, заключенного в нем. По его словам, обычные рыцари походят на то, что Римляне называли

*«римскими всадниками, но разнятся с ними в некотором роде, но в другом аспекте действительно схожи; ибо редко когда одно государство полностью совпадает по сути своей с другим, также никакое государство не походит на себя в разные времена»*²⁸.

Хронисты и несколько переводчиков историй, большинство из которых настаивали на прагматической природе своего предприятия, оправдывали историю как кладезь человеческого опыта, источник зрелой мудрости, и все больше и больше стремились подчеркнуть пример классической древности. В своем переводе «Истории деяний Александра Македонского» Квинта Курция Джон Бренд (1553 г.) энергично пропагандирует перевод всех «историй» со всех иностранных наречий на английский, но

«особенно историй древности, которые и из-за величия деяний, совершенных в те дни, и из-за непревзойденного мастерства писателей, имеют много величия и примеров добродетели»²⁹. Привычка применять рыцарскую терминологию к примерам из древней истории сохранялась, и всегда трудно сказать с уверенностью, где заканчивается буквальное значение и начинается простая лингвистическая привычка. «Призыв» Морисона включает лучшие средневековые рыцарские прецеденты патриотических действий, равно как и события, взятые из античности и Священного Писания. Но его цель близка новой, по всей видимости национальной политике. Томас Бертелей написал предисловие к «Истории Ганнибала и Сципиона» сэра Энтони Коупа (1544 год), в котором он обнаруживает, что ни прототипы рыцарства древних полководцев, ни сам Коуп больше не используют такую терминологию. Более того, Коуп, по-видимому, полностью осознает тот факт, что война «тогда» и «теперь» представляет собой две разные вещи³⁰.

Задача гуманистов и многих профессионалов, воспитанных в гуманистической традиции, заключалась в таком случае в том, чтобы пересмотреть классическое наследие и подготовить его для восприятия если не всей публикой в целом, то, по крайней мере, правящим классом. Этот пересмотр, делавшийся скорее в профессиональном, чем в дилетантском духе, ставил своей целью достижение благосостояния общества. Хотя он и являлся очевидным продуктом влияния другой культуры, но никоим образом не был рабски подражательным. Пример классической древности давал вдохновение, а не план нового социального мировоззрения. Он был просто самым значительным из тех внешних факторов, что влияли на английское мышление. И в особенности это проявлялось тогда, когда образцы классики истолковывались в рамках национального государства и когда, как в случае Мора и более молодого поколения памфлетистов вроде Старки, Морисона и Хейлза, это сопровождалось необыкновенно проницательной оценкой природы социальных и политических сил. В этом отношении значение раннего тюдоровского гуманизма очень трудно преувеличить³¹.

* * *

Гуманистическому движению потребовалось много времени для того, чтобы начаться в Англии. Англия, бывшая аванпостом средневековой культуры, оставалась в большей степени недоступной для культурных влияний, шедших из Италии, чем другие трансальпийские страны. Кроме того, в пятнадцатом столетии английские университеты, за которыми бдительно присматривала церковь, запугавшая их призраком ереси, вступили в интеллектуальное противоборство и едва ли были той почвой, на которой прижились бы семена нового учения. Не раньше появления просвещенного покровительства герцога Годфрида Глостерского, побудившего на протяжении второй трети пятнадцатого столетия нескольких английских ученых учиться в Италии, об Англии можно сказать, что она была открыта для новых интеллектуальных веяний. Однако даже тогда они практически не выходили за пределы небольшого круга священнослужителей, которые все еще обладали фактической монополией на книжное знание. И что даже более важно, новые классические исследования на протяжении долгого времени были скорее средством усовершенствования схоластики, чем самоцелью³². До последней декады столетия существовало очень мало любителей, интересовавшихся ими: герцог Годфрид и Джон Типтофт были исключениями, имевшими огромное значение, но исключениями, которые красноречиво подтверждали правило. Когда Томас Фуллер заметил, что топор, который обезглавил Типтофта, обрубил одним ударом больше знания, чем осталось во всех головах всей вместе взятой выжившей английской знати, он не увлекся непростительным преувеличением³³. Возможно, главным следствием появления на протяжении пятнадцатого столетия новых книг, посвященных рыцарской традиции, стало растущее понимание практической пользы классического образования в дипломатии и в том, что мы сегодня могли бы назвать общественными связями. Цицеронов стиль быстро становился модным инструментом оратора и писателя. Формальная торжественная речь занимала значительную часть в дипломатических встречах, ее важность в большей степени зависела от изящества ее стиля, чем от ее содержания. Рыцарские

торжества, турниры и сложные геральдические представления все еще составляли большую часть пышных празднеств, проводимых по таким случаям. В особенности герцог Бургундский, Карл Смелый, использовал ресурсы своей процветающей городской экономики для того, чтобы превзойти все другие дворы в этом отношении. Даже расточительность Генриха VIII в Лагере Золотой Парчи порадовала бы сердце Фруассара. Но авторитет все больше и больше был связан с утонченной изощренностью риторики. В особенности тогда, когда приходилось иметь дело с папской курией, необходимо было продемонстрировать столь гуманистически ориентированному понтифику, как Пий II, что даже в такой отсталой стране, как Англия, существуют грациозные ораторы и умеют составить письмо на безупречной латыни³⁴. Таким образом, при дворах правителей стали стремиться к образованию, хотя бы лишь формальному, а классическое обучение все больше и больше стало считаться средством, способствующим карьере при королевском дворе.

Генрих VII, по-видимому, был особенно чувствителен к притягательной силе классического образования³⁵. Факты говорят о том, что Генрих, то ли чисто по практическим причинам, то ли потому, что он был любителем благозвучной речи или поэмы, полной классических аллюзий, шел на все, чтобы привлечь к своему двору людей с гуманистическим образованием. Если же возникала необходимость, а таковая постоянно присутствовала, то он приглашал их из-за границы. И, несмотря на свою несомненную скарденность, король был готов платить им. В гуманитарных науках, как и в искусстве, Генрих искал таланты главным образом среди итальянцев; но он сделал Бернара Андре, слепого поэта Тулузы, своим фаворитом и покровительствовал необузданному и совершенно уникальному, подлинно английскому гению Скельтону. Андре особенно значим как пионер того придворного гуманизма, который при Тюдорах сделался знаменитым. В отличие от Джона Лидгейта, служившего в подобной должности при Генрихе VI, который, хотя безусловно и не был знаком с классической литературой, все же стремился использовать примеры античности в рыцарском контексте, Андре мог придать делам своего хозяина классическое оформление, почти полностью свободное от

рыцарского колорита³⁶. И, подобно Полидору Вергилию, также пользовавшемуся покровительством Генриха, он был способен признать, что эффектные политические действия этого монарха далеки от расчетливого искусства государственного управления ренессансного государя³⁷.

Тем не менее по большей части эти ранние гуманисты были озабочены скорее формой, чем духом нового учения. Конечно, именно за это им и платили. Все же их вклад в новое учение явился весьма значимым. Они говорили прямо с аристократией и джентри. Гуманисты показали, что образование занимало свое место в мирских делах, что ему могла придаваться особая ценность как части того образа, который государю следовало поддерживать, если он намерен был принимать деятельное участие в чрезвычайно состязательной по духу игре, разыгрываемой во власти. Но гуманистам эразмового круга оставалось ухватить и истолковать для широкой английской публики дух гуманистического учения. Группа, где Мор и Эразм были ведущими фигурами, которой Генрих VII в какой-то степени пренебрегал ради более сговорчивых и, возможно, не столь обескураживающе оригинальных придворных ученых, получила свой шанс, когда вступление на престол молодого Генриха VIII ускорило процесс перетасовки мест и покровительства³⁸. Гуманисты эразмового круга не только усвоили многое из классического отношения к жизни, но, что было еще более важным, оказались способны использовать то, что давала классика, в качестве стимула для весьма оригинальной критики существующего общества.

* * *

Конечно, трудно точно оценить степень, в которой эти влияния ускорили упадок рыцарского духа. В последующих главах будут сделаны некоторые предположения относительно связи между рыцарской традицией и этим первым, относительно чистым вливанием гуманизма в культурное кровообращение Англии, особенно в вопросах войны и образования, каждый из которых жизненно затрагивал рыцарские ценности. Тем не менее в целом влияние гуманизма надо рассматривать, исходя из его

основополагающего значения для рождения нового, нерыцарского мировоззрения.

Ранние тюдоровские гуманисты за полстолетия вывели модель развитой мысли, и вывели ее в радикально нерыцарской форме. Они не действовали согласно рыцарскому образу жизни и не доверяли его ценностям. Как Эразм, так и Вивес принесли в Англию сильное предубеждение против рыцарских романов как подходящего предмета чтения для молодежи. Благородные и бодрящие рыцарские подвиги подверглись большому осмеянию, чем даже война. И, поколением позднее, Эскем разродится осуждением рыцарской традиции в литературе, осуждением более сильным, чем у Эразма или Вивеса. Его гуманистический уклон теперь усилился его протестантским пренебрежением к дореформатской культуре. Многие из этой антипатии к рыцарской традиции исходило из чувства собственного культурного превосходства над своими средневековыми предшественниками, оправданно или же нет присущего гуманистам. Но многое можно отнести к той принципиальности, которая создавала широкую пропасть, отделявшую их от последователей предшествовавшей традиции. Рыцарские идеалы были прямо противоположны всему, за что ратовал гуманист эразмового круга. И необходимо вспомнить, что это раннее поколение гуманистов все еще чересчур близко стояло к тем дням, когда рыцарство действительно что-то значило, чтобы быть такими же терпимыми по отношению к рыцарскому роману, как большинство их современников или как наиболее утонченные представители елизаветинской эпохи.

Кроме того, можно легко преувеличить степень осознанности конфликта, имевшего место между гуманистической и рыцарской традициями. Английский гуманизм был скорее нерыцарским, чем сознательно антирыцарским. Даже Эразм и Мор, как правило, просто игнорировали рыцарство или, в лучшем случае, осмеивали рыцарские претензии лишь как часть иррациональности, которую, по-видимому, они видели в жизни вокруг себя, но не нападали на него как на врага первостепенной значимости. Элиот в своей «Книге, названной Правитель» (*Book named the Governor*) демонстрирует, как легко те черты рыцарской традиции, которые сохранили опреде-

ленное значение в тюдоровском обществе, могли остаться в системе образования, предназначенной для английского правящего класса.

В самом деле, один из поразительных фактов, касающихся мышления тюдоровской Англии, состоит в его способности сохранять многое из аристократического и декоративного антуража рыцарственности и даже кое-что из ее этических принципов, одновременно применяя подобный подход к обществу и системе правления, которые были совершенно новыми и полностью чуждыми духу той рыцарственности, какой она была во времена своей неоспоримой власти. Этому развитию, несомненно, способствовал тот факт, что рыцарство потеряло к шестнадцатому столетию тесную связь с политической и административной реальностью. Таким образом, очевидной стала постепенная деградация рыцарства, закончившаяся эстетическим маньеризмом и сводом правил, имевшим значение лишь для отдельных личностей. Пожалуй, промежуточную стадию этого процесса можно увидеть в поэмах и карьере графа Сюррея³⁹. Представитель старой аристократии, воспитанный в традициях своего класса и, по крайней мере отчасти, получивший образование, все еще считавшееся подходящим для этого общественного положения, он писал стихи в традициях куртуазной любви, а в своей военной карьере вел себя в сознательно рыцарской манере. Вместе с тем его рыцарственность представлялась лишенной средневековых черт, являясь утонченной рыцарственностью кастильоновского «Придворного». Будучи итальянской по происхождению и неоплатонической по своему интеллектуальному колориту, она далеко выходила за те весьма ограниченные рамки, которые были намечены, скажем, Стефеном Хоузом. С Сюрреем мы находимся на верной дороге к романтической, гуманистически ориентированной рыцарственности Спенсера и Сидни.

* * *

Англиканская Реформация была также тесно связана и с «примером» античности, и с непреодолимым давлением национального государства. Именно она являлась

одним из тех факторов, которые можно назвать тревожным признаком, свидетельствующим об упадке рыцарственности. В действительности Реформация была главной из проблем, возникших в беспрецедентном количестве в начале периода правления Тюдоров и расстроивших равновесие средневекового мировоззрения. Ее роль в этом состоит не столько в нападках на пережитки Средневековья, сколько в том, что она была глубоко озабочена происходившей тогда дискуссией, только частично признанной в то время и касавшейся ниспровержения привычных категорий средневековой жизни. В частности, она привлекала внимание к проблемам национального единства и благосостояния. Поэтому на рыцарскую мысль Реформация влияла косвенно. Понятие «всеобщего благосостояния» частично было созданием гуманистически образованных памфлетистов ранней тюдоровской Англии, а частично социальным идеалом, внутри которого Англиканская Реформация добилась своеобразной доместикации в английской культуре. В любом случае идеал рыцарственности для нее имел мало значения, кроме того, которое придавалось контролю над собственным поведением. Рыцарское отношение к месту и функции правящего класса стало для нее в значительной степени неприемлемым. После этого трудно было идти вперед хоть с какой-то уверенностью. Протестантизм был таким же нерыцарским, как и гуманизм, но не более склонным к явно антирыцарскому выражению. Подобно гуманизму (если, конечно, возможно разделить их: большинство из ранних реформаторов были, в конце концов, гуманистами) он содействовал новому интеллектуальному климату, в котором рыцарский идеал, просуществовавший благодаря золотой осени позднего Средневековья дольше нормального срока своей жизни, не мог существовать в первоначальной форме.

Однако стоит мимоходом отметить, что у реформаторов было столько же причин противостоять рыцарской традиции с позиций протестантизма, сколько и с позиций гуманизма. Протестантизм имел с духом рыцарственности столь же мало общего, как и с духом средневекового католицизма. Радикальный протестант был склонен рассматривать и тот и другой, не без исторических оснований, частью одного и того же целого, и он с удовольст-

вием наблюдал бы их похороны. Роджер Эскем выразил это отношение, дав следующую классическую оценку:

Во времена наших предков, когда папизм, как застоявшийся пруд, скрывал и переполнял всю Англию, мало книг было прогнено на нашем языке, за исключением некоторых книг о рыцарстве, как они говорили, для развлечения и удовольствия, которые, как некоторые говорят, производятся в монастырях праздными монахами или развратными канониками: в качестве одного примера, Morte Arthure: все удовольствие от коей книги состоит в двух вещах, в откровенном человекоубийстве и бесстыдном сквернословии: в коей книге те, как он считает, благороднейшие рыцари, на самом деле убивают множество людей без какого-либо повода, и совершают отвратительнейшие прелюбодеяния коварнейшими уловками...

И он оплакивает тот день, когда «Божья Библия была изгнана из Двора, а «Смерть Артура» принята в палате Государя»⁴⁰. Вышеприведенная цитата настолько известна, что я осмелился ее использовать лишь из-за ее крайней важности. Отнюдь не столь общеизвестен тот факт, что Эскем уже сделал по существу то же самое во вступительном обращении, предваряющем Токсофилуса (*Toxophilus*)⁴¹. Он, очевидно, хорошо чувствовал свой предмет. В семьях наиболее последовательных протестантов Библия и, в меньшей степени, «Книга мучеников» Фокса вытеснили рыцарские романы так же эффективно, как они заменили *Legenda Aurea*^{**} в качестве кладезя премудрости.

Тем не менее так же верно, что реформаторы в своих поисках авторитетных источников вновь обратились к миру средневековой культуры, в некоторой степени и из-за

* Имеется в виду одно из самых значимых произведений Эксема под названием «Токсофилус», написанное в 1544–1545 гг. и посвященное Генриху VIII. Этот трактат представляет собой диалог между Токсофилусом (то есть самими Эксемом) и Филологусом, профессором греческого языка из Кембриджа, об искусстве стрельбы из лука и полезности введения оногo в качестве обязательного компонента воспитания молодежи. — *Прим. ред.*

** Легенда о золотом веке (лат.).

близости по духу. Их забота о теологии была больше схоластичной, чем гуманистической. Их мораль, особенно среди тех, кто предрекал пуританизм, могла быть столь же аскетической, как мораль монашества в дни его первоначального энтузиазма. Но ни в одном отношении эта реакция не затрагивала идей и институтов, которые обозначались термином «рыцарственность». Само по себе занятие теологией и традиционной системой христианской этики обеспечивало лишь сильную вероятность превращения оногo в нерыцарственное: даже средневековая церковь могла лишь с величайшим трудом дать разумное объяснение рыцарству и к тому же считала необходимым издавать отдельные осуждения человекоубийства, слишком часто сопутствующего турнирам, и делать все возможное для того, чтобы сдерживать баронские войны, которые давали возможность тому же духу воинственности выливаться в игру, разыгрываемую исключительно с целью самосовершенствования. В лучшем случае реформатор, как сам Лютер или Уиклиф, надеялся найти в христианском величии нации светскую силу, необходимую для реформы; и он способен был, как Эразм, использовать «Христианского Рыцаря» как протагониста справедливости в войне, что и составляло реальную действительность; аналогию, освященную долгой традицией, простирающейся за духовно-рыцарские ордена вплоть до идеала христианского воина св. Августина⁴².

Однако аналогия остается всего лишь аналогией. Что касается аскетического отношения к человеческому существованию, то проблема усложняется тем фактом, что в рыцарском идеале также заключался заметный аскетический элемент. Идея христианского рыцаря получала воплощение в жизни, исполненной целомудрия и самопожертвования, представленная в образе Галахада и несколько самонадеянно преследуемая Ланселотом⁴³. И среди серьезных апологетов рыцарского идеала в пятнадцатом столетии особенно заметно подозрительное отношение к вину, женщинам и потаканию себе в любой форме. Но это — аскетизм убежденного воина. Он — часть морали военного лагеря и касается непосредственно тех грехов, которые относятся к скверной службе⁴⁴. Хотя очевидно, что этот аскетизм был связан с христ-

анским аскетизмом, он был скорее своеобразным «спартанством», столь же обычным среди сражающихся каст, как среди христиан всех периодов было умерщвление плоти. Протестант, вероятно, чувствовал с ним мало общего, как в его монастырском, так и в его спартанском проявлении. Не раньше, чем был завершен разрыв с все-ленской церковью и верность национальной церкви стала идентифицироваться с верностью самой Королеве и вновь объединенному национальному государству, которое она создала, Спенсер смог еще раз обнаружить в рыцарской традиции, несмотря на ее закоренелый католицизм и ее подразумеваемую универсальность, средство для морального наставления в протестантской Англии времен эрастова спора*.

Насколько сложными были те силы, что подрывали идеал рыцарственности в первой половине века Тюдоров, можно увидеть в тех странных приключениях, которые претерпела легенда о короле Артуре. Эта история достаточно известна⁴⁵, и я не предполагаю, что добавлю к ней что-либо существенное. Тем не менее истории о Короле Артуре и Рыцарях Круглого стола занимали место, очень близкое сердцу рыцарского мифа. Следовательно, обсуждение их судьбы на протяжении этой полемичной эпохи брожения в умах в период раннего Ренессанса при изучении упадка рыцарства нельзя считать неуместным. Именно благодаря этим историям как Мэлори, так и Какстон надеялись обратиться к английскому джентри, стремясь возратить рыцарственность к жизни. В самом деле, с того времени, когда Эдуард I пытался сделать английского героя из героя кельтских легенд, Артур служил символом более или менее патриотического рыцарства, которое скрывалось в расщелинах английской феодальной практики⁴⁶. В начале шестнадцатого столетия англичане все еще могли чувствовать, как их пульс учащается при упоминании об Артуре⁴⁷. Генрих VIII был предусмотрителен, нарочито исполняя его роль в придворных тор-

* Эрастов спор или эрастова доктрина была разработана швейцарским врачом и теологом Томасом Эрастом (1524–1583), который считал, что церковь должна быть полностью подчинена государству, ибо она есть его творение. В Англии данный спор был очень силен в 60–70-х гг. XVI века. — *Прим. ред.*

жествах, особенно в начале своего правления. Несмотря на то что в артурианстве Генриха есть значительная черта театральности, которая, кажется, связывает его больше со вкусом его дочери⁴⁸, чем с трезвыми и практичными устремлениями Мэлори и Какстона, тем не менее этот артистизм вполне выражает замечательно стойкие течения придворной жизни того периода.

Но существует также определенная противоречивость в ранней тюдоровской моде на короля Артура. Артур и его рыцари служили двойной цели. С одной стороны, они олицетворяли ценности рыцарственности. С другой, они символизировали все британское и поэтому, в связи с преобладающей традицией, английское. Интерес, который Анжуйские короли проявляли к артуровской традиции, бесспорно, уже нес в себе что-то от обеих целей. Как мы видели, английское рыцарство очень рано приобрело стойкую патриотическую окраску; и окрас этот, возможно, был не последним из тех прелестей, которые эти легенды имели для Мэлори и Какстона. Но вплоть до конца пятнадцатого столетия рыцарский элемент стремился перевесить патриотизм. Первым Тюдорам оставалось решительным образом обернуть моду на Артура в пользу национализма для того, чтобы в значительной степени затмить его рыцарские следствия. Возможно, Генрих VII был так чувствителен к ним прежде всего из-за своего собственного валлийского происхождения; поскольку, несмотря на англоизацию Артура, он остается абсолютно неоспоримым героем для людей кельтского края. Молодой принц Уэльсский был наречен Артуром; и Бернар Андре открыто заявил, что видит в нем возвращение Артура, предсказанное валлийской легендой⁴⁹. Генрих VIII, по-видимому, мало интересовался валлийским происхождением Артура, но продолжал многое делать для сохранения памяти о нем в целях поддержания патриотического настроения английской нации. К этому времени национальный элемент более явно начал преобладать над рыцарским.

Но мы не можем рассматривать эту историю в таком, относительно простом ракурсе. К концу 1530 года рыцарский элемент в артуровской традиции становится полностью смешанным с множеством других факторов — политических, религиозных и академических. Ученые обнаружили, что приключения Артура становятся все

труднее и труднее считать историческим фактом. Несмотря на признание его историческим персонажем, они не принимали истории о его удивительных свершениях, включая его победу над римским императором. Не существует, указывали они, достаточного числа свидетельств других летописцев, чтобы подтвердить истории, рассказанные Гальфридом Монмутским. Полидор Вергилий применил к этой проблеме свою итальянскую методологию исторической критики. Он решительно отвергал многие из историй, рассказываемых об Артуре, и изумлялся «обычным людям», которые восторгаются им столь сильно и «возносят Артура прямо на небеса»⁵⁰. В этом его превзошел только Ральф Хигден, чей «Полихроникон» был, возможно, ответствен за тот конфликт, который, судя по всему, существовал в голове честного старого Какстона между его восхищением артуровским материалом и его уважением к исторической точности⁵¹. Роберт Фабиан высказывал даже больший скептицизм, а Джон Растел в характерном духе ренессансного образования развил критику Фабиана еще дальше. Такое критичное отношение заметно также в хрониках Купера, Графтона и Стоу⁵².

Скептицизм Вергилия, по-видимому, способствовал тому, что он временно попал в число книг, которые Генрих VIII считал вредными. Там его имя остается до начала 1530-х годов. В этот момент Генрих обнаруживает другие стороны его исторических интерпретаций, достаточно ценные для того, чтобы перевесить антиартуровскую ересь, в которую он впал. В Акте об ограничении апелляции, принятом в 1533 году, король утверждает, что «это королевство Англии является империей». Следовательно, ее правитель вправе принимать решения по всем моментам национальной жизни. Это положение, как гласит преамбула, утверждается «различными древними подлинными историями и хрониками»⁵³. Вот почему почтенная образованность Вергилия пришлась весьма к месту. Несмотря на свой скептицизм в отношении Артура, он сумел проследить английскую монархию до Императора Константина, причем достаточно убедительно для того, чтобы усилить влияние пропагандистской работы Генриха, особенно среди европейских ученых. И поэтому его «История Англии в 26 книгах», не публиковавшаяся с

1513 года, появилась в печатном виде в 1534 году в Базеле с «имперским» благословением английского короля⁵⁴.

Но были в Англии те, чей патриотизм превосходил непосредственные требования пропагандистской кампании Генриха и кто был шокирован отказом Вергилия верить в историчность Артура. Некоторые (обычно те же самые люди) действительно видели в Вергилии чужака и католика, который злокозненно свергал идолов протестантской и патриотической Англии. Бедный Вергилий подвергся такой волне оскорблений, сила которых, по-видимому, совершенно не соответствовала размеру его проступка. Он был даже обвинен в похищении документов, неблагоприятных для его позиции. На протяжении столетия его имя продолжало связываться с подлинно предательским антиальбионизмом. Нападки совершал Джон Леланд, королевский антиквар, чьи работы, подобно работам его современника Джона Бейля, несли печать чрезвычайно национального настроения и протестантского уклона.

Тем не менее протестанты сами по себе показывают, как это можно видеть в случае Эскема, мало родства с духом артуровских историй⁵⁵. Эти истории слишком отдавали «суевериями» папизма. Исторические факты (Леланд стремился дополнить спорное свидетельство Гальфрида данными, собранными им самим из местных легенд и археологических руин) были включены в массу сказок, особенно во все еще популярной версии Мэлори-Какстона. И, благодаря независимости этих сказок от фактов, буквальный ум радикального протестанта принимал их слегка лучше, чем ложь. Если «небылица» могла привести не слишком религиозного старого воина, лорда Бернерса, в краткое замешательство, то что она могла сделать с реформатором?

К середине столетия английское общество становилось все больше и больше безразличным к памяти Артура. Несмотря на то что «Смерть Артура» и другие романы на подобные темы продолжали печататься и читаться «обычными людьми», трактовка этой темы не отличалась оригинальностью; и она перестала играть ту роль в королевских торжествах при Эдуарде VI и Марии, какую она имела при первых Тюдорах. Не раньше чем после 1580 года к артуровским историям вернулась бла-

госклонность в придворных кругах, где они давали пищу для возродившегося национального чувства елизаветинской Англии. С вновь пробудившимся чувством величия своей нации и, в частности, с новым видением имперской экспансии, формирующимся в их умах, авторы, творившие в десятилетие, последовавшее за возвращением в 1580 году Дрейка из путешествия вокруг света, зачастую обращались к завоеваниям Артура как прецеденту, имевшему значение более чем историческое⁵⁶. Возможно, что Спенсер откликнулся на это же возрождение интереса к легендарным достижениям прошлого Англии, когда стал искать в артуровском рыцарстве источник литературного вдохновения. И не только литературного вдохновения; ибо несмотря на неприязнь, которую наиболее крайние протестанты до тех пор выражали по отношению к этим реликвиям католического христианского мира, теперь для него стало возможным еще раз использовать рыцарский роман в дидактических целях.

Таким образом, признание Артура и его рыцарей взлетело и упало и снова взлетело в результате взаимодействия сил более сложных и запутанных, чем те, с какими они сталкивались на страницах Мэлори. Патриотизм, никогда далеко не отдалявшийся от английского рыцарства, развился от простой династической преданности периода Столетней войны до сложной и утонченной верности национальному государству, и в этом процессе он в значительной степени перерос рыцарскую систему ценностей. Гуманистическая образованность оспорила легенды, в которых апологеты пятнадцатого столетия от рыцарского образа жизни выискивали свои наиболее заветные примеры. Протестантское влияние создало за это время атмосферу, прямо противоположную такому глубоко погруженному в католическую культуру идеалу, как идеал рыцарственности.

В дополнение к вышеназванным факторам существует, я полагаю, еще один, который предполагается всем этим процессом, а именно радикальное изменение в отношении англичан к самому рыцарству. Ко второй трети шестнадцатого столетия интеллектуально развитый англичанин больше не мог принимать рыцарские ценности как систему, достаточную для светских нужд правящего класса. Новые примеры, выведенные ученым воображением из перепол-

ненных хранилищ античной культуры, тревожащие и захватывающие события в церкви и государстве, возникновение общества, как никогда ранее ориентированного на национальное правительство как на созидательного стража подлинно национальных интересов, — все это вместе взятое делает неуместными те аспекты рыцарской традиции, которые имели непосредственное значение для деятельности рыцаря, рассматриваемого в качестве гражданина. Новый идеал джентльмена-правителя, не являясь по определению антирыцарским, был настолько шире, чем рыцарский идеал, что вытеснил его ради более практических целей. Поэтому не слишком удивляет, что истории, которые в столь значительной степени служили основой назидательного примера рыцарственности, были на время забыты людьми, борющимися с революционными силами новой эпохи.

Те истории о рыцарственности, которые не потеряли своей власти вызывать воспоминания, являются, однако, чем-то большим, нежели простой демонстрацией рвения, с которым елизаветинская публика вновь приветствовала их. Но к этому времени стало очевидно, что рыцарство осталось лишь романтическим занятием, имеющим немного сходства с рыцарским идеалом Мэлори, нежели продуманная, равно апеллирующая к определенным воспоминаниям рыцарственность «Королевских идиллий» Теннисона. Рыцарство, все еще в большой степени влиявшее на поведение отдельных личностей, все еще служившее приемлемым инструментом для выражения чувства славы и личного идеализма, связанного с понятием знатности, потеряло всякую необходимую связь с жизнью джентльмена, рассматривавшегося в качестве действующего члена политического организма. Легенда и история, которые в одно время рассматривались прежде всего как пример для обучения рыцарственности, теперь, объединенные по-новому и гораздо более широкие по своему размаху, чем рыцарский пример, стали служить целям национального духа.

ГЛАВА IV

РЫЦАРСТВЕННОСТЬ И ГОСУДАРСТВО

В предыдущих главах я высказал предположение, что продолжающееся существование рыцарского идеализма как жизненной системы ценностей зависело от способности правящего класса видеть в рыцарстве единственный в своем роде и необходимый орган политического организма. До тех пор, пока было возможным поддерживать данную функциональную концепцию¹, т. е. сохранять миф, что единственно в рыцарстве общество могло найти защиту как от агрессоров, так и от грешников, являлось возможным всерьез воспринимать рыцарственность как кодекс поведения, достаточный для функционирования деловых отношений правящего класса. Когда же эти отношения оказались стеснены защитной функцией, традиционно приписывавшейся рыцарю, да так, что данная несовместимость сделалась очевидной даже для консервативного ума данного класса, — но только тогда — можно говорить о том, что рыцарство преодолело пропасть, разделявшую средневековое и современное общество, и вступило в чертоги романтизма, откуда нет дороги назад.

Таким образом, мы должны обратиться именно к этому военно-политическому аспекту рыцарства, чтобы понять упадок рыцарского мышления. Все другие аспекты сохраняли определенную жизнеспособность, даже некоторую весомость, еще долго после того как рыцарь, рассматривавшийся в качестве идеального защитника общества, стал просто романтической фигурой. Все другие

аспекты можно было в известной степени вычлениить из суровой трудовой реальности: квазирелигиозный колорит рыцарства, его эстетические ценности, его идеал личного поведения, не говоря уже о привлекательной для снобов геральдике, могли оказывать сильное влияние на воображение более поздних поколений. Даже военный идеал продолжал вдохновлять англичан спустя долгое время, после того как тяжеловооруженный рыцарь погряз в технических сложностях и затерялся в коллективизме современного военного дела. Аристократы-военные елизаветинских дней — сэр Филипп Сидни является тому классическим примером — усердно пытались вести себя согласно рыцарскому идеалу.

При этом карьера Сидни прекрасно иллюстрирует трансформацию, которая охватила даже военно-политический аспект рыцарства. Для него военная деятельность являлась только одним из различных видов деятельности, но хотя она и считалась подходящей для человека благородного происхождения, военное обучение стало полностью второстепенным по отношению к *litterae humaniores* в процессе подготовки к государственной службе². Даже такой апологет военного образа жизни, как Барнаби Рич, живший во времена королевы Елизаветы и писавший в «скорбном приступе глубокого отчаяния» на закате авторитета воинской профессии, вовсе не делает какой-либо попытки приравнять эту профессию к функции правящего класса, а скорее приписывает ее в качестве характеристики рыцарству как сословию в строгом смысле этого слова³. Кроме того, правящий класс к тому времени уже значительно перерос приписываемую ему защитную функцию, приобретенную им в более простой обстановке феодальной Англии. Тюдоровский джентльмен, элиотовский «правитель», не мог более рассматривать себя просто как руку, несущую меч, в средневековом политическом организме. Подобно Рыцарю в «Диалоге» Хейлза, он становится тем, кто как фактически, так и потенциально был вовлечен в правительственную деятельность. Если его обычные обязанности на местном уровне управления не всегда предоставляли возможность для разработки конструктивной политики, однако он мог получить должность в одной из королев-

ских комиссий или быть избранным в Палату Общин, заседавшую в парламенте, где его мнение оценили бы и он получил бы возможность участвовать, прямо или косвенно, в формировании государственной политики, с целью противостоять беспрецедентным требованиям ренессансной жизни. Позитивная, конструктивная роль правителя становилась особенно очевидной в экономической сфере, где задача правительства, определенная положениями нарождающейся доктрины меркантилизма, несомненно, включала в себя использование социальных мер воздействия, а также манипулирование посредством разумно составленной политики причинно-следственным механизмом, который настороженный гражданин Тюдоровской эпохи осознавал все в большей степени⁴.

Любопытный факт в этом превращении средневекового рыцаря в тюдоровского «правителя», факт, который необходимо более подробно разъяснить в дальнейшем, состоит в том, что функциональная концепция рыцарства продолжала существовать спустя еще долгое время, после того как рыцарь, считавшийся таковым, если он формально принадлежал к рыцарскому сословию, перестал обладать какой-либо необходимой или предписанной ему ролью в системе управления или, коли на то пошло, в военной жизни, но после того как джентри, рассматривавшиеся в более широком социальном контексте, присвоили многие из сложных обязанностей, которые они должны были исполнять в качестве «правителей» в тюдоровском государстве. Действительно, может показаться парадоксальным, что вероятно именно из-за этого разделения теории и практики рыцарский идеал мог продолжать столь долгое время свое вдохновляющее и вызывающее воспоминания существование в умах и сердцах того же самого класса.

* * *

Изначально рыцарство было глубоко вовлечено в политическую деятельность. Так происходило прежде всего потому, что первоначально оно являлось военным иде-

алом. Оно возникло в ответ на потребность в чем-то выходящем за рамки исключительно христианских ценностей, чтобы вести *bellatores**, чей долг был сражаться во имя защиты других сословий. Литература средневековой Англии полна упоминаний о защитной функции рыцарства. Когда концепцию человеческого тела стали использовать в качестве аналогии описания государства, общим местом сделалось изображать рыцарей рукой политического тела. Единодушно звучит неоднократно повторяемая фраза, что долг рыцаря в том, чтобы защищать Святую Церковь, охранять вдов и сирот (классический пример тех, кто нуждается в защите), устанавливать справедливость и отражать нападения внешнего врага. Даже когда автор добавляет, как, например, Гауэр, более общее предписание, по которому рыцарь должен трудиться во имя общего блага, он все еще мыслит рыцаря вооруженной (правой) рукой политического тела; рыцаря, чья задача заключается не только в борьбе с внешними врагами, но в установлении порядка в самом обществе, в охране *le common droit*** посредством своей способности применить, если возникнет нужда, крайнюю санкцию силы и, действуя таким образом, обеспечить мир⁵.

Именно в этом пункте военная функция рыцаря сливается с его гражданскими обязанностями, исполняемыми в качестве правителя. Или, говоря более точно, именно здесь современный исследователь может распознать то, что рыцарь имел также гражданскую функцию, осуществление которой было тесно связано с его первоначальной воинской функцией. Ибо средневековый ум не был подготовлен к тому, чтобы проводить какое-либо существенное различие между военными и гражданскими должностями, на которых рыцарский класс был призван служить. Поддержание мира и справедливости рассматривалось как подлинная и основная цель любого светского правительства. К этой цели как король, лорды и низшая аристократия, так и все рыцари в функциональном смысле, как бы сильно они ни отличались

---

* Воинов (лат.).

** Общего права (франц.).

в своем ранге и титуле, должны двигаться вместе. Король отличался от остального правящего класса тем, что он один обладал верховной властью⁶. Все разделяли ответственность за хорошее правление; хорошее же правление обычно приравнивалось к соблюдению прав, прав всех классов против тех, кто в своей алчности или тщеславии попирали их⁷.

Хотя, без всякого сомнения, мистика, хранившая в себе определенные зародыши мифологии, которая в XII и XIII веках возникла вокруг института рыцарства, к середине тринадцатого столетия все еще сохраняла близкие и действенные связи с политической и социальной действительностью. Английский рыцарь давно перестал быть просто конным воином времен ранних нормандских армий, чье воспитание ограничивалось элементарной военной подготовкой. Он стал членом аристократии, осознававшей себя таковой как по рождению и богатству, так и по военной доблести, аристократии. Теперь он являлся обычно солидным землевладельцем, связанным кровными узами и/или общими интересами с крупнейшими баронскими фамилиями, вместе с которыми он делил свой рыцарский кодекс ценностей. Он стал, волей-неволей, олицетворением местной административной власти, держал несколько манориальных судов, фактически осуществляя внутри границ не всегда четко разграниченную с расширяющейся властью Короны ту «справедливость», установление которой теоретически входило в его обязанности. Он мог, если был достаточно амбициозен, служить королю стюардом или исчитором, или даже шерифом. В любом случае он нес бремя местного правосудия и управления, обладая широкими полномочиями среди своих собственных арендаторов, также являясь агентом центрального правительства на местах. Анжуйские короли настолько зависели от постоянного наличия посвященных рыцарей, что прилагали все усилия, чтобы заставить тех, кто отвечал требованиям статута в отношении земельных держаний, принять рыцарское звание и гражданские и военные обязанности, которые оно влекло за собой. «Максимальное увеличение собственного совета короля рыцарями, избранными в

графствах, было чрезвычайно свойственно системе, которая уже создала непрерывный механизм взаимодействия рыцарей всех графств и центрального правительства»⁸.

Несмотря на свое усиливающееся вовлечение в гражданские дела, рыцарь тринадцатого столетия в значительной мере оставался воином. Именно для такого рода деятельности он был почти исключительно подготовлен и, несомненно, рассматривал ее в качестве подлинного знака отличия и прерогативы своего ранга. Ибо теперь он был не просто воином, но весьма профессиональным солдатом; являлся не простым конным воином нормандских времен, но членом относительно маленькой (и очевидно сокращающейся) группы хорошо обученных, дорогостояще экипированных братьев по оружию, цветом королевского «рыцарства», который придерживался общей *mystique*, тесно связанной между собой и исключительно военной касты. Хотя, как показал Р. Ф. Трехерн, рыцарь данного периода фактически являлся «земельным собственником, ведущим, в сущности, гражданский образ жизни и занимающимся преимущественно административными делами»⁹, именно в качестве посвященного рыцаря, рыцаря, опоясанного мечом (*gladio cinctus*), он получал официальное признание и авторитет в обществе. В тринадцатом столетии — что мы можем предположить без особого насилия над фактами — военные добродетели и гражданские качества были тесно связаны и имели тенденцию характеризовать один и тот же класс людей. Всю административную ответственность, отходившую к рыцарю, можно рассматривать тем или иным образом связанной с его защитной функцией и с рыцарской монополией на средства осуществления принудительного правосудия. Его земли давали ему законный статус, но именно меч обеспечивал неоспоримый авторитет. Кроме того, рыцарь этого периода рассматривал самого себя именно в качестве профессионального тяжеловооруженного всадника и именно таковым представлял в общественном воображении.

Конечно, именно в этом качестве он и появляется в литературе, где рыцарская *mystique* получила тогда свое классическое выражение. Сформулированная таким образом идея рыцарственности стала не таким уж и непра-

вильным способом рационализации социального порядка, в котором правящей класс изначально являлся также военной кастой. Таким он появляется в наиболее влиятельном из средневековых трактатов о рыцарстве, книге Раймона Люлля «Книга о рыцарском ордене» (*Le Libre del Ordre de Cauayleria*), написанной в течение второй половины тринадцатого столетия. Хотя Люль и не был знаком с теми специфическими условиями, в которых развивалось английское рыцарство: с необычно централизованной административной системой, вербовавшей местных рыцарей непосредственно на службу королю, и в целом мирными обстоятельствами английской жизни, которые склоняли аристократию развивать навыки гражданской жизни в большей степени, чем это было обычным для Европы XIII века; Люль тем не менее представлял поколение, в котором рыцарство сохранило многое от своего интернационального или наднационального характера. Он был более заинтересован в описании природы рыцарства, идеалов, образования и институциональных форм, имевших отношение к последнему. На страницах его трактата рыцарь явно представляет защитника общества, светскую власть, посредством которой осуществляется защитная и принудительная сила правосудия, а зло искореняется¹⁰. Люль был даже готов позволить рыцарю в случае необходимости действовать в качестве судьи; но он безусловно признавал различие, столь фундаментальное для средневековой мысли, между клириком и воином. На клириков могли полагаться по причине юридического образования, необходимого для исправления правосудия, но суды оставались под защитой и властью рыцарского класса¹¹.

Вполне естественно, что рыцарь выступал в романах и хрониках почти что исключительно в качестве военного персонажа. Романы и хроники больше, чем мы бы того хотели, служили зеркалом и образцом общественного идеала, как бы сильно они ни отличались от настоящих практик поведения. В романах мы можем увидеть рыцаря не таким, каким он был, но именно таким, каким его современники, включая его самого, полагали, он должен быть. Именно из романов и хроник можно вывести те этические идеалы, которые возникали вокруг инсти-

туда рыцарства и которые, взятые вместе, придавали рыцарскому менталитету его специфическую форму¹². На первый взгляд, образ, который мы можем разглядеть, кажется удивительно аполитичным, за исключением его явной военной сущности. Таковым он выступает перед нами на страницах Фруассара. Конный и вооруженный рыцарь проходит через романы как сквозь политический вакуум, лимб, символизируемый неизменно присутствующим и безграничным лесом, в котором он ищет приключений, в равной степени отделенных от узнаваемого контекста организованного общества. Его кодекс поведения прост и индивидуален. Он отражает, если хотите, личные взаимосвязи внутри системы примитивного феодализма. Тем не менее данные этические идеалы не являются несовместимыми с функцией, традиционно приписываемой рыцарскому классу в более формальных трактатах о рыцарском поведении. Да они, вероятно, и не рассматривались таким образом людьми в эпоху, когда политическая жизнь на самом деле осуществлялась внутри системы сугубо личных отношений, но всенародно представлялась даже еще в более личном свете. Это была эпоха, когда не проводили четкого разграничения между личными и общественными ролями, в которых люди были призваны действовать¹³. Те качества, которые способствовали правильному поведению в личной жизни, были соответственно неотделимы от тех, которые подошли бы для выполнения общественных обязанностей. И поэтому от человека, чей долг заключался в том, чтобы защищать общество и объединиться с другими в исполнении этого долга, естественно ожидали проявления военной доблести (этот термин обычно обозначал не только воинское умение, но и степень безрассудства, был и славой и бедой столь многих знаменитых рыцарей) и преданности своему феодальному лорду или своему брату по оружию. Рыцарь также должен был демонстрировать милосердие и сострадание. Данные добродетели могли быть продемонстрированы и демонстрировались целиком в личных взаимоотношениях, в которые рыцарь попадал время от времени. Их также можно было применить к более широкой сфере, скорее соответствующей той, которую мы могли бы теперь признать в качестве

общественной. Другими словами, рыцарь был обязан демонстрировать ту заботу об искоренении несправедливостей, являющейся необходимой для выполнения его социальной обязанности в качестве юстициария (судьи)¹⁴.

Тем не менее более простые реалии средневекового рыцарского служения нашли идеальное выражение в рыцарском кодексе в момент, когда само английское рыцарство начало терять свое практическое значение и когда идеализм, воплощенный в этом кодексе, начал вести свою собственную жизнь, все меньше и меньше связанную с политической реальностью, если и не прямо антагонистичную ей. Эти взаимосвязанные процессы составляют наиболее загадочную особенность английского рыцарства и, более чем что-либо еще, объясняют, почему обобщения, подходящие для европейского рыцарства, не всегда применимы к Англии. В частности, они ставят один вопрос: каким образом рыцарский идеализм мог пережить время, в котором он, по крайней мере, почти соответствовал действительности, и сохранять определенную оригинальность столь долго, что его все еще могли воспринимать всерьез, если только за неимением лучшего, в конце пятнадцатого столетия?

* * *

Несмотря на то что многие аспекты еще ожидают своего исследования, которое восстановит историю бесчисленных индивидов, основной курс политической и социальной истории остается несомненным. Даже в XIII веке рыцарей было недостаточно для всех тех административных обязанностей, выполнять которые, как рассчитывал король, будет их класс. Состоятельные люди убеждались, что влияние и социальный статус зависят не только от формальной принадлежности к рыцарскому ордену. В самом деле, такое отличие влекло военные обязательства, превышающие те, которыми землевладелец средней руки желал бы быть обременен в качестве постоянной ноши. Оно также влекло значительные расходы. Вместе

с ними рыцарское звание означало жизненный уровень, который все улучшался в то время, когда лишь небольшая часть земельных доходов увеличивалась в соответствующей степени. Административные обязанности также являлись результатом получения рыцарского звания почти автоматически, поскольку король искал прежде всего рыцарей для пополнения своей администрации; когда же рыцарей было недостаточно, и только тогда, он обращался к другим социальным группам. И безусловно, неудивительным является то, что король начал уже прибегать к юридической акции ареста имущества в обеспечение долга, что предполагало предъявление требований принять формальный титул или заплатить штраф*, предъявляемых к тем, кто держал достаточно собственности для гарантии рыцарского статуса. И столь же естественно, что многие предпочитали скорее платить штраф, нежели принять рыцарское достоинство. На протяжении четырнадцатого столетия к аресту имущества, по-видимому, часто прибегали в основном для того, чтобы получить деньги. И во времена военной необходимости призывные грамоты в парламент отправлялись прежде всего посвященным в рыцари. Тем временем административные обязанности, теоретически принадлежавшие рыцарям, все больше и больше начинали осуществляться людьми, подобными чосеровскому Франклину, которые вовсе не были рыцарями и, в реальности, могли действенно противопоставляться Рыцарю**, который среди пилигримов Чосера воплощает более старую и более чистую традицию воинских странствий в поисках приключений. Рыцари от графств, в самом деле, к дням Чосера достигли положения, в котором термин «графство» опередил по значимости термин «рыцарь».

На протяжении пятнадцатого столетия данная тенденция в развитии рыцарства, заключавшаяся в потере тесной и необходимой связи с аппаратом управления, оста-

* И получить свое имущество обратно. — *Прим. ред.*

** Сэру Топасу. — *Прим. ред.*

валась неизменной. Как продемонстрировал Дж. С. Роскел в связи с парламентом 1422 года, титулованные рыцари никоим образом не были доминирующей частью представительства графств в Палате Общин пятнадцатого столетия¹⁵. Несмотря на то что большинство из тех, кого избирали в качестве рыцарей от графств, прошли через процедуру ареста имущества в силу владения им, только половина из них фактически была рыцарями. Из них большинство последовало в выборе традиционной военной профессии своим предкам. Равно значимым является тот факт, что на этом первом парламенте Генриха VI юристы, искушенные в относительно новой и быстро развивающейся профессиональной политике, составляли от пятой части до четверти Палаты Общин. Также не существовало к тому времени сколько-нибудь четкого социального различия между представительством от графств и от городов. Представители от графств все еще рассматривались как главные члены при формировании Палаты Общин¹⁶, но сельское джентри стремилось к выборам в качестве представителей бургов и одинаково с другими социальными слоями разделяло привилегии и ответственность, которые влекло за собой участие в этой организации.

Хотя рыцарство и сохраняло свое значение в качестве *ordo militaris** несколько дольше, нежели это было заметно при исполнении считавшейся вторичной функции служения в качестве гражданских чиновников, но и в этом отношении обстоятельства постепенно смещали рыцаря с предпочтительного места. Отягощенному растущим весом своих доспехов, так же как и растущей стоимостью их поддержания, ему не хватало ловкости стрелка-йомена или менее вычурного тяжеловооруженного всадника. Также не мог он в новую эру распространения артиллерийской осады сохранить независимость, которой он прежде обладал, когда отстаивал свои частные интересы, находясь за стенами фактически неприступных крепостей. Войны к тому же вызвали изменения в его статусе как военачальника. С начала пятнадцатого столетия вер-

* Военное сословие (лат.).

бовка проводилась скорее по контракту, чем по феодальному обязательству¹⁷. Теперь, будучи в некотором смысле военным предпринимателем, военачальник (таким образом) стал профессиональным солдатом в более современном смысле слова; и этот статус распространялся на людей, по договору взявшихся сражаться под его началом. Более того, так как слишком мало имелось в наличии рыцарей, чтобы служить этой цели, сквайры (оруженосцы) начинали занимать должности практически неотличимые от должностей титулованных рыцарей¹⁸.

Выполняя как свои гражданские, так и военные обязанности, рыцарь вынужден был служить в обстановке, когда ему стало все труднее и труднее соответствовать традиционным идеалам своего сословия. Его расходы постоянно стремились превысить его относительно неизменный доход; и поэтому он обратился к занятиям, традиционно не рассматривавшимся присущими рыцарям. Рыцарь мог стать, например, полноценным землевладельцем, занимавшимся по необходимости, если не по выбору, «канцелярскими» вопросами финансов и судопроизводства. Или он мог сделать карьеру в качестве управляющего имуществом крупного лорда или на королевской службе. Рыцарь даже мог принять участие в торговой жизни Лондона, если семейные связи или превратности фортуны толкали его в этом направлении. Даже если он оставался воином, Французские войны научили его, что в самой военной профессии было нечто большее, чем слава и лихое приключение. И, вернувшись с деньгами в Англию, раздираемую борьбой вооруженных группировок, и отняв там у кого-нибудь землю, он часто стремился продать свою поддержку наилучшему покупателю. К своему новому господину он не питал глубокой преданности, а если и питал, то она основывалась скорее на новых контрактных обязательствах, нежели на традиционной рыцарской верности¹⁹. Подобно позднесредневековому духовенству, рыцарь позднего Средневековья постоянно был вовлечен в светские дела, бороться с которыми его орден не был создан; и, подобно им, он впоследствии обнаружил свою систему ценностей крайне искаженной. Тем не менее как рыцари, так и духовенство

сохранили эти ценности и в конце XV века смогли заново осознать необходимость восстановления их значимости.

Кроме того, ценности рыцарства оставались светскими ценностями правящего класса как целого. Несмотря на тот факт, что формальное рыцарство стало включать только часть тех, кто составлял этот класс — сквайры и та широкая и расплывчатая категория состоятельных граждан, которые с самого начала именовались «джентльменами», численно весьма превосходили рыцарей и аристократию, — все они в различной степени разделяли общую знатность. В самом деле, за исключением аристократии, между этими классами существовало лишь небольшое различие в происхождении. Английская социальная структура, воздвигнутая на весьма гибком, постоянно развивающемся принципе первородства, сделала возможным существование правящего класса, выдающегося общностью интересов и однородностью ценностей.

* * *

В ходе этого процесса область рыцарского идеализма расширилась. Несмотря на то что рыцарственность сильно отстала от времени, она все еще не сдавалась. Она страдала от того факта, что в определенном отношении достигла жесткой ортодоксальности, даже стереотипности, что проявлялось в характерных для того времени руководствах. Несмотря на двухсотлетнюю давность и отсутствие каких-либо связей с особенностями английского общества, трактат Люлля, по-видимому, сильно понравился английским читателям пятнадцатого столетия. В самом деле, в Англии этот трактат за столетие охватил самую обширную аудиторию. Он существовал в виде нескольких переводов и переложений, наиболее важными из которых были переводы Хея (1456 г.) и Какстона (ок. 1484 г.). Несомненно, в течение этого времени книга продолжала служить образцовой теоретической работой по данному предмету. В эпоху, когда люди сильно увлекались стандартными произведениями по данной теме, она, без сомнения, помогла запечатлеть рыцарское «Возрождение» в весьма архаичных формах. Тем

не менее трактат подчеркнул лишь те практические аспекты рыцарской традиции, которые, казалось, обещали англичанину пятнадцатого столетия своеобразное возрождение как в общественной, так и в частной жизни. Подобно Хею и Какстону, Люлль был, даже в ту раннюю эпоху, озабочен упадком рыцарской добродетели. Подобно им, он вспоминал золотой век рыцарственности не с позиции эпохи, когда она потеряла свою социальную функцию, но с позиции эпохи, когда на его долю просто выпали тяжелые времена.

Тем не менее мировоззрение Люлля явно было средневековым. Он лишь с трудом был способен сосредоточиться на государстве, рождавшемся из фактического провинциализма и теоретической универсальности феодальной Европы. Поэтому на самом деле было бы удивительно, если бы люди, занимавшиеся в пятнадцатом столетии переработкой литературных произведений и бывшие по натуре консерваторами, приняли бы его работу без каких-либо комментариев. В шотландской версии, составленной Гилбертом Хеем, можно увидеть, как это изложение рыцарского идеала XIII века могло быть приспособлено к ставшей все более и более явной к концу Средних веков потребности сформировать понятие гражданства, в котором найдут свое выражение все более сложные обязанности правящего класса. Хей более оригинален, чем Какстон, а его восприятие политики, несомненно, более современно. Он намного подробнее излагает краткую и основную формулировку функции рыцаря, которую сделал Люлль и искренне исповедывал Какстон²⁰. Если последний просто утверждал, что «во власти наивысшая знатность», то Хей должен непременно разъяснить смысл: «Человек не является лордом, сколь бы мирских богатств он ни имел: но если он является лордом, который имеет власть и право над другими людьми, то должен править ими и поддерживать закон и справедливость, когда они на них посягнут»²¹. Более того, он подчеркивает долг рыцаря перед обществом. Хотя он (рыцарь) может требовать службы от сервов для того, чтобы вести легкую и праздную жизнь; но он также должен видеть в своем долге то, что поддерживает сложное общество. Он был обязан:

... править и защищать миролюбиво работников, и охранять их от насилия и несправедливости так, чтобы клирики могли мирно изугать науки, церковники трудиться на службе Богу, торговцы в своей торговле, а другие мастеровые исполнять господские желания²².

В другом издательском комментарии он заявляет: «Функции рыцарства должны занимать значительное место в управлении... Поскольку эти функции неизменно основаны на добрых и полезных деяниях, которые быстро приводят к общей пользе»²³.

Тогда нет ничего нового в той идее, высказанной Люлем²⁴ в своей работе, что рыцарь обязан трудиться на благо интересов общества. В самом деле, это общее место в средневековой мысли. Рыцарство в средневековом обществе первоначально было попыткой идеализировать личные взаимоотношения. Но вскоре оно втянулось в более утонченную интеллектуальную атмосферу средневековых школ и там в некоторой степени приобщилось к просвещению, бравшему свои истоки в классическом представлении о *respublica*. Идея «политического организма», в котором рыцарский класс занимал предписанное ему место и на благо которого он осуществлял предписанные ему обязанности, дала идеалу рыцарственности арену гораздо более широкую, нежели арена феодальных взаимоотношений. Эта идея вводит понятие «всеобщего благосостояния», с этого времени становящееся постоянным и неискоренимым элементом в западно-европейской мысли. Едва ли можно было ожидать от теоретиков рыцарственности, что они поймут все следствия классического учения Иоанна Солсберийского, особенно его преждевременно гуманистическое понимание античной культуры; но они, по-видимому, почувствовали необходимость связать каким-либо образом службу рыцаря с благодеянием общества. В Англии XIII века мятеж баронов оправдывался с точки зрения *communitas regni**, а рыцарский идеализм начал включать в себя и «правление государей»²⁵.

* Общин королевства (лат.).

Каким бы старым ни был неясный идеал служения всеобщему благосостоянию, он, по-видимому, все больше занимал апологетов рыцарственности в позднесредневековый период. Он склонил Хея во многих моментах выйти за рамки оригинала. Какстон отводил этому идеалу столь же значимое место, но все же прежде всего в своих прологах и эпилогах²⁶, а не в своих по большей части точных переводах. Служение общему благу становилось формой, в которой выражалось то незрелое осознание гражданственности, которое всегда было свойственно идеалу рыцарственности. Этот идеал во все времена стремился избавиться от анархичных тенденций, присущих странствующему рыцарству, и, как только современное государство стало принимать определенную форму, а ритм его жизни ускорился, он стал гораздо более близок к современному понятию гражданственности.

Это понятие, конечно, пришлось значительно расширить прежде, чем его смогли приспособить к нарождающейся форме современной жизни, более, чем сам идеал рыцарственности мог вынести. К простой идее, заключавшейся в том, что рыцарь имел общественные обязанности, присущие ему как защитнику, нужно было добавить определенное понятие служения национальному обществу, о чем Люль не имел представления²⁷, а также понимание того, что для работы в правительстве необходимы образованные люди, чего явно недоставало большинству рыцарских произведений. Даже до того, как современники вполне осознали, что государство есть динамичная система, что общество является системой развивающихся сил, а роль правительства состоит в том, чтобы направлять эти силы посредством созидательного искусства государственного управления, уже стало очевидным, что сложности управления требуют услуг высокообразованного, специально обученного правящего класса. Это должны были быть люди, долг которых заключался прежде всего в том, чтобы служить на светских должностях, и они должны были все в большей степени занимать место духовенства в качестве мозгового центра политического организма. Поэтому средневековое понятие служения обществу могло расшириться, и оно почти незаметно расширилось, включив в себя действенное

искусство государственного управления. Одновременно с этим оно было помещено в определенные рамки (можно сказать, сужено) для того, чтобы соответствовать требованиям национального государства. Конечно, это произошло в шестнадцатом столетии — по крайней мере, в Англии. Но поучительно осознать степень, в какой позднесредневековое выражение рыцарского идеала было модифицировано для того, чтобы включить простое, традиционное, редко определяемое понятие общественной службы. И, я полагаю, мы можем безошибочно предположить, что простота традиционной идеи в некоторой степени скрывает волнения нового осознания политической реальности.

* * *

Стоит также отметить, что в работе Люлля и в ее переводах пятнадцатого столетия идеал рыцарственности выражается почти исключительно с точки зрения тех моральных качеств, от которых, согласно христианской традиции, зависит благоденствие общества. Правда, христианская традиция была не единственным источником такого морализма. Классическая культура дала рождение более зрелому понятию гражданства, чем любым подобным представлениям, какие только можно обнаружить в культуре средневековой Европы. Несмотря на то что рыцарские писатели в массе своей не были способны ясно осознать разницу между средневековым рыцарским классом и римскими всадниками²⁸, они прекрасно смогли перенести на рыцарский идеал кое-что из античного понятия служения *respublica*²⁹. Но этот идеал в своей основе оставался христианской системой этических ценностей, к которой средневековый автор руководств по рыцарственности привычно обращался. Теперь можно доказать, что Люль, бывший монахом и, подобно Св. Августину, оставивший за спиной светские безрассудства мирской молодости, небеспристрастно отображал светский этос рыцарства в его наиболее типичном виде. Несмотря на это, достаточно значимым остается тот факт, что в трактате, ставшем для англичан пятнадцатого

столетия образцовой работой о рыцарстве, нет и следа тех эстетических и эротических элементов, которые занимают столь важное место в рыцарских романах и в бытовавших в те времена обычаях³⁰.

Для тех, кто был озабочен очевидным распадом средневекового общества, для тех, кого беспокоили неприятности, в частности те, которым были подвержены Франция и Англия, рыцарство могло иметь значение лишь как идеал, благодаря которому правящий класс мог пережить возрождение. Вкратце, для них оно было идеалом, помещенным в политический контекст. Например, именно такое отношение побудило Алена Шартье на протяжении 1420-х годов взывать к французской аристократии от имени идеала рыцарственности, сформулированного с позиции такого зрелого концепта патриотического гражданства, какой только можно найти в предренессансной литературе³¹. Если Шартье был в этом отношении гласом, вопиющим в пустыне дезорганизованной и деморализованной Франции, и рыцарский идеал для него имел мало значения, помимо куртуазного и эстетического³², английские апологеты обращались к обществу, в котором, по видимости, такие более легкомысленные аспекты рыцарственности встречали не столь широкий отклик. Конечно, рыцарские романы оставались популярными среди английских читателей пятнадцатого столетия. Но стоит помнить, что в тех романах, которые на протяжении последнего времени были наиболее популярны, а именно в артуровских преданиях в том виде, как их пересказал Мэлори, куртуазный аспект, несомненно умышленно, был преуменьшен. И большинство серьезных трактатов продолжали дышать атмосферой спартанской дисциплины, которую рыцарская литература переняла от долгой традиции средневекового морализма, с некоторыми подкреплениями, вынесенными из классических авторов³³.

Не то чтобы доктрина куртуазной любви была полностью чуждой военно-политическому аспекту рыцарского идеала. Хотя для нашего прозаического образа мышления достаточно легкомысленным кажется представление, утверждавшееся рыцарскими писателями с предельной серьезностью, что рыцарь становится более доблестным и, таким образом, социально полезным из-за

той любви, которую он испытывал к своей даме³⁴. Во время, когда об управлении обычно размышляли в понятиях межличностных отношений, это отношение ни в коей мере не было нелепым. Тем не менее связь между любовью и доблестью, и тем более связь между любовью и хорошим правлением, несмотря на совершенно логическое выражение куртуазного принципа, была искусственной даже в пятнадцатом столетии. Люди, в те дни всерьез наблюдавшие за социальным развитием, как, например, Гауэр и Ленгленд, указывали на другие качества, равно личные, но более близко связанные с христианскими, нежели с рыцарскими ценностями, являвшиеся необходимыми для существования хорошего правительства. В любом случае это была не та связь, которую нужно было сохранять во что бы то ни стало. Она и не сохранилась, осев только в наиболее поэтических умах, в мысли Ренессанса.

Я убежден, что идеал *Frauendienst** не играл решающей роли в распаде и трансформации рыцарского идеализма. Он являлся скорее экзотическим растением, привнесенным извне на почву по существу феодального рыцарства. Подобно христианскому элементу, столь важному в поздней рыцарской традиции, он, несомненно, оказал цивилизующее влияние на полуварварскую, почти исключительно военную, аристократию. Но подобно этому элементу, его всегда можно было отделить от исходного ствола. Долгое время после того, как рыцарский идеал перестал служить системой ценностей, достаточной для светской деятельности правящего класса; после того как рыцарь перестал мыслить себя единственным стражем справедливости и порядка и расширил свой интеллектуальный горизонт для того, чтобы включить сложные теории ренессансного общества, он все еще был способен пользоваться, возможно также извлекая из этого духовную пользу, правилами куртуазной любви. Эти обычаи легко смешались с ренессансным идеалом придворного, для которого они, несомненно, и впрямь во многом подготовили путь³⁵. По сравнению с большинством других

* Служение Даме (нем.).

аспектов рыцарской традиции они легче могли преодолеть разрыв между средневековой и современной мыслью, поскольку были ответом не просто на специфически средневековые условия, но на отношения, которые, начиная со Средних веков, стали универсальными в западном мире. И конечно же, именно обычаи куртуазной любви в свою очередь обусловили и задали направление для этих отношений. Идея романтической любви, как указывал Ч. С. Льюис, была оригинальным вкладом рыцарской культуры³⁶. Ее никоим образом нельзя считать даром более ранних эпох; и даже на протяжении средневекового периода если она и была вообще допущена к существованию стражами морали, то весьма неохотно.

Однако даже на протяжении этого времени человек, всерьез интересовавшийся общественной жизнью, мог отделить безвредный роман о куртуазной любви от того аспекта рыцарственности, который имел непосредственную значимость для делового мира. Сам термин «рыцарственность» обозначал скорее военно-политическую деятельность рыцаря. Именно современный историк, а не средневековый писатель использует этот термин, говоря о тех ценностях, которые обычно связываются со светской жизнью рыцарского класса. Приведем пример, который тем более релевантен благодаря тому, что выходит за временные и пространственные рамки данного исследования: Ален Шартье не видел того, что его критика французского рыцарства в «Четырехголосной инвективе» (*Quadrilogue invectif*) противоречит его же собственным поэмам, таким как популярная «Безжалостная красавица» (*Belle dame sans merci*). «Фактически, — писал Р. Л. Килгур, — он, очевидно, рассматривал рыцарство как военную ветвь нации, с обязанностями строго военными и практическими, в то время как куртуазная любовь была только литературным отступлением, которое могло прельстить рыцарские уши, но которое не имело определенной ценности для этого сословия»³⁷. Стефен Хоуз, почти век спустя, в своих «Веселых забавах» учитывал подобное различие, и это, возможно, более характерно для английской, нежели французской мысли. В такой аллегории рыцарской жизни он не только ограничивает термин «рыцарственность» военной стороной

образования рыцаря, но подчиняет и его, и элемент куртуазной любви в своей истории требованиям гуманитарного образования. Но, рассматривая его произведение, мы находимся у истоков нового социального порядка, в основном нерыцарственного по своему значению.

* * *

Следовательно, именно в своем политическом аспекте рыцарский идеализм сохранял определенный контакт с реальностью, сделавший его приемлемым в качестве более-менее полной системы светских ценностей правящего класса, который больше не состоял только лишь из рыцарей и поэтому не был полностью рыцарским. Бесспорно, верно то, что даже военный идеал мог оказать глубокое влияние на поздние поколения и снабдить их множеством форм, в которых воинская жизнь могла обнаружить подходящие и приличные одеяния. Однако столь же верно, что рыцарственность была продуктом определенных исторических условий, по сути своей политических, и что в качестве характерного и окончательного подхода к светской жизни она оказалась неспособной пережить эти условия.

Поэтому тот факт, что рыцарский идеализм пережил условия, его породившие, настолько долго, насколько ему в итоге удалось, еще требует объяснения. Рискую разочаровать читателя, я должен признаться, что не могу предложить вполне удовлетворительный ответ — удовлетворительный в том смысле, что он может быть выведен за рамки разумного сомнения путем документально подтвержденных свидетельств. Полагаю, я могу обозначить определенные подходы к этой проблеме, которые могут привести к чему-то большему, нежели просто к возможному решению. Ранее я предположил, что способность англичан конца XV и даже начала XVI века оставаться верными очевидно устаревшему кодексу ценностей можно рассматривать как часть общей тенденции, характерной для мысли того периода. Эта тенденция заключалась в умении разделять идеал и действительность и позволять идеям, находящим свое выражение в опре-

деленных символах, фактически вести свою собственную жизнь, лишь отдаленно связанную с действительностью. Возможно, это в свою очередь давало остаточный вклад в общее мышление школы реализма, которая когда-то господствовала в английской философской мысли, но давно уже была вытеснена более сформировавшейся традицией — в современном смысле слова более реалистичной — школой номинализма. Этот же самый процесс привел к тому, что христианскую традицию овестьвили, а также обездвигили до полного окостенения, представив ее в виде образов и внешних ритуалов, в той или иной степени связанных с отправлением культа. Верование, закрепленное в таких широко распространенных формах, достигло ортодоксальности, более жесткой и неоспоримой, чем теологическое учение. Подобным же образом пострадала и традиция рыцарственности, бывшая в системе средневековых ценностей светским двойником христианской традиции. С современной точки зрения можно сказать, что ее догматы выродились в словесные стереотипы, а ее идеи получили своеобразное выражение в романтической литературе и во внешних формах придворных торжеств, которые можно назвать упадочными. Тем не менее, на взгляд современников, они сохраняли вид возвышенных истин, просто ставших более понятными и достойными внимания благодаря тому, что постоянно присутствовали в знакомых символах. Таким образом рыцарь, хотя он больше и не был военным и административным доверенным феодальной монархии, мог тем не менее считаться символом правителя, все еще считавшегося в первую очередь защитником. В каждой детали его снаряжения и обучения, в его мече, доспехах, шпорах, той системе добродетелей и грехов, которой он учился как соответствующей его положению, многое могло иметь то же значение, которое двумя веками ранее придавал им Люлль. Так же не пропал с течением времени и мистический элемент, столь распространенный в руководствах тринадцатого столетия. Турнир, являющийся пустым представлением в глазах тех, кто неприучен к его символическому значению, все еще мог вызывать в душе как зрителя, так и участника чувства, характерные для идеала рыцарственности в действии. И

рыцарские романы, подобно житиям святых, были богаты конкретными примерами, которые легко выходили за границы времени и пространства.

Конечно, обратной и столь же важной стороной этого процесса является тот факт, что в светской жизни, как и в духовной, новая доктрина пока что не получила распространения и авторитета, достаточного для того чтобы бросить вызов доктринам, все еще глубоко укорененным в мифологии более раннего общества.

Но совсем нет необходимости искать ответа столь глубоко в сумерках средневековой мысли. Рыцарская мысль в Англии созрела в условиях, в значительной степени способствовавших сохранению ее основных идеалов, и во многих отношениях бывших специфичными для Англии. Как мы показали, эти условия можно так или иначе проследить вплоть до периода ранней и действенной централизации королевской власти. Благодаря природе нормандского завоевания и удивительной одаренности сменявших друг друга монархов английский феодализм необычайно рано начал ориентироваться на самого короля. Задолго до того как Англию можно было бы назвать национальной монархией, она уже стала централизованной монархией. Ее локальные составляющие постоянно притягивались центростремительной силой к королю как высшему феодальному господину, бывшему источником правосудия, хранителем мира, защитником королевства. Даже династическая политика короля, хоть и не всегда преследовавшая национальные интересы, могла рассчитывать на преданность английских баронов, и в ходе Столетней войны она в конечном счете стала, пусть и в ограниченном смысле, национальной политикой. На протяжении войн четырнадцатого столетия английские рыцари чаще служили непосредственно под флагом короля, чем когда-либо прежде. Французские кампании проводились в стране, которую большинство английских рыцарей начинало рассматривать как иностранную державу. Дома английский рыцарь рано стал ценным агентом королевской администрации, принимая на себя все больше и больше обязанностей по местному управлению. В Средние века считалось, что английское правительство должно быть прежде всего местным. Кто в таком случае

мог быть более пригоден для управления его делами, чем рыцарь, досконально знавший эти места?³⁸ К тому же рыцари выступали и как представители своих округов в парламенте короля, тем самым добавляя к своим локальным обязанностям участие в центральном управлении королевством.

Но, как мы видели, рыцари стали исполнять такое множество общественных обязанностей, что уменьшение численности рыцарского сословия привело к нехватке необходимой рабочей силы. В результате эти обязанности перешли к людям сходного социального положения, которые по той или иной причине не стремились к посвящению в рыцари. Таким образом, реальное назначение рыцаря перестало обязательным образом быть связано с рыцарским орденом и стремилось слиться с функцией правящего класса как целого. В определенной логической системе координат это должно сильно повлиять на мифологию рыцарственности. Можно было предполагать, что рыцарственность, бывшая первоначально идеализацией рыцаря и тех, кто на законных основаниях стремился к рыцарскому сану, впоследствии потеряет значительную часть своего значения, подобно тому как рыцарь потерял свое исключительное притязание быть защитником гражданского общества.

Так, несомненно, и произошло. Когда рыцарь вошел в систему централизованной монархии, тогда рыцарский идеализм слился с новым осознанием гражданственности в национальном государстве и потерял свое примитивное политическое значение, попав в более тонкую систему взаимосвязей внутри ренессансного правительства. Конечно, благодаря этому он сохранил существенное значение как система чисто личной этики и поведения, все еще способная соответствовать частной жизни аристократов. Рыцарственность, всегда лежавшая в основе кодекса личного поведения, тем не менее не могла неопределенно долго сохранять свои притязания на то, чтобы быть примером, достаточным для светской жизни правящего класса, поскольку сложности ренессансного общества все больше и больше привлекали внимание к необходимости проводить столь существенное для

современной мысли различие между общественной и частной системами мышления.

Тем не менее можно видеть, как рыцарский идеализм оказался результатом того, что феодальная преданность поглотилась зачатками осознанного патриотизма, выражавшегося в преданности личности и династической политике короля. Эта глубоко значимая особенность английской рыцарственности имеет раннюю и тесную связь с расцветающим осознанием патриотизма. В Англии более чем где-либо еще преданность рыцаря как военного была перенесена с фигуры феодального лорда на персону короля. Она оставалась в значительной степени личной преданностью, но едва ли могла избежать влияния зачаточного по своей форме национализма королевской политики. Рыцарские стремления обычно могли быть и несомненно были приравнены к целям правящей династии. Сами короли принимали некоторое участие в этом процессе. Их изначальный контроль над феодальной системой Англии сделал ее более чем обычно пригодной для такого участия. К четырнадцатому столетию короли нашли возможным и полезным обращаться к сознанию национального интереса у правящего класса для того, чтобы получить их поддержку в своей вербовочной компании³⁹. На протяжении Столетней войны английский рыцарь стремился к тому, чтобы добыть себе славу благодаря боевым подвигам, которые он неизбежно совершал на службе королю. В самом деле, Эдуард III старался реализовать в самом себе многое из рыцарского идеализма, который парил — на приличном расстоянии — над событиями реальной жизни, чрезвычайно часто совершенно омерзительными. Как и Эдуард I, он намеренно лелеял рыцарские настроения и помогал им найти свой центр при королевском дворе, создавая новые рыцарские ордена и воссоздавая, настолько точно, насколько то было возможно, обстановку двора короля Артура⁴⁰. По крайней мере, в периоды Столетней войны, более успешные для Англии, эта война, по-видимому, имела для него что-то от сущности рыцарского романа с ним самим в роли *preux chevalier**.

* Доблестного рыцаря (франц.).

Даже критики военной политики стремилась исследовать ее внутри рыцарской системы координат. Можно рассматривать памфлет «Клятвы Нерона» (*The Vows of the Neron*) как горькую сатиру на открытие военных действий, как комментарий, выражающий глубокое разочарование относительно рыцарских побуждений⁴¹. В своей пропагандистской поэме, озаглавленной «Восхваление мира» (*In Praise of Pease*), Джон Гауэр пытается отговорить Генриха IV от продолжения войны на том основании, столь же рыцарском по своей терминологии, сколь чуждым более воинственному аспекту рыцарского идеала, что подлинный рыцарь всегда предпочтет мир войне, если эта альтернатива будет хоть сколько-нибудь достойной⁴².

В лице Генриха V рыцарский герой наиболее явно сливается с героем патриотической традиции. Несмотря на то что хронисты ни в коем случае не игнорировали его личную доблесть и выдающиеся подвиги, за которые они считали его наиболее достойным запечатления, были подвиги военачальника — осадные операции, тактика генерального сражения и в конечном счете успешная кампания, которая привела английскую власть ближе к реализации своих континентальных целей, чем когда-либо. На протяжении почти ста лет английские писатели-патриоты обращались к этому образу, черпая в нем вдохновение, которое они не могли надеяться обрести в унылых десятилетиях поражения, последовавших за его смертью⁴³.

То, как обстояли гражданские дела, никоим образом не было столь же благоприятно для сохранения рыцарского идеализма, как ситуация в военной и династической политике. До тех пор пока бой приводил к рукопашной схватке, воин, будь то рыцарь, сквайр или джентльмен удачи, мог чувствовать личное родство с героями Азенкура. И до тех пор пока внешняя политика во многом определялась династическими интересами, цели рыцарства могли достаточно легко идентифицироваться с целями правящего дома, символом которого выступала персона короля. Для идеалов, возникших вокруг института рыцарства, оказалось намного труднее пережить

растворение роли рыцаря в роли правящего класса как целого — в конечном счете в функции национального правительства. Тем не менее можно увидеть и то, каким образом рыцарские ценности приспособлялись к процессу поглощения рыцаря классом гражданских «правителей», который не основывался больше на институте рыцарства, и сохранить некоторую теоретическую значимость для этой гораздо более расплывчатой в социальном отношении группы.

Такое поглощение идеала рыцарственности идеалом, охватывавшим весь правящий класс, являлось постепенным процессом, истоки которого находились в феодальной эпохе. Несмотря на то что мало есть свидетельств сколько-либо сознательного осмысления его значения, в литературе конца четырнадцатого столетия можно обнаружить несколько ценных признаков. Авторы этого периода, все еще ортодоксально подходившие к общественным проблемам, больше, чем когда-либо, осознавали эти проблемы и тот национальный контекст, в котором они себя позиционировали. Особенно интересны упоминания Ленглендом института рыцарства. Их также очень мало, что удивительно, если принять во внимание описанную им широкую картину, — факт сам по себе не лишенный значения в эпоху быстрых изменений. Те же, что существуют, не отличаются оригинальностью, за исключением их подчеркнутого стремления представить рыцаря скорее как члена землевладельческого правящего класса, чем как представителя особого военного ордена. Он является правой рукой короля, распорядителем и исполнителем постановлений последнего. Точнее говоря, он — исполнитель и/или отправитель правосудия короля, поскольку можно сказать, что по большей части целью законодательства является защита законных прав. По сути, правление по Ленгледу — это способ определения места каждого сословия в обществе и выполнения каждым сословием назначенных ему обязанностей в интересах общины в целом. Это сила, которая предписывает пахарю «пахать и усиленно трудиться» ради «пользы всех людей... как требует настоящая жизнь». Она устнавливает «закон и преданность... которые каждый должен признать как свои собственные». И в этом движении

рыцарский класс занимает в поэме Ленгленда положение недвусмысленное, но такое, какое можно ради большинства целей с уверенностью приравнять к положению правящего класса как целого.

Если мы признаем, что он довольно вольно использует термины «comune» и «comunes», значение которых у него по временам равно современному значению слова «commons», а иногда значению *commonalty*, но чаще сближается к термину *community*, который, как и *community of the realm*^{*}, занимает важное место в политическом языке ленглендовой Англии, то мы сможем увидеть в следующих знаменитых строчках то, что, возможно, было ортодоксальным описанием социального порядка. В нем рыцарство является главным партнером, не имеющим определенной роли, но в целом активным элементом в королевской системе правления, которая на протяжении долгого времени зависела от скрытых общественных сил в целом.

И затем пришел туда король, в сопровождении рыцарства, Властью Общин он получил свое правление, И затем пришел Здравый Смысл и клирики, которых он породил, С целью давать совет королю и сохранять Общины. Король и рыцарство и духовенство все вместе Придумали, чтобы Общины обеспечивали их всем, Общины же через посредство людей Здравого Смысла обучились ремеслам, И для процветания всех людей предписали пахарю пахать Возделывать землю в поте лица своего, гестно и достойно. Король и Общины и вместе с ними Здравый Смысл Установили законы и справедливость, по которой каждый человек должен знать свою принадлежность^{**}:⁴⁴.

---

* Среднеанглийское, производное от латинского, обозначение общины и общин; *commonalty* — часто использовалось для обозначения простолюдинов, близкое по понятию к общинам; *community of the realm* — термин, обозначавший весь народ королевства, включавший как Общины, как и все остальные сословия. — *Прим. ред.*

** Существует перевод поэмы Ленгленда на русский язык, сделанный Д. М. Петрушевским. Однако Петрушевский сделал перевод только версии В текста, здесь же Фергюсон сравнивает

В тексте С эти строчки по определенной причине описывали политический организм довольно расплывчато и не так уверенно, но тем не менее еще сравнительно точно отражали современную им мысль: точность в аналогичных понятиях не является достоинством, свойственным неформальной политической литературе этого периода.

И затем пришел туда король, в сопровождении рыцарства, Большая власть людей сделала его королем, И затем пришел Здравый Смысл и клирики, которых он породил, И Совесть, Здравый Смысл и рыцарство все вместе Придумали, чтобы Общины обеспечивали их всем. Здравый Смысл и Общины обучились всем ремеслам И для процветания всех людей они стали пахать И жить гестным трудом до скончания веков⁴⁵.

Рыцарь появляется в более конкретном и в более узнаваемом контексте в качестве местного «судьи», предшественника мирового судьи. На его плечи ложится сложное бремя тюдоровской администрации, и он уже стал брать на себя основную ответственность за поддержание порядка и справедливости в конкретном округе. Пирс с протестом против Расточителя обращается к нему как к единственной силе, способной иметь дело с такой антиобщественной личностью. То, что эти обращения тщетны, свидетельствует об эффективности этой системы, но не ее структуры, как ее представлял себе Ленгленд⁴⁶.

Казалось бы, Ленгленд имел в виду уже расширившееся понятие «рыцарства», охватывавшее усложнявшиеся функции землевладельцев в текущих делах гражданского общества. Автор написанного на стыке веков «Шута и Правдивого рассказчика» считал излишним говорить о рыцарстве. В своем проницательном рассуждении об английском правительстве он следует политической реальности, разделяя правящий класс на «лордов», которые вместе с королем составляют исполнительный центр правительства, и рыцарей от графств, которые приходят

версии В и С, написанной уже после восстания Уота Тайлера и несколько переработанной. Для того чтобы можно было сравнить версии, мы оставляем свой перевод. — Прим. ред.

в парламент представлять своих избирателей в системе управления, зависящей от их знания и совета⁴⁷.

С другой стороны, Джон Гауэр изображает меняющийся статус рыцарства гораздо менее ярко, нежели Ленгленд. Несмотря на то что он столь же обеспокоен состоянием Англии, как и его менее известный современник, а временами способен на определенное проникновение в суть проблем английского общества, его мысль остается в сфере традиционной теории, а способы выражения — в сфере обычных схем. Для него общество все еще было функциональным организмом, состоящим из трех частей:

*Sunt Clerus, Miles, Cultos, tres trina gerentes;
Hic docet, hic pugnāt, alter et arua colit**⁴⁸.

В эту простую модель он с некоторым трудом и с искренней настойчивостью помещает более разнообразные аспекты современной жизни⁴⁹. Аристократия несла в своих различных формах ту же обязанность, которая обычно приписывалась рыцарству, по обеспечению правления, защищающего по сути своей и столь необходимого для общего благосостояния. Рыцарство все еще остается в глазах Гауэра держащей меч рукой в политическом теле, его функции — в основном военными и только вторично гражданскими⁵⁰. Как ни странно, Гауэру в ходе своего всестороннего рассуждения по поводу социальной обстановки приходится больше говорить о рыцарстве и использовать больше рыцарских формулировок, чем это делает Ленгленд в своей всеобъемлющей критике. Полагаю, этот факт говорит о том, что Гауэр в большей степени, чем Ленгленд, был знаком с жаргоном класса, к которому принадлежал, и в большей мыслил стереотипно, и, возможно, не так ясно сознавал реальности современной ему жизни.

XV век дает нам дополнительные примеры смятения и, что особенно значимо, неустойчивого понимания социальной и политической реальности.

---

* Есть клирики, воины и землепашцы, три сословия, Первые учат, вторые воюют, третьи поля возделывают (лат.).

На сессии парламента 1433 года канцлер Стаффорд, епископ Батский и Уэллский, произнес проповедь, примечательную своей адекватностью реальности. В обозрении «сословий королевства» он отказался от традиционного тройственного разделения общества и, отражая новые факты нарождающейся английской представительской системы, группирует вместе *praelati, proceres et magnates**, помещая рыцарей, сквайров и торговцев во второй из трех *status regni* и оставляя *cultores, artifices et vulgares*** в третьем⁵¹. С другой стороны, его современник, Джон Лидгейт, хотя он ни в коей мере не пребывал в неведении о том, как в мире обстоят дела, обычно впадал в более традиционное истолкование социального порядка и часто представлял рыцарство как военную касту⁵². И даже епископ Стаффорд, по-видимому, не был способен согласовывать факты и теорию так же точно, как он сделал в своей речи 1433 года. Девятью годами позже он тоже возвратился к описанию сословий, которое мало отличалось от традиционной тройственной формы, поскольку ему не удалось отделить низшую и высшую аристократии так, как он сделал ранее, и поскольку ему не удалось продемонстрировать те тесные узы, которые на протяжении определенного времени связывали рыцарей и торговцев, исполнявших свои парламентские обязанности в Палате Общин (*commons*)⁵³.

Привычка делить общество на три сословия, на которой основывались идеи рыцарственности, умирала с трудом. В самом деле, она, по-видимому, значительно усилилась в литературе конца XV века. Появление в 1486 году «Сент-Олбанской Книги» является, несмотря на собрание в ней стандартных истин, примером того, что на самом деле могло бы быть сознательной попыткой восстановить традиционный подход во время золотой осени английской рыцарственности. Возможно, вторая записанная проповедь епископа Стаффорда парламенту также могла отражать это желание все более неуверенной в себе аристократии принять изменения меняющегося

* Прелатов, знать и магнатов (лат.).

** Землепашцев, ремесленников и простолюдинов (лат.).

общества под видом намеренно реакционной социальной теории. Кроме того, говоря о явно возросшем в конце пятнадцатого столетия акценте на теории сословий и об очевидном возрождении заинтересованности в рыцарском идеализме, необходимо вспомнить гениального старого юриста, сэра Джона Фортескью, проанализировавшего английскую систему правления в поразительно эмпирическом духе и без малейшего обращения к языку или понятиям, свойственным рыцарской традиции⁵⁴. Возможно, Джордж Эшби мог бы быть лучшей иллюстрацией потому, что он высказывался более традиционным способом. Он превращает «зерцало государей», впитавшее многое из рыцарского идеализма более ранней эпохи⁵⁵, но имевшее мало отношения к реальности, в пронизательное и интуитивно эмпирическое исследование английских реалий. Соответственно «Деятельная политика Государя» (*The Active Policy of a Prince*) (1470?) становится документом, совершенно нехарактерным для рыцарской мысли. Гражданский чиновник старой эпохи, чья долгая служба прошла в центре правительства, слишком часто парализованного интригами «властных личностей», настойчиво убеждал короля следовать совершенно нерыцарской политике назначать административными чиновниками людей, отличающихся скорее своими способностями, чем своим социальным происхождением⁵⁶.

Казалось бы, рыцарский идеализм к пятнадцатому столетию мог жить лишь отдельно от реальности, и его неоспоримая привлекательность для англичан этой эпохи была по той же самой причине подлинно романтической. Казалось бы, он жил в клише упадочной литературной традиции, в рыцарских руководствах, вдохновленных условиями, существовавшими двумя столетиями ранее, в искусственной атмосфере аллегории и романа или в более-менее хорошо обдуманной реакции книг на основу и структуру социальных сословий. Одни хроники из широко распространенной светской литературы, можно сказать, выражали рыцарскую традицию в контексте реальных условий, потому что толковали рыцарство преимущественно в контексте войны, где оно сохра-

нило определенное значение. Остальные из этих литературных форм, в которых традиция влачила свое жалкое существование, упрямо возвращались к более ранним дням. Единственная вещь, которая в них так или иначе подчеркивалась, заключалась в том, что рыцарь, воплощение этой традиции, играл определенную политическую роль лишь благодаря тому факту, что был воином, защитником общества. Коротко говоря, мы, по-видимому, просто проиллюстрировали особую способность средневекового ума отделять идеал от действительности, а не объяснили, как это было возможно или почему такое большое число людей в конце XV века могли столь серьезно воспринимать рыцарственность как систему ценностей, достаточную для светской жизни правящего класса.

Одно возможное объяснение состоит в том, что проблема в некотором смысле является ложной, а дихотомия, которую она представляет, скорее мнима, нежели реальна. Ленгленд и Гауэр, если мне позволят кратко вернуться к этим непревзойденным описателям жизни конца четырнадцатого столетия, имели много общего в своем понимании рыцарства. Ни один из них не интересовался рыцарским идеализмом: моральная система, которую они рекомендовали своим читателям, была системой христианской этики в самом широком смысле. Но оба они принимали функциональное понятие рыцарства, от которого зависело все, что связывало рыцарство с практическими делами. Для них рыцарство было почти эквивалентно правящему классу. Разница между ними была просто разницей между откровением гения и консерватизмом скромно одаренного моралиста. В некотором смысле это было различие в терминах. Гауэр твердо придерживался традиционных формул, а Ленгленд подгонял свои слова к миру реальности, в котором он жил и из которого вытекал мистицизм его обращения к читателю. Ко времени Какстона эта тенденция идентифицировать рыцарство, хотя бы только условно, с правящим классом, по-видимому, зашла столь далеко, что она, вместо изъятия рыцарского идеализма как руководства в мире светской деятельности, сделала возможным применение рыцарских идеалов ко всей полит-

ически активной силе в государстве. Во всяком случае, это кажется мне единственно правдоподобным объяснением решения Какстона перевести и опубликовать для английских джентри книгу Люлля о рыцарстве. То, что он воспринимал свою задачу серьезно, в духе общественного служения, видно из эпилога. Это была, в конце концов, книга, содержащая серьезное моральное учение, и ее никоим образом нельзя смешивать с простой книгой об этикете или путеводителем по социальным достопримечательностям. В ее основе лежит объяснение роли рыцаря в общественном устройстве, рассматривавшейся с точки зрения иерархии существующих классов. Конечно, ее антикварная ценность могла иметь лишь незначительную привлекательность для поколения, все еще не привыкшего размышлять о прошлом как об эпохе, принципиально отличающейся от их собственной.

Однако проблематичным остается то, что деловые люди в Англии времен Какстона могли полагать, что функция джентри хотя бы приблизительно совпадает с функцией рыцаря двенадцатого столетия. Мы опять полагаем, что эта проблема видится более сложной, чем она есть на самом деле. Ибо трудно преувеличить консерватизм английской мысли в период позднего Средневековья; и столь же легко преувеличить ту степень, в какой эта мысль предвосхищала политическую искушенность и утонченность ренессансного ума. Чем больше мы узнаем о реально действовавших институтах, особенно о парламенте, и о процессах средневековой законодательской деятельности, тем больше мы склонны предполагать, что люди того периода, так же как и мы, осознавали имевшие тогда место существенные прецеденты. Невозможно представить, что люди ланкастерской Англии намного меньше представляли себе положительную роль правительства и скрытые в нем возможности проведения созидательной политики, чем те люди, которые мысленно схватились с революционными проблемами шестнадцатого столетия и отразили в своих сочинениях позитивную сущность тюдоровского правления. Конечно, человек с какстоновским опытом должен был видеть, что правительство давно переросло роль просто защитной силы и что подобным же образом правящий класс уже

перерос простую функцию носителя меча и защитника справедливости и мира.

Однако предполагать что-либо подобное означает упустить один из наиболее важных фактов, касающийся политического мировоззрения позднесредневекового периода. В моменты самой глубокой рефлексии, то есть тогда, когда англичанин пятнадцатого столетия не входил в текущие подробности управления, он, подобно англичанину XIV века, представлял общество как организм, которому Творец предписал особую форму; статичную в том смысле, что он не мог сменить эту форму; а его изменения сводились лишь к тому, что он мог или наслаждаться процветанием, или терпеть невзгоды. Он полагал, что перемены наиболее вероятно обнаружат себя, как то было в прошлом, посредством постепенно развивающейся болезни духа, являющейся следствием греха и предстающей в виде смертельной заразы. Поскольку добродетель и порок в его обществе были детерминантами здоровья и болезни, постольку он стремился рассматривать проблемы общественной жизни, как и проблемы частной жизни, в свете личной нравственности. Он чувствовал, что в конечном итоге улучшение вряд ли могло произойти от чего-либо иного, нежели от возвращения к добродетели как уделу всех людей, но особенно тех из них, для кого она была первоочередной обязанностью. Подобное возрождение, в любом случае маловероятное, вряд ли последовало бы вслед за правительственной деятельностью, а было бы скорее результатом увещаний проповедников и моралистов. Поэтому задача тех, кому вверена обязанность мирского управления, выливается в поверхностную и безрезультатную деятельность, чтобы помешать порочным деятелям покушаться на права других.

Для того чтобы в деталях продемонстрировать эту ментальную привычку, необходимы другое время и другой контекст⁵⁷. Но было бы полезно привести здесь несколько примеров. Сама сущность всесторонних описаний Англии конца четырнадцатого столетия, данных Ленглендом и Гауэром, и их позиции по отношению к правительству продолжает неожиданно проявляться то тут, то там в работах последующего столетия. Поэт начала

пятнадцатого столетия резюмирует роль парламента, в котором все еще преобладал рыцарский класс, как роль исправителя несправедливостей.

Когда все королевство собралось
По воле Божьей, в полном единенье,
Исправить беды те, что набрались,
И учредить парламент оным в исправленье⁵⁸.

В произнесенной епископом Стаффордом перед парламентом в 1433 году проповеди, на которую мы уже ссылались, этот проникательный прелат провозгласил, что долг политически активных сословий состоит просто в том, чтобы поддерживать мир и справедливость. Правда, он рассматривает эту функцию как затрагивающую более широкую часть общества, чем было принято в «сословной» (*estate*) литературе: прелаты и магнаты несли основную ответственность за мир, единство и согласие; рыцари делили с *mediocribus*, т. е. с торговцами, и сквайрами, обязанность трудиться ради *equitas et mera justitia**: ⁵⁹. Правящий класс расширяется; но его социальная функция умозрительно остается той же самой. Обращаясь к парламенту в 1468 году, канцлер повторял банальные трюизмы о том, что правительство существует для сохранения мира и безопасности королевства, означавшие в конечном итоге утверждение справедливости⁶⁰. В письме к епископу Энахденскому, предназначавшемся для людей, ответственных за ирландские дела, Ричард III описывает идеал местной системы управления, который несомненно выражал политическое мировоззрение своего времени, и был дорог простодушному и рыцарственному сердцу короля.

...королевское благоволение никоим образом не позволит пригнать вред матери нашей святой церкви... и что вышеупомянутый королевский кузен (граф Десмонда) должен защищать, поддерживать и помогать ей в любом деле, как того требуют правосудие и закон. И, кроме того, следить, чтобы никакие грабежи, воро-

* Справедливости и полного правосудия (лат.).

вство, притеснения или вымогательства не совершались среди подданных короля в этих землях, какого бы сословия они ни были, каким бы положением или титулом ни обладали; а ежели что-либо подобное приключится, проследить за тем, чтобы они были строго наказаны в соответствии с правыми королевскими законами. И это указанный граф должен, всеми своими силами и средствами, следить и обеспечивать, чтобы проезд подданных по центральным дорогам в этих землях был безопасным, чтобы не случалось грабежей и не гибли незаконных препятствий...

И все это оканчивается тем, что упомянутый граф «может предстать и быть поименован истинным юстициарием, как к его собственной чести и благу, так и к общему благу тех земель, и прочая»⁶¹. Это — модель «доброты и богатого правительства», к которому все англичане доброй воли будут стремиться в те беспокойные времена. Важным является и то, что это понятие правительства связано с «честью» местного администратора. Даже в эпоху Войны Роз нельзя было обрести репутацию рыцаря иным способом, чем как через военный подвиг. Фактически в своем письме Ричард обрисовал тот идеал политической ответственности рыцаря, который Люль и его английские переводчики сформулировали в более-менее округлой форме.

Такое отношение, основанное на предположениях, сформировавшихся с учетом нужд относительно простой эпохи, не могло, конечно, сохраняться бесконечно. Даже Ричард III, несомненно, чувствовал в свое время присутствие нового духа в общественной жизни, духа, который был настолько же чужд его характеру, насколько родственным он был характеру его соперника и преемника Генриха Тюдора⁶². Политическая литература пятнадцатого столетия также открывается в отдельных проявлениях все еще неочевидного распространения нового подхода, реалистичного и эмпиричного, который под действием событий последующего столетия закрепится в новом понимании гражданственности. Но это изменение никоим образом не было внезапным. Большинство англичан, принимавших активное участие в общественной жизни конца пятнадцатого столетия, обнаружили бы

в словах Ричарда, как и в «Книге о рыцарстве» Какстона, выражение универсальной истины, достаточной для любых обычных целей. Эти люди все еще могли принять рыцарскую традицию, потому что она идеализировала образ жизни, который по их ощущениям все еще влиял на все основные аспекты существования, не важно, насколько он был уже испорчен.

Тем не менее сохранение такого отношения требовало умения разделять идеал и действительность, что может казаться слишком романтическим для людей, привыкших к более быстро меняющемуся обществу. Однако это разделение объясняет как ослабление, так и сохранение рыцарской традиции в Англии. Политическая литература Англии пятнадцатого столетия, хотя и не была ни в каком смысле антирыцарской, часто является нерыцарственной по своей манере. Ее более реалистичные представители, автор «Краткого трактата об английской политике», например, или сэр Джон Фортеस्कью, мыслили вне рамок традиции рыцарственности. К тюдоровской эпохе эта традиция стала скорее источником этического вдохновения, чем руководством по поведению в повседневных делах. С одной стороны, ее отделение от реальных условий позволило ей избежать отравляющего влияния подобных условий и пережить разочарование, последовавшее за войной и мятежом. Возможно, именно по этой причине рыцарство, очевидно, было больше в чести (хотя о нем писали меньше) в Англии, чем во Франции, где оно теснее связывалось с реальной жизнью правящего класса и где оно на протяжении XV века стало объектом критики и сатиры⁶³. Англия произвела Фортеस्कью, для которого идеал рыцарственности не имел значения; но она не произвела ни Шартье, с горечью возмущенного идеалиста осуждавшего неспособность аристократии жить согласно своим торжественным заявлениям, ни Коммина, демонстрировавшего абсурдность рыцарского идеализма как источника вдохновения для политической деятельности.

ГЛАВА V

РЫЦАРСТВЕННОСТЬ И ШОВИНИЗМ

Как было показано в предыдущих главах, рыцарский идеализм, несмотря на то что он не был связан с политической реальностью, продолжал на протяжении пятнадцатого столетия влиять на взгляды англичан, особенно тех англичан, которые дышали искусственным воздухом атмосферы королевского двора. И нигде эта тенденция не проявлялась так очевидно, как в рассуждениях о том, что в наши дни именовалось бы «внешней политикой». В ходе торговых взаимоотношений Англии со своими соседями война стала фактором, который всегда нужно было принимать в расчет. Относительно незрелая природа межгосударственных отношений в период зарождения территориальных государств сделала войну или угрозу войны постоянным и необходимым инструментом политики. Тем не менее война более чем какой-либо иной аспект средневековой жизни стала связываться с ценностями рыцарственности. Рыцарственность, повторяю, первоначально была идеализацией рыцаря как защитника общества. Когда долг защитника расширился, включив в себя поддержку династических требований и защиту интересов своего феодального лорда, рыцарские ценности, как следует сдобренные христианскими принципами, стали соответствовать целям династической политики хотя бы потому, что они были единственными ценностями, имевшимися под рукой; и терминология рыцарственности долгое время продолжала окрашивать, а возможно и формировать, любое обсуждение войны и

мира. Когда нация начала принимать узнаваемую форму — узнаваемую для современников, — значительно труднее стало подогнать как ценности, так и терминологию рыцарственности к реалиям национальной политики или даже к проведению войны в международном масштабе. Под совместным влиянием обстоятельств и заново пересмотренного примера классической древности на протяжении шестнадцатого столетия постепенно появилось определенное явление, напоминающее современное обсуждение данных предметов. Такое обсуждение все в большей и большей степени приближалось к реалистичному отношению к окружающей действительности, в котором прагматические представления стремились возобладать над ценностями рыцарского поиска приключений и таким образом убрать затуманивающую завесу, создававшуюся определенными идеями и языком, которые слишком часто в период Средневековья затрудняли более объективный взгляд на государственного деятеля или полководца. В то же самое время подобный реализм начал проникать в мелочи военной жизни, затрагивая ее тактические аспекты. Идеология предусмотрительности и того, что «цель оправдывает средства», хотя и была хорошо известна рыцарской литературе, с быстро растущей настойчивостью стремилась заменить идеализм, в который частично христианизированное рыцарство благопристойно старалось облачить непреклонную фигуру Марса.

* * *

К счастью, для наших целей существует один документ конца пятнадцатого столетия, дошедший до нас. Он, благодаря неоспоримо рыцарской трактовке внешней политики Англии, дает нам редкую для скудно документированной эпохи возможность хотя бы частично проникнуть в мышление, характерное для этого времени. Если Какстон и Мэлори, а также, возможно, и Хоуз, были в первую очередь озабочены восстановлением рыцарственности как моральной и интеллектуальной системы для возрождения правящего класса, а затем и своей глубоко разоренной страны, то автор «Книги о знатности»

был, по-видимому, движим прежде всего идеей династического честолюбия и агрессивной внешней политики. Почти столетие назад Дж. Дж. Николс издал этот любопытный памфлет для Роксбургского клуба*. С тех пор наше знание о нем и его литературном контексте значительно обогатилось¹. Тем не менее данную работу до сих пор игнорируют; и это в некоторой степени помогает объяснить, почему английская рыцарская мысль конца пятнадцатого столетия столь часто оставалась вне поля зрения. Несмотря на то что это вряд ли был значимый документ (он существует в единственном экземпляре и, по-видимому, никогда не копировался и не адаптировался в эпоху, чрезвычайно склонную к подобного рода вещам), способный привлечь литературоведов, он тем не менее открывает механизм рыцарского ума в отношениях, редко настолько ясно обозначенных в более обычной литературе этого периода.

Очевидно, он был написан Уильямом Вустером незадолго до смены династии в 1461 году, и целью его была попытка убедить Генриха VI подражать воинственной политике своего отца по отношению к Франции. Затем он был пересмотрен для того, что привлечь покровительство Йорков, когда в 1475 году Эдуард IV фактически готовился возобновить войну². Многие из более традиционного материала, содержавшегося в нем, Вустер заимствовал из хорошо известных французских книг о рыцарстве Оноре Боне и Кристины Пизанской, и кое-чем этот документ обязан Алену Шартье. Но даже в своей наиболее ранней форме он представлял собой нечто большее, нежели простую компиляцию стандартных рекомендаций на тему знатности. То, что на первый взгляд кажется похожим на другие рыцарские руководства, обобщается, достаточно неожиданно, образцом пропаган-

* Роксбургский клуб — был основан Джеймсом Керром, 5-м герцогом Роксбурга (1736–1823), в 1812 году, после того как герцог продал издание Боккаччо 1471 года и на вырученные деньги основал клуб, целью которого было собирать и издавать редкие издания и источники по истории Англии и Шотландии. Клуб на протяжении более полутора столетий объединял известных библиофилов. — *Прим. ред.*

ды в пользу определенной внешней политики. В самом деле, это прекрасный пример способности англичанина конца пятнадцатого столетия решительно, а иногда и проницательно, комментировать современную ему политическую обстановку. В этом отношении его можно поставить в ту же категорию, что и «Управление Англией» (*Governance of England*) Фортескью, хотя и на значительно более низкий уровень сложности.

То, что имел в виду Вустер, когда писал «Книгу о Знатности», становится яснее, когда она рассматривается в связи с коллекцией документов, которые он, по видимому, собирал как *pieces justificatives** для самого памфлета³. Эти документы были взяты из тех, которые сэр Джон Фастольф собрал в ходе своей деятельности в качестве военного администратора при герцоге Бедфорда во Франции. Этот прославленный старый рыцарь удерживал Уильяма Вустера (и заставлял много работать) на должности своеобразного джентльмена-секретаря, «члена той обширной и хорошо образованной профессии, чей долг был управлять землями и поместьями...»⁴. Личный пример Фастольфа и его деяния на посту проконсула дали Вустеру как вдохновение для нового изложения внешней политики с точки зрения рыцарского шовинизма, так и материалы для того, чтобы связать эту идею непосредственно с национальным опытом.

В прологе к данному собранию, переработанному после смерти Вустера его сыном, который вторично посвятил ее Ричарду III, этот молодой человек в значительной степени пролил свет на мышление своего отца. Подобно самому Вустеру, его сын объединял внешнюю политику с рыцарским идеализмом, совершенно не предполагая возможности какой бы то ни было несовместимости между ними. Он полагал долгом короля заботиться о защите и охране своих «обоих королевств» путем следования основным добродетелям «Справедливости, Благоразумия, Силы и Умеренности». Но главным образом король должен быть способен использовать Силу для того, чтобы «покорить посредством

* Законодательные документы (ст. франц.).

мощи Божией... вашего великого противника Францию и пойти на нее новым походом» или посредством заключительного мирного договора завершить «возвращение вашего законного права наследования»⁵. Именно по этой причине, говорит в предисловии сын Вустера, его отец подготовил «эту книгу» (очевидно, имеется в виду «Книга о знатности», а не собрание документов, которое за ней следует), почерпнувшую у философов всю их мудрость по поводу использования силы⁶. Но, добавляет он, «более всего преобладает... опыт рыцарственных деяний, совершенных в бою...», и поэтому опыт более полезен, чем теоретизирование. Отсюда — собрание записей о «справедливом благородном рыцарстве» бывшего регента Франции, Джона, герцога Бедфорда⁷.

Они представляют запись поражения, но в патриотичных глазах составителя и его сына никоим образом не являются поводом для отчаяния. Во время правления Эдуарда IV память об Азенкуре оставалась еще очень живой, и династические амбиции, привитые недолгой властью Генриха V во Франции, умирали очень медленно⁸. Политические рассуждения, явствовавшие из документов Вустера, на протяжении долгого времени играли определенную роль в английской внешней политике и нашли конкретное, хотя отчасти и двусмысленное, выражение во вторжении во Францию в 1475 году.

Поэтому именно в свете этого странного собрания документов и еще более странного предисловия к нему, должна быть исследована и сама «Книга о знатности». Ибо именно внешняя политика короля определила ее последовательную и практичную цель и осознание крайней необходимости, которые поставили ее особняком от других книг того времени о рыцарстве. Действительно, читатель не долго останется в неведении относительно конкретной цели, лежащей в основе этого обманчиво традиционного исследования знатности. После отчасти формального призыва к Божьей милости и краткого обращения к теме подлинной знатности авторы переходят к пылкому рассказу о позоре и угрозах, которые испытывает Англия в результате потери своих французских провинций⁹. Конечно, между этим предметом и проблемой «Знатности» существует связь. Знатность определяется

в основном на основании знаменитых подвигов, совершенных аристократией от лица государства; и именно оживляя в памяти английских «знатных воинов» знатные подвиги их предшественников, автор надеялся стимулировать своеобразный крестовый поход для того, чтобы восстановить эти утерянные территории. Соответственно большая часть этой книги, более значительная, чем можно было бы ожидать от книги, посвященной рыцарской добродетели, отражает историю «военных подвигов», совершенных «английской нацией» от своего легендарного начала в «благородной древней крови Трои» вплоть до наиболее успешных фаз Столетней войны¹⁰. Много места также посвящено мошенничеству «французской партии» при нарушении перемирий¹¹; и имеется пространная лекция о законном праве англичан на французские земли¹². В этой книге история снова является источником вдохновения и создает прецедент для возрождения рыцарственности. Однако в данном случае рыцарственность находит выражение скорее именно в национальной политике, нежели в индивидуальных действиях, осуществляемых в интересах более-менее абстрактного всеобщего блага.

Хотя эта тенденция формулировать национальную политику в терминах рыцарственности или расширять рыцарскую терминологию для того, чтобы включить в нее обсуждение национальных задач, и является достаточно примечательной, она не должна вызывать слишком сильное удивление. Как мы видели, рыцарство в Англии, подобно феодальной системе, для которой оно служило идеалом, довольно рано стало ориентироваться на самого короля. Войны против шотландцев, валлийцев и, конечно, французов дали обширный опыт совместных действий, который, если им правильно пользовались, всегда стремился придать особое значение королевской политике — мы даже можем сказать, что национальный интерес, если внимательнее смотреть на эту проблему, обычно толковался с точки зрения династической или военной политики. Более того, Англия нашла своих покровителей рыцарственности, а в некоторых случаях даже примеры своих рыцарских героев, в своих собственных королях. Генрих V, в частности, стал для писателей пят-

надцатого столетия символом одновременно патриотизма и рыцарственности.

В эпоху национального унижения англичанин мог увидеть в рыцарской традиции источник вдохновения не только для личного поведения, но и для патриотической деятельности. Слава, эта светская цель, к которой каждый истинный рыцарь должен стремиться, могла быть легко приравнена к национальному престижу, а феодальная преданность — к долгу перед королем. Англичане, имевшие рыцарский характер, смогли таким образом избежать разочарования, овладевшего столь многими французскими авторами этого времени, которые зачастую находили в рыцарстве выражение анархичного и эгоистичного феодализма¹³. Рыцарская шкала ценностей оставалась, конечно, чрезвычайно ограниченной, давая мало места для обсуждения политических сложностей, которые такие наиболее трезвомыслящие наблюдатели, как Коммин, уже остро осознали. Рыцарство могло говорить на языке шовинизма, но не языке национальной политики.

Я не хочу предположить, что, фокусируя свое внимание на династических задачах, автор «Книги о знатности» игнорировал проблему поведения личности. В самом деле, сомнительно, что он проводил сколько-нибудь отчетливое различие между сферами публичной и частной деятельности. В конце концов, это различие в пятнадцатом столетии редко делали даже наиболее искушенные из английских авторов. Для средневекового ума благосостояние общества являлось результатом добродетельной деятельности отдельных людей. Человеческая жизнь была непрерывной тканью этических взаимосвязей. Так, подобно христианским моралистам народной традиции, Вустер находит причину того, что Англия потеряла свои преимущества на международной арене, в моральном упадке англичан. Он даже не оставляет звездам ни единого шанса, объясняя неудачи, недавно постигшие Англию¹⁴. Однако он подчеркивает те этические факторы, которые наиболее близко связаны с идеалом рыцарственности, особенно элемент физической дисциплины, связанный прежде всего с военным предназначением рыцаря. В период, для которого характерен упадок рыцар-

ских идеалов и форм и преобладание социальных представлений над военными, интересно видеть, как английский автор ставит выше всех остальных, и определенно выше придворных добродетелей, те качества, которые создают хорошего воина. Действуя таким образом, он выразил традицию спартанства, которая красной нитью проходит сквозь литературу о рыцарственности и придает этой литературе ту значимость, которая была необходима для реальной жизни средневекового рыцаря¹⁵.

Человек подлинного благородства всегда останется пригоден для своего первоначального предназначения быть защитником общества. Во время мира он станет подражать римлянам (изображенным не в качестве хранителей особой культуры, но как «языческие рыцари-воины»), а во время войны — изображать «состояние льва»¹⁶. С другой стороны, он должен избегать сладострастия, любви к праздности и телу, которые подрывают как физическую, так и моральную стойкость рыцаря¹⁷. Также он должен избегать алчности и склонности к тем личным увлечениям, которые не способствуют общему благосостоянию. И прежде всего рыцарь должен быть способен встать над скаредными размышлениями о собственности и судебной тяжбе и жить на более подобающем ему уровне благородных ратных подвигов¹⁸.

Возможно, именно в своем отношении к изучению закона и руководства местной администрацией Вустер наиболее ясно демонстрирует тот рыцарский уклон и ограниченный взгляд, с которым он смотрел на развивающуюся функцию рыцарского класса. Он был всерьез озабочен тенденцией подобных изысканий захватывать ум английского рыцарства и отвращать от его первоначального долга. Король, убеждал он, должен увидеть в этом, что «для лучшей защиты ваших королевств... также для продвижения и роста рыцарства и военной чести» сыновья аристократов и «по большей части все те, кто происходит из благородных родов, а именно древних рыцарских, эсквайрских и других благородных семей», должны интенсивно наставляться в «дисциплине, доктрине, и в знании различных видов оружия». Это, он говорит, являлось обычаем в дни царственных предшественников короля.

Но теперь, с недавних пор, к большому сожалению, многие из тех, в чьих жилах течет благородная кровь и кто с рождения имеет право носить герб... посвятили себя какому-нибудь отдельному занятию... как то: изучение законов или обычаев нашего королевства, или гражданских дел, или тратя все свое время на такое бесполезное занятие, как заседание в судах, или гордо восседают на заседаниях парламента или на сессиях графств, и там они смешались и существуют вместе с вашими бедняками и простолюдинами грубого происхождения, что ведет к прозябанию в бездействии¹⁹.

Несколько высказываний в английской памфлетной литературе пятнадцатого столетия говорят еще о большем. С одной стороны, в литературе этой можно заметить бессознательные свидетельства глубокого беспокойства английского землевладельца за статус своей собственности во все более сутяжническом, все еще по существу небезопасном обществе — беспокойстве, которое оставляет мало места для мыслей о рыцарских подвигах и размышлений над какими-либо иными проблемами, нежели домашние. Именно это беспокойство является постоянной темой в переписке Пастонов, с которыми Вустер близко познакомился, исполняя обязанности делового агента Фастольфа. С другой стороны, она открывает странно анахроничные свойства рыцарской традиции в отношении практических дел, как в случае Вустера. Он, конечно, вполне склонен уступить важное место закону. На деле он утверждает, что практика закона должна быть поручена «таким людям трезвого поведения, которые считаются добродетельными и хорошо подходящими», добавляя многозначительно «хотя бы он происходил всего лишь из простонародья», и что такие представители закона были бы защищены «лордами и благородными людьми»²⁰, которые таким образом осуществляли бы свою традиционную рыцарскую функцию, подобающую их благородному положению. Но верно и то, что для него даже в большей степени, чем для таких признанных авторитетов более раннего времени, как Люлль, правящий класс был прежде всего военным классом; и, несмотря на то что Вустер ничем не отличается от других наблю-

дателей пятнадцатого столетия, рассматривавших правительство как защитника по сути своей, он отчетливо различает благородную функцию военной защиты (всегда легко смешиваемую с агрессией) и защитную функцию, осуществляемую судами. Последняя, несмотря на то что хороша и необходима, не может быть признана благородной в рыцарском смысле, ибо ее осуществляют в основном для тех обычных людей, которые не могут защитить себя сами и главная цель которых состоит в том, чтобы «жить в покое» — желание, по определению чуждое рыцарскому идеалу.

Тем не менее на протяжении этого обсуждения ограниченного и, с точки зрения историка, анахроничного идеала мы должны не упускать из виду тот факт, что целью «Книги о знатности» было применить на практике рыцарские ценности к проблемам Англии того времени. В ней заметен сильный привкус реализма, связывающий ее с одним из наиболее значительных движений того периода, а именно с тенденцией трактовать задачи общественной жизни на основе политической и экономической реальности. Подобно своему хозяину, сэру Джону Фастольфу, Вустер был способен увидеть взаимосвязь между такими размышлениями и войнами, от которых, как он верил, зависели честь и слава Англии. Более чем вероятно, что штрихи реализма в «Книге о знатности» были взяты либо по сути, либо по духу из сообщений наиболее практичных из рыцарей. В собрании документов, составленном Вустером, которое содержит в основном сообщения и предложения Фастольфа, дух рыцарственности присутствует во всем, но его затмевает обилие фактов и персонажей. Там его верные секретари могли найти, например, множество описей и счетов, включая «упоминание о части достойного рыцарства (находящегося под его командой), чьи заявления о покупках и расходах за год содержались в бумагах»²¹.

Рассуждения о материально-техническом обеспечении занимают у Вустера гораздо больше места, чем современный читатель мог бы ожидать в книге о рыцарстве. Как мы говорили, трудно было собрать фонды для разрабатываемого вторжения во Францию. Причину этого довольно легко можно найти в алчности богатых

и несчастной склонности англичан к роскоши²². Лекарство было столь же наивным: ограничить английский народ регулирующим расходу законодательством и принудить состоятельных граждан добровольно жертвовать на общее дело²³. Последний способ действий мог, как признавали, столкнуться с определенными трудностями; ибо предшествующим кредиторам, особенно кредиторам Генриха VI, не было выплачено сполна за уже предоставленные ссуды. Для того чтобы компенсировать ущерб, обусловленный сложившейся ситуацией, внесли предложение, чтобы король позволил распродать его собственные сокровища — «и драгоценности [и] посуда из золота и серебра» — среди подданных «в помощь и продвижение вашего завоевания, и в утешение вашего бедствующего и нуждающегося народа»²⁴. Работая над книгой в то время, когда поборы Йорков тяжелым бременем легли на страну, автор с трудом пытается найти более справедливую альтернативу; и он достаточно умен, чтобы осознать, что в добавочных к обычному налогообложению деньгах нельзя быть уверенным до тех пор, пока за простонародьем, особенно горожанами, не будет присматривать король. Он советует Эдуарду продемонстрировать благосклонность к городам и бургам; но эта забота о горожанах напрямую зависит от той поддержки, которую этот класс оказывает его военной политике. «И если противники будут действовать против достоинства вашей персоны и благосостояния вашего королевства, то ваши вышеупомянутые граждане и горожане и добрые простолюдины, если заботиться о них, должны обладать властью и храбростью, и животом своим и имуществом пожертвуют для того, чтобы дать им должный отпор»²⁵. В то время, как и в более поздние времена, агрессивная партия непременно нуждалась в том, чтобы изображать себя — даже для себя самой — в качестве противника агрессии.

Еще одно предложение не случайно вторит списку рекомендаций, предоставленному Фастольфом герцогу Сомерсета в 1448 году для руководства военной экспедицией во Францию. Армии, советует он, должны своевременно и регулярно платить честные чиновники, не просто для того чтобы гарантировать более эффективное

управление, но для того чтобы солдатам не было необходимости жить за счет местных жителей. Таким образом он надеялся пресечь практику, которая во время последней кампании в Нормандии обратила местных жителей от преданности своему английскому господину к горькой ненависти к иностранному захватчику²⁶.

Несмотря на очевидное присутствие здравого смысла в этом документе и в особенности на готовность его автора широко использовать актуальный опыт английских администраторов во Франции времен Столетней войны, несмотря на явное присутствие практического, в значительной степени интуитивного, эмпиризма в его трактовке внешней политики, фактом остается то, что «Книга о знатности» обращается к английскому джентри в духе рыцарского идеализма, совершенно не связанного с тем типом реализма, наполнявшего страницы Коммина или Макиавелли и вдохновлявшего политику Людовика XI или Генриха VII, или даже Эдуарда IV. Еще раз мы сталкиваемся с любопытной склонностью мышления пятнадцатого столетия находиться на двух разобщенных уровнях и разделять идеал и действительность тогда, когда это необходимо. Автор «Книги о знатности» надеялся возродить среди английского джентри дух рыцарственности, без которого, как он несомненно был убежден, цели династической политики будут бессмысленными. Тем не менее идеализм его послания находится в резком противоречии с откровенным реализмом, который, по-видимому, подсказывал королю практические решения.

В 1472 году Эдуард решил со всей серьезностью поставить вопрос о вторжении во Францию²⁷. Вопрос этот в общих чертах возник в 1468 году, перед повторением гражданских беспорядков. Теперь, снова находясь у власти, какой бы шаткой его позиция как правителя ни была, Эдуард по многим причинам счел нужным предупредить парламент о целесообразности войны. Кто-то, возможно архиепископ Кентерберийский, подробно говорил от лица короля и формулировал эти причины с примечательной прямоотой. Уделив лишь мимолетное внимание обычным формам рыцарственности, «рыцарской храбрости» короля и его естественному желанию восстано-вить Англию в ее «древней славе, чести и известности»,

оратор особо подчеркнул целесообразность этой войны. Гражданские войны, сказал он, пробудили «массу необузданных людей», которые поддерживают «великий разброд» среди английского народа и изводят землю всевозможными «грабежами, притеснениями, разбоем и другими великими напастями» в такой степени, что это угрожает богатству и процветанию подданных короля. «Строгость закона» не может быть использована как средство исцеления, поскольку если каждый виновный будет наказан смертью, как он этого заслуживает, скоро в королевстве останется слишком мало людей для того, чтобы защитить его от внешнего врага, который благодаря «тонким и коварным проискам Людовика, противника короля во Франции», осадил нашу землю со всех сторон. Итак, для того чтобы «направить на дело войны вовне упомянутых бесполезных и необузданных людей под руководством нашего монарха, лордов и джентри этой земли, и расстроить мошеннические уловки короля Людовика, и восстановить Англию в ее прежнем почете», король решает заявить свое законное требование на корону Франции и вернуть, в частности, герцогство Нормандское и Гасконь. На эту же цель с железной логикой указывают некоторые дипломатические и стратегические размышления. Герцоги Бургундские и Бретонские пришли к соглашению с английским королем. Этот факт поставил короля Франции в уязвимую позицию на его собственных землях и возложил на короля Англии определенное обязательство (которое он тем не менее проигнорирует на свой страх и риск) перед своими союзниками. Более того, «отнюдь не безызвестно, насколько зело к стати будут там [во Франции] богатые и необходимые порты для процветания торговли и сохранения флота этой земли». Во французских руках они станут постоянным источником слабости Англии, тогда как под властью Англии они вовсе лишат французского короля возможности держать в тех водах какой-либо флот и таким образом дадут Англии доминирующее положение в торговле с Северо-Восточной Европой.

Однако оратор также должен был оправдать эту войну как войну по существу оборонительную. В некотором смысле это должна была быть «превентивная» война.

Чем ждать нападения и «обороняться дома», король лучше «опередит» своих противников, подобно Сципиону, который победил Ганнибала в Карфагене вернее, чем в Риме.

Сколь бы весомыми ни были эти размышления в устах оратора, он, по-видимому, больше всего был озабочен проблемой внутренних беспорядков, поскольку он возвращается к теме непокорных элементов внутри страны. Если, как он предполагает, французские провинции можно возвратить, «многие джентльмены, так же как и младшие братья, смогут там получить внушительное вознаграждение и поселиться в этой земле для ее полной охраны; воины, которые не имеют другого дохода, будут распределены по гарнизонам и будут жить на свое жалованье, иначе же их деяния в этой земле приносят одни огорчения». Затем он добавляет великолепное *obiter dictum**, являющееся результатом того, что он считает правильным прочтением английской истории: «Это не слишком возможно, да и не наблюдалось в этой земле со времен Завоевания, что правосудие, мир и процветание (то есть главные цели хорошего правления) продолжалось бы долгое время в царствование любого из королей, но зато они сделали войну заметной»²⁸.

Прав ли он или ошибается в своем анализе английского опыта, но тут он говорит на языке макиавеллиевского реализма. Ссылаясь на стратегическую позицию Англии, он говорит в столь же реалистичном тоне «Краткого трактата об английской политике». В его речи нет и следа какого бы то ни было рыцарского духа, которым с такой силой веет со страниц «Книги о знатности».

Весьма вероятно, что эта речь довольно точно отражает мышление самого Эдуарда IV в тот год. До того как он перешел собственно к вторжению, прошло три года и его мотивы несомненно изменились; но можно с уверенность поспорить, что в них рыцарского идеализма стало не больше, чем это было в 1472 году. Эдуард питал страсти к рыцарскому великолепию. Именно этим, по-видимому, и восхищал короля двор его шурина, герцога

* Случайное выражение (лат.).

Бургундского. Но Эдуард не разделял безрассудства и опрометчивости Карла, которые дали этому эксцентричному принцу имя, под каким он известен в истории, и побудили Коммина изобразить его в качестве архетипа рыцарской глупости. Мотивы Эдуарда, как и его личность, скрывались под завесой неизвестности, вызванной малочисленностью и странным характером записей. Только мемуары старого проницательного Филиппа де Коммина во многом помогают, но и они слишком настроены против Эдуарда, чтобы их во всем можно было принимать за чистую монету. Возможно, однако, что его прямое предположение о том, что Эдуард надеялся получить деньги от своих подданных благодаря пропаганде войны, а от своих врагов благодаря заключению мира, не слишком далеко от истины²⁹. В любом случае он сделал именно так. Начиная с 1472 года он просит деньги на предполагаемое вторжение, но вплоть до 1475 года военная экспедиция не выходит в плавание. А затем, подталкивая Людовика XI скорее к переговорам, нежели к сражению, он принял предложенные выгодные условия с готовностью, которая многим по обе стороны Ла-Манша показалась неподобающей рыцарственному королю. Конечно, к тому времени Карл Смелый фактически оставил его и Эдуард оказался в положении, в котором мог надеяться лишь на то, что сумеет серьезно запутать своего врага. В оплату за отказ от территориальных притязаний, которых он никогда всерьез не имел, Эдуард получил по договору в Пикиньи откровенную плату наличными, годовое пособие в 50 000 золотых крон и выгодный брак дофина со старшей дочерью Эдуарда IV.

Возможно, что он действовал в ответ на ту же смесь праздности и практической прозорливости, которая обусловила политику Карла II при схожих обстоятельствах. Подобно своему потомку из династии Стюартов, Эдуард пережил своего рода реставрацию, унаследовав трон, находившийся в весьма шатком положении. Как и он, Эдуард не имел желания снова оказаться в странствиях. Как и он, Эдуард надеялся владеть своим королевством в такой праздности, какая только была совместима с его королевским достоинством и процветанием Англии. Подобно ему, Эдуард также был готов принять содержа-

ние в форме французского пособия, которое освободило бы его от парламентского вмешательства в его теневые дела, которые могла бы компенсировать более героическая политика.

Если эта оценка мотивов Эдуарда сколько-нибудь близка к истине, то она помещает его среди постыдной армии тех, кто подобно самому Коммину полагал, что тот, кто получил от войны выгоду, получил и славу³⁰. Она помещает его в позорную компанию тех, кого автор «Книги о Знатности» не держал за настоящих англичан потому, что они предпочитали скорее жить в праздности, нежели искать битвы ради чести Англии. В частности, она отличает Эдуарда от его консервативного брата, Ричарда Глостера, по воспитанию и темпераменту принадлежавшего к старому порядку и резко осуждавшему постыдные переговоры в Пикиньи — хотя, как нам рассказывают, он убедил себя после этих событий принять от Людовика один из тех щедрых подарков, в знак признания его доли политического влияния, которые Людовик раздавал с такой нерыцарственной расточительностью и с таким разорительным результатом среди английского рыцарства³¹.

Тем не менее многие англичане были согласны с Ричардом, что это было дрянное соглашение и скорее поражение, нежели победа английского оружия. Эдуард, в то время еще находившийся во Франции, имел неприятности с некоторыми из своих военачальников. Они, смертельно боясь, что французы поднимут на смех их негероическое поведение, принуждали своего вождя постараться истолковать эту экспедицию как дипломатический триумф, а пенсии — как дань³². Возвращаясь в Англию, Эдуард продолжал слышать критику от людей, которые вольно или невольно запустили руку в кошелек для того, чтобы профинансировать войну, в которую они в основном верили. Многие старые рыцари могли с любовью хранить романтические воспоминания о своей службе во Франции много лет назад, а еще больше рыцарей рассматривали возможности обогащения и испытания приключений, которые только мог обещать заграничный поход, с энтузиазмом, порожденным невежеством. Но военный шовинизм не был связан лишь с джентри. Военная политика Эдуарда находилась в силь-

ной зависимости от жителей Лондона; и нет причин полагать, что они приняли новости о бескровной победе более благожелательно, нежели их деревенские родственники³³.

Несомненно, именно к этой воинственно настроенной и наивно патриотической публике была — через Ла-Манш — обращена «Книга о знатности». Возможно, она должна была стать частью более широкой пропаганды: об этом трудно судить, поскольку не сохранилось других свидетельств пропаганды такого рода. Тем не менее «Книга» помогает объяснить то, что всегда было слегка загадочно, а именно как возобновление войны с Францией, войны, которая, как могли бы подумать, была почти полностью дискредитирована своим зловещим провалом, стало столь популярным среди людей, все еще страдающих дома от беспорядка, плохого управления и экономической нестабильности. Смешанные побуждения Эдуарда более понятны. Если эти побуждения были сообщены парламенту так же откровенно, как, возможно, это было сделано в речи 1472 года, процитированной выше (вовсе не факт, что эта речь действительно была произнесена), то, вероятно, они вызвали бы созвучный отклик во многих практических умах. Но тогда, как и теперь, атмосферу мнения, в которой процветали всевозможные политические идеи, составляли по большей части испарения, исходившие от заботливо лелеемых идеалов; и даже для практичных людей было возможно, более того — необходимо оправдать политику агрессии на самом идеалистичном из возможных оснований. В Англии XV века эти основания оставались рыцарственными — переведенными, правда, в патриотические термины, но все еще в основе своей рыцарственными: честь и слава Англии, справедливость династических притязаний, охрана мира и справедливости от вредоносных происков внешнего врага.

* * *

Много лет должно было пройти, прежде чем появилась другая такая попытка поместить задачи внешней политики в контекст рыцарских ценностей. После бес-

плодного вторжения 1475 года английские короли на время отказались от континентальной авантюры. И Эдуард IV, и Генрих VII нашли много того, что нужно было сделать дома. Первый тюдоровский монарх был рад работать в большей степени неэффективными инструментами дипломатии, чем оружием войны; и когда он прибегнул к войне, то сделал это быстро, неохотно и без особых фанфар. До тех пор пока Генрих VIII не счел нужным сделать себе имя в европейской политике, Англия всерьез не вмешивалась в европейские войны. После нескольких безрезультатных жестов, которые не принесли ни славы для него, ни пользы для Англии, он совершенно серьезно собрался использовать свою военную силу. В 1513 году он послал военную экспедицию во Францию. На современный взгляд мотивы кажутся незначительными: династическое соперничество, политические амбиции и типично рыцарский поиск славы в военной авантюре. Модель современной политики силы уже находилась в процессе возникновения, с ее безличным равновесием соперничающих государств. Политика Генриха действительно скоро станет переплетаться и подчиняться более зрелым политикам: Папе Юлию II, императору Максимилиану и Фердинанду Арагонскому. К тому же подлинная природа ситуации, весьма вероятно, была очевидна молодому и романтичному Тюдору меньше, чем закаленным реалистам, подобным Макиавелли; и, в любом случае, Генрих все еще мог рассматривать — в свете рыцарских ценностей — военную деятельность как самодостаточную цель. В уме молодого монарха средневековые и ренессансные элементы смешались в общую любовь к драматическому великолепию, иными словами, к тем характеристикам ренессансной жизни, которые лежали ближе всего к поверхности и легче всего могли смешаться с романтизмом и пышностью рыцарственности, все еще заметной во многих моментах придворной жизни тех дней. Даже Полидор Вергилий, человек, обыкновенно признававший политическую реальность и уступавший стереотипам рыцарственности так же мало, как и любой гуманистический ученый его поколения³⁴, допускает, что Генрих вошел в игру континентальной политики, по крайней мере частично, потому что он «не забыл,

что его долг — добиваться славы военным искусством»³⁵. Еще он нам говорит, что был момент, когда Генрих был вынужден сам вести армию. Отчасти это произошло потому, что англичане сражаются более яростно под личным командованием своих королей, но еще и для того, чтобы «создать такое благоприятное мнение о своем мужестве среди всех людей, чтобы они смогли ясно понять, что его стремление в том, чтобы не просто сравняться, но в действительности превзойти прославленные подвиги его предков»³⁶.

Если Вергилий и написал эти строки с некоторой долей иронии (он обычно избегал описывать торжества и церемонии Генриха обычным языком рыцарственности), то в те дни вокруг Генриха находились и другие люди, способные на более явные выражения своего мнения³⁷. Хроника Холла в своей трактовке данных эпизодов дышит атмосферой скорее Фруассара, нежели историографии Ренессанса. В ней Холл любовно останавливается на всех рыцарских представлениях, в то время бывших в ходу при дворе Генриха. И он подчеркивает воинственную набожность, с которой, годом ранее своего вторжения во Францию, Генрих согласился помочь своему хитрому тестю в походе против неверных мавров — походе, закончившемся унижительным и дорогостоящим разочарованием, вызвавшим отвращение присоединившегося короля, умолявшего о том, чтобы возглавить его³⁸.

Явно пытаясь подтолкнуть его к завоеванию, один анонимный историк взялся перевести, с издательским комментарием, жизнь Генриха V Тита Ливия де Форли³⁹. Последний сумел объединить изучение раннего Кватроченто и корни итальянской ренессансной культуры со все еще сильной традицией рыцарственности, преобладающей в Англии. Эту традицию он, очевидно, разделял со своим покровителем герцогом Годфридом, который сохранил многие английские средневековые привычки, несмотря на знакомство с итальянским образованием, редкое в северном обществе его дней. Поэтому работу Ливия прекрасно приняли при дворе, все еще открытом рыцарским призывам, но уже достаточно утонченным для того, чтобы нуждаться в содержательной и хорошо

написанной истории. Его переводчик — и толкователь — сделал книгу Ливия доступной для этой публики в сильной и в основном верной версии, удерживая свои комментарии в разумных пределах и добавляя материал из других историй и источников с определенным благоразумием.

Подобно Уильяму Вустеру и Какстону, а также, возможно, и Мэлори, «Переводчик Ливия» старался извлечь вдохновение для настоящего из опыта прошлого, опыта, уже истолкованного на основе рыцарских ценностей. Как и Вустер, он так же прямо касался вопроса неминуемого вторжения во Францию. По иронии судьбы, война, которой он надеялся содействовать своим пропагандистским использованием истории, растворилась в равно обманчивом мире прежде, чем он смог представить королю свою законченную работу. Но он продолжил свой проект, просто поменяв посвящение, хотя его исходные цели и предрассудки остались совершенно очевидными. В этом *proheme** он довольно-таки неубедительно оправдывает свои труды, называя их долгом истинного подданного своего монарха в тех условиях, что существовали на момент вторжения. Он говорит, что надеялся на то, что Генрих, видя «добродетельные деяния, победоносных завоевателей и великолепную... мудрость» своего прославленного предшественника, «во всех вещах, касающихся своей личности и образа жизни своего народа, мог бы поступать в соответствии с его жизнью и деяниями». К тому же он надеялся, что в специфической ситуации ожидаемой тогда войны король благодаря «знанию и зрению его памфлета» может быть «побужден в своей вышеупомянутой войне следовать достойным и рыцарским подвигам этого столь благородного, столь добродетельного и столь прекрасного правителя, равняясь на которого таким образом он мог бы скорее достичь равного почета, славы и победы»⁴⁰.

Но «Переводчик Ливия» принадлежит к другому поколению, чем Уильям Вустер. На его страницах, изобилующих рыцарственным примером Генриха, присутству-

* Вступление (лат.).

ет новизна, означающая, что золотая осень английской рыцарственности почти завершилась. Он столь же дидактичен, как любой средневековый моралист, но добродетели, которые он замечает в Генрихе V и которые он надеется найти в Генрихе VIII, являются добродетелями, общими для всей христианской традиции, а не добродетелями, свойственными одному только рыцарству. Он впечатлен смирением Генриха V, его сдержанностью, его набожностью и его свободой от алчности. Он с восторгом описывает историю об отказе Генриха от всех трофеев из захваченного города, за исключением «великолепной французской книги, чьей истории я не знаю»⁴¹. Больше всего он одобряет чувство долга Генриха перед государством. Его «постоянная забота об общем благе» должна быть примером для подражания всем правителям, которые «почитают свое личное удовольствие, достоинство и выгоду больше, чем общую пользу и богатство своего народа»⁴². Несмотря на то что нет ничего нового в словах, использованных для того, чтобы выразить это осознание общественного служения — подобные формулировки появляются вновь и вновь в стандартных руководствах по рыцарскому и королевскому поведению⁴³ — читатель постепенно осознает, что контекст изменился. Он больше не является контекстом чистой рыцарственности. Скорее он представляет контекст английского гуманизма⁴⁴. Желание «Переводчика Ливия» взять в помощь настоящему пример из прошлого, хотя бы и рыцарский пример, предвосхищает тюдоровских гуманистов так же явно, как стереотипы рыцарского шовинизма воскрешают рыцарских апологетов предшествующего поколения.

* * *

В самом деле, первые годы тюдоровского режима дают не только примеры таких довольно-таки причудливых выражений традиционной рыцарской мысли, но и свидетельства непрерывного и явно ускоряющегося развития нерыцарских, хотя и не сознательно антирыцарских, взглядов. Эти взгляды появляются из слияния двух направлений в мысли позднего Средневековья. Ни одно из них не было новым или неизбежно антирыцарским,

но каждое оказалось способно быстро перерасти рыцарское отношение к войне и военной жизни. Одно направление — христианская традиция — стало столь тесно связываться с рыцарской традицией, что потребовалось новое влияние, чтобы отделить эти два друг от друга, влияние христианского гуманизма. Другое — тенденция к политическому реализму, во многом присущая английской мысли позднего Средневековья, — воплощалось совершенно вне круга принятых форм и с христианской традицией могло быть связано столь же мало, как и с рыцарской. Оно относится к той же самой тенденции в европейском мышлении, выразителями которой являются Коммин и Макиавелли. Первый делал это в сознательно антирыцарском ключе, второй — в намеренно нехристианском. Конечно, отход в рамках этой тенденции от традиционных привычек мышления тогда не был признан чем-то весьма радикальным. Она не всегда выражалась в терминах *Realpolitik*. По большей части эта тенденция ненавязчиво проявляется в критической литературе в виде интуитивного обращения к осязаемым, практичным, поддающимся анализу элементам политической жизни. Ее совсем не затронул более зрелый реализм ренессансной культуры, и по большей части она не знала нового знания. Антирыцарственность была просто реакцией практичного человека на ситуации, в которых, казалось, лишь жизненный опыт в состоянии дать практический ответ.

Даже в последние годы четырнадцатого столетия Джон Гауэр мог рассматривать английскую монархию с пронизательностью, удивляющей в человеке такого традиционного склада ума. Особенно он был чувствителен к влиянию войны на экономическое благополучие страны. Война приносит налоги и нищету и вредна для деловой жизни «Великого Города»⁴⁵. Он питал глубочайшее уважение к рыцарским идеалам, критикуя рыцарское сословие только за его неспособность жить в соответствии с ними. Но трудно прочесть его английскую поэму «Восхваление мира», творение, написанное им на склоне лет в период, когда он больше всего был озабочен политикой, без ощущения, что старый моралист отчасти потерял свою веру в рыцарский идеализм как в основу нацио-

нальной политики. В явной надежде удержать Генриха V от возобновления войны, он пишет:

О Король, милости полный и рыцарственности источник,
Если мир снизойдет на народ твой,
Честь поддержит твою, пусть не будет забыта она.
Если же ты дерзнул войну предпринять,
Пусть разум на помощь придет твоей доблести
И мир принесет, нет преимуществ в войне⁴⁶.

Последние годы Столетней войны подтолкнули некоторых англичан к удивительно реалистической оценке стратегической позиции Англии — оценке, в которой язык рыцарского идеализма играл или небольшую роль, или вовсе никакой. Мы уже видели кое-что из практического искусства управления государством, которое отражается в работах сэра Джона Фастольфа, знавшего лучше, чем большинство английских рыцарей, стоимость войны и цену могущества. Еще более показательным в этом отношении является поэтический трактат о стратегической позиции Англии, написанный по поводу осады Кале в 1436 году и озаглавленный «Краткий трактат об английской политике»⁴⁷. Стиль его автора гораздо ближе к стилю ренессансной политики силы, чем у большинства английских писателей времен, предшествовавших шестнадцатому столетию. Могущество и процветание Англии зависели от ее способности «сохранить Ла-Манш» и использовать по максимуму свои природные ресурсы, позволяющие производить шерсть и ткань, заключая поразительно выгодные сделки со странами Северо-Западной Европы. В его поэме нет и следа какого бы то ни было рыцарского языка, ничего от поиска славы. Предположения, сделанные ее автором, являются строго материалистичными, равно лишенными рыцарского и, за исключением самых формальных оборотов, религиозного настроения. В то время, когда словарь рыцарственности и, более того, ее дух все еще находили себе место во внешнеполитических заявлениях, этот трактат остается фактически единственным произведением, отражающим реалии положения Англии, а не мифологию настроения.

Тем не менее в литературе конца пятнадцатого столетия можно найти свидетельства того, что автор «Краткого трактата», каким бы передовым ни было его политическое сознание, никоим образом не остался без преэмников. Читатель может припомнить, как лондонский хронист поместил ратные «рыцарские» подвиги графа Уорика в контекст национальной обороны, для которой являлось жизненно необходимым удержать Кале и контроль над Ла-Маншем. Возможно, «Краткий трактат» появился во время правления Эдуарда IV. В нем автор снова взял за тему экономическое и военно-морское могущество Англии: *Anglia, propter tuas naves et lanas, omnia regna te salutare deberent**:⁴⁹. Джордж Эшби в своей «Деятельной политике Государя» предупреждает своих придворных читателей (памфлет был посвящен принцу Эдуарду около 1470 года) не начинать беспечно войну ради выгоды или для того, чтобы удовлетворить каприз, или из-за полнейшей тупости. Не будьте, говорит он, трусливы, но остерегайтесь вхождения в войну в духе «упрямства»; поскольку когда она началась, никто не может сказать, как она закончится⁵⁰. Этот совет исходит не столько от христианского идеализма, сколько из соображений политической целесообразности. Речь (процитированная ранее в этой главе) была подготовлена для произнесения перед парламентом в 1472 году в связи с предполагаемым вторжением во Францию. Ее характеризуют зрелая оценка стратегического положения Англии по отношению к другим силам Западной Европы, а также удивительно откровенное признание скрытых политических мотивов. В таком же духе Эдмунд Дадли составил свое «Древо Государства» (ок. 1509 года), основываясь на своем опыте работы в качестве расчетливого советника своего прежнего господина, Генриха VII. В одном из последних традиционных пассажей своего в основном традиционного трактата он публикует трезвое предупреждение против отчасти бесполезной войны, в которую новый король

* Англия, благодаря твоим морям и шерсти, все государства почт тебе воздавать должны (лат.).

собрался вступить и на которую, как, возможно, уже подозревал этот государственный муж, он был способен.

Я предполагаю, что великое сокровище скоро тратится в жестокой войне, посему пусть любой поостережется прежде, чем он даст своему суверену совет вступить в войну или нагать оную. Многими путями можно ввязаться в войну, и нагало ее видится с великим удовольствием, но с достоинством выбраться из нее мало кому удастся, и затем гасто приносит это много боли, кроме того, война опасность представляет для души и для тела. Источник мира содержаться должен в фигуре нашего государя, имею я в виду, то есть в доброй и настойчивой вере и дружеских отношениях и благородных союзах, каковы его милость по совету своего достопогтенного совета иметь будет с иноземными государями⁵¹.

Слова эти отражают то лишенное эффектности, но разумное искусство государственного управления, которое, как признает хронист Фабиан, дало Генриху VII возможность сохранить мир и ослабить своих внешних врагов «скорее своим великим искусством управления и мудростью, нежели пролитием христианской крови или безжалостной войной»⁵². Это — язык ренессансной политики, а не рыцарского шовинизма. Он не содержит ничего от наивно традиционной смеси национализма и рыцарского стремления к приключениям, которая дает жизнь «Книге о знатности».

В «Анналах царствования Генриха VII», написанных в качестве придворной истории Бернаром Андре, можно обнаружить столь же хорошую иллюстрацию этой тенденции искать подлинный образец искусства государственного управления вне идеалов рыцарства. В ней автор хвалит своего господина за его умную монетную и торговую политику и высказывает предположение, что это более достойно похвалы, чем использование силы. То, каким образом Генрих подошел к решению нелегкой проблемы чеканки монет, усилило позицию Англии среди государств и показало, насколько односторонней была репутация тех правителей, чья известность основывалась только на их военной доблести⁵³. По мнению Андре, осо-

бенно достойным похвалы было его торговое соглашение с Фландрией, в результате которого «единственно посредством мирных действий, без меча или кровопролития», он настолько хорошо обеспечил свое королевство, что заслуживает названия *pater patriae** и прославления на весь мир как *rex pacificus***⁵⁴. В этом отношении он достоин сравнения с великими именами классической древности. Это — больше, чем восхваление мира, общее для всей средневековой литературы. Это — осознанно проводимое сравнение ценностей, характерное для специфической политики экономической дипломатии.

Правда, теперь Андре оказался в затруднительном положении. Его работа заключалась в восхвалении Генриха, и он делает ее со всем подобострастием и с немалым риторическим изяществом и преувеличением, обычным среди придворных писателей Ренессанса. Можно было бы ожидать, что он будет налегать прежде всего на те вещи, которые в самом деле говорили в пользу Генриха, и тактично пропускать неоспоримое несовершенство монарха, говоря о деле военных свершений и даже критикуя традиционно рыцарские отношения. Полидор Вергилий, сочинявший уже после Генриха и рассматривавший другую и менее достойную сторону его финансовой политики, отмечает ее явную скупость. Мнение это, по-видимому, было широко распространено⁵⁵. Андре едва ли мог бы сказать это королю в лицо, даже если бы захотел. Но как бы то ни было, лесть всегда основывается на тех ценностях, которые с наибольшей вероятностью уважаются личностями, являющимися объектом лести. Несмотря на то что политические действия Генриха не были столь оригинальными, как одно время полагали, тем не менее они отражали расчет и прагматизм, отличавшие его искусство государственного управления, которые сам Макиавелли нашел бы полностью приемлемыми. Поэтому разумно предположить, что Генрих поощрял подобные ценности в своем окружении. По-видимому, он был вполне готов использовать людей гуманистического

* Отец отечества (лат.).

** Покровитель мира (лат.).

образования, подобных Андре, и гуманистические исследования стремились показать, хотя бы на основе примеров из классики, сложность *respublica* и необходимость в большем, чем в защитной способности ее правительства носить меч. Античность завещала своим ренессансным поклонникам множество военных примеров — они, как мы видели, были даже включены в рыцарскую мифологию. Но среди гуманистов все больше становились популярными примеры, использовавшие мирные ремесла, в которых мудрость государственного деятеля и гражданина, активного в общественных делах, нашла особое воплощение. Восхваляя рассудительность Генриха больше, чем его военные способности, Андре давал, я полагаю, довольно честную оценку.

Рассудительность всегда рассматривалась как часть моральной силы рыцаря, как одна из главных добродетелей, и ее едва ли могли проигнорировать в традиционных руководствах по рыцарственности. Люлль, в том виде как его перевел Какстон, истолковывал ее в основном в военных терминах⁵⁶. Эта добродетель полезна по опыту и в делах материальных, и в делах духовных, что является определением, достаточно широким для того, чтобы охватить большинство случаев. Но он раскрывает ее как добродетель, заключающуюся в использовании в битве собственной головы и одержании победы над своим противником скорее посредством стратегии, нежели посредством одной лишь силы. Даже представляемая таким образом, рассудительность является добродетелью, слишком часто недостающей средневековым армиям; но она не расширяется до дефиниции функции рыцаря как правителя, функции хоть и неопределенной, но также признаваемой Люллем. Для Андре рассудительность была самой сущностью гражданского правительства⁵⁷. Несколькими годами позже молодой Томас Мор использует эту идею столь же нерыцарским способом, ссылаясь на Эдуарда IV, которого он, между прочим, изображал почти как буржуазного монарха в противоположность Ричарду III, безупречному с военной точки зрения, но во всех других отношениях достойному порицания. Эдуард был достаточно успешен и смел на войне, но «не в большей степени смел, чем было бы мудро». Мор

говорит, что каждый, кто проанализирует события, «не меньше одобрит его мудрость там, где он отступает, нежели его мужество там, где он побеждает»⁵⁸.

* * *

Именно поколение Мора и гуманисты эразмового круга резко порвали с рыцарской традицией в том, что касалось добродетелей военной деятельности. В тот самый момент, когда «Переводчик Ливия» предпринял свою бесплодную попытку вдохновить молодого короля на поиски «почета и славы» в войне с Францией, когда, согласно Полидору Вергилию, сам Генрих уже думал приблизительно в таких же терминах, английские гуманисты пристально вглядывались в возникающие проблемы международных взаимоотношений с удобной позиции своего нового образования. Это была позиция в равной мере и классическая, и христианская, и весьма в существенной степени обусловленная практическим, основанным на «здравом смысле» отношением к человеческим делам, отношением, которое весьма часто появлялось в предшествующей политической литературе. Как Уоргем, так и Колет проповедовали против войны: последний — весной 1513 года с такой силой, какую мало кто из других подданных Генриха отважился бы продемонстрировать⁵⁹. Эразм, бывший тогда беспокойным гостем в Англии, был удручен тем, как изменилась в худшую сторону английская жизнь, что вызвано было, по его мнению, приготовлениями к войне. Вскоре он оставил острова, которые некогда казались ему столь благодатным местом и где он надеялся обрести по-настоящему близкий по духу дом. Зрелище христианского народа, подстрекаемого самим Папой к войне с другими христианскими народами, Эразм счел в значительной степени отвратительным и противным как духу христианства, так и велениям разума. Несколько его наиболее пацифистских высказываний относятся к тому времени, когда политика силы в значительной степени занимала европейских политиков и препятствовала многообещающим росткам гуманитарного образования в Англии. В своем «Воспитании христианского государя» (*Institutio Principis Christiani*) он на-

падает на макиавеллиевское искусство государственного управления, в котором война стала нормальным инструментом. В «Поговорках» (*Adagia*) он приводит лаконичное высказывание: *dulce belum inexpertis* — сладка война для тех, кто никогда на ней не был, — возможно, с намеренной иронией скопировав ее из излюбленного цитатника аристократии XV века, трактата Вегеция «Краткое изложение военного дела». В более длинной и даже более страстной «Жалобе мира» (*Querela Pacis*), завершенной в 1517 году, он делает свои самые законченные заявления по этому поводу⁶⁰.

В обеих книгах «Утопии» Мор также высказывал явное отвращение к войне как инструменту международной политики. Убежденный патриот (в отличие от космополита Эразма, который заявлял о гражданстве только в государстве литературы), способный ответить на французские нападки столь же воинственными эпиграммами, Мор соглашается с Эразмом по крайней мере в том, что также не видит в войне ничего безусловно достойного и рассматривает ее как нечто, к чему нужно обращаться только ради справедливого дела и как к крайнему средству, и лучше (если возможно считать, что политика Утопистов отражала в той или иной степени чувства самого Мора) наемными войсками⁶¹. Вряд ли что-либо могло находиться в большем противоречии с духом рыцарского идеализма, все еще заметным в прологе «Переводчика Ливия», или во взглядах молодого Генриха VIII, чем этот дух эразмова гуманизма. Как Эразм, так и Мор консервативно смотрели на мировой христианский порядок, но их консерватизм опирался исключительно на реалистичную оценку Европы, состоявшей из соревнующихся династических государств, по сути на анархичный мировой порядок, фактически только формировавшийся и подвергавший опасности их гуманистический идеал жизни, прожитой в согласии с достоинством и разумной природой человека⁶².

Для них обоих эти проблемы значили больше, чем антагонизм между гуманистическими и рыцарскими ценностями. Странствие в поисках приключений, будь то в индивидуальном или национальном масштабе, также не

могло согласовываться с эразмовым идеалом Христианина и разумного мирового порядка, как оно согласовывалось с макиавеллиевским реализмом, который Мор с такой пронизательностью проанализировал в книге первой «Утопии». Его ценности, конечно, нельзя было полностью игнорировать; и были времена, когда антирыцарский уклон явно окрашивал вдохновленные классикой настроения, присущие Мору. Как недавно написал Ч. С. Льюис, «Военные методы Утопистов Мора были коварно придуманы для того, чтобы высмеять рыцарский кодекс в каждом его пункте»⁶³. По самым здравым соображениям они предпочитали противостоять своим врагам скорее хитростью, нежели непосредственно силой оружия; и равным образом они считали, что следует использовать наемные войска, а не рисковать жизнями граждан своей страны ради того, что в лучшем случае является просто отвратительной необходимостью⁶⁴. Мастер Рафаэль, путешествовавший по миру, с восхищением указывает на людей Персии, чья «жизнь скорее удобна, нежели доблестна, и может быть скорее названа счастливой или богатой, чем выдающейся или прославленной» — слава, к которой он отсылает, была столь тесно связана с рыцарским качеством мужества, как счастье — с удобной и богатой жизнью⁶⁵. Еще больше было тех, кто, по-видимому, явно отождествляли рыцарские ценности с агрессивной внешней политикой⁶⁶, как бессознательно делало множество людей того времени. Но враги, с которыми они сражались в новом мире соревнующихся суверенных государств, были вооружены новым и более серьезным оружием, несравненно более смертельным, нежели ржавое копьё упадочной рыцарственности.

На деле английский гуманизм показывал тенденцию быть скорее нерыцарственным, чем антирыцарственным. Несмотря на антирыцарский уклон ранних тюдоровских гуманистов, который становился тем заметней, чем сильнее было влияние на них континентального, особенно эразмова влияния, они редко входили в столкновение с рыцарской традицией. Будь эта традиция более отчетливо выражена, стань рыцарственность в реальности чем-то большим, чем зачастую поверхностным следованием традиционным формам, будь, коротко говоря, попытки

серьезных апологетов предшествующего поколения воскресить рыцарские идеалы более успешны, вполне могла бы получиться настоящая борьба. Полидор Вергилий, имея возможность достаточно близко наблюдать торжества, которые все еще придавали поверхностно правдоподобный фасад рыцарственности двору Генрихов из династии Тюдоров, рассказывая об этой эпохе, фактически игнорировал рыцарский антураж и писал, используя рыцарскую терминологию так мало, как только было возможно⁶⁷. Эпизод, связанный с «Лагерем Золотой Парчи», он трактует просто как искусно разработанную, возможно излишне искусно, дипломатическую встречу, социальный аспект которой полностью затмевается политическими последствиями. Английские женщины, как он нам рассказывает, узнали распутную моду на одежду от дам двора Франциска I; и с предельной краткостью он сообщает нам официальные правила этикета, бытовавшие в то время. Но именно конфликт династических сил стоит у него на переднем плане⁶⁸. Возможно, в его комментариях по поводу губительного и безрассудного нападения на французский военно-морской флот, которое, стремясь обогнать друг друга «в своем желании славы», совершили во время англо-французского военного противостояния два английских морских капитана, есть объективный намек на антирыцарское настроение. По его словам, это нападение продемонстрировало «скорее дух, нежели рассудительность» и стоило жизни шестистам англичанам⁶⁹. И он указывает, что Генрих VIII возглавил свое вторжение во Францию хотя бы отчасти потому, что «его долг был добиться славы посредством военного умения» — и это вопреки наиболее разумному совету своих собственных магнатов поступить наоборот⁷⁰. Возможно, Полидор Вергилий не доверял любой репутации, основанной исключительно на военных свершениях⁷¹. Тем не менее его хроника пропитана скорее духом нерыцарским, чем анти-рыцарским.

Другие английские писатели, «Переводчик Ливия», например, или Эдуард Холл, вполне способны были соединить пристрастие к рыцарским делам с гуманистическим знанием и отчасти духом, не осознавая, очевидно, что между ними может существовать какой-либо анта-

гонизм. Холл, составляя свою хронику начала тюдоровского правления, многому научился на безукоризненно гуманистической историографии Вергилия, хотя он все еще и обременял свое повествование до чрезмерности детальными описаниями рыцарских атрибутов и рыцарских поединков и турниров, сопровождавших дипломатические встречи⁷². Возможно, он лучше, чем Вергилий, понял настоящий характер двора Генриха, по крайней мере, в его начале. Возможно, как и сами придворные, он просто по привычке следовал дорогами глубоко укорененной традиции.

Хотя трудно точно оценить, в какой степени гуманизм проник в английскую мысль, неоспоримым фактом является то, что в дни первоначального энтузиазма по его поводу и во время работы своих наиболее преданных приверженцев гуманизм привнес в дискуссию о войне и мире систему ценностей, которая была, мягко говоря, в корне нерыцарской.

* * *

Тем не менее ошибочным было бы предполагать, что лишь гуманисты могли создать атмосферу, враждебную агрессивным склонностям рыцарского ума. Христианская традиция всегда была против войны. Кроме того, она с глубоким подозрением относилась к страстному поиску рыцарем славы, который, несмотря на безвредность в случае правильно выбранного способа и направления, слишком часто сползал к основному греху гордыни. Рыцарская идеализация сражения как высшей формы светской деятельности никогда не могла полностью соответствовать христианскому идеалу мира во всем мире. Несмотря на это, само рыцарство в значительной степени было приручено церковью, а его идеалы с некоторыми изменениями включены в общепринятую систему средневековой мысли. В результате оно частично приобрело миролюбивый характер.

Но выражения миролюбивого настроения, которые зачастую проявляются как обратная сторона военного идеала, необходимо рассмотреть значительно подробнее,

чтобы серьезно не исказить средневековое отношение как к войне, так и к миру; ибо для средневекового мышления забота о мире и прославление сражения не казались полностью несовместимыми вещами. Моралист любил размышлять о мече как об орудии справедливости, а в рыцаре, чья функция в обществе заключалась в ношении меча ради защиты короля, он видел блюстителя порядка. Справедливость в свою очередь приносила мир. Поэтому подлинной целью рыцаря, как и любой гражданской власти, можно было считать достижение мира и его поддержание. Гауэр, как всегда сохраняющий полное понимание очевидного, дает явное выражение этой не вызывающей сомнения точке зрения.

Желательно, чтобы меч всегда держался наготове, чтобы правосудие могло сразу нещадно разить преступников. Когда меч пребывает в ножнах, он не может бдить мира. Пусть тот, кто желает править, защищает правосудие кровью. Оружие несет мир; оружие укрощает алчных. Достойный король должен носить оружие затем, чтобы виноватые боялись оно⁷³.

Если бы рыцарство наше было стоящим, тогда бы мир, с которым процветание неразлучно, поспешил бы вернуться... Достойный рыцарь хорошо понимает и показать может, что мир нагинается там, где заканчивается война⁷⁴.

Теперь ясно, что эти слова не надо истолковывать в контексте современного государства или в контексте современной государственной системы. Справедливость для средневекового мышления качественно оставалась одной и той же, по отношению ли к отдельному индивиду, которому был причинен вред, или же к монарху, чьи династические привилегии были поправлены. Соответственно мир стал во многом равным порядку в политическом организме, рассматривавшемся или как национальное общество, или как мировая христианская община. Как выразил канцлер в своей речи перед парламентом в 1468 году, функция правительства — это в основном функция сохранения справедливости, из которой, если

ее должным образом выполнять, последуют мир и безопасность⁷⁵. Война, которую можно было начать на законных основаниях только для того, чтобы исправить несправедливость, и которая могла бы включать в себя как оборонительную деятельность по отражению вторжения, так и акт агрессии по возвращению территории, незаконно захваченной, могла быть представлена просто как правая рука справедливости, расширенной для того, чтобы охватить взаимоотношения между народами⁷⁶. В XV веке эти взаимоотношения все более отчетливо начинали приобретать национальный характер и стратегическое значение. В речи, подготовленной для произнесения перед парламентом в 1472 году по вопросу разработанного вторжения во Францию, язык политики силы становится доминирующей чертой⁷⁷. Но идея войны, являющейся исключительно инструментом внешней политики государства, следовала за ходом событий с поразительным отставанием. Кроме того, опасно искать, даже в мысли позднего Средневековья, что-либо подобное современному пацифизму. Поэтому было бы совершенно приемлемо (и, по существу, полностью ортодоксально) прославлять военное предназначение рыцарства и в то же самое время подчеркивать предельную желательность мира как идеального состояния человеческого общества, которое следует предпочесть, если это вообще возможно, войне.

Позвольте нам тогда не совершить ошибки и не приписать антивоенным чувствам средневековых моралистов пацифистского уклона, который мог бы сойти за предтечу гуманистического пацифизма; мы не должны также истолковывать восхваление мира как отрицание рыцарских ценностей. Гауэр высказывается в пользу мира и бесстрашного использования меча, не допуская ни малейшей непоследовательности. Он говорит в хвалебных выражениях о кампаниях Эдуарда III ради поддержки своих династических притязаний⁷⁸ и убеждает Генриха IV остановить войну, которая ни к чему не ведет и дорого стоит⁷⁹. Лидгейт⁸⁰ и Хоклив, чья близкая связь с королевским двором временами пересиливала их морализм, с равной легкостью писали как о военной славе своего героя Генриха V и справедливости его дела, так

и о преимуществах мира и о цене войны. Противоречивое отношение Хоклива является особенно показательным. В «Правлении Государей» (*The Regement of Princes*) (ок. 1411–1413) он следует классическому христианскому аргументу, приводимому против войны. Война допустима только ради справедливого дела. В лучшем случае она дорогостояща и жестока. Если христианские правители должны сражаться, пусть они лучше объединятся против неверных, чем сражаются между собой⁸¹. Двумя годами позднее, когда королевство больше не вело политики переговоров и Генрих V совершенно серьезно был готов вторгнуться во Францию, Хоклив напевает более воинственную мелодию, убеждая печально известного рыцаря-лолларда, сэра Джона Олдкасла, прекратить заниматься теологией подобно клирику и обратиться к военной профессии, как и следует подлинному рыцарю. Почему, он спрашивает, сэр Джон теперь не на стороне своего сеньора? Изучай Вегечия, убеждает его Хоклив, и принимай во внимание пример Ланселота⁸². В интересах агрессивной королевской политики он возвращается к аутентичному языку рыцарства. Но позвольте нам здесь снова быть осторожными в том, что касается обнаружения в словах английского пропагандиста пятнадцатого столетия различий, которые могли бы иметь значение только в современной или в самом крайнем случае в ренессансной ситуации.

* * *

Смертельными для рыцарственности, рассматривавшейся как военный идеал, в конце концов оказались не столько настроения против войны как таковой и не какое бы то ни было презрение к военной профессии (хотя гуманисты эразмова круга признавали обе эти идеи), но скорее постепенно нарастающее осознание того, что и война, и военная профессия должны быть введены в рамки национальной жизни и государственных интересов. Ко времени Елизаветы нельзя было больше смотреть на правящий класс как в первую очередь и исключительно на военный класс. Невозможно было и войну рассма-

тривать как по существу дела борьбу за династические притязания, как выражение своеобразного коллективного поиска приключений в поддержку феодальных привилегий короля. Так же как в сфере управления годы разрыва с Римом обозначили переход от королевского к определенно национальному правительству⁸³, так революционные десятилетия середины столетия засвидетельствовали появление Англии в системе государств того времени: ее памфлетисты, так же как ее государственные деятели, приучились считать позицию политики силы чем-то само собой разумеющимся. Апологеты рыцарственности пятнадцатого столетия обращали свой призыв к возрождению в первую очередь к этому классу. Тюдоровские памфлетисты «в интересах общего благосостояния» обращались ко всем гражданам Англии⁸⁴.

Ведение войны, строго подчиненное требованиям государственной политики, приходилось считать в вопросах стратегии и тактики свободным от какого бы то ни было морального или сентиментального обращения к доблести и «чести» отдельного воина. Как отмечает Ричард Морисон в посвящении, которое он дает перед своим переводом «Военных хитростей, уловок и правил ведения войны» Фронтин^{*} (1539), именно военачальник, а не отдельный сражающийся человек, является ключевой фигурой на войне; именно он получает (и заслуживает, как подразумевает Морисон) и хвалу и порицание за все, что бы ни случилось на поле. И он должен обладать большим, чем храбростью или отвагой, поскольку «гораздо больше полей были потеряны из-за отсутствия политики, чем из-за недостатка силы, многие города были завоеваны слабейшими, которые на протяжении долгого времени легко оборонялись против более могущественных, более многочисленных и сильных»⁸⁵. В самом деле, это был вывод, очевидный в отношении перспектив войны между главными территориальными государствами. Он уже влиял на действия военачальников пятнадцатого сто-

^{*} Фронтин Секст Юлий (ок. 30–103 н. э.) — римский наместник в Британии. Создал интересное собрание примеров военных хитростей. — *Прим. ред.*

летия, таких как Генрих V и граф Уорик, возможно более, чем они сами это осознавали⁸⁶. Это заключение являлось, если мы сделаем скидку на своеобразный поворот сатиры Мора, движущим духом его Утопистов, когда они столкнулись с необходимостью вести войну. Это был также вывод, к которому пример древности, в истолковании таких ученых-гуманистов, как Морисон, был обречен направлять мысль образованных англичан, являясь чем-то большим, нежели современной итальянской концепцией ведения войны (наиболее передовой в Европе, но после реформации Генриха не слишком доступной англичанам), большим, чем пример иудейской стратегии (хотя она также имела своих исследователей), военные писатели-классики «оказывали целительное влияние на государство в целом. Благодаря им граждане учились уважать стратегию и дисциплину» и не так наивно верить «явному потрясению и даже проявлению игры в битве», не знающей «стратагем», которая, как все еще нравилось представлять Шекспиру, характеризовала тактику его героя, Генриха V⁸⁷. Храбрый и законченный солдат, «стремящийся к “мыльному пузырю”, славе, даже в жерле пушки», наследник средневекового рыцаря, он, конечно, продолжал жить. Свое наиболее возвышенное выражение он нашел в военной карьере — и репутации — Сидни. Еще ярче он процветал на страницах романов и в исторических драмах. Однако его существование все в большей степени начинало ограничиваться именно этой сферой романтической идеализации.

Такой переход от средневековой к современной или, если брать более конкретно, от рыцарской к национальной точке зрения, рассмотренный в долговременном ракурсе военной политики, возможно, станет яснее, если мы взглянем мельком на некоторых из тех людей елизаветинской Англии, которые писали о войне и военной жизни, и поэтому их можно в той же степени сопоставить с авторами «Книги о знатности», насколько вообще могут быть сопоставимы любые авторы шестнадцатого столетия. Позвольте нам взять, например, тех, кто писал в 1578 и 1579 годах под влиянием возродившегося интереса к военной жизни, имея в виду, несомненно, прежде

всего кризис, возникший в результате двойственной позиции Нидерландов и Англии среди европейских сил. Джеффри Гейтс, Томас Проктор и Барнаби Рич⁸⁸, все они выражали глубокую заботу о безопасности Англии. Они верили, что страна не предпринимала усилий, чтобы сохранить военную силу, и соответственно ослабила свою защиту в то время, когда все другие государства стремились ее усилить. В особенности они предупреждали о нехватке уважения, уделяемого военной профессии. Они считали, что все англичане связаны друг с другом общими интересами и общими опасностями. Военная профессия, в то время особенно устраивавшая джентри и аристократию (она была «благородной» деятельностью, и вряд ли можно ожидать, что этой деятельности посвятит себя бедняк, неспособный прокормить самого себя)⁸⁹, никоим образом не является заповедником благородных по рождению, также не способна она соревноваться с другими профессиями, такими как закон, *для выполнения обязанностей правящего класса*⁹⁰. Всем «гражданам», убеждает Гейтс, следует «быть оснащенными и обученными для сражения» как во Франции, Италии и Германии⁹¹.

Наоборот, долг воина перед обществом не ограничивается его профессиональной обязанностью. Проктор настаивает, что военачальник должен быть способен в мирное время «быть так же полезным гражданскому сословию своим прилежанием и благоразумием, как он был полезен своим мужеством во время войн». И Рич настаивает, что воины и образованные люди имеют много общего⁹². Рыцарь теперь должен быть также гражданином, что значит, что он должен быть способен принять участие в гражданской жизни национального государства и уделять внимание, возможно также и дать свой деятельный совет, дискуссии о своих жизненных заботах.

Говоря стратегически (примечательно, что эти авторы были способны и склонны говорить стратегически), жизнь всех англичан подчинялась этим же самым факторам. Гейтс подробно останавливается на островном положении Англии, в котором он находит как оборонительную неприступность, так и источник опасного самодовольства⁹³. Проктор находит в климате и географии

даже объяснение английскому темпераменту: плодородная земля Англии и ее умеренный климат должны были привести ее сыновей к превосходству над всеми вооруженными государствами, не способствуя они также тенденции, предположительно вытекающей из этих же самых условий, «терять старание и дисциплину». Кратко говоря, контекст неизменно является контекстом нации, и более того, нации, рассматривавшейся как сила среди сил. Полностью отсутствует словарь, характерный для рыцарской традиции. Проктор убеждает англичан читать Вегеция, военное руководство позднесредневекового рыцарства, но откровенно признает, как мало было (если вообще они были) средневековых писателей, которые могли допустить, что это руководство отсылает к более раннему и отличному от существующего обществу⁹⁴ и поэтому для своего времени представляет ограниченную ценность. Он также (и возможно более многозначительно) рекомендует трактат Макиавелли по искусству войны в качестве полезного авторитетного источника, хотя также отчасти чуждого и устарелого.

Любая попытка применить к обсуждению внешней политики или национальной защиты язык и ценности рыцарственности была обречена на провал. В самом деле, выражая патриотическое чувство в подобных терминах, апологеты рыцарственности пятнадцатого столетия шли по тупиковой дороге. Затруднение было не столько в том, что рыцарская мысль и национальное сознание были по природе несовместимы, хотя надо заметить, что рыцарский идеал, подобно более широкой христианской концепции, частью которого он был, энергично стремился в направлении к универсальности. Скорее оно лежало в том факте, что рыцарские ценности становились все менее и менее пригодными для актуальных проблем национальной жизни. Они, долгое время оставаясь стимулом для кодекса личного поведения, были совершенно неадекватны в сфере общественного дискурса. Мерой Средневековья, укорененного в мысли конца пятнадцатого столетия, является именно та попытка, все еще с явной серьезностью могущая быть осуществленной, приспособить рыцарские идеи к быстро меняющимся тре-

бованиям национальной политики. Равно существенным является тот факт, что при объединенном влиянии голой действительности и античного примера все большее число англичан начали в тюдоровскую эпоху видеть, насколько трудным и к тому же насколько излишним становился перенос рыцарских ценностей из личной системы ценностей в общественные.

ГЛАВА VI

РЫЦАРСТВЕННОСТЬ И ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНИНА

Рыцарский идеал, как и ренессансный идеал джентльмена-правителя, включал в себя концепцию образования. В самом деле, оба они вывели свою отличительную особенность в значительной мере из этой идеи. Именно в этом отношении рыцарская традиция больше всего показала свою непригодность для нужд меняющегося английского общества конца XV — начала XVI века. Ортодоксальный идеал воспитания, по-видимому, оставался на протяжении конца пятнадцатого столетия во многом таким же, каким его формулировали в обычных рыцарских руководствах¹. Все еще обычным делом, если не правилом, было проводить жесткую границу между образованием, подобающим рыцарю и клирику, и образованием, приличным для аристократа, для которого было естественным презирать изучение свободных искусств². Даже на изучение права авторы «Книги о Знатности» смотрели с подозрением. Но несмотря на это, необходимо признать, что их нападки являются даже более строгим толкованием рыцарской деятельности, чем было обычным для рыцарской традиции. В этот период существовали образованные аристократы, о чем свидетельствуют ученые интересы таких профессиональных воинов, как лорд Риверс и граф Вустера. Уильям Какстон испытывал глубочайшее уважение к их учености. Но было мало тех, кто мог бы оценить такую похвалу, которую Эразм дал своему покрови-

вителю, лорду Маунтджою: *inter doctos nobilissimus, inter nobiles doctissimus**. Тем не менее постепенно становилось очевидным, что здесь традиционный рыцарский идеал, и это касалось всей жизни английского правящего класса, был анахронизмом. В то же самое время, особенно в первые десятилетия тюдоровской эпохи, он фактически отступил перед идеалом, предоставленным гуманизмом, идеалом, который не нуждался в искусственном расширении для того, чтобы охватить нужды и чаяния этого класса. Для переходной эпохи характерно именно то, что два идеала существовали бок о бок; и аристократическое образование в Англии никогда до конца не теряло некоторого налета рыцарского идеализма. Но именно в конце пятнадцатого и особенно в начале шестнадцатого столетия в образовательном идеале английской аристократии и джентри произошло революционное изменение. Именно это изменение я надеюсь обрисовать в данной главе.

* * *

Образование, которое описывалось в рыцарских романах и обычно предписывалось в рыцарских руководствах молодому джентльмену, который станет или может, если захочет, стать рыцарем, охватывало узкий круг вещей. Говоря в общем, это было именно то образование, которое получил чосеровский Сквайр — не больше, а зачастую меньше описанного Чосером, особенно среди тех семей, которые жили вдали от двора. Несмотря на то что Чосер не упоминает этого, сквайр из хорошей семьи, вероятно, получал либо элементарное образование в грамматической школе, либо точный его эквивалент. Даже авторы средневековых английских рыцарских романов при случае старались включить некоторое количество книжных знаний в общее обучение вежливому обращению, необходимое для их героев. В «Жизни Ипомидона» (*The Lyfe of Ipomydon*) (начало XV века) молодой герой

* Среди ученых знатнейший, среди знатных — ученейший (лат.).

учится «по книге/ и петь, и читать»³. Герой «Флориса и Белого Цветка» (XIII век) учился как ребенок читать полатыни и «писать на пергаменте»⁴. Однако максимальный акцент, по-видимому, делался на придворном или военном воспитании: разделывании дичи, соколиной и псовой охоте, танце и прежде всего на умении сражаться⁵.

Прекрасный пример, взятый из времени, которое нас больше всего интересует, содержится в списке обязанностей «наставника пажей», руководившего молодыми джентльменами при дворе Эдуарда IV. В его задачи входило «демонстрировать различные стили учтивости и воспитания в Англии» и смотреть за тем, чтобы его подопечные были способны «править конем легко и уверенно; заставлять их также сражаться на поединках; научить их носить доспехи; быть изысканными в словах, поступках и манерах; усердно наставлять их в правилах придворных выходов и собраний, куда они будут с честью допущены. Более того, учить их различным языкам и другим добродетельным знаниям, играть на арфе, свирели, петь, танцевать и другому честному и сдержанному поведению и терпению» и, конечно, страху Божьему и прославлению Церкви⁶. Это — самое ядро рыцарского образования. Это и есть рыцарское образование в наилучшем своем виде, ибо нам известны слова сэра Джона Фортескью, который, несмотря на то что не был апологетом рыцарского образа жизни — он настаивал, чтобы его собственный царственный подопечный, молодой принц Эдуард, был обучен сверх всего этого законам своей земли, — мог разобраться в том, о чем он говорил. Упоминая про образование сирот из благородных семей, он делает достаточно большое отступление для того, чтобы выразить свою оценку «великолепию и величину королевского двора, поскольку в нем есть высшая академия для знати королевства и школа законности, честности и манер, благодаря которым королевство будет чтиться и процветать, и будет защищено от захватчиков, и станет грозным для врагов и друзей королевства»⁷.

С этой точки зрения для нас может быть полезно перенестись на столетие вперед и очень кратко исследовать записку, составленную в начале правления Елизаветы

сэром Хамфри Гилбертом⁸, поскольку между этими двумя документами лежит история преобразования аристократического образования в Англии. Это — проект основания в Лондоне академии для воспитания «сирот Ее Величества и иной молодежи из аристократов и джентльменов». Таким образом, по существу дела трактат приблизительно совпадает с правилами, сформулированными для пажей короля в правление Эдуарда IV. Последние, конечно, лишь оформили то, что, очевидно, было общей практикой; проект же Гилберта является в какой-то степени иллюзорным, поскольку подобного института в реальности не существовало, и немного шансов было на его возникновение в елизаветинской Англии. Но трактат этот претендовал на то, чтобы его рассматривали всерьез. Он был почти мещанским в своем утилитаризме и, несомненно, весьма точно отражал философию образования тех англичан, на которых ложились значительно расширившиеся обязанности ренессансного гражданства. Несмотря на то что Гилберт повторяет избитую критику английской аристократии за ее пренебрежение к образованию, он, очевидно, обращается именно к этой умудренной опытом группе, которая уже прекрасно осознала ценности высшего образования⁹. В самом деле, Гилберт допускает, что одной из причин, говорящих в пользу проекта, является то, что он облегчит давление на университеты и сделает возможным для «бедных ученых» получить «познания и должности», которые в противном случае монополизировала бы «молодежь из аристократов и джентльменов»¹⁰.

Гилберт включил в свой предполагаемый учебный план фактически все то, что должен был преподавать «наставник пажей» молодым джентльменам двора короля Эдуарда. Тем не менее такое обучение подчинено гораздо более широкой дисциплине, прослеживаемой во всех отраслях образования, с особенным и постоянным ударением на ту роль, которую молодой джентльмен предположительно будет играть на службе своей стране. В основном образование это — гуманистическое. Но Гилберт уже пошел дальше первых поколений гуманистов, подчеркивая, что значение непосредственного и практического воспитания для формирования гражданствен-

ности в государстве однозначно зависит от аристократии и джентри, составляющих правительственную администрацию и даже совет, благодаря которому и должна была формироваться политика. Он имел бы своих ученых, хорошо знающих древние языки и «образчики»; но он больше не верит в классический принцип, которого придерживались гуманисты в дни первоначального энтузиазма. Он хотел бы оставить чисто книжное образование университетам, а профессиональное изучение законов — Судебным Иннам. Но Гилберт преподавал бы молодым джентльменам достаточно философии и достаточно права для того, чтобы дать им возможность ознакомиться, с одной стороны, с теорией правления, а с другой — со всем общим правом, кроме его технических сторон. Он обучил бы их — на английском языке — ораторскому искусству, ученому искусству убеждения, не только благодаря применению разума, но также с помощью «примеров и уловок как древних, так и современных», которые можно найти в истории и литературе. В частности, Гилберт заставил бы их изучать — на английском языке — основы «гражданской политики», выведенные из чтения современной истории. Таким образом, они изучили бы «главное основание правосудия и систему государственных доходов, то, каким образом их можно увеличить или сократить»¹¹. Они также учили бы геральдику и искусство придворного изящества¹². И конечно, они учили бы военное искусство, к которому Гилберт применяет слово «рыцарственность» в его исходном и, возможно, наиболее точном значении; но приемы ведения войны, которые он имеет в виду, далеко отошли от всего того, что обычно использовал средневековый рыцарь, ибо они включили в себя то, что ему показалось бы ужасающе сбивающим с толку, а именно обучение математике, инженерному искусству, баллистике и военной истории и теории¹³.

Эта «Академия философии и рыцарственности» приведет, как надеялся Гилберт, «этот глупый, студеный остров к такой вечной славе, что все нации мира узнают и засвидетельствуют при появлении лика английского джентльмена, что он то ли воин, то ли философ, то ли галантный придворный»¹⁴. В словах этих отражено целое

столетие столь значимых изменений, какие только случались в истории английской культуры.

Если вернуться к молодому рыцарю пятнадцатого столетия, то его все еще считали в первую очередь воином. Именно для него было написано множество руководств по рыцарственности. Лидгейт сказал о Генрихе V, что во времена своей молодости (когда он был молодым) он обычно «изматывал свое тело в военных играх... в соответствии с учением Вегеция», затем добавив, с безупречной (как он, несомненно, полагал) логикой: «Таким образом он был и мужественен и добродетелен»¹⁵. Те социальные навыки, какими мог обладать рыцарь (и они занимали важное место в процитированном выше документе времен правления Эдуарда), были навыками рыцаря, присущими его функциям украшения своего общества и стража куртуазности, равно традиционным. Однако возможно, что в этих предписаниях, данных «наставнику пажей», содержится прямой намек на тенденцию делать из рыцаря придворного, характеризовавшую бургундский двор того же времени. Шестнадцать сквайров из лучших семей постоянно были в услужении у принца, обеспечивая ему различные развлечения: пение, чтение вслух романов или беседы о таких излюбленных предметах рыцарского общества, как любовь и военная слава¹⁶. Тем не менее молодым сквайрам английского двора, стремившимся быть в первую очередь придворными и в значительной степени бывшим ими, все еще очень далеко было до интеллектуально ориентированного придворного итальянского Ренессанса и еще дальше до того образа платоновского философа-короля, который гуманисты надеялись найти в английском «правителе».

Однако в таком традиционном воспитании наблюдается большая доля изящества и утонченности, и вряд ли нам следует винить английскую аристократию за то, что она ориентировалась главным образом на них. Разве не было перед их глазами примера бургундского двора, к тому времени находившегося в зените своего величия, — почвы, на которой объединялись не только лучшие турнирные бойцы, но и лучшие художники, поэты и летописцы Северной Европы?¹⁷ Несмотря на то что

даже рыцарская традиция во многих отношениях слабе-
ла — Карл Смелый испытывал не совсем традиционное
восхищение историями древних завоевателей, а его при-
дворные временами находили убежище от рыцарских
стереотипов в столь же романтической тяге к пастораль-
ности, — бургундское общество все же принимало, хотя
и театрально и искусственно, модели рыцарственности.
Благодаря своей тесной коммерческой и политической
связи с Нидерландами англичане имели прекрасную воз-
можность увидеть в бургундском дворе модель, по кото-
рой могло идти культурное совершенствование их собст-
венного неизмеримо менее зрелого общества. В этой
связи необходимо помнить, что Какстон начал свою де-
ятельность переводчика и, несомненно, еще и печатника
под покровительством Маргариты, герцогини Бургунд-
ской¹⁸.

Утонченность — единственное, что можно ожидать от
старой традиции. Действительно, она является элемен-
том того самого упадка, который подрывал жизнеспо-
собность рыцарского идеализма. То, что в период позд-
него Средневековья появлялось множество руководств
об обязанностях и обучении рыцаря, само по себе может
рассматриваться как показатель процесса кристаллиза-
ции, желания определить, систематизировать и конкре-
тизировать то, что некогда было более-менее гибким и
спонтанным¹⁹. Появление трактата Люлля говорит о на-
чале этого процесса формализации; и любопытно отме-
тить, что он чувствовал, даже в тринадцатом столетии,
необходимость в более формальных методах обучения
молодых аристократов, дополняющих обучение «по
месту службы», которое обычно получала свита знатного
семейства. Вместо этого практического обучения Люль
говорил о необходимости основания школ, в которых
рыцарь, подобно клирику, мог бы обучиться правилам
своего сословия посредством книг, включавших, несо-
мненно, его собственную²⁰.

* * *

Конечно, рыцарскому классу были доступны и другие
книги, которые составляли обычное чтение для любого

рыцаря, бывшего достаточно образованным для того, чтобы ими воспользоваться, и питавшего к ним достаточный интерес. Если мы рассмотрим его образование в широком смысле, то сквайр или рыцарь могли формировать свое мышление и оттачивать свои идеалы на всей совокупности историй и романов, которые мы обсудили в предыдущей главе²¹. Именно желание содействовать этому более всеобъемлющему подходу к обучению рыцаря, по крайней мере частично, привело Какстона к тому, чтобы перевести или же подготовить к публикации в удобочитаемом виде сливки позднесредневековой английской культуры. Его список публикаций может быть прекрасной выборкой из чтения, рекомендованного, если не предписанного рыцарю. Рыцарские романы и истории, подогнанная под Средневековые классика, трактаты об оружии и манерах делали его всеобъемлющим и прекрасно подходящим для этой цели.

Но существовали определенные книги, которым наверняка уделяли особенное внимание в отношении рыцарского образования. Известен, в частности, знаменитый текст Вегеция об искусстве ведения войны, который Какстон напечатал в 1489 году как перевод французской версии Кристины Пизанской. Эта книга, чей первоначально классический характер был должным образом адаптирован к современным условиям, продолжала на протяжении пятнадцатого столетия быть признанным авторитетным источником по профессии, которую рыцарь считал исключительно своей. Значение этой работы о рыцарском образовании очевидно. Того же нельзя сказать о другой довольно важной категории, которая, по видимому, все же вызывала значительное уважение среди более серьезно настроенных английских аристократов. Я имею в виду работы, написанные явно для наставления принцев и следующие традиции псевдоаристотелевской *Secreta Secretorum** и «О правлении государей» (*De Regimine Principum*) Эгидия Римского.

* В отечественной традиции ее часто переводят «Аристотелевы Врата, или Тайная тайных». — Прим. ред.

Происхождение *Secreta*, предположительно являвшейся письмом Аристотеля Александру Великому, написанным с целью наставления молодого завоевателя не только в искусстве управления, но также и в его личной жизни, туманно. Впрочем, оно, по-видимому, пришло в Европу из арабских источников. В первый раз это письмо получило широкое обращение в двенадцатом или тринадцатом столетиях и с того времени служило основанием для целого семейства трактатов, самым знаменитым из которых, возможно, был «О правлении государей» Эгидия. В процессе его перевода — или, более точно, его адаптации, ибо мало средневековых переводов были чем-то иным, нежели свободными переложениями оригинала, заполненными издательским комментарием и иногда причудливыми изменениями, — он был полностью подогнан к целям и предрассудкам средневекового мышления²².

Эти трактаты, несомненно, были предназначены для более широкой публики, а не только для членов королевской семьи. Хотя покровительство одного принца стоило для средневекового писателя столько же, сколько популярность среди всей придворной аристократии, его престиж и его способность сохранить королевское покровительство отчасти зависели от степени благоволения и признания со стороны тех, кто имел значение при дворе. Англия пятнадцатого столетия мало дала миру того, что могло бы быть названо оригинальным вкладом в литературу под общим названием «зерцало государей». Фактически эта традиция плохо подходила для ограниченной монархии, столь глубоко укорененной в английской традиции. Кроме того, в руках таких людей, как Джордж Эшби и сэр Томас Элиот²³, представлявших более позднее поколение, она, пожалуй, мало что могла привнести специфично в английские условия. Возможно, Какстон оставил без внимания многотомную и почтенную, но совершенно бесполезную литературу, хотя «Правила игры в шахматы» тесно связаны с ней именно в силу своего практического склада и осознания английских проблем. Но в этом столетии известны несколько переводов и переложений, особенно *Secreta*. О том, что пос-

ледний трактат привлекал рыцарский разум, можно судить по факту, что Джеймс Батлер, граф Ормонда (1392–1452), некогда служивший у Генриха V, а в последние годы известный своей любовью к подобным историям, бывшим по существу назидательным примером рыцарственности, специалист по военному праву и покровитель Коллегии Герольдов, приказал Джеймсу Янгу сделать английский прозаический перевод *Secreta*²⁴. Сам жанр произведения приобрел постоянную популярность, причиной чего, по всей видимости, было то, что книга посвящалась мирским делам, что являлось большой редкостью в то время. В самом деле, он в достаточной степени продолжал влиять на аудиторию в последующее столетие для того, чтобы оправдать добавку Эразмом еще одного произведения, высокоутонченного, хотя и не особенно оригинального, к уже длинному списку книг, принадлежащих к этому жанру. Эти книги, столь насыщенные наставлениями для человека, находящегося в обществе на положении феодального лорда, могли считаться особенно ценными в качестве дополнительного чтения для местного лорда, будь он сквайром, рыцарем или магнатом, обязанностью которого, традиционно возлагавшейся на рыцаря, было действовать не только как вооруженная сила политического организма, но также как «правитель»²⁵. Такое могло быть исключительно вероятным в то время, когда обе обязанности, как мы видели, стремились слиться в одну-единственную, перекрывающую долг гражданского правительства защищать права всех членов общества. Иначе говоря, справедливость и мир равным образом зависели как от принудительной власти короля, так и от меча рыцаря; и, по существу дела, власть короля устанавливать и насаждать правосудие в Англии была обычно передана на местах рыцарю, служащему в должности мирового судьи. Поэтому институт королевской власти мог иметь огромное значение для человека, который как член правящего класса активно вовлекался в дела местного управления.

Здесь не место для пространного обсуждения подобной литературы. Необходимо ответить только на несколько вопросов, из которых главный заключается в следующем: какое значение эти книги «о правлении го-

сударей» имели, если вообще имели, для рыцарского мировоззрения? Прежде всего, они воспринимают рыцарственность в значительной степени как само собой разумеющееся. В них мало конкретных упоминаний идеалов и практик рыцарственности. Сами авторы и большинство из тех, кто их перерабатывал и переводил, были клириками, получившими схоластическое и патристическое воспитание, более привычными к языку университета и кафедры, чем к языку королевского двора, поля боя или турнирной арены. Они подчеркивали христианские добродетели, которые, конечно, стали также частью рыцарского этоса, но тем не менее оставались легко отделимым элементом. Результатом этого является обманчивый нерыцарский внешний вид, который подходит для того, чтобы скрыть тот факт, что сам король является рыцарем и что рыцарские ценности в самом деле являются само собой разумеющимися. Затем, особенно в тех книгах, которые представляли собой более-менее прямое переложение *Secreta Secretorum*, специфично рыцарские понятия часто теряются в потоке практического здравого смысла, приложимого к жизни в той же степени, в какой были приложимы сами христианские ценности. В дополнение к обычному дидактическому совету быть добродетельным и избегать алчности, быть милосердным и справедливым, благоразумным и благочестивым, королю рассказывают, часто с утомительной пространностью, как одеваться, как упражнять свое тело, чем питаться, откуда приходят желудочные колики и какова природа вина.

Но черты рыцарственности обычно там присутствуют, хотя они и не всегда очевидны. В «Правлении государей» Хоклива (1412), одной из немногих английских работ этого столетия, в которой материал банального «зеркала государей» дан в абсолютно новой трактовке, а рыцарский элемент появляется неожиданно часто, обозначая таким образом то, что он стоит за многим из классического знания и христианского морализма, господствующих на поверхности²⁶. Хоклив, обладая умом священнослужителя, отражал что-то от ауры рыцарского идеализма, которая с возобновленной силой уже сияла в лице будущего Генриха V, для которого эта книга и была написана. Король является одновременно и рыцарем — это,

в действительности, столь очевидно, что Хоклив считает излишним детально останавливаться на этом. С предельной легкостью и беззаботностью он переходит от слова *король* к слову *рыцарь* и по обычаю своего времени интерпретирует предания, берущие свое начало из древней истории, в терминах рыцарственности. Король, так же как и рыцарь, обязан быть «справедливым». Король является воином, таковым же является и рыцарь; и они соответственно разделяют рыцарские добродетели, принадлежащие исключительно воину. Они оба обязаны быть доблестными, стремиться к славе, но быть великодушными, не впадать в тщеславие и приниматься только за справедливые дела. И того и другого волновало главным образом сохранение справедливого мира.

Я полагаю, что взаимосвязь между «зерцалом государей» и рыцарским руководством станет яснее, если признать, что оба они основывались на одном и том же предположении, касающемся природы правления, а именно на том, что общественная жизнь является просто расширенным вариантом моральной жизни индивидов, имеющих к ней отношение. Скорее всего, именно это и отличает средневековое отношение к светской жизни от современного. Король и его советники были личностями, которые, подобно всем другим людям, страдали от конфликта между добродетелью и пороком, являющимся сутью божественной трагедии. Общество здорово, когда все люди в нем ведут себя так, как им следует; и является больным, когда они этого не делают. Следовательно, задача правления состоит в том, чтобы обуздывать или, если возможно, искоренять порок и тем самым дать добродетели возможность совершить свою благотворную работу. Для того чтобы это должным образом осуществлялось, король прежде всего обязан иметь хороший совет. Но сам по себе совет зависит от моральных качеств советника. Его сущность — просто истина, а не политика в современном смысле слова. Он должен говорить о том, что неправильно в этом обществе, а не о том, что приведет к лучшему или более могущественному обществу. Если рассматривать с этой точки зрения, то функция правителя, на каком бы уровне общества он ни находился, остается сравнительно простой функцией защиты или, если использовать более привычные для средневекового

ума понятия, функцией поддержания справедливости и мира. Она мало нуждается в созидательном уме или коллективной изобретательности, от которых зависит характерный динамизм современного государства. Все оставляет рыцаря точно в той позиции, на какую его ставят рыцарские руководства. Он — вооруженная рука политического организма, охранитель справедливости, которая является средством к высшему благу — миру. Трактат «о правлении государей» просто добавляет элемент христианской морали и псевдоклассическую философию к военной и феодальной рыцарской традиции. И к тому же рыцарское руководство само по себе остается достаточным путеводителем по военным и феодальным обязанностям, к которым рыцарь все еще был прикован, прикован своим ограниченным политическим горизонтом, а не какой-либо сознательно сформулированной политикой.

Когда, особенно в конце пятнадцатого столетия, начинают появляться важные исключения из этой общей тенденции, они скорее формируют ренессансное государство и ренессансный реализм, нежели являются преувеличенной рыцарственностью. «Деятельная политика государя» Джорджа Эшби (заглавие само по себе знаменательное) становится, под обложкой традиционной формы «зеркала государей», средством анализа реальной английской обстановки и обсуждения практических политических действий. Эшби, сам бывший членом этого класса умных и отчасти образованных людей, часто происходящих из средних слоев общества, которые были втянуты в общественную жизнь Тюдорами, ясно предвещает «активные политические действия», посредством которых Эдуард IV и, с большим успехом, Генрих VII стремились создать эффективную и централизованную администрацию на рушащихся основах правления Ланкастеров. И интересно мимоходом заметить, что в эпоху таких политических действий в его уме начала формироваться политика найма на королевские административные должности людей низкого положения и больших личных способностей, отдавая им предпочтение перед теми, чье главное достоинство основывалось на их аристократическом статусе²⁷. Для Эшби это в значительной

степени практический вопрос, диктуемый больше страхом перед могущественным подданным, нежели какой-либо верой в творческий потенциал, свойственный тренированному интеллекту. Тем не менее тут присутствует акцент больше на личной ценности, чем на статусе, который в значительной мере станет камнем преткновения в произведениях ранней тюдоровской Англии. Здесь в английской литературе также становится совершенно очевидной тенденция к исчезновению рыцарского образа мысли в сухом свете практического, лишенного доктринерства, в основном прагматичного реализма.

* * *

Рыцарь пятнадцатого столетия должен был принимать некоторое участие в администрации местного управления, главным образом на должности мирового судьи. Этот долг отнюдь не был чужд букве рыцарской традиции. Напомним, что Люлль оставил рыцарю определенную возможность действовать в качестве правителя. Это было частью его широкого предназначения в качестве защитника тех, кто доверился его заботе. Но именно этот долг оставлен полностью не проясненным Люллем, который, конечно, не мог предвидеть сложных взаимоотношений, которые разовьются между центральным правительством и местным управлением в Англии. И Какстон, заинтересованный главным образом скорее в рыцарских ценностях, нежели в специфических обязанностях рыцаря в рамках административной системы, не видит причин конкретизировать это. Поэтому местному рыцарю или сквайру приходилось искать необходимую информацию о связанных с его должностью процедурах и законах вне традиционных книг о рыцарском поведении. Он, очевидно, мог найти эту информацию во множестве фактических руководств, написанных с этой целью (особенно во второй половине столетия), которые не притязали на интеллектуальную высоту или возвышенную рыцарственность²⁸. Англичанин XV века обладал гибкостью и практичностью, достаточными для того, чтобы таким образом преодолеть постоянно углубляв-

шуюся пропасть между рыцарским идеалом и практикой рыцарственности. Рыцарь становился гражданским чиновником в той же, если не в большей степени, в какой он являлся тяжеловооруженным всадником.

К тому же он был вынужден все больше и больше использовать суды для своей собственной защиты в то время, когда под видом судебного процесса происходили неисчислимы захваты земли. Знание закона являлось существенным для многих благородных семей, проживавших в сельской местности. Здесь молодой сквайр снова был вынужден выходить за границы традиционного образования своего класса и читать книги по земельному праву. Или, что еще лучше, он мог получить юридическое образование в Судебных Иннах.

Фортескую приводит свидетельство — возможно несколько восторженно, а не точно, ибо он приводит его по памяти в последние годы своей жизни — этой тенденции части английской аристократии искать в наиболее нерыцарских учреждениях в наименьшей степени рыцарское из образований. Несмотря на то что он признает, что благородные семьи все еще посылали своих сыновей к другим семьям своего класса, и утверждает, что двор короля является «высшей академией для аристократов королевства», он рассказывает нам также о том, что Судебным Иннам покровительствовала в основном аристократия. Он говорит, что изучение закона особенно подходит джентльмену. И в любом случае образование в Судебных Иннах стоит слишком дорого для людей низкого происхождения.

Из-за этой дороговизны не много тех, кто угит закон в Иннах кроме сыновей аристократов. Ибо бедные и простолюдины не могут нести такие большие расходы на содержание своих сыновей. И торговцы редко желают снизить свой основной капитал такими ежегодными расходами. Поэтому происходит так, что едва ли можно найти в королевстве сведущего в законах человека, который не является аристократом или не происходит от аристократического рода.

Судебные Инны также дают общее обучение аристократическим манерам, и поэтому рыцари, бароны и другие магнаты помещали туда своих сыновей «хотя они не хотели, чтобы их обучали юриспруденции, а также чтобы они жили ее практикой, но только своими родовыми именами»²⁹. Но эти родовые имена, как подчеркивает «Книга о знатности», склоняют рыцаря бросить свои традиционные военные обязанности, поскольку они постоянно впутывают его в гражданские проблемы. Семья Пастонов, которую автор «Книги о Знатности» должен был знать очень хорошо благодаря своей преданности их общему покровителю, Фастольфу, для нас, как несомненно и для него, является прекрасным примером такой озабоченности. Молодой сэр Джон, на чье воображение сильно повлияла блистательная жизнь двора с его турнирами и рыцарскими атрибутами, представляет у себя дома резкую противоположность своей матери и брату, которые сражаются за все, что они заработали, стремясь оградить с трудом завоеванные земли семьи от более-менее законных нападков жадного соседа³⁰. Нравилось ли им это или нет, но английский рыцарь и те представители джентри, которые стремились к его статусу и образу жизни, вели тот образ жизни, в котором гражданские дела и, для некоторых, дела управления сведут их военную функцию к вторичной и в значительной степени вспомогательной роли. Любопытно мимоходом отметить, что значительное число джентльменов, обученных праву, избиралось членами парламента³¹.

* * *

Несмотря на ту важность, которую играло изучение права в постепенно происходившей трансформации аристократического образования, мы можем разглядеть истинное положение вещей только тогда, когда признаем достоинства более широкого образования. Надзор за справедливостью всегда считался частью обязанностей рыцаря. Формальное знание закона можно было без особых затруднений истолковать как логическое расширение этой обязанности, несмотря на его полную несовме-

стимость с «Книгой о знатности». Совсем иначе обстояло дело со свободными искусстваами, традиционно предписанными клирикам, не говоря уже о тех новоиспеченных науках, принесенных из Италии несколькими серьезными учеными, которые последовали по стопам Годфрида, герцога Глостера³². То, что один из этих ученых будет в числе первых предвозвестников гуманистического подхода к образованию аристократии, весьма характерно. Джон Типтофт вернулся из Италии под сильным впечатлением от образа римской древности. С другой стороны, для нашей переходной эпохи типично, что этот молодой аристократ, чье латинское произношение, говорят, вызвало слезы восторга у такого пылкого романиста, как Пий II, сделавший такой большой глоток из источников гуманистической учености, позже отлично послужит в Англии в качестве председателя Суда Лорда Маршала и обратит остроту своего ума к задаче создания ритуалов для «Поединков и триумфов»³³.

Тем не менее Типтофт был способен рассматривать рыцарственность с более выигрышной позиции нерыцарской культуры. Знакомый как с обычаями упадочного рыцарства, так и с превратностями аристократической фракционности, он наверняка часто ставил перед собой вопрос, что будет отличительной особенностью и обязанностью подлинного рыцаря. В какой-то мере именно такой вопрос побудил его около 1460 года перевести «Разговор о знатности» Буонакорсо де Монтемано³⁴. В этой новелле на тему о Фульгенах и Лукреции (которую Какстон, между прочим, опубликовал примерно двадцатью годами позже как «Выступление знатности» (*The Declamation of Noblesse*), традиционный взгляд на знатность, основывающуюся на богатстве и знаменитости предка, которая выражается в военных и куртуазных устремлениях, противопоставлен ренессансному идеалу человека, достигающему подлинной знатности личной добродетелью и врожденными достоинствами.

Новизна такого итальянского нововведения находится не столько в предпочтении автором рыцарского характера аристократическому происхождению и рыцарскому поведению³⁵, сколько в том, что это нововведение делает последовательное ударение на роли образования

в стремлении к добродетели, которая, в свою очередь, должна найти выражение в общественном служении. Добродетель всегда занимает главное место в рыцарском идеале, но это была добродетель, которую искали внутри рамок традиционного предназначения рыцаря³⁶. Задача Ренессанса заключалась именно в том, чтобы связать добродетель с образованием, равно как и с врожденным характером человека. У светских авторов шестнадцатого столетия, испытавших гуманистическое влияние, станет чем-то вроде общего места находить и в добродетели, и в образовании основной источник знатности, несмотря на равно сильное предубеждение в пользу иерархичного общества, основанного на благородстве по рождению³⁷. В начале столетия это находит выражение в утверждении, которое Томас Мор добавляет к своему переводу с латыни Пико делла Мирандолы³⁸. В нем он настаивает, отчасти не к месту рассматривая признанную аристократичность рода Пико, что истинная знатность происходит не от знатного рождения и врожденных способностей, но от обучения и добродетели. Только от этих качеств зависит честь. Колоссальная эрудиция Пико была не целью, но средством к достижению высшей цели³⁹.

Типтофт мог прекрасно поставить себя на место Гая Фламминия, наиболее образованного из поклонников, соревновавшихся за руку Лукреции. Оба они были талантливыми воинами, но военная дисциплина играла незначительную роль в их обучении. Оба изучали классические языки и впитали в себя «красноречие и философию». Оба собирали книги — «сперва я покажу вам свою библиотеку» обещает Гай своей только что завоеванной леди в одном из последних рыцарских произведений литературы пятнадцатого столетия⁴⁰. Оба обратили свое знание и свои труды на службу государству.

Именно такое чувство долга, выразившееся в стремлении служить обществу посредством образования, прежде всего и делает «Выступление знатности» предвестником английского гуманизма шестнадцатого столетия. Сам по себе идеал общественного служения был не нов. Английский рыцарь конца Средневековья нащупывал свой путь на пути простого понятия об общественном долге, который был отчасти шире, чем долг воина.

В любом случае те, кто писал о рыцарственности, начали осознавать, что защитная функция рыцаря стала включать в себя участие в гражданском правлении⁴¹. Но даже представляемый в качестве правителя, средневековый рыцарь все еще был далек от ренессансного идеала воина-ученого, который не только защищает общество, но, благодаря мудрости и добродетели, полученных посредством образования, способен также оказать помощь в формировании политики, принять участие в реальном руководстве государством. Следующий отрывок из «Выступления» мог бы легко принадлежать перу Томаса Старки, настолько близко звучит в нем понимание гражданственности, а также и идеала советника-философа, который был сформирован в диалоге Томаса Люпсета.

Но после этого (его прилежного изучения философии и древних языков), когда я напомнил себе, каким образом каждый человек, который обладает добродетелью или знаниями, обязан служить тотчас общественному благосостоянию, я посвятил себя целиком и полностью общественному благополучию города⁴².

В какой степени Типтофт сделал эту книгу своей собственной, насколько серьезно он принял ее всю, мы, конечно, никогда не узнаем точно. Тем не менее мы можем предположить, что едва ли он выбрал бы ее для перевода среди множества работ итальянского Кватроченто, если бы он не симпатизировал большинству важных идей, которые она содержит. В любом случае, тщательное изучение такой книги, с акцентом на важности воина-ученого для государства и с ее ясным и многократным различением «общественных дел» и «личных дел»⁴³, должно было многое сделать для того, чтобы создать в восприимчивом уме Типтофта понятие гражданства, полностью отличное от того, которого все еще придерживалось большинство членов его класса. Не может публикация перевода в 1481 году рассматриваться как незначительное событие в истории английской мысли.

Также более, чем просто вероятно, что Джон Типтофт, граф Вустера, рыцарь, ученый и правитель, переходная фигура, типичная для этой переходной эпохи, произвел

сильное впечатление на Какстона, который напечатал не только «Выступление знатности», но также перевод «О дружбе» (*De Amicitia*) Цицерона, приписываемый им Типтофту. В своем прологе к последней работе Какстон упоминает «благородного, знатного графа, графа Вустера... который в свое время блистал добродетелью и образованностью, подобного которому я не знаю никого среди лордов современности в науке и моральной добродетели»⁴⁴.

Еще раз издательские комментарии Какстона служат нам флюгером в непостоянной интеллектуальной атмосфере его времени. Хотя его предположения и выбор книг для печати были в основном средневековыми, а он сам был полностью убежден в важности рыцарских примеров, он тем не менее признает, хотя и не вполне очевидно, важность для деловых свободное образования, образования, в котором классические авторы станут играть важную, хотя и не основную, роль. В своем прологе к «Тулию» (*Tullius of Olde Age*) (возможно, переведенном Уильямом Вустером по просьбе престарелого воина-администратора, сэра Джона Фастольфа, и напечатанном в 1481 году) он демонстрирует значительное уважение к примеру гражданства, который являет собой история Рима, и говорит о составе аудитории, для которой его издания были предназначены. Эта книга, говорит он, не является «такой уж необходимой или, более того, пригодной для любого невежественного и незнатного человека, который не понимает ни науки, ни искусства и который глух к благородному благоразумию и рассудительности римлян, но для благородных, осведомленных и знатных лордов, джентльменов и торговцев, которые заботились и ежедневно занимались делами, касающимися общественного благосостояния...»⁴⁵. Любопытно отметить, что здесь Какстон рассматривает общественность шире, нежели ту общественность, для которой он подготовил «Книгу о Рыцарстве». Очевидно, классики были полезны для всех ответственных и образованных людей, тогда как практические знания рыцарственности были подходящим чтением только для аристократии. Возможно, Какстон тоже начинал видеть в классиках необходимое дополнение к обычному рыцарскому обучению.

Тем не менее было бы неразумно трактовать это случайное выражение Какстона как элемент осознанной социальной философии. Он не был систематичным мыслителем. Его отношение к идеям отмечено противоречивостью, типичной для практичного человека эпохи меняющихся ценностей. Интуитивно в силу своего воспитания он твердо придерживался старого порядка и старых ценностей. Его выбор текстов включает мало того, что не было обычным репертуаром позднесредневековой культуры. Две речи Цицерона, единственные среди продукции его типографии, не представляют собой античность, подогнанную под Средневековье; и только «Выступление знатности», опубликованное, что необходимо отметить, вместе с работами Цицерона, отмечено печатью влияния, скорее косвенного, итальянского Ренессанса. Но само наличие подобных текстов является очень важным признаком, и его комментарий к ним говорит о глубоком уважении к учености, к примеру древних и к гуманитарному образованию⁴⁶. Более того, он состоял в отношениях почтительной близости с Джоном Скельтоном. Этот факт если и не соединяет его прямо с гуманистической традицией, то, по крайней мере, связывает с человеком, для которого гуманистическое образование ни в коей мере не было закрытой книгой⁴⁷. Тем не менее его мысль была весьма далека от мышления более позднего поколения гуманистов, которые, подобно сэру Томасу Элиоту, считали возможным охватить в обширной программе гуманитарного образования все рыцарские ценности, которые к тому времени могли считаться достойными сохранения. Для Какстона проблема была фактически в обратном. Все то, что в классической традиции можно было обратить на общую пользу, легко и законно могло быть введено в традиционное образование. Такой порядок старшинства был для него гораздо более естественным потому, что если судить, основываясь на его частом признании подогнанной под Средневековье античности, он по привычке стремился толковать классические примеры в терминах рыцарственности. Возможно, в свете будущих достижений наиболее значительным аспектом мысли Какстона станет его готовность рассматривать как ценности рыцарственности, так и принципы

классической древности составными частями по существу практического обучения, связанного с «руководством общей пользой... именуемой по-латыни *Res Publica*»⁴⁸.

* * *

В самом деле, именно рост требований, которые государство предъявляло к службе английского джентльмена, заставил некоторых просвещенных наблюдателей в первые годы следующего столетия критиковать рыцарскую идею образования. Когда из феодальной монархии родилось ренессансное государство, в частности когда Франция и Англия преодолели конфликты и смятение пятнадцатого столетия, стало ясно как никогда, что дело управления требует мудрого и изобретательного совета. Несмотря на то что мало кто еще признал этот факт, средневековое понятие «государство» («*commonwealth*») служило только маскировкой динамичного государства, цели которого требовали от правительства не только желания исправить ошибки, но и способности формировать политику для того, чтобы противостоять жестким требованиям нового, светского общества и конкурентной системы. Политическая теория в ее наиболее формальных аспектах отражала это изменение очень медленно. Почти до конца шестнадцатого столетия ее основная структура оставалась средневековой. Однако отношение многих из ранних тюдоровских гуманистов к общественным задачам обнаруживает новое осознание необходимости в творческом мышлении в государственных органах⁴⁹. Поэтому они видели, что английский джентльмен, на чьи плечи неизбежно ложилась ответственность за управление тем, что, по их мнению, было аристократическим социальным порядком, должен воспитать себя для службы в этой светской и беспокойной Англии. Он должен быть способен решать новые задачи, подобные тем, какие одно время были вотчиной клириков. Прежде всего он должен уметь дать дельный совет. Для этих новых и усложнившихся обязанностей традиционное рыцарское образование могло дать лишь частичную подготовку. Если джентельмену не удастся пройти это испы-

тание, то он должен принять как должное возвышение более низких по происхождению, сумевших это сделать⁵⁰.

Новое государство будет обслуживаться новыми людьми, если это необходимо, и старыми, только если это возможно. Генрих VIII фактически уделял мало внимания рождению или положению при выборе своих наиболее доверенных советников. Ни Уолси, ни Кромвель, ни Мор не могли претендовать на аристократическое происхождение. И когда во время «благодатного паломничества»* люди все еще феодального севера выразили свое возмущение властью, находящейся в руках имеющего низкое происхождение Кромвеля, Генриху стоило больших трудов оправдать политику, во многих отношениях противостоящую рыцарским идеалам, к которым он все еще питал сильную эмоциональную привязанность. Используя произведения таких памфлетистов-гуманистов, как Ричард Морисон, он кратко обращается к просвещенному мнению в духе, исключительно близком к выражению доктрины профессий, открытых для талантливых людей. В самом деле, именно во время революционных событий 1530-х годов англичане, принимавшие активное участие в общественных делах, стали в большинстве своем признавать, что их правительство нуждается в вооруженном рыцаре меньше, чем в образованном джентри⁵¹.

Тем не менее направление, в котором двигался мир, не осталось незамеченным. При дворах Генриха VI и королей династии Йорков люди, имевшие классическое образование, начиная приблизительно с 1440 года использовались с частотой, достаточной для того, чтобы аргументировать отношение к политике королевской администрации⁵². По-видимому, Генрих VII особенно понимал значение образования в общественной жизни. Если ему не удалось увидеть в нем источник искусства государственного управления и дельный совет, от которых в конечном итоге зависело ренессансное государство и которые последующие поколения гуманистов искренне

* Или Паломничества Божьей Милости (The Pilgrimage of Grace). — *Прим. ред.*

старались породить, то он, по крайней мере, признает престижность и ценность образованного человека⁵³. В частности, новая дипломатия требовала скорее услуг изящных риторов, а не копыя победителя турнира. Если, как здраво предполагает профессор Мэтингли, ремарка современника — и оппонента — о том, что речь Колюччо Салютати* легла на весы принятия политического решения с тяжестью тысячи лошадей, является явным преувеличением, то она все же отражает то огромное уважение, которым пользовалась риторика в качестве практического инструмента⁵⁴. Более того, чтобы запечатлеть успех монархии, требовались скорее услуги Полидора Вергилия, чем услуги традиционного летописца или придворного менестреля. Соответственно Генрих привлекал ученых из Италии и поощрял в своей стране тех, кто мог говорить на языке гуманизма. Переходной характер двора Генриха VII старомодно и изящно символизируется тем, что он даровал высшее достоинство английского рыцарства, Орден Подвязки, Гвидо, герцогу Урбино, который являлся, согласно Полидору Вергилию, «из всех принцев нашего времени наиболее сведущим и в латинской, и в греческой литературе и в искусстве войны», и тем фактом, что доверенным лицом, посланным в Англию для того, чтобы принять для своего господина это достоинство, был не кто иной, как граф Балдассар Кастильоне⁵⁵.

* * *

Очень просто недооценить значение двора Генриха VII в качестве фактора в переходе от средневекового к ренессансному обществу. В последние годы у историков сложилась тенденция подчеркивать преемственность средневековых понятий и привычек в первых двух поколениях правления Тюдоров. Вполне понятным образом выступая против устаревшей интерпретации англий-

---

* Колюччо Салютати (1331–1406) — флорентийский государственный деятель. — *Прим. ред.*

ской истории, в которой год 1485-й был годом переломным, а «Новая Монархия» появлялась на политической сцене внезапно, историки рассказывают нам, что методы, которые использовал Генрих VII, так же как и его цели, мало отличались от методов и целей его непосредственных предшественников из дома Йорков и что идеи его подданных, включая гуманистов, были по большинству все еще средневековыми. Именно во время революционных событий 1530-х годов чаша весов начинает заметно склоняться от старого к новому порядку⁵⁶. Ныне имеется достаточно много аргументов в пользу такой точки зрения, так что я, в общем-то, о другой даже и думать не хочу. Но все еще весьма вероятно, что, приняв ее некритически, можно недооценить реальное значение периода перед 1520 годом. Здесь наши цели в этом исследовании требуют прерваться ради того, чтобы отметить, что, несмотря на формы рыцарственности, все еще характеризовавшие двор Генриха VII, в его интеллектуальной жизни существуют безошибочные признаки нового и нерыцарского духа.

В последней главе мы видели, как один из лауреатов Генриха, Бернар Андре, смог оценить его внешнюю политику с точки зрения политического реализма, полностью чуждого пониманию подлинно рыцарского разума. Подобную свежесть мышления можно найти в том, как Андре ссылается на образование молодого принца Артура. В шестнадцать лет юноша полностью погрузился в классический курс обучения, в котором науки, дорогие сердцу гуманиста, занимали видное место. После списка авторитетов по грамматике, в котором среди традиционных классических имен встречаются имена Гуарино и Валла, идут «поэты» — Гомер, Вергилий, Лукан, Овидий, Плавт и Теренций. В *oratoria* мы находим двойную поддержку гуманистических наук, Цицерона и Квинтилиана. История заканчивает список такими именами, как Фукидид, Ливий, Цезарь, Светоний и Тацит⁵⁷. В конечном счете это впечатляющий список. Если мальчик на самом деле его осилил с не по годам развитым умом, который Андре приписывает ему, это должно было дать ему кругозор, в котором рыцарские идеи и установки занимали

небольшое, но весьма тщательно продуманное положение.

Еще большее значение имеет тот факт, что в сочинениях подобных людей, приглашенных ко двору Генриха благодаря своему образованию и литературным талантам, есть больше, чем намек на утилитарное отношение к образованию, ставшему главной характеристикой английского гуманизма, которое сильнее всего уводит прочь от традиционных представлений о том, как молодой джентльмен должен быть обучен. Подобно средневековым моралистам, гуманисты утверждали, что здоровое общество и хорошее управление зависят, в частности, от добродетели ответственных за них людей. В отличие от них, однако, гуманисты искали добродетель не только в христианском наставлении и моральной жизни, но в образовании, включающем в себя все светское обучение, касавшееся изучения Древнего Рима. Подобно апологетам рыцарственности пятнадцатого столетия, гуманисты искали в истории «пример», столь необходимый в качестве путеводителя для правящего класса в своей мирской деятельности. Тем не менее, в отличие от них, они обратились не к примерам рыцарских подвигов, но к примерам древней истории, теперь в значительной степени истолкованной в терминах рыцарственности, т. е. в терминах, которые гуманист по простоте душевной полагал терминами, свойственными самой древности. В древней истории они обнаружили прежде всего пример искусства государственного управления, которое, как они полагали, зависело от убедительной силы красноречия, а оно в свою очередь являлось конечным продуктом, свойственным всем практическим, мирским целям образования. Благодаря обучению красноречию в обществе людей скорее можно было бы достичь мира и добродетельной жизни. Поэтому история и риторика становятся существенными для образования всякого, кто будет стремиться к ответственной должности в государстве — что все в большей степени становилось прерогативой аристократии и джентри, действующих как члены мирского общества.

Подобное отношение в работе Скельтона очевидно, но оно отнюдь не является основным. Хотя, будучи слиш-

ком оригинальным — или слишком своенравным — для того, чтобы точно войти в гуманистическую модель, он был обязан положению, занимаемому при дворе, своему обучению, и он понимал практическую ценность этого обучения, которое он достойным образом получил⁵⁸. В латинском произведении, редком для этого упрямого сторонника английского языка, озаглавленном «Зерцало государей» (*Speculum principis*) (1501 г.)⁵⁹, он отдает особую дань обучению как существенной части воспитания молодого принца. Отделяясь в некоторой степени от формы, выкристаллизованной в средневековой традиции *Secreta Secretorum*, он завершает свои обязанности в качестве наставника принца Генриха, сосредоточившись на изучении примера классической древности и указывая на то, что в будущем правителе добродетель будет цениться больше, нежели происхождение, и что ее можно обрести посредством изучения античных авторитетов. Это такая же вера в классическое образование как в подготовку к общественным обязанностям, отражение которой мы видели в отчете Андре о научных занятиях принца Артура.

* * *

Довольно любопытно, что одним из лучших свидетельств мы обязаны Стефену Хоузу. Очевидно, привлеченный к делу образования не столь формально, как Андре или Скелтон, и сохранивший при дворе свою ценность скорее как церемониймейстер, чем по какой-либо другой причине, которую можно было бы разглядеть за давностью времени, Хоуз тем не менее делает проблему образования главной темой своей аллегории «Веселые забавы». Несмотря на то что она, очевидно, была написана как легкое чтение для благородной публики, «Веселые забавы» представляли собой лучшие традиции средневековой дидактической литературы. Хоуз презирует «баллады» и «бесплодные безделушки»⁶⁰. Но он иначе преподносит свой дидактизм. Необходимо напомнить⁶¹, что его обычная комбинация любовной аллегории и рыцарского романа сложилась внутри более крупной

модели «паломничества жизни человека» и что его представитель является членом рыцарского класса. Таким образом, на самом деле это аллегория рыцарской жизни. Рассмотренное в этом контексте, мнение Хоуза по поводу образования становится очень ценным для каждого, кто ищет среди редких и двусмысленных документов этого времени ключ к рыцарскому мышлению в переходный период.

Я хотел бы подчеркнуть средневековый характер этого контекста. Хоуз не только взял основные составляющие своей поэмы — аллереорию любви, рыцарский роман, тему паломничества — из наиболее обычных литературных традиций, но и образование, которое Хоуз считает необходимым для человека, стремящегося к рыцарскому званию, по существу является схоластическим. Это избитая формула тривия и квадриа⁶². Более того, конечная цель семи наук состоит в том, чтобы привести душу на небеса⁶³. Перед тем как закончить, Хоуз представляет семь смертных грехов⁶⁴, эхо «Танца Смерти»⁶⁵, и предостерегающее общее место о том, что земная слава скоро исчезнет в духовной безбрежности вечности⁶⁶. Его прямодушное восхищение «своим господином», Джоном Лидгейтом, «светочем красноречия», «основным источником моего обучения»⁶⁷, может обозначать (а может и не обозначать) равно сильную связь с культурой средневековой Англии, что зависит от того, как толковать мышление этого скучного, но эрудированного гения. Я полагаю, будет достаточно справедливым сказать, что, за исключением более обширного, чем было обычным для английских поэтов пятнадцатого столетия, знакомства с классическими авторами и темами, и практичной, хотя вовсе не неизбежно гуманистической, заботы об английском языке, Лидгейт вероятно завещал своему более молодому поклоннику не много из того, что помогло бы ему пересечь порог ренессансной культуры⁶⁸.

Тем не менее даже такое поверхностное знакомство с классическими авторами является важным. Если ему не удалось сделать из Хоуза такого гуманиста, каким, например, был Мор, то оно дало ему для работы сырой материал и, вполне возможно, ответственность за ту неоспоримую свежесть, с какой он истолковывает старые

темы. Это также позволило ему войти в круг классицистов, работавших при дворе. Вполне вероятно, что именно благодаря этой группе, нежели унаследованному средневековому классицизму, он вынес сильное уважение к риторике как практическому инструменту для жизни в деловом мире, который составляет самую большую, также как и самую средневековую часть во всех других отношениях целиком традиционного толкования образования⁶⁹.

«Образованность» для Хоуза вещь не только приятная, но и плодоносная; и риторика является дисциплиной, делающей ее плодотворным.. Это инструмент, посредством которого «поэты», являющиеся одновременно хранителями практической мудрости и мастерами слова, должны делать свой общественный вклад. Именно благодаря им и тому, что они изучали «роковые проблемы древней старины», была установлена справедливость. Используя термин, еще не вошедший в обиход, именно они вели человечество от естественного государства к гражданскому обществу и правлению закона.

В эпоху беззаконья, в челне, бросаемом волнами,
Несовершенный плыл человек,
В просторе мира, на свободе,
Не знал порядка он, упорства он не ведал,
И вот риторы основу заложили правосудья,
Властителями всех людей простых
Назначив королей и дав достоинство им, чтимое высоко.

Тот челн, где кормчим правосудье и закон явились,
По волнам изменяющейся жизни вели его,
Злодейства многие и вред искореняя;
А те, кто стал противиться монарху своему,
Законом за их мятеж и лютую измену
Пусть примут смерть, как право с разумом велят.

Хвала и слава, честь великая падет пусть
На тех поэтов, кто в челне том правил.
Чье чистое и ароматное вино
Дало порядок нашему волненью,
Чьи знаменитые деяния, пример в веках,
Нас привели к порядку, милости и власти,
Позволив честно жить без огорчений.

Но те, кто туп и груб, и сыщется их много,
Презрят деяния их, за неимением просвещения, не постигнут,
И тщетно будут оскорблять и поносить,
Поскольку понимание сего им недоступно.
Они крадутся там, где нет сознания;
Тупы они настолько, что найти не могут
Достойное искусство истин постиженья⁷⁰.

Коротко говоря, поэты, благодаря обучению риторике, могли указать своим собратьям «пути добродетели, богатства и стабильности»⁷¹. И предмет, который они разъясняют остальным членам общества, это история и литература Древнего Рима, где «знатные язычники» бескорыстно трудились на пользу «общего блага» (*the comyn welthe*)⁷².

Так говорил Стефен Хоуз. И если эти слова звучат по-средневековому, то дух этот является духом тюдоровского гуманизма, чистого и простого. Он далек от реалистичного обсуждения общественных задач, которое характеризует так много произведений гуманистов третьего и четвертого десятилетия этого столетия. В самом деле, едва только были опубликованы «Веселые забавы», как Томас Мор уже стал последователем гуманистического образования, вышедшего далеко за пределы наивной убежденности Хоуза в «плодотворности» применения риторики к новой реалистической оценке современной ему Англии. Но она тем не менее представляет развитие в истории рыцарской мысли гораздо большего значения, чем ее вклад в историю художественной литературы. Ибо должно быть совершенно ясно, что Хоуз обращался к английской аристократии и джентри («O ye estates surmounting in nobleness»)⁷³ и что образование, которое он описывал так детально, определенно являлось прелюдией к получению рыцарского достоинства⁷⁴, а для успешного поклонника в диалоге Типтофта — путем к успеху.

Действительно, те места, где Хоуз говорит о книжном образовании, значительно шире его описаний обучения героя военным искусствам и рыцарским принципам, бывших самой сутью традиционных руководств по рыцарст-

ву⁷⁵. Мы прочитаем в слове «бунтари» намек на мятежи, столь часто оспаривавшие право Генриха VIII на корону, и таким образом обнаружим, что Хоуз расширил защитную функцию рыцарства для того, чтобы включить поддержку «новой монархии»⁷⁶, но не найдем в этом ничего нового. Новизна возникает скорее из соединяющихся предположений, лежащих в основе аллегории в целом, а именно из того, что рыцарь является воином только в одном аспекте своей деятельности, что он является личностью, обладающей первичным долгом перед всем государством просто как член правящего класса, и что обучение, даже самого традиционного рода, существенно для надлежащего выполнения этого долга. Он даже признает в качестве факта — не очень похвального факта, но тем не менее факта, — что у рыцаря также есть экономические интересы⁷⁷. Мало апологетов рыцарского идеала желали рассматривать этот факт, и некоторые, как, например, авторы «Книги о знатности», искренне сожалели о нем. Разочаровывающее решение героя в его более спокойные годы посвятить себя добыче денег является настолько же правильным с точки зрения социологии, насколько оно противоречило всем предрассудкам средневекового рыцарства⁷⁸.

* * *

Несмотря на то что ни один поэт-ученый не дал чего-то большего, чем просто видимость гуманизма во все еще в значительной степени рыцарском дворе Генриха VII, Эдмунд Дадли, пожалуй, лучше всех мог оценить ценность образования для жизни рыцарского класса. Читатель припомнит, что в начале успешного правления Дадли набирался опыта на службе в совете Генриха VII для того, чтобы предложить какой-либо реалистичный совет английской аристократии. В своем «Древе государства», полностью традиционном в других отношениях исследовании сословий, он советует правящему классу Англии заботиться об образовании своих сыновей так, чтобы они оказались способны, подобно добрым «хрис-

тианским рыцарям», служить не только церкви, но и государю и трудиться ради «процветания нашего народа и преуспеяния нас самих»⁷⁹. Для такой расширенной сферы рыцарской деятельности английские джентри, как он утверждает, были плохо подготовлены. «Поистине, опасаясь я, что аристократы и джентльмены Англии есть худшее явление, которое было бы возвращено в любом из королевств христианского мира». По этой причине, добавляет Дадли, дети простонародья выдвигаются на ответственные должности⁸⁰. Немного неясно, какой тип образования он считает подходящим. Он подчеркивает «образованность» в дополнение к добродетели как свою главную цель. Но ему не удается показать, как обучение может вылиться в процветание добродетели. Дадли довольствуется тем, что приписывает распространение «образованности» духовенству в университетах.

Эти институты, все еще являющиеся оплотами традиционализма для поколения Дадли и все еще предназначенные главным образом для людей, имеющих отношение к церковной организации, кажутся неперспективным местом, где мирянин мог бы получить образование того рода, к которому стремился. Но они все еще были единственным источником доступного высшего образования. Частичным исключением являлись Судебные Инны; и если джентльмены чаще посылали своих сыновей в последние, то существует определенная причина полагать, что мало молодых джентльменов пришли в университеты ради общего образования на протяжении середины и конца пятнадцатого столетия⁸¹. Сам Дадли посещал Оксфорд, возможно ради краткого обучения искусствам, перед тем как пойти в Судебные Инны⁸². Не раньше правления Генриха VIII английские джентри систематически начали просачиваться в Оксфорд и Кембридж, что под конец столетия стало походить на завоевание. К тому времени в основном признали принцип, что самое обширное из возможного книжного образования не было слишком широким для людей, которые должны были занять ответственные должности в светском обществе. Университетское образование даже само по себе могло служить обоснованием претензии на знатность в меняющемся социальном порядке елизаветинской Англии⁸³.

* * *

Между тем критика английской аристократии за верность устаревшему идеалу образования продолжала расти. Стефен Хоуз вновь и вновь ссылается на неучей и невежд, не могущих в своем неведении оценить тех жемчужин мудрости, которые перед ними мечут мастера «королевского искусства» риторики; и, поскольку его забота с самого начала и до конца была заботой о правящем классе, законно было бы предположить, что именно о них он более всего горюет⁸⁴. И это задолго до того, как для просвещенного писателя стало общим местом, почти стереотипом, ругать джентри, презиравшее образование «клерков».

Несмотря на то что, несомненно, остались многие, кто был неспособен оценить гуманитарное образование и кому не удалось усмотреть в нем даже практического средства самосохранения в обществе, больше не зависящем от защитной функции рыцаря, подобная критика, как указал Хекстер⁸⁵, все больше и больше ставится фактами под сомнение. Любой, кто пишет о реформе образования, по природе склонен рекламировать свое произведение, преувеличивая его необходимость. Но более чем вероятно, что в первые годы столетия такая критика была достаточно хорошо обоснованной. Частота, с какой Хоуз упоминает невежество вокруг себя и чувство, с которым он это делает, предполагают реальное недовольство. Есть также нечто очень убедительное в подробностях, с которыми Ричард Пейс в 1517 году рассказывает свою, теперь знаменитую, историю о джентльмене, во время дискуссии о гуманистическом образовании возразившем с горячностью подлинного варвара:

Все образованные люди — нищие... даже Эразм, наиболее образованный из всех них... Клянусь телом господним, я бы хотел, чтобы мой сын скорее повесился, чем учил грамоту. Ибо сыновьям джентльменов прилгествует дуть в горн хорошо, охотиться искусно и элегантно носить и направлять ястреба. А изугение грамоты следует оставить сыновьям простолюдинов.

На это Пейс отвечает, что, прибудь к королю иностранный посол, образованные сыновья простолюдинов будут призваны отвечать ему, а сыновья джентльменов окажутся способными только в горн дуть⁸⁶.

* * *

Об истории нового образования уже было сказано достаточно. Здесь необходимо сделать лишь несколько ссылок на величайших из тех, кто изменил образовательный идеал английских джентри. Именно в ранних работах Эразма и Мора новый идеал образования получил определенную скороспелую зрелость выражения. В своем «Орудии христианского воина» (*Enchiridion Militis Christiani*) (1501–1503) и в других отношениях ничем не примечательном «Воспитании христианского государя» (1516) Эразм ставит клеймо своего безмерного влияния на идеал гуманитарного образования для государя и правящего класса, образования, чьей первоначальной целью было такое знание, какое сделало бы возможным добродетельную жизнь, проводимую на службе обществу⁸⁷. Это был идеал, который, возможно, воспринимали оптимистичней в те годы, когда небеса все еще смеялись, а земля все еще ликовала в ожидании просвещенного правления Генриха VIII, чем после того, как Европа ввязалась в хроническую войну, и реализм Макиавелли показался более подходящим, чем *philosophia Christi*. Тем не менее это был идеал, чьи устремления были совершенно практичны, идеал, который за остаток столетия на деле оказал заметное влияние на образование английского джентльмена.

В «Утопии» (которая, кстати, появилась в тот же самый год, что и «Воспитание») Мор также рекомендовал гуманистическое образование. Его рассуждение в книге первой о благоразумии и обязанности образованного человека направить свою мудрость и знания на руководство государством особенно важно, поскольку демонстрирует, каким образом полностью средневековое общее место, что хорошее управление требует хорошего совета, было поставлено в новый контекст светского обучения и ренессансной культуры. Мор столкнулся лицом к лицу

с этой проблемой, поскольку сам испытывал затруднения, будучи деловым человеком, воспитанным на гуманитарной литературе, «философом», вовлеченным в выделяющую, но неблагодарную службу новой монархии⁸⁸.

Именно в этом контексте вопросы, характерные для рыцарской традиции, уже неуместны. На самом деле Мор мало что может сказать о рыцарстве как таковом. Кажется неоспоримым то, что и он и Эразм смотрели на рыцарские ценности с определенной степенью презрения. Эразм откровенно смеется над этим пережитком «варварских» Средних веков. Он сокрушается в «Воспитании», что «сегодня мы видим многих (мальчиков) получающих удовольствие от историй об Артуре и Ланселоте»⁸⁹. И Мор разрабатывал образовательные теории Утопистов, которые совпадают с гуманистическим обучением, возможно, тем самым намеренно противопоставляя их рыцарскому воспитанию. Но здесь, как в вопросах войны и военной жизни, оба они примечательны скорее своей способностью игнорировать рыцарственность, чем своим сопротивлением ему, каким бы бессознательным ни было последнее. Протест Эразма против легенд о короле Артуре идет в основном от ощущения, что, кроме того что они дают пример правления, не более почтительного, чем пример древних тиранов, они «очень глупо сделаны, тупы и годятся лишь для того, чтобы быть «бабушкиными сказками», так что было бы более разумным читать комедии или легенды [древних] поэтов, вместо подобного вздора». Что касается Мора, то он заставляет нас выискивать его антирыцарский уклон почти что целиком между строк.

Можно утверждать, и с некоторым правдоподобием, что Мор привнес в свои рассуждения об образовании для граждан не только ценности, связанные с гуманитарным образованием, но и мировоззрение, типичное для лондонца среднего класса, от которого едва ли можно было ожидать, что он будет размышлять в терминах рыцарственности⁹⁰. Но Какстон, наиболее ревностный защитник рыцарского образа жизни в поколении, лишь ненамного более старшем, чем поколение Мора, имел такое же городское происхождение и был, если хотите, еще ближе к торговой деятельности большого города. Правда, мало кто из современников Мора мог столь полно освободить-

ся от традиционных привычек своего мышления. Тем не менее и «Утопия» отмечает начало новой эпохи, поскольку она появилась в интеллектуальной атмосфере, полностью отличной от атмосферы обманчиво рыцарского XV века.

Возможно, сэр Томас Элиот является даже более подходящим примером, чем Мор⁹¹. Он разделяет строго гуманистический уклон Мора, его заботу о государстве и убеждение в возможности возникновения интеллектуальной аристократии. Он, возможно, находился под личным влиянием Мора и косвенным — Эразма. Он действительно унаследовал мантию гуманизма Эразма. Но Элиот принадлежал к несколько более молодому поколению английских гуманистов. Он ближе, чем Мор, стоял к «государственным мужам», которые в результате поворота своего воспитанного на Платоне мышления к исследованию специфических английских проблем сделали общей особенностью широкой группы комментаторов то, что у Мора встречалось в виде исключения и в значительной степени было ограничено периодом, предшествовавшим «Утопии». Именно в том, как он применял гуманистические принципы к реальным условиям, заключается его самый весомый вклад, как и у Старки, Морисона и Хейлза. И возможно, ему было проще, чем Мору, оценить особые условия, которые оказывали влияние на сыновей сельских джентри. Он родился в землевладельческом классе, семье низшей аристократии, и, вероятно, рано столкнулся с теми обязанностями и проблемами, которые выпадали на долю молодого джентльмена в местном управлении. Сам он был мировым судьей и шерифом, а также активно участвовал в центральной администрации короля. Элиот знал, что значило для рыцаря быть призванным служить в качестве «правителя». Поэтому он, возможно, столкнулся ближе, чем Мор, с проблемой того, какое образование наиболее подходило сыновьям английских сельских семей. Их обоих приняли в рыцарский орден, и они оба — таково было теперь более, чем когда-либо невоенное, нефеодалное и в строгом смысле слова нерыцарское значение благородства — трудились на гражданской службе национального государства. Но Элиот родился в классе, для которого память о рыцарском прошлом все еще была свежа, и рыцарское

обучение и рыцарские удовольствия все еще сохраняли некоторую ценность. Соответственно он стремился в своей «Книге, названной Правитель» (1531) наметить для сыновей джентри образовательный идеал, который объединил бы все, что еще имело ценность в рыцарской традиции, с ценностями гуманизма.

Следовательно, Элиот прекрасно сыграет роль студента-выпускника, произносящего прощальную речь для этой главы — в действительности для всего этого исследования. Он особенно ясно отражал влияния, имевшие место в процессе формирования нового социального идеала. Сам он был прекрасным образцом нового рыцаря, чья сила находится скорее в его уме, нежели в его оружии, чье перо было, по крайней мере, так же могущественно, как и его меч; образцом гораздо большего служения обществу. Элиот своим рыцарским достоинством был обязан больше общественной службе, совершаемой на гражданской должности, чем службе в качестве воина или полководца. В одном из своих малых памфлетов, в рамках аргументации против тех немногих, кто все еще считал, что забота о делах духовных «не к лицу рыцарю и еще менее шерифу», он формулирует новое понятие рыцарства с замечательным своеобразием:

Рыцарь признал, что гость не только в том, чтобы защищать с мечом в руках веру Христову и свою подлинную родину против тех, которые оспаривают одно или посягают на другое: но также, и это наиболее важно, посредством своего достоинства (если оно используется там, где следует, и оценивается так, как должно) ему следует более эффективно со своим образованием и разумом истреблять порок и заблуждение, наиболее пагубных врагов христиан, имея в дополнение к своему мечу и копыю свой язык и свое перо⁹².

Он представляет двоюродного брата Рыцаря в «Обсуждении Благосостояния» Хейлза. Он убежденный приверженец аристократического принципа. К тому же Элиот трогательно и глубоко верит в добродетели гуманистического учения как «знания, которое создает мудрецов», и в самого мудреца как подлинного советника правителей и исполнителя гражданской власти. Он проповедовал, и в себе осуществлял, объединение *vita activa*

(жизни активной) и *vita contemplative* (жизни созерцательной), бывшее идеалом вдохновенных Платоном гуманистов Англии. Более того, Элиот был слугой своей «подлинной родины». Гуманистическое образование и новая мудрость, которые, как он надеялся, дадут такую возможность, предназначены для того, чтобы сделать Англию «равнозначной по своему общественному благосостоянию грекам или римлянам»⁹³ Образование, которое он предписывает молодым джентльменам, необходимо для того, чтобы гарантировать, что «во всем мире, в других государствах нельзя будет обнаружить таких знатных и достойных советников»⁹⁴.

Именно это более, чем что-либо еще, отделяет новый социальный идеал от старого. Элиот хотел обучать своего молодого джентльмена военным искусствам и придворным манерам, хотя он и предпочитал любезную гуманистам изысканность, уже ставшую популярной на континенте Кастильоне, не столь ярким достижениям средневекового рыцаря. Но он должен выделяться именно своим вышколенным мышлением, должен быть способен отдать свою мудрость на службу национальному государству и жаждать это сделать. Элиот, таким образом, объединяет все то, что было достойно сохранения из рыцарского обучения, с идеалом итальянского «придворного» и подчиняет и то и другое идеалу образования, в котором добродетель и мудрость рождались благодаря изучению античных авторов и направлялись на службу национальному обществу, считая это своей основной целью. После его поколения было невозможно оживить средневекового рыцаря — тяжеловооруженного всадника, чей первоочередной долг состоял лишь в защите общества, истинного рыцаря на службе святой церкви, своему господину и своей даме, обходительного прелюбодее, «странствующего» в поисках приключений и славы, землевладельца, который оставил все формы обучения, кроме легчайших, клирикам — не впадая в сознательный и исторически обманчивый архаизм. В «правителе» Элиота социальная теория еще раз вошла в практическую взаимосвязь с социальной реальностью. В этом персонаже средневековое рыцарство исчезает как таковое, а все еще действующие его элементы поглощаются новым и гораздо более веским образованием.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трудно не сделать вывода, что, при всей своей очевидной завершенности, при своей несомненной жизнеспособности, в рыцарской мысли конца пятнадцатого столетия было что-то причудливое и упадочное. Подобно любой Золотой осени, она была иллюзией, имеющей мало отношения к действительной смене сезонов. Иллюзия, конечно, тоже является исторической реальностью; иллюзия, широко культивируемая, и вовсе может стать исторической силой отнюдь не второстепенного значения. Нет сомнений в искренности, с которой множество людей в те дни искали в заново рожденной рыцарственности насущно необходимое руководство для персонального поведения и ориентира в общественной жизни. Тем не менее эти люди все больше искали уверенности в рыцарском стереотипе. До тех пор пока классическое знание не было истолковано в отличных от феодального общества условиях и в значительной степени освобождено от допущений, обычных для средневековой мысли; до тех пор пока пример классической древности не стали изучать в историческом ракурсе более корректно, чем на это обычно был способен средневековый ум, не существовало ни другой системы ценностей, ни другого источника вдохновения, ни другого «примера», помимо примера рыцарственности. Даже перемены, характеризующие само общество, несмотря на то что они долгое время способствовали распаду и преобразованию рыцарского идеализма, находились внутри интеллектуальной моде-

ли, которой они больше не соответствовали, подчиняясь целям данной системы мышления.

По-видимому, на самом деле мало кто понимал, насколько неадекватными стали традиционные ценности. В любом случае мало кто прямо критиковал эту систему. Проповедники на протяжении поколений осуждали неспособность рыцаря жить согласно идеалам своего сословия; но они редко критиковали сами идеалы, в которых встречались мирские элементы: например, поиск личной славы не низводился до греха. Подобно Чосеру, который в своем сэре Топасе высмеивал упадочное рыцарство, но все еще изображал в своем Рыцаре саму модель рыцарской добродетели, англичанин позднего Средневековья легко критиковал искаженную форму, но не содержание, которое охраняло сам идеал.

Наиболее эффективной интеллектуальной силой конца пятнадцатого столетия, направленной против рыцарского идеала, был дух лишенного доктринерства реализма, практичности и здравого смысла, становившийся все более явным в политической литературе того времени — в которую входили, что достаточно парадоксально, работы таких апологетов рыцарского образа жизни, как Какстон. Это дух «Краткого трактата об английской политике», где проводится пронизательный анализ возможного величия Англии с точки зрения экономической политики, а не рыцарского шовинизма. Это дух Фортеस्कью и в некоторой степени Джорджа Эшби, которые по окончании гражданских войн попытались проанализировать состояние Англии с точки зрения реорганизованного административного аппарата, а не рыцарских добродетелей. Эти люди игнорировали рыцарскую систему и дали молчаливое подтверждение ее неспособности удовлетворить их умы. С другой стороны, их французский современник, Коммин, человек, чья способность к реалистичному анализу отличается еще большей пронизательностью, порой находит необходимым признать существование рыцарского склада ума и совершать косвенные нападки на него. Его антирыцарское *obiter dictum*, «qui a le prouffict de la guerre, il en a'honneur»*, будет

* Имеющий выгоду от войны, имеет и честь (франц.).

почти в той же степени применимо к политике, защищаемой в «Книге о знатности», как и к превратностям франко-бургундской политики, к которой она фактически относилась. Тем не менее ни один англичанин конца XV века не чувствовал необходимость выносить столь макиавеллиевское суждение.

При оценке этих последних выражений английской рыцарской мысли мы постоянно должны помнить, что рыцарский идеализм жил в Англии дольше, чем во Франции, даже несмотря на то что во Франции рыцарские формы продолжали существовать дольше, чем в Англии. В Англии он стал идентифицироваться с грубым, полупфеодальным патриотизмом. Ему позволили питаться памятью об успешных компаниях Эдуарда III и в особенности о блистательных победах Генриха V. Он не страдал, как во Франции, от слишком тесной связи с эпохой национального унижения или с опрометчивыми действиями недисциплинированной и фракционной аристократии. Поражение английских армий в поздние периоды Столетней войны и призрак внутренней анархии, который витал на протяжении Войны Роз, — оба пришлось на тот момент, когда рыцарский идеализм в Англии сделался достаточно изолированным от практических дел, что позволило ему сохранять атмосферу респектабельности независимо от того, что его предполагаемые приверженцы могли бы сделать для его дискредитации. В Англии рыцарское звание сравнительно рано перестало быть необходимой предпосылкой для общественной службы, будь то военная или гражданская, и рыцарские ценности, в которых оно находило свое идеальное выражение, вместе с ним к середине пятнадцатого столетия достаточно отошли от беспокойного мира.

Есть в этом другой парадокс, и не последний из тех, которые постоянно преследуют возможного толкователя этой переходной эпохи. Рыцарственность могли воспринимать всерьез как систему абстрактных идеалов спустя долгое время после того, как реалии английской жизни представили бы их устаревшими для современников, потому что рыцарственность уже в это время потеряла тесную связь с этими реалиями. Возможно, англичане всегда были способны сохранять преемственность своих тради-

ций именно благодаря такому бессознательному разделению идеала и действительности. В любом случае апологеты рыцарственности пятнадцатого столетия сумели подойти к своему предмету в духе практического гражданства, полностью свободного от цинизма и сознательного реализма своих французских соседей. И те, кто подобно Фортескью в некоторой степени разделяли такой реализм, если не цинизм, по-видимому, вовсе не чувствовали нужды признавать существование рыцарственности.

Очевидно, что к началу правления Генриха VIII атмосфера, в которой существовали английские убеждения, претерпела сезонное изменение. Несмотря на случайные порывы, врывающиеся из предшествующей эпохи, Золотая осень для английского рыцарства закончилась. Она прошла без штормов. За исключением проблемы образования, где, несомненно, некоторые реакционеры, подобные старому варвару Ричарда Пейса, противостояли интеллектуалу, которого они не могли ни понять, ни уважать, английский правящий класс, кажется, оставил без борьбы и практически без сожаления попытку сохранить идеалы рыцарственности позднего Средневековья как органичную систему ценностей. Продемонстрировав практическую приспособляемость, характеризовавшую многое из того, что происходило в эти ранние стадии английского Ренессанса, английский джентльмен сохранил элементы рыцарского идеализма, придававшие его жизни достоинство и значение и вызывавшие его эмоциональный отклик — иначе говоря, те аспекты, которые, начиная со Средних веков, получили универсальное признание среди западных народов: например, идеал чести, желание славы, будь то личная или национальная, идеализация женщины, романтическая склонность к легендам «эпохи рыцарства». С равной приспособляемостью он принял тот факт, что рыцарственность как система ценностей для правящего класса более не могла его удовлетворять. Джентльмен принял своим долгом участие в гражданских делах государства, а не только службу в его вооруженных силах; и он принял книжное образование как необходимую предпосылку для этого.

Также он по большей части смог (и это являлось для него большим шагом вперед) преодолеть привычку помещать между собой и обществом, на благо которого он трудился, кривое зеркало рыцарственности.

Многое из влияния этого тонкого, но важного изменения в подходе должно было дойти до гуманистов, которые создали интеллектуальную среду, более подходящую для нужд нового общества, и в то же время среду, в рамках которой рыцарский идеал имел мало практического значения. Гуманизм правления Генриха VIII и правления его сына олицетворял особенно резкий разрыв с рыцарской традицией; или, говоря точнее, эти по существу гуманисты эразмова круга стремились к радикальному изменению интерпретации христианской традиции в свете дофеодальной, классической, в целом платонической культуры, для которой ценности рыцарственности являлись в высшей степени неуместными. Английское общество и мысль были не в восторге от того, что в этом новом свете проявились их закостенелые очертания, но никогда больше окультуренный англичанин не мог забыть то, что он увидел. Однако события этому также способствовали. На протяжении половины столетия англичане были заняты восстаниями и экономическими кризисами внутри страны, войнами, ересями и необычными событиями за ее пределами. Их мир фактически стал новым миром, в котором средневековому рыцарю вовсе не было места. События также усиливали тенденцию, уже наметившуюся в предыдущую эпоху, применять к английским проблемам анализ, основанный на опыте и здравом смысле и на признании сложностей гражданского управления. И поэтому комментарий тюдоровского «милитариста» прямо помещался в национальный контекст, почти полностью свободный от рыцарского предположения, что аристократия составляет исключительно военный класс.

Когда, с восстановлением при Елизавете национальной гордости и общественного порядка, авторы снова стали искать вдохновения (и в какой-то степени политическую пропаганду) в легендах о дворе короля Артура, и когда елизаветинская аристократия искала в рыцарском кодексе этическую форму для жизни в новом

и сумасбродном обществе, их попытка была порой действительно ностальгической, подлинно романтической, а временами даже легкомысленной попыткой воссоздать дух безвозвратно ушедшего прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

¹ См., в частности: Fritz Caspari, *Humanism and the Social Order in Tudor England* (Chicago, 1954); Ruth Kelso, *The Doctrine of the English Gentleman in the Sixteenth Century* (Urbana, 1929); J. E. Mason, *Gentlefolk in the Making* (Philadelphia, 1935). Для сравнения см.: W. L. Wiley, *The Gentleman of Renaissance France* (Cambridge, Mass., 1954).

² Хотя английская рыцарственность проигрывала в соревновании с более прочной и изощренной версией, развитой во Франции, несколько очень полезных работ о рыцарском идеале были сделаны и в Англии, особенно в XIII и XV веках. В особенности см.: Bruce McCully, *Chivalry and Romance in Fourteenth Century England* (Harvard diss., 1910); W. H. Schofield, *Chivalry in English Literature* (Cambridge, Mass., 1925); Kurt Lippmann, *Das ritterliche Persönlichkeitsideal in der englischen Literatur des 12 und 13. Jahrhunderts* (Leipziger diss., 1933); Dietrich Sandberger, *Studien über das Rittertum in England, vornemlich während des 14. Jahrhunderts* (Berlin, 1937). Некоторый свет на английские рыцарские идеи, так же как на идеи, общие для всей Западной Европы, проливает: *Chivalry*, ed. E. Prestage (New York, 1928). F. Warre Cornish, *Chivalry* (London, 1901) и Leon Gautier, *Le Chevalerie* (Paris, 1890) остаются, конечно, образцовыми работами по предмету в целом, но строго ограниченным в своем истолковании идей, особенно для Англии.

³ Обсуждение определений рыцарственности и рыцарства см.: F. J. C. Nearnshaw, «Chivalry and its place in History», *Chivalry*, ed. E. Prestage (New York, 1928), pp. 1–2.

⁴ E. K. Chambers, *English Literature at the Close of the Middle Ages* (Oxford, 1947), pp. 185, 195–197; H. S. Bennett, *Chaucer and the Fifteenth Century* (Oxford, 1947), p. 200; Alfred T. P. Byles, ed., in *The Book of the Ordre of Chyualry*, E.E.T.S., O.S., No. 168 (London, 1926), introd., pp. XXXVII–XXXVIII, в которой совершенно верно отмечено, что более поздние авторы, писавшие о рыцарстве, рас-

сма тривали период Крестовых походов как Золотой век Рыцарственности с позиций института, находящегося в явном упадке в это время; J. E. Housman, «Higden, Trevisa, Caxton, and the Beginning of Arthurian Criticism», *Review of English Studies* (July, 1947), pp. 209–217. В упомянутой последней работе автор ставит под вопрос искренность какстоновых словоизлияний по поводу рыцарского идеала.

ГЛАВА I

¹ К. В. McFarlane, «Bastard Feudalism», *Bulletin of the Institute of Historical Research*, XX (May and Nov., 1945), 161–180. Термин «ублюдочный феодализм» недавно подвергся жесткой критике со стороны тех, кто считает, что он уничижительно демонстрирует общество позднего Средневековья. См., например, обзор У. Х. Дангема (W. H. Dunham) в журнале *American Historical Review*, LXIII (Jan., 1958), pp. 387–388.

² Sylvia Thrupp, *The Merchant Class of Medieval London* (Chicago, 1948), p. 276. О связи рыцарского сословия с административными делами и управлением государством см. также: J. S. Roskell, *The Commons in the Parliament of 1422* (Manchester, 1954), chap. V, esp. pp. 92–95, а также: chap. VII; T. B. Pugh and C. D. Ross, «The English Baronage and the Income Tax of 1436», *Bulletin of the Institute of Historical Research*, XXVI (May, 1953), 1–28; F. M. Nichols, «On Feudal and Obligatory Knighthood», *Archaeologia*, XXXIX (1862/63), 189–244; H. L. Gray, «Incomes from Land in England in 1436», *English Historical Review*, XLIX (Oct., 1934), pp. 607–639.

³ См.: H. S. Bennett, *English Books and Their Readers, 1475–1557* (Cambridge, 1952), посвященную проблеме читательской аудитории.

⁴ Особенно его трактат *Governance of England*, ed. C. Plummer (Oxford, 1885).

⁵ *The Active Policy of a Prince*, in *George Ashby's Poems*, ed. M. Bateson, E.E.T.S., E.S., No.76 (London, 1899).

⁶ *Memoires de Philippe de Comynes*, ed. B. De Mandrot (3 vols.; Paris, 1901–1903) (см. русский перевод: Коммин, Филипп де. Мемуары/ Пер., статья и прим. Ю. П. Малинина. — М.: Наука, 1986). См. также: R. L. Kilgour, *The Decline of Chivalry as Shown in the French Literature of the Late Middle Ages* (Cambridge, Mass., 1937); W. J. Bouwsma, «The Politics of Comynes», *Journal of Modern History*, XXIII (Dec., 1951), pp. 315–328.

⁷ Nicholas Upton, *De Studio Militari* (написан до 1446 года, переведен Джоном Блаунтом около 1500 года), ed. F. P. Bernard (Oxford, 1931); *The Boke of Noblesse* (приписывается Уильяму Вустеру, см. главу V), ed. J. G. Nichols (London, 1860); перевод сэра Гилберта Хей трактатов Bonet, *Arbre des Batailles* и Lull, *Le Livre de l'Ordre de Chevalerie*, сделанный в 1456 году, опубликован в: *Gilbert*

of the *Haye's Prose MS.*, ed. J. S. Stevenson, Scottish Texts Society (2 vols.; Edinburgh, 1901–1914); *The Boke of the Ordre of Chyualry* (переведенная и напечатанная Какстоном около 1484 года), ed. A. T. P. Byles, вместе с копией того же оригинала, сделанной Адамом Лаутфутом в 1494 году, E.E.T.S., O.S., No. 168 (London, 1926). В переводы и публикации Какстона входят: *Fayettes of Armes and of Chyualrye*, ed. A. T. P. Byles, E.E.T.S., O.S., No. 189 (London, 1932); *The Declamation of Noblesse* (переведена Джоном Типтофтом около 1460 года и напечатана Какстоном в 1481 году), ed. R. J. Mitchell, John Tiptoft (London, 1938), Appendix I; *The Boke of St. Albans*, ed. W. Blades (London, 1881); *Knyghthode and Bataile* (1457–1460?), ed. R. Dyboski and Z. M. Arend. E.E.T.S., O.S., No. 201 (London, 1936); *The Epistle of Othea to Hector (or The Boke of Knyghthode)* (перевод Сефена Скрупа), ed. G. F. Warner (London, 1904); другой перевод *The Epistle* был сделан в конце XV или начале XVI столетия, опубликован под редакцией J. D. Gordon, U. of Penn. diss. (Philadelphia, 1942). Несколько трактатов о геральдике помещены в: Evan Jones, *Medieval Heraldry* (London, 1945); H. S. London, «Some Medieval Treatises on English Heraldry», *Antiquaries Journal* (July-Oct., 1953), pp. 169–183. К переводу Хеем Люля можно добавить также два шотландских трактата о рыцарстве: *The porteous of noblenes* (1508), S.T.S., 20120; *Buke of gude counsale to the king* (n.d.), S.T.C., 3307. Данный список не является полным. Для получения дополнительной информации, особенно о других версиях манускриптов, см. редакторские введения к указанным выше работам.

⁸ *The Pastime of Pleasure*, ed. W. E. Mead, E.E.T.S., O.S., No. 173 (1928).

⁹ Об отношении этого корпуса письменных свидетельств к рыцарской традиции см. более подробно в главе VI.

¹⁰ *The Works of Sir Thomas Malory*, ed. Eugene Vivaner (Oxford, 1947). См. список переводов Какстона, а также его личные редакторские комментарии в: *The Prologues and Epilogues of William Caxton*, ed. W. J. B. Crotch, E.E.T.S., O.S., No. 176 (1928) (далее Crotch).

¹¹ C. B. Millican, *Spencer and the Table Round* (Cambridge, Mass., 1932), pp. 7 ff.; Josephine W. Bennett, *The Evolution of «The Faerie Queene»* (Chicago, 1942), pp. 68–70.

¹² О Хоузе и его произведении «*Pastime of Pleasure*» см. главы II и VI.

¹³ *The Court of Love*, in W. W. Skeat, ed., *Chaucerian and Other Pieces* (Suppl. to Skeat, ed., *Works of Geoffrey Chaucer* (Oxford, 1894–1900)), pp. 409–447.

¹⁴ William Dunbar, *The Golden Targe*, in *Poems*, ed. J. Small (Edinburgh, 1893), II, pp. 1–11.

¹⁵ Gavin Douglas, *The Palice of Honour*, in *Works*, ed. J. Small (Edinburgh, 1874), I, pp. 1–82.

¹⁶ Robert Fabyan, *The New Chronicles of England and France*, ed. H. Ellis (London, 1811), p. 610. Более подробно об исторических

хрониках см.: C. L. Kingsford, *English Historical Literature in the 15th Century* (Oxford, 1913).

¹⁷ Tito Livio da Forli, *Vita Henrici Quinti*, ed. T. Hearne (London, 1716). [На книге имя значится как Frulovisi, Tito Livio dei. — Прим. ред.].

¹⁸ Caxton, *Ordre of Chyualry*, p. 123.

¹⁹ *The Chronicle of Froissart, translated out of French by Sir John Bourchier Lord Berners, annis 1523–1525*, ed. W. P. Ker (London, 1901–1903).

²⁰ H. S. Bennett, *The Pastons and Their England* (Cambridge, 1932), p. III and Appendix I; Thrupp, p. 249, and cf. pp. 161–163.

²¹ См.: Crotch, pp. CXX–CXXI. Cf. H. R. Plommer, *William Caxton* (London, 1925), pp. 104 ff., 144–145. См. также: Bennett, *English Books*, chap. I.

²² Например, *Sir Perceval, Sir Isumbras, Sir Eglamour, and Sir Degrevant*, all edited by J. O. Halliwell, Camden Soc., XXX (1844); *Sir Cliges, Lyfe of Romances* (Edinburgh, 1810); *Sir Firumbras*, ed. S. J. Herrtage, E.E.T.S., E.S., No. 34 (1879); *Sowdone of Babylone*, ed. Dr. Hausknecht, E.E.T.S., E.S., No. 38 (1881); *Torrent of Portyngale*, ed. E. Adam, E.E.T.S., E.S., No. 51 (1887); *Sir Ortuel*, ed. S. J. Herrtage, E.E.T.S., E.S., No. 35 (1880); *William of Palerne*, ed. W. W. Skeat, E.E.T.S., E.S., No. 1 (1867).

²³ Но см.: *ibid*, p. 97, где Какстон говорит, что большинство людей в Англии не знают французского языка.

²⁴ Дальнейшее развитие эта идея получила у: W. P. Ker's introduction to Froissart, I, X–XII.

²⁵ См. главу II.

²⁶ См. главу III.

²⁷ *Statutes of the Realm* (London, 1818–1828), II, 340. — цит. по: H. L. Gray, «Incomes from Land in England in 1436», *E. H. R.*, XLIX (Oct. 1934), 625. О происхождении понятия «джентльмен» см.: Sir George Sitwell, «The English Gentleman», *Ancestor*, I (April, 1902); A. W. Reed, «Chivalry and the Idea of a Gentleman», in Prestage, ed., *Chivalry*, p. 209.

²⁸ Ruth Mohl, *The Three Estates in Medieval and Renaissance Literature* (New York, 1933), p. 294; Thrupp, p. 295.

²⁹ Part I., ed. R. Morris, E.E.T.S., O.S., No. 57 (1874), pp. 126, 128, 130. Этой части общества уделено гораздо больше места у Труппа: Thrupp, pp. 295–297.

³⁰ Ed. W. Blades (London, 1881), «Liber armorium», sig. AI.

³¹ Ed. Florence Warren, E.E.T.S., O.S., No. 181 (1931), pp. 20, 22, 24, 26, 38, 40, 44, 54, 56. См. также: Thrupp., pp. 315–316.

³² *Ordre of Chyualry*, pp. 57–59, также Introduction, p. XXXIX.

³³ *Ibid*, p. 121.

³⁴ F. P. Barbard, ed., *De Studio Militari*, p. XII.

- ³⁵ О геральдике XV века см.: A. R. Wagner, *Heralds and Heraldry in the Middle Ages* (London, 1939).
- ³⁶ Ruth H. Cline, «The Influence of Romances on Tournaments of the Middle Ages», *Speculum*, XX (January, 1945), pp. 204–211.
- ³⁷ F. H. Cripps-Day, *The History of the Tournaments in England and France* (London, 1918), chap. V. В связи с темой вооружения см.: Claude Blair, *European Armour, 1066 to 1700* (London, 1959).
- ³⁸ G. Neilson, *Trial by Combat* (Boston, 1909), p. 203.
- ³⁹ Upton, pp. 9 и 16.
- ⁴⁰ J. J. Jusserand, *Les Sports et jeux d'exercice dans l'ancienne France* (Paris, 1901), p. 98.
- ⁴¹ Mitchell, chap. VII; Cripps-Day, pp. 70–71; F. P. Barnard, «Heraldry», in *Medieval England*, ed. H. W. Davies (Oxford, 1928), pp. 195–244, 232–237. Наиболее полное освещение данной темы см.: G. D. Squibb, *The High Court of Chivalry* (New York, 1959).
- ⁴² Опубликовано в книге: Cripps-Day, Appendix IV.
- ⁴³ Col. H. Walrond, «Archery», *Shakespeare's England*, ed. Sir W. Raleigh (Oxford, 1926), II, pp. 376–388.
- ⁴⁴ Cripps-Day, Appendix IV, p. XLIX.
- ⁴⁵ *Holinshed's Chronicles of England, Scotland and Ireland* (London, 1808), IV, 435–445. Очень важная информация о моде на различные проявления рыцарственности в царствование Елизаветы Тюдор содержится в работе: Sara P. Watson, «The Queen's Champion», *Western Reserve Bulletin*, N. S., XXXIV (Sept., 1931), 65–89; F. A. Yates, «Elizabethan Chivalry: The Romance of the Accession Day Tilts», *Journal of Warburg and Courtauld Insts.*, XX (1957), pp. 4–25.
- ⁴⁶ Cripps-Day, Appendix IV, p. XLIII.
- ⁴⁷ C. L. Schofield, *The Life and Reign of Edward the Fourth* (London, 1923), I, 418; Bentley, *Excerpta Historica*, p. 208.
- ⁴⁸ *Ordre of Chyualry*, p. 124.
- ⁴⁹ Cripps-Day, chap. VI; R. C. Clapham, *The Tournament, Its Periods and Phases* (London, 1919), chap. VI.
- ⁵⁰ См. стандартный подход к данной теме в работе: O. Cartellieri, *The Court of Burgundy* (New York, 1929).
- ⁵¹ Самая лучшая подборка свидетельств современников опубликована в работе: S. Bentley, *Excerpta Historica* (London, 1831), pp. 176–212.
- ⁵² Fabyan, p. 655.
- ⁵³ Bentley, pp. 223–240.
- ⁵⁴ *Ibid.*, p. 226.
- ⁵⁵ *The Historical Collection of a Citizen of London in the Fifteenth Century*, ed. J. Gardiner, Camden Soc., N.S., XVII (London, 1876), p. 238.
- ⁵⁶ Crotch, p. LXXX.
- ⁵⁷ См., например: *The Record of Bluemantle Pursuivant* (1471–1472), in Kingsford, *Hist. Lit.*, Appendix XV, especially pp. 380–381.

⁵⁸ Подробный анализ статуса и стремлений лондонского купечества, типичных представителей данного класса в целом, см.: Thrupp.

⁵⁹ См. примеры в: G. R. Owst, *Literature and Pulpit in Medieval England* (Cambridge, 1923), pp. 331–338.

⁶⁰ В: Thomas Percy, *Reliques of Ancient English Poetry*, ed. H. B. Wheatley (London, 1927), II, 17–28. Пародию на турнир Уильяма Данбара см. в: «The Tournament», Poems, II, pp. 122–126.

⁶¹ G. F. Jones, «The Tournament of Tottenham and Laffenhausen», *PMLA*, LXVI (Dec., 1951), 1123–1140. Cf. E. K. Chambers, *English Literature at the Close of the Middle Ages* (Oxford, 1947), pp. 126–129.

⁶² «A Gest of Robyn Hode», *English and Scottish Popular Ballads*, ed. H. C. Sargent and G. L. Kittredge (Boston, ca. 1898), III, pp. 39–88.

⁶³ Kilgour, chaps. VIII and IX.

⁶⁴ См. главу II.

⁶⁵ См. главу II.

⁶⁶ См.: P. M. Kendall, *Richard III* (New York, 1955).

⁶⁷ *Hall's Chronicle* (London, 1809), pp. 515–533, esp. p. 520.

⁶⁸ Millican, pp. 22–24.

⁶⁹ Hall, pp. 605–622; см. библиографию данной темы в: Cripps-Day, pp. 115–118.

⁷⁰ Hall, pp. 519–522.

⁷¹ См. дискуссию о присутствии ренессансных элементов в данных декорациях в: J. Lees-Milne, *Tudor Renaissance* (London, 1951), pp. 23–25.

⁷² Hall, pp. 605–622.

⁷³ C. L. Kingsford, ed., *The First English Life of Henry the Fifth* (Oxford, 1911).

⁷⁴ *Toxophilus*, introductory address, pp. XIV–XV.

⁷⁵ Эта концепция, безусловно, является хорошо известной благодаря тому, что Хейзинга применил ее (к несколько другим условиям) в «Золотой осени Средневековья». Хотя трудно проследить по источникам и таким образом доказать эту гипотезу, все же она весьма перспективна, и, я убежден, ее можно развить для того, чтобы прояснить многие непонятные явления английской мысли позднего Средневековья.

⁷⁶ M. M. Postan, «Some Social Consequences of the Hundred Years' War», *Economic History Review*, XII (1942), 1–12, 10. См. также: Postan, «Revisions on Economic History IX — The Fifteenth Century», *Ec. Hist. Rev.*, IX (May, 1939), pp. 160–167.

⁷⁷ *Ibid.*, p. 1. McFarlane, «Bastard Feudalism».

⁷⁸ В настоящий момент (1960 г. — *Прим. ред.*) автор занимается подготовкой рукописи по данной теме.

⁷⁹ A. B. Ferguson, «Renaissance Realism in the 'Commonwealth' Literature of Early Tudor England», *Journal of the History of Ideas*, XVI (June, 1955), 287–305. Cf. Caspari, pp. 114–115, здесь автор дис-

кутирует с Алленом по данной теме, делая особое ударение на платоническом элементе в идеале государства. J. W. Allen, *A History of Political Thought in the Sixteenth Century* (London, 1928), p. 134.

⁸⁰ *William of Worcester's Collections*, ed. J. Stevenson, in *Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth*, Rolls Series (London, 1864), Vol. II, Part II.

⁸¹ *Political Poems and Songs*, ed. Thomas Wright, Rolls Series (London, 1861), II, 69.

⁸² Crotch, pp. 14–15 к данной главе.

⁸³ См.: прим. 4 и 5 к данной главе.

⁸⁴ Wright, II, 282–287. Cf. *The Libelle of Englyshe Polycye*, ed. G. Warner (Oxford, 1926).

⁸⁵ *Worcester's Collection*, pp. 575–585, 723–730. Обратите особое внимание на его замечание (p. 585), что необходимо охранять море, и его убежденность в связи между торговлей и военной стратегией.

⁸⁶ В настоящее время (1960 г. — *Прим. ред.*) автор работает над подготовкой рукописи по данной теме. См. также: G. R. Owst, pp. 210–470.

ГЛАВА II

¹ Взгляды Гауэра на место и функцию рыцарского класса можно найти в *Mirror de l'Omme*, in *Works*, I, lines 23593–24180; *Vox Clamantis*, in *Works*, IV, Liber V, chaps. I–VI, Liber VII, chap. III; *In Praise of Peace* in *Works*, III, pp. 480–492.

² Особенно см.: *Vox Clamantis*, Liber VI, chaps. XII–XIV, и *In Praise of Peace*, pp. 480–492.

³ *Ordre of Chyualry*, pp. 122–123.

⁴ *Ibid.*, pp. 124–125. В связи с патриотическим уклоном Кастона, возможно, стоит вспомнить его утверждение, что «всем англичанам надо бы знать выгоды и богатства (Британских островов)». Crotch, p. 40.

⁵ Crotch, p. 105. Cf. Epilogue to *Godefroy of Bologne*, *ibid.*, p. 48. Смотри также Eugene Vinaver, *Le Roman de Tristan et Iseut dans l'oeuvre de Thomas Malory* (Paris, 1925), pp. 139–140. Смотри также интересную трактовку дидактических целей, лежащих в основе средневекового рыцарского романа: M. Markman. «The Meaning of *Sir Gawain and the Green Knight*», *PMLA*, LXXII (Sept., 1957), pp. 574–586.

⁶ *Ibid.*, p. 94.

⁷ Caspari, chap. VII.

⁸ Housman, «Beginnings of Arthurian Criticism», pp. 209–217.

⁹ См., например: Prol. to *History of Jason*, Crotch, p. 33; *Ordre of Chyualry*, pp. 121–122. Также см.: Dyboski and Arend, eds., *Knyghode*

and *Bataile*, introd., pp. XXIX–XXX, в котором акцент делается на том, что автор старается перевести латинские термины Вегеция (Vegetius, см.: Флавий Вегеций Ренат, Краткое изложение военного дела// Вестник древней истории. — 1941. — № 1) в рыцарские эквиваленты.

¹⁰ Crotch, p. 66. Cf. *Oeuvres de Froissart*, ed. M. le baron Kervyn de Lettenhove (Brussels, 1867–1877), II, 8. Как отмечает Г. С. Беннет (H. S. Bennett, *English Books and Their Readers*, p. 123), ренессансные писатели в Англии имели привычку цитировать или пересказывать высказывания Цицерона по этому поводу: «История является описанием прошедших времен; светом истины; путеводительницей в жизни; хозяйкой памяти; посланницей древности».

¹¹ Crotch, p. 66.

¹² *Ibid.*

¹³ См. прим. к главе I, сноска 33. Описание подвигов Бошама находится под заголовком: *Pageant of the Birth Life and Death of Richard Beauchamp Earl of Warwick*, ed. Viscount Dillon and W. H. St. John Hope (London, 1914); смотри также Cline, «Influence of Romance on Tournaments», p. 210.

¹⁴ *Lydgate's Troy Book*, ed. H. Bergen, E.E.T.S., E.S., XCVII (1906), Prol., lines 72–89.

¹⁵ Kingsford, *First Life of Henry the Fifth*, p. 65; Переводчик Ливия пишет, что после Азенкура он «отверг непостоянные народа восхваления».

¹⁶ *Ibid.*, pp. 83–86. Упоминания об этой примечательно лицемерной привычке (или самообмане?) см. у: Neilson, *Trial by Combat*, pp. 165 and 178; J. Huizinga, *The Waning of the Middle Ages* (London, 1927), pp. 91–97.

¹⁷ *Chroniques d'Enguerrand de Monstrelet*, ed. J. A. Buchon (Paris, 1826), III, 326. Смотри также: E. Duncan, *The Story of Minstrelsy* (London, 1907), pp. 91–97.

¹⁸ *Ibid.*, p. 344; *The Brut*, ed. F. W. D. Brie, E.E.T.S., O.S., № 136, Part II (1908), p. 379.

¹⁹ Ed. T. Hearne (London, 1716). О Ливии смотри: Kingsford, *Hist. Lit.*, pp. 52 ff.

²⁰ См., например, историю осады Кана у: Kingsford, pp. 83–95. Оценку государственного управления Генриха см. у: Edouard Perroy, *The Hundred Years' War* (New York, 1951), pp. 235–236.

²¹ *An English Chronicle*, ed. J. S. Davies. Camden Society, 1st Series, LXIV (1856), p. 93.

²² *Six Town Chronicle*, ed. R. Flenley (Oxford, 1911), p. 144.

²³ *Ibid.*, p. 147. См. также: Paul M. Kendall, *Warwick the Kingmaker* (New York, 1957), p. 50.

²⁴ Kendall, pp. 123–124. См. также: P. A. Jorgenson, «Alien Military Doctrine in Renaissance England», *Modern Language Quarterly*, XVII (March, 1956), pp. 43–49.

²⁵ Данные и жизни Мэлори см. у: E. Hicks, *Sir Thomas Malory, His Turbulent Career* (Cambridge, Mass., 1928); A. C. Baugh, «Documenting Sir Thomas Malory», *Speculum*, VIII (Jan., 1933), pp. 3–29; и предисловие Винавера к изданию работ Мэлори.

²⁶ W. H. Schofield, *Chivalry in English Literature* (Cambridge, Mass., 1925), pp. 89–93; Nellie S. Aurner, «Sir Thomas Malory — Historian?», *PMLA*, XLVIII (March, 1933), 362–391; Vinaver, *Works of Malory*, I, XXV, XIX–XXVIII. Cf. Другая точка зрения выражена у: Mary E. Dickmann, «Characterization in Malory's Tale of Arthur and Lucius», *PMLA*, LXV (Sept., 1950), 877–895; R. M. Lumiansky, «The Question of Unity in Malory's *Morte Darthur*», *Tulane Studies in English*, V (1955), 29–39. Этот вопрос связан с чисто критической проблемой формы и единства работы Мэлори и соответственно страдает от этого.

²⁷ *Works of Malory*, p. XXV.

²⁸ *Ibid.*, p. 1229. Перевод И. М. Бернштейн. Цит. по: Мэлори Томас. Смерть Артура: В 3 кн. — М., 1991. — Кн. 3.

²⁹ Подобные справки особенно многочисленны в более поздних книгах. См. также: Schofield, p. 93.

³⁰ *Pegeant*.

³¹ Vinaver, *Malory*, p. 3.

³² Сравни *Pageant*, который иллюстрирует его жизнь, прилагая даже миниатюры, очевидно предназначенные для аристократической публики, с версией историка в Национальном Биографическом Словаре (*Dictionary of National Biography*).

³³ Тут не место для развернутой библиографии по этому поводу. Среди недавних исследований следующие содержат большинство относящихся к делу библиографических ссылок: Lumianski: *op. cit.*; C. Moorman, «Malory's Treatment of the Sangreall», *PMLA*, LXXI (June, 1956), pp. 496–509. Эти дебаты концентрируются в основном на тезисе Винавера, сформулированном в его издании работ Мэлори, что Мэлори не собирався писать единую работу, а стремился обработать свой материал в восьми связанных, но независимых книгах.

³⁴ Vinaver, *Works of Malory*, p. XXVII.

³⁵ В дополнение к систематическому сравнению, проведенному Винавером в своем издании Мэлори, см. его: *Le Roman de Tristan et Iseut dans l'oeuvre de Thomas Malory* (Paris, 1925), Appendix.

³⁶ *Works of Malory*, pp. 613–614 and 1428.

³⁷ *Ibid.*, p. 1477.

³⁸ *Ibid.*, p. 581, lines 24–26; p. 1476.

³⁹ О Фастольфе см. статью в: DNB and in Kingsford, *The First English Life of Henry the Fifth*, pp. XII–XIII. Cf. Caxton-Lull, *Ordre of Chyualry*, p. 37.

⁴⁰ Этот момент обсуждается с полезными справками у: M. A. Gist, *Love and War in the Middle English Romance*, U. of Pennsylvania Diss. (Philadelphia, 1947), pp. 177–178.

⁴¹ *Works of Malory*, pp. 604–605, 1479–1480. См. также pp. 614, 1482; pp. 1436–1437.

⁴² Vinaver, *Malory*, pp. 64–66. Мог ли эпизод, описанный в *Works*, pp. 1104–1105, рассматриваться как юмористический? Cf. Schofield, p. 220. Чосер, конечно, способен был подшутить над упадочными рыцарскими романами в своей *Tale of Sir Thopas* (*Works*, IV, pp. 189–196), сохраняя тем не менее глубочайшее уважение к рыцарскому идеалу, о чем свидетельствует его трактовка Рыцаря и Сквайра в прологе к «Кентерберийским рассказам». См. также пролог к *Troilus and Cryseide*. Cf. C. S. Lewis, *The Allegory of Love* (Oxford, 1936), pp. 172 ff. Бесшабашная сатира о внешних атрибутах рыцарства содержится в балладе, известной как *The Turnament of Tottenham: or the Wooeing, Winning and Wedding of Tibbe, the Reeve's Daughter there*, in Thomas Percy, *Reliques of Ancient English Poetry*, ed. H. B. Wheatley (London, 1927), II, pp. 17–28. Вполне возможно, она имела не аристократическое происхождение; но: cf. G. F. Jones, «The Tournaments of Tottenham and Lappenhause», *PMLA*, LXVI (Dec., 1951), pp. 1123–1140.

⁴³ *Works of Malory*, pp. 1435–1436, referring to p. 419.

⁴⁴ *Ibid.*, pp. 270–271 и комментарий p. 1403. Cf. P. E. Tucker, «The Place of the 'Quest of the Holy Grail' in the *Morte Darthur*», *Modern Language Review*. XLVIII (1953), pp. 393–397. Такер предполагает, что Мэлори постоянно недоволен тем, что Ланселот все время исполняет роль традиционного рыцаря-любownika, поскольку это не соответствовало его сосредоточенности на «рыцарских деяниях и добродетельной жизни» как на цели подлинной рыцарственности.

⁴⁵ *Le Livre du Chevalier de la Tour-Landry*, ed. Montiglon, Bibliothèque elzevirienne (Paris, 1854), pp. 3–4. See Kilgour, pp. 108–122. Cf. S. Painter, *French Chivalry* (Baltimore, 1940), pp. 140–141. E. S. Bennett, *The Pastons and Their England*, chaps. III–V; в самом деле, английские писатели, по-видимому, часто умышленно умали роль рыцаря как любовника в пользу человека военной доблести и занимали строгую позицию в отношении женщин. См., например, Gower, *Vox Clamantis*, Liber VII, chap. III; cf. Kelso, *Doctrine*, pp. 85 ff. Также можно вспомнить насмешливую трактовку Какстона высказываний Сократа о женщинах, не включенных Риверсом в свой перевод. Crotch, pp. 22–28. Английские версии жизни Александра подчеркивали воинский аспект этих преданий в ущерб куртуазному. George Cary, *The Medieval Alexander* (Cambridge, 1956), p. 241.

⁴⁶ Hicks, chap. X.

⁴⁷ Gist, pp. 7–8.

⁴⁸ R. T. Davies, «Malory's 'Vertuouse Love'», *Studies in Philology*, LIII (July, 1956), pp. 459–469.

⁴⁹ *Works of Malory*, pp. 571 and 1473. См. также pp. 375 and 1445. Перевод И. М. Бернштейн. Цит. по: Мэлори Томас. Смерть Артура: В 3 кн. — М., 1991.

⁵⁰ *Ibid.*, pp. 831 and 1518. Перевод И. М. Бернштейн. Цит. по: Мэлори Томас. Смерть Артура: В 3 кн. — М., 1991.

⁵¹ См. его введение и примечания к *The Quest of the Holy Grail*.

⁵² О французском *Queste* см.: Albert Pauphilet, *Etudes sur la Quest del Saint Graal* (Paris, 1921).

⁵³ Об этом глубоко спорном вопросе см.: E. K. Chambers, *Sir Thomas Wyatt and Some Collected Studies* (London, 1933), p. 33; Vinaver, *Malory*, p. 84, and *Works of Malory*, pp. 1521 ff. Cf. Moorman; D. S. Brewer, «Form in the *Morte Darthur*», *Medium Aevum*, XXI (1952), pp. 14–24.

⁵⁴ См. также в: *Works of Malory*, p. 1074 пример от самого Мэлори. Возможно, также стоит припомнить, что подобным же образом Ланселот заканчивает свои дни как божий человек.

⁵⁵ DNB. См. также эпилог Какстона к *Cordiale y Crotch*, pp. 38–40.

⁵⁶ Если Винавер преувеличивает свой довод о светскости подхода Мэлори, то Мормен (*op. cit.*) заблуждается даже больше, следуя в противоположном направлении. Иначе говоря, тот же самый аргумент, который заставляет нас чувствовать некоторую неловкость по поводу позиции Винавера, делает вывод Мормена о том, что целью Мэлори было зафиксировать «взлет, закат и падение земной цивилизации» (p. 497), несостоятельным. Я никак не могу увидеть, в каком месте его работы, как утверждает Мормен (p. 497, notes 4), Такер, Бревнер и Льюис разделяют его точку зрения.

⁵⁷ Примеры предполагаемого контраста между безгрешным и земным рыцарем см. в: *Works of Malory*, pp. 863 and 948.

⁵⁸ О «непостоянстве» Ланселота, которое, по-видимому, особенно волновало Мэлори, см.: *ibid.*, pp. 948 and 1204 and p. 1551. Также см.: введение, p. LXXXVII. Cf. Moorman p. 503; Tucker, p. 394.

⁵⁹ *Works of Malory*, pp. 1523–1523.

⁶⁰ См. отчасти менее определенное утверждение: Vinaver, *ibid.*, p. 1522. Cf. Tucker, p. 396.

⁶¹ Рецензия на *Sir Thomas Wyatt and Some Collected Studies* by E. K. Chambers, *Med. Aevum*, III (1934), pp. 237–240, 249.

⁶² *Works of Malory*, pp. 1522–1523; p. 891 и комментарий, p. 1539. См. также p. 931 и комментарий на p. 1546; p. 934 и комментарий p. 1547; p. 945 и комментарий на p. 1549; p. 955 и комментарий на p. 1552; p. 1608; pp. 1276–1277. См. также: R. T. Davies «Malory's Lancelot and the Noble Way of the World», *Review of English Studies*, N.S., VI (Oct., 1955), pp. 356–364.

⁶³ См. также прекрасный анализ у: Pauphilet, pp. 27–84, об идеях автора и их месте в современной монашеской системе.

⁶⁴ Ed. G. F. Warner, Roxburghe Club (London, 1904).

⁶⁵ См. во многом сходную позицию, занятую Такером (Tucker), pp. 393 and 396–397.

⁶⁶ *Chaucer and the Fifteenth Century*, p. 200.

⁶⁷ *English Literature at the Close of the Middle Ages*, pp. 195–197.

⁶⁸ Bennett, p. 200.

⁶⁹ Примеры см. у: Gower, *Confessio Amantis*, lines 663–1088; *Vox Clam.*, Book VII, chaps. I and XXII (cf. Book VI, chaps. XIX–XXI); Lydgate, *Minor Poems*, II, 844–845. Иллюстрации в рукописях пятнадцатого столетия показывают, что художники были не лишены ощущения изменения, по крайней мере, во внешних атрибутах рыцарской жизни. J. G. Mann, «Instances of Antiquarian Feeling in Medieval and Renaissance Art», *Archeological Journal*, LXXXIX (1932), pp. 254–274.

⁷⁰ Bennett, p. 200. И. К. Чемберс (E. K. Chambers) также ссылается на преднамеренный архаизм в его возвращении к рыцарским материалам. *Sir Thomas Malory*, The English Association, Pamphlet № 51 (Jan., 1922), p. 3. Cf. Vinaver, *Malory*, p. 55 and chap. V, *passim*.

⁷¹ Биографические данные о Хоузе столь скудны, что мало что можно из них почерпнуть. Те же, что есть, можно найти в: W. E. Mead's введении к *The Pastime of Pleasure*, E.E.T.S., O.S., № 173 (1928), pp. XIII–XIX. Обзор более ранних исследований и критики, касающихся Хоуза, можно найти у: E. A. Burkart, *Stephen Hawe's The Pastime of Pleasure* (London, 1899). В том, что касается Бернерса, аристократа, воина, дипломата, администратора, ситуация совершенно иная. См.: DNB; Введение С. Л. Ли (S. L. Lee) к *The Boke of Duke Huon of Burdeux*, E.E.T.S., E.S., XL (1882). Другие критические обзоры можно найти в главе Д. Дж. Гримвуда (D. J. Greenwood) в *Cambridge History of English Literature*, II, pp. 332–340; R. M. Smith, *Froissart and the English Chronicle Play* (New York, 1915); W. P. Ker, ed., *The Chronicle of Froissart* (London, 1901–1903). I. XIV–XXXIV.

⁷² Murison, p. 228; C. S. Lewis, *The Allegory of Love*, p. 279; Mead, pp. XIX and XLIII.

⁷³ Mead, pp. XXXI–XXXIII.

⁷⁴ *Pastime*, lines 2985–2986.

⁷⁵ Mead, p. XIX; Lewis, p. 279; W. J. Courthope, *A History of English Poetry* (New York, 1920), p. 91; Cf. Murison, p. 228.

⁷⁶ L. Bradner, *Edmund Spenser and «The Faerie Queene»* (Chicago, 1948), p. 7 and pp. 71 ff.

⁷⁷ Автор рассматривает один из аспектов этой проблемы признания изменений в обществе в своей статье «Realism in the 'Commonwealth' Literature of Early Tudor England». Она остается проблемой, достойной более систематического исследования.

⁷⁸ См. обсуждение этого предмета в Starkey's *Dialogue*.

⁷⁹ См. блистательную трактовку этой традиции: C. S. Lewis в *Allegory of Love*.

⁸⁰ Berdan, pp. 74–92.

⁸¹ Roberta D. Cornelius, ed., *The Castell of Pleasure*, E.E.T.S., O.S., № 179 (1930), introd., pp. 43–50.

⁸² *Ibid.*, lines 29–49.

⁸³ Эта поэма была отпечатана Уинкином де Уордом (Wynkyn de Worde) (n.d.) и перепечатана для Роксбургского клуба Т. Ф. Дибдином (T. F. Dibdin) в 1818 году. Burkart, p. 11.

⁸⁴ *Pastime*, lines 5348–5382.

⁸⁵ Lewis, *Allegory*, p. 197.

⁸⁶ Gist, pp. 7–8; Davies «Malory's 'Vertuose Love'».

⁸⁷ Lewis, p. 197.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 282.

⁸⁹ См. ниже главу VI.

⁹⁰ *Froissart*, I, pp. 17–18.

⁹¹ *Ibid.*, pp. 3–7.

⁹² *Ibid.*, IV, pp. 3–4.

⁹³ Энтони Вудвиль, лорд Риверс, является прекрасным примером: в молодости — знаменитый рыцарь и воин, в более зрелые годы — дипломат и ученый и один из наиболее уважаемых покровителей и сотрудников Какстона. За исключением своего интереса к культуре ренессансной Италии, еще одним примером является Типтофт.

⁹⁴ *The Duke Huon* is available in the E.E.T.S. edition of S. L. Lee; see n. 71 above; *Arthur of lytell brytayne* (1555), S.T.C. 807; *Golden boke of Marcus Aurelius* (1535), S.T.C. 12436; *Castell of Love* (1540), S.T.C. 21740.

⁹⁵ *Arthur of Little Britain*, preface.

⁹⁶ Vinaver, *Works of Malory*, III, pp. 1276–1277.

⁹⁷ *Arthur of Little Britain*, preface.

⁹⁸ См. ниже главу VI.

ГЛАВА III

¹ См. очерк автора «Renaissance Realism in the «Commonwealth» Literature of Early Tudor England»

² *Ibid.* См. также, например, Thomas Starkey, *Dialogue between Cardinal Pole and Thomas Lupset*, ed. J. M. Cowper, E.E.T.S., E.S., XII, (1871), especially p. 21; Robert Crowley, *The Way to Wealth*, ed. J. M. Cowper, E.E.T.S., E.S., XV (1872), especially p. 132; Henry Brinkelow, *The Complaint of Rederyck Mors*, ed. J. M. Cowper, E.E.T.S., E.S., XXII (1874) especially p. 10; *Pyers Plowman's Exhortation, unto the Lordes, Knightes and Burgoysse of the Parlyamenthouse (1530)*, S.T.C. 199054; *Policies to reduce this Realme of Englande unto a prosperous Wealthe and Estate*, in *Tudor Economic Documents*, ed. R. H. Tawney and Eileen Power (London, 1924), III, pp. 312–345, especially, 312 and 345.

Противоположные мнения, предполагающие то, что в дела короля могут вмешиваться не все подряд, но лишь его собственный совет, также высказывались, и несут равно красноречивое свидетельство нового идеала гражданской деятельности; например, см.: Sir John Cheke, *The hurt of sedition* (1549), S.T.C. 5109, sig. FIII.

³ Sir Thomas Elyot, *The Boke of Gouvernour*, ed. H. H. S. Croft (London, 1880), especially Proheme, p. CXCII, Book III, p. 433. Cf. Elyot's *The Image of Governace* (1541), S. T. C. 7664, preface and sig. AIII. См. также: Caspari, chap. IV, и дальше, chap. VI.

⁴ Ed. E. Lamond (Cambridge, 1929). Мисс Ламмон привела существенное доказательство в пользу авторства Хейлза. Некоторые сомнения были высказаны Жаном Ивом ле Бланшу (Jean-Yves Le Branchu) в его *Ecrits notables sur la Monnaie* (Paris, 1934) и E. Hughes, «The authorship of the Discourse of the Commonweal», *Bull. John Rylands Lib.*, XXI (1937), pp. 167–175.

⁵ *Of Gentylnes and Nobylte*, ed. K. W. Cameron, in *Authorship and Sources of «Gentleness and Nobility»: A Study in Early Tudor Drama* (Raleigh, 1941). *The Weather*, in *Pre-Shakespearian Dramas* ed. J. Q. Adams (Cambridge, Mass., 1924), pp. 397–422.

⁶ См., например, его дискуссию с Земледельцем по поводу ренты и его жалобы на высокую стоимость поддержания «состояния» джентльмена, p. 19 and pp. 38 ff.

⁷ Его руководством, как полагает врач, был Берецкий. *Discourse*, p. 26, lines 24–25. О его военном опыте см.: p. 22, line 25, and p. 84, line 17.

⁸ *Gentylnes*, lines 36–39, 224–234,

⁹ *Discourse*, p. 12.

¹⁰ Одним из первых, кто развил такое толкование, был Дж. У. Аллен (J.W. Allen). См. его *History of Political Thought in the Sixteenth Century* (London, 1928), pp. 151–152. Также см. нашу работу: «Realism in the «Commonwealth» Literature».

¹¹ См. «Утопию» Мора, Книгу I, Starkey *Dialogue*, pp. 2–24.

¹² *Discourse*, p. 13, lines 1–3.

¹³ *Ibid.*, p. 110, line 20, p. 111, lines 2; cf. pp. 67 and 125.

¹⁴ *Discourse*, p. 10.

¹⁵ S.T.C. 6813. Заметьте, что термины «джентльмен» и «рыцарь» при использовании в практических целях были взаимозаменяемы. В «Обсуждении» Хейлза Рыцаря заставили представлять интересы «джентльменов» в целом. См., например, pp. 18 ff.

¹⁶ См. ниже, главу V.

¹⁷ S.T.C. 18110, sig. AIII.

¹⁸ *Ibid.*, conclusion.

¹⁹ См. также *ibid.*, sig. BV, где идея состоит в том, что каждый англичанин должен быть вооружен и готов защищать свою страну.

²⁰ Об этих людях см. W. G. Zeeveld, *Foundations of Tudor Policy* (Cambridge, Mass., 1948).

²¹ Об английском гуманизме XV века см.: R. Weiss, *Humanism in England during the Fifteenth Century* (Oxford, 1941), W. F. Schirmer, *Der englische Fruhumanismus* (Leipzig, 1931). Книга Каспари (Caspari) начинается с прекрасной главы о социальных и интеллектуальных основах английского гуманизма. В своей книге *John Skelton, Laureate* (New York, 1939), pp. 4–40, У. Нельсон (W. Nelson) привлекает внимание к значению группы гуманистов младшего поколения, которые были привлечены ко двору Генриха VII и чья репутация, возможно несправедливо, пострадала в сравнении с выдающимися фигурами Эразма и Мора. О раннем тюдоровском гуманизме см. среди других упоминаний об этом предмете, Caspari; D. Bush, *The Renaissance and English Humanism* (Toronto, 1939); Zeveloff.

²² Caspari, p. 15.

²³ См. ниже главу V. Также смотри: R. P. Adams, «Designs by More and Erasmus for a New Social Order», *Studies in Philology*, XLII (April, 1945), pp. 131–145.

²⁴ *Boke of Noblesse*, pp. 4 and 75. Майрон П. Гилмор (Myron P. Gilmore) обсуждает появление чувства анахронизма, давая ценные библиографические ссылки, в: «*Fides et Eruditio: Erasmus and the Study of History*», in *Teachers of History: Essays in honor of Lawrence Bradford Packard*, ed. H. S. Hughes (Ithaca, 1954), pp. 9–27.

²⁵ См., например, *The Minor Poems of John Lydgate*, Part II, ed. H. N. MacCracken, E.E.T.S., O.S., No. 192 (1934), pp. 627, 184 (line 92), and 811.

²⁶ *Ibid.*, p. 777, lines 41–42. Cf. p. 784. О «гуманизме» Лидгейта см.: Schirmer, *Lydgate*.

²⁷ *De Republica Anglorum*, ed. L. Alston (Cambridge, 1906) Book I, chap. XVIII. О вопросе заимствованиях Смита из «Описания Англии» Гарисона см.: *ibid.*, pp. XVI–XXI.

²⁸ Sir William Segar, *The Boke of Honor and Armes* (London, 1590), S.T.C. 22163, Book V, p. 19.

²⁹ S.T.C. 6142, sig. AIII.

³⁰ S.T.C. 5718. Пагинация этой копии неясна.

³¹ Спенсер, ссылаясь на политические сочинения Каспари (Caspari) (p. 205), говорит о неудаче, постигшей елизаветинских комментаторов при попытке сохранить тонкое понимание тех социальных сил, которые были очевидны в «Утопии» Мора.

³² Weiss, pp. 22 and 182.

³³ Thomas Fuller, *The History of the Worthies of England*, ed. P. A. Nuttall (London, 1840), I, p. 234.

³⁴ Nelson, pp. 8–9. Лучшим исследованием ренессансной дипломатической практики является книга: G. Mattingly, *Renaissance Diplomacy* (London, 1955). Особенно см.: pp. 55–63.

³⁵ См. в: Nelson, pp. 4–40, подробный рассказ об ученых при дворе Генриха VII.

³⁶ См., например: *Les Douze Triomphes de Henry VII*, in *Memorials of King Henry the Seventh*, ed. J. Gairdner, Rolls Series (1858).

³⁷ *Annales Henrici VII*, in *Memorials*, pp. 82 and 83–84. См. также ниже главу V. Возможно, Лидгейт смутно предвидел то, что Андре было ясно видно, т. е. важность мирной торговой политики. По крайней мере, так считает Шимер (Schimer): *Lydgate*, p. 202.

³⁸ Nelson, pp. 31–33.

³⁹ См. в: F. M. Padelford, *The Poems of Henry Howard, Earl of Surrey* (Seattle, 1928), pp. 83–85, упоминания самого Сюррея о своем образовании и юношеском окружении. Критический разбор его поэзии можно найти в: Bernard, chap. VI.

⁴⁰ *The Scholemaster*, in *English Works*, ed. W. A. Wright (Cambridge, 1904), pp. 230–231.

⁴¹ *Toxophilus*, in *ibid.*, pp. XIV–XV.

⁴² P. Smith, *Erasmus* (New York, 1923), p. 56. О религиозном аспекте рыцарской мысли в начале Средних веков см.: Painter, chap. III.

⁴³ См. ниже главу IV.

⁴⁴ См. ниже главу V.

⁴⁵ Особенно см.: C. B. Millican, *Spenser and the Table Round* (Cambridge, Mass., 1932); J. W. Bennet, *The Evolution of «The Faerie Queene»* (Chicago, 1942), chap. VI; E. Greenlaw, *Studies in Spenser's Historical Allegory* (Baltimore, 1932), chap. I. Использование артурианских материалов тюдоровскими хронистами было исследовано в: R. H. Fletcher, *The Arthurian Material in the Chronicles* (Boston, 1906), chap. XI.

⁴⁶ E. K. Chambers, *Arthur of Britain* (London, 1927), pp. 127 ff.

⁴⁷ Millican, chap. II.

⁴⁸ *Ibid.*, pp. 22 and 24; Bennet, chap. VI; Cripps-Day, chap. VI.

⁴⁹ *Memorials of Henry VII*, p. 44.

⁵⁰ *Polydore Virgil's English History*, ed. Sir H. Ellis, Camden Society, XXXVI (1846), I, 29. См. в Millican, chap. II, отчет о военных книг, которые были низвергнуты осуждением Вергилия.

⁵¹ Crotch, p. 93.

⁵² Bennett, pp. 64–65.

⁵³ 24 Henry VIII, c. 12.

⁵⁴ R. Koebner, «“The imperial crown of this realm”: Henry VIII, Constantine the Great, and Polydore Vergil», *Bull. Inst. Hist. Res.*, XXVI (May, 1953), pp. 29–52.

⁵⁵ Дальнейшее описание начала елизаветинского периода см.: Bennett, pp. 74–76.

⁵⁶ Особенно см.: Bennett, pp. 71–79.

ГЛАВА IV

¹ Например: *Select English Works of John Wyclif*, ed. T. Arnold (Oxford, 1869–1871), III, 145–146; John Wycliffe, *De Civili Dominio*, ed. I. Loserth (London, 1900), II, 253–254; John Gower, *Mirour de l'Omme*, lines 23593–24180, and *Vox Clamantis*. Liber V, chap. I, especially lines 1–18; John Lydgate, *Fall of Princes*, Part II, ed. H. Bergen, E.E.T.S., E.S., № 122 (1918) p. 233; Lull-Caxton, *Ordre of Chyualry*, pp. 14–42, and cf. И достаточно оригинальная версия книги Люлля в переводе Гилберта Хей (Hay, pp. 11–34). Данные источники являются наиболее характерными примерами, список этот можно продолжить.

² См.: Caspari, chap. VII, где дано подробное описание Сидни в данном аспекте.

³ *Allarme to England* (London, 1578).

⁴ Ferguson, «Realism in the «Commonwealth» Literature».

⁵ См. сноску 1.

⁶ Автор «Шута и правдивого рассказчика» (*Mum and the Sothsegger*) адресует свой памфлет, полный политической критики, «королю и лордам», R-fragment, prol., line 49. В «Зерцале» (*Mirour*) Гауэр посвящает отдельные главы рыцарям, королю и другим лордам. В «Гласе Вопиющего» (*Vox Clamantis*) он следует простому делению общества на духовенство, рыцарей и рабочих. Даже в «Зерцале», однако, он трактует знакомых нам Девять Героев (или Девять Достойных — Nine Worthies), безотносительно к их точному положению, как идеальные примеры рыцарства (lines 23869–23871). Cf. *Piers Plowman*, B-Prol., line 112.

⁷ См. ниже.

⁸ F. M. Stenson, «The Changing Feudalism of the Middle Ages», *History*, XIX (March, 1935), pp. 289–301, p. 299. Я обязан общей интерпретацией роли рыцаря в средневековой Англии следующим работам: R. F. Treharne, «The Knights in the Period of Reform and Rebellion, 1258–1267; A Critical Study in the Rise of a New Class», *Bull. Inst. Hist. Res.*, XXI (May and Nov., 1946), pp. 1–12; N. Denholm-Young, «Feudal Society in the Thirteenth Century: The Knights», *History*, XXIX (Sept., 1944), pp. 107–119; K. L. Wood-Legh, «Sheriffs, Lawyers, and Belted Knights in the Parliaments of Edward III», *E.H.R.*, XLVI (July, 1931), pp. 372–388; M. R. Powicke, «Distrainment of Knighthood and Military Obligation under Henry III», *Spec.*, XXV (Oct., 1950), pp. 457–470; H. L. Gray, «Incomes from Land in England in 1436», *E.H.R.* XLIV (1934), pp. 607–639; R. M. Nichols, «On Feudal and Obligatory Knighthood», *Arhaeologia*, XXXIX (1862–1863), pp. 189–224; J. S. Roskell, *The Commons in the Parliament of 1422* (Manchester, 1954); T. B. Pugh and C. D. Ross, «The English Baro-nage and the Income Tax of 1436», *Bull. Inst. Hist. Res.* (May, 1953), pp. 1–28.

⁹ Treharne, p. 5

¹⁰ См. версию Какстона, опубликованную под заглавием *The Boke of the Ordre of Chyualry*, pp. 14–46. О Люлле и его значении и в свое собственное время и в XV веке см.: *ibid.*, introd.; Painter, *French Chivalry*, pp. 76–84.

¹¹ *Ordre of Chyualry*, p. 30. Cf. *Boke of Noblesse*, p. 77. Лидгейт явно сохраняет раздельность функции в: *Fall of Princes*, Part I, pp. 223–224. Оноре Боне в своем *L'Arbre des Batailles*, переведенном и изданном Г. У. Коплендом (G. W. Coopland) под названием *The Tree of Battles* (Cambridge, Mass., 1949), p. 131, смешивает занятие юриста с занятием землекопа, винодела и животновода — каждое из которых приведет рыцаря к потере им его рыцарского статуса.

¹² См.: G. Mathew, «Ideals of Knighthood in Late Fourteenth-Century England», in *Studies in Medieval History presented to Frederick Maurice Powicke*, ed. R. W. Hunt et al. (Oxford, 1948), pp. 354–362.

¹³ Cf. S. B. Chrimes, *English Constitutional Ideas in the Fifteenth Century* (Cambridge, 1936), pp. 34–35.

¹⁴ Mathew, p. 360.

¹⁵ Rosskell, chap. V.

¹⁶ S. B. Chrimes, «“House of Lords” and “House of Commons” in the Fifteenth Century», *E.H.R.*, XLIX (July, 1934), pp. 494–497.

¹⁷ По этой теме см.: B. C. Keeney, «Military Service and the Development of Nationalism in England, 1272–1327», *Spec.*, XXII (Oct., 1947), pp. 534–549. Также смотри: N. B. Lewis, «The Organization of Indentured Retinues in Fourteenth-Century England», *Tr. Royal Hist. Soc.*, 4th Ser., XXVII (1945), pp. 29–39.

¹⁸ Rosskell, p. 92.

¹⁹ K. B. McFarlane, «Bastard Feudalism», *Bull. Inst. Hist. Res.*, XX (1945), 161–180. Cf. N. B. Lewis.

²⁰ О Хее и его отношении к Какстону см.: *Ordre of Chyualry*, introd., pp. XXXV–XLII.

²¹ Hay, p. 14; cf. *Ordre of Chyualry*, p. 19.

²² Hay, p. 15; cf. *Ordre*, p. 32–41.

²³ Hay, p. 28; cf. *Ordre*, p. 41–42.

²⁴ *Ordre*, p. 213. Cf. Lydgate, *Minor Poems*, Part II, ed. H. N. MacCracken, E.E.T.S., O.S., No. 192 (1934), p. 844.

²⁵ F. M. Powicke, *Henry III and the Lord Edward* (Oxford, 1947), II, pp. 689–690.

²⁶ Например, пролог Какстона к *Tullius of Olde Age*, Crotch, p. 41; пролог к *Book Callid Caton*, *ibid.*, p. 77. Cf. Lydgate's *Fall of Princes*, Book VIII, line 2760; *Boke of Noblesse*, pp. 57, 66, 75.

²⁷ *Ordre*, introd., pp. XXXVI–XXXVII.

²⁸ Например, *Boke of Noblesse*, pp. 57, 66, 75. Сэр Томас Смит смог это сделать в середине XVI века: *De Republica Anglorum*, Book I, chap. XVIII.

²⁹ Переведенная Какстоном как *the comyn prouffygght (the common profit)*, Crotch, p. 41. См. выше сноску 25.

³⁰ *Ordre*, p. XXXVII.

³¹ *Le Quadrilogue Investif*, ed. R. Bouvier (Paris, 1944), *passim*; особенно см. pp. 74–76. Для дальнейшего рассмотрения этого аспекта мысли Шартье см.: F. J. Hoffman, *Alain Chartier. His Work and Reputation* (New York, 1942), pp. 90–121, 145–168, 204–205.

³² См. Kilgour, *passim*, примеры упадка во французской рыцарской литературе того периода.

³³ В дополнение к отчетливо воспитательному и моральному уклону самого *Ordre of Chyualry* см., например: Upton, *De Studio Military*, pp. 7–8; *Boke of Noblesse*, pp. 183–184, 204, 209, 213, примеры обучения во французской литературе, в некоторой степени сформированные по античному образцу.

³⁴ Сидни Пейнтер (Sidney Painter) цитирует из Фруассара отрывок, который заслуживает повторения. По поводу мыслей Эдуарда III о прекрасной, но странно себя ведущей графине Солсбери, летописец рыцарства сказал вот что: «И также если он влюбится, это будет полным благом для него, его королевства и для всех рыцарей и сквайров, поскольку он будет больше проводить рыцарских поединков, турниров, совершать больше подвигов и устраивать пиров, чем он делал до этого; и он будет более умен и решителен в своих войнах, более дружелюбен и более доверчив к своим друзьям и более суров к своим врагам». *French Chivalry*, p. 141.

³⁵ Painter, p. 148.

³⁶ C. S. Lewis, *The Allegory of Love* (Oxford, 1936), chap. I.

³⁷ Kilgour, pp. 194–195.

³⁸ Treharne, p. 11.

³⁹ Keeney.

⁴⁰ R. S. Loomis, «Chivalric and Dramatic Imitation of Arthurian Romance», *Medieval Studies in Memory of A. K. Porter* (Cambridge, Mass., 1939), I, pp. 79–97; and «Edward I, Arthurian Enthusiast», *Spec.*, XXVIII (Jan., 1953), pp. 114–127; Cline, pp. 208–209.

⁴¹ B. J. Whiting, «The Vows of the Heron», *Spec.*, XX (July, 1945), pp. 262–278.

⁴² *The Complete Works of John Gower*, ed. G. C. Macaulay (Oxford, 1899–1902), III, pp. 480–492, especially lines 67–70, 115–161.

⁴³ Например: *Boke of Noblesse*, pp. 2–20; C. L. Kingsford, ed., *The First English Life of Henry the Firth*.

⁴⁴ B. Prol., lines 112–122; См. также B, VIII, lines 9–12; B, XI, lines 285–288; C, VI, lines 72–75. По-моему, самое исследование трактовки процитированных выше строк Ленгленда и проблемы *comune* в частности есть в: F. Donaldson, *Piers Plowman: The C-text and its Poet* (New Haven, 1949), pp. 94 ff.

⁴⁵ C, I, lines 139–146.

⁴⁶ B, VII, lines 161–172. Cf. B, VI, lines 21–24.

⁴⁷ См.: Ferguson, «The Problem of Counsel in *Mum and the Sot-hsegger*» (*Studies in the Renaissance*, II, 1955, pp. 67–83) для детальных ссылок на этот любопытный фрагмент.

⁴⁸ *Vox Clamantis*, Lib. III, lines 1–2.

⁴⁹ См., например, его истолкование торговцев и юридической профессии и в «Зерцале», и в «Гласе Воющего».

⁵⁰ В *Mirour*, pp. 256–267, Гауэр проводит различие, но не совсем отчетливо, между долгом крупных лордов и долгом рыцарей и тяжеловооруженных всадников; также его истолкование аристократии не слишком отлично от истолкования императоров и королей, которое предшествует этому. В «Гласе Воющего» он делает еще меньше различий, несомненно будучи к тому времени более озабоченным крестьянским сословием.

⁵¹ *Rotuli Parliamentorum*, IV, p. 419. Cf. J. S. Roskell, «The Social Composition of the Commons in a Fifteenth-Century Parliament», *Bull. Inst. Hist. Res.*, XXIV (1951), pp. 152–172, 171 n. 8.

⁵² См., например, *Minor Poems*, Part II, pp. 549, 627, 716, 776–777, 784, 811.

⁵³ *Rot. Parl.*, V, 35.

⁵⁴ Особенно см.: *The Governance of England*.

⁵⁵ См. ниже, глава VI.

⁵⁶ *Active Policy*, p. 38.

⁵⁷ Автор некоторое время проработал над изучением политической литературы того периода, ставя перед собой именно эту цель.

⁵⁸ *Twenty-six Political and other Poems*, ed. J. Kail, E.E.T.S., O.S., No. 124 (1904), poem XIII, lines 1–4.

⁵⁹ *Rot. Parl.*, IV, p. 419.

⁶⁰ *Ibid.*, V, p. 622.

⁶¹ *Original Letters Illustrative of English History*, ed. H. Ellis, 2nd Series (London, 1827), I, pp. 123–124.

⁶² Эта точка зрения, представленная Кендалем в его недавней биографии Ричарда III.

⁶³ Kilgour, *passim*.

ГЛАВА V

¹ Warner, ed., *Epistle of Othea to Hector*, pp. XLIII–XVLVIII; C. F. Buhler, ed., *The Dicts and Sayings of the Philosophers*, E.E.T.S., O.S., No. 211 (1941), pp. XXXIX–XLVI; K. B. McFarlane, «William Worcester: a Preliminary Survey», in *Studies Presented to Sir Hilary Jenkins*, ed. J. C. Davies (London, 1957), pp. 196–221.

² К. Б. МакФарлейн в статье, упомянутой в предыдущей сноске, рассмотрел проблему авторства в свете более свежих источников и сделал вывод, что Вустер был по всей вероятности единственным автором. Это идет вразрез с теорией Бюлера (Buhler), доказывав-

шего, что «Книга» была первоначально составлена Стефеном Скрупом, бывшим еще одним секретарем Фастольфа в течение некоторого времени приблизительно в середине столетия, и пересмотрена Вустером в 1475 году.

³ Warner, ed., *Epistole*, p. XLIV.

⁴ McFarlane, «Worcester», p. 198.

⁵ *Collection*, pp. 521–522.

⁶ *Ibid.*, p. 522. *Collection* не содержит никаких материалов из «философов».

⁷ *Ibid.*, pp. 522–523.

⁸ См., например, речь канцера в Парламенте 17 мая 1468 г., *Rotuli Parliamentorum*, V, pp. 622–623.

⁹ *Boke of Noblesse*, p. 2. Единственную серьезную трактовку этой работы как примера рыцарской мысли можно найти в: W. Kleineke, *Englishe Furthenspiegel vom Policraticus Johannis von Salisbury bis zum Basilikon Doron Konig Jakobs I* (Halle, 1937), pp. 145–151.

¹⁰ *Ibid.*, pp. 2–5, 9–10.

¹¹ *Ibid.*, pp. 5–6.

¹² *Ibid.*, pp. 22–26.

¹³ См. интерпретацию Жерсона и Шартье, особенно в: Kilgour, pp. 177–225. Также см.: Perroy, p. 48.

¹⁴ *Boke of Noblesse*, pp. 50–51.

¹⁵ Этот идеал спартанской дисциплины также окрашивает эпиграф Какстона к «Книге о Рыцарстве». См. также: Upton, *De Studio Militari*, pp. 7–8, 47.

¹⁶ *Boke of Noblesse*, pp. 4, 75.

¹⁷ *Ibid.*, pp. 22, 33, 79.

¹⁸ *Ibid.*, pp. 57, 66, 75.

¹⁹ *Ibid.*, p. 75. Ср. подобную жалобу у Лидгейта: Lydgate, *Minor Poems*, II, 845, lines 25–32.

²⁰ *Boke of Noblesse*, p. 78. Cf. Caxton-Lull, *Ordre of Chyualry*, p. 30.

²¹ *Collection*, p. 526; cf. p. 529.

²² *Boke of Noblesse*, pp. 79–80.

²³ *Ibid.*, pp. 81–83.

²⁴ *Ibid.*, p. 80.

²⁵ *Ibid.*, p. 81.

²⁶ *Ibid.*, pp. 30–31, 71–72; cf. *Collection*, p. 593.

²⁷ Наиболее полный отчет современника о вторжении и дипломатической подготовке к нему находится в: *Memoires de Philip de Comynes*, ed. B. de Mandrot (Paris, 1901–1903), I, pp. 268–326, и в нескольких предшествующих главах. См. наиболее всесторонний анализ источников в: C. L. Schofield, *The Life and Reign of Edward IV* (London, 1923), Vol. II, Book IV.

²⁸ *Litterae Cantuarienses*, ed. J. B. Sheppard, Rolls Series (London, 1889), III, pp. 274–285. См. по вопросу датировки этого документа, отнесенного Шеппардом к 1474 году, Schofield, p. 44.

²⁹ *Memoires*, I, pp. 325–326.

³⁰ *Ibid.*, I, pp. 286–390.

³¹ *Ibid.*, I, p. 319. См. также: Schofield, II, p. 147. Совсем недавний биограф Ричарда, П. М. Кендаль, оправдывает этот эпизод. *Richard III* (Chicago, 1955).

³² Schofield, II, pp. 145–146; Commynes, I, pp. 321–322, 328.

³³ Commynes, I, pp. 325–326.

³⁴ См.: *The Anglica Historia of Polydore Vergil*, ed. Denys Hay, with translation, Camden Society, LXXIV (London, 1950). См. также сноски 43–44.

³⁵ Hay, trans., p. 161.

³⁶ *Ibid.*, pp. 197–199.

³⁷ Возможно, Генрих обнаружил в лорде Бернерсе представителя политики военной авантюры. См. выше главу II. Там было высказано предположение, что Джон Скелтон использовал возможности своего положения в качестве наставника принца Генриха и позже в качестве придворного поэта для того, чтобы защитить и обосновать силовую политику по отношению к Франции. Н. L. R. Edwards, *Skelton, the Life and Times of an Early Tudor Poet* (London, 1949), p. 133; but cf. W. Nelson, *John Skelton, Laureate*, p. 137.

³⁸ Hall, pp. 516–522. См. выше главу I.

³⁹ C. L. Kingsford, ed., *The First English Life of Henry the Fifth* (Oxford, 1911). О «переводчике» и его отношении к своему оригиналу смотри издательское предисловие Кингсфорда (Kingsford) и его *Historical Literature in Fifteenth Century England*, pp. 64–68.

⁴⁰ *First English Life*, p. 4.

⁴¹ *Ibid.*, pp. 5, 92–93; cf. p. 45.

⁴² *Ibid.*, p. 18.

⁴³ См. выше главу II.

⁴⁴ Об отношении «Переводчика» к гуманистической историографии см.: Kingsford, *First English Life*, pp. XI–XIII.

⁴⁵ «In Praise of Peace», *Works*, III, 481–492; *Vox Clamantis*, Liber VII, line 283; Liber V, lines 485–486.

⁴⁶ Lines 155–161.

⁴⁷ *The Libelle of Englydhe Polycye*, ed. G. Warner (Oxford, 1926). Cf. Schirmer, *Lydgate*, p. 202.

⁴⁸ См. выше главу II.

⁴⁹ Wright, II, pp. 282–287.

⁵⁰ *The Poems of George Ashby*, ed. Mary Bateson, E.E.T.S., E.S., No. 76 (1899), pp. 12–41 *passim*, especially stanzas 97–98.

⁵¹ *The Tree of Commonwealth*, ed. D. M. Brodie (Cambridge, 1948), p. 50. Скелтон, чья врожденная пронизательность скрадывала небольшой рост гуманизма в его мышлении, отвратился в свои последние годы от шовинистической хвалы военной авантюры к умеренному утверждению этого самого взгляда, что война дорога

и нескончаема. William Nelson, *John Skelton, Laureate* (New York, 1939), p. 137.

⁵² Fabyan, p. 690.

⁵³ *Annales*, pp. 81–82. Cf. pp. 88 and 94.

⁵⁴ *Ibid.*, p. 84.

⁵⁵ *Vergil*, pp. 129, 147. Стефен Хоуз в *A Joyfull Medytacyon to All Englande* (1509) (S.T.C. 12953) говорит о ней как об общем мнении и стремится оправдать ее, предлагая невероятную теорию, что деньгами, скорее всего, запасались для того, чтобы финансировать войну против турков.

⁵⁶ *Ordre of Chyualry*, pp. 95–97. Этот момент обсуждается с полезными справками у: Gist, pp. 177–178. Также см. выше главу II.

⁵⁷ *Annales*, p. 84.

⁵⁸ *The History of Richard III*, in *The English Works of sir Thomas More*, ed. E. W. Campbell (London, 1931), I, 400; cf. 401–402. Схожая позиция прослеживается в одной из английских версий *Secreta Secretorum* позднего Средневековья. *Three Prose Versions of the Secreta Secretorum*, ed. R. Steele, E.E.T.S., E.S., LXXIV (1898), pp. 37–38.

⁵⁹ R. W. Chambers, *Thomas More* (New York, 1935), pp. 113–114. О влиянии Колея на Эразма см.: R. P. Adams, «“Erasmus” Ideas of his Role as a Social Critic ca. 1480–1500», *Renaissance News*, XI (Spring, 1958), pp. 11–16.

⁶⁰ Всестороннее и информативное, хотя несколько экзальтированное и недостаточно документированное, сообщение о пацифистских произведениях Эразма можно найти в: J. Chapiro, *Erasmus and our Struggle for Peace* (Boston, 1950). В этой книге есть также перевод *Querela Pacis. Dulce Bellum* была недавно издана и переведена на французский Ивонной Реми: Yvonne Remy and R. Dumil-Marquebreucq, Collection Hatomus, Vol. VIII (Brussels, 1953). Сейчас Р. П. Адамс (R. P. Adams) ведет важную работу по ранним тюдоровским гуманистам, см. его «Literary Thought on War and Peace in English Literature of the Renaissance», *Year Book of the American Philosophical Society*, 1955 (Philadelphia, 1956), pp. 272–277.

⁶¹ *Utopia*, ed. H. Osborne (London, n.d.) Book I, paragraphs 31, 42, 62, 80–87; Book II, paragraphs 231–250. Также см.: F. Caspari, «Sir Thomas More and *Justum Bellum*», *Ethics*, LVI (1946), pp. 303–308.

⁶² Cf. R. P. Adams, «Designs by More and Erasmus for a new Social Order», *Studies in Philology*, XLII (April, 1945), pp. 131–145.

⁶³ C. S. Lewis, *English Literature in the Sixteenth Century* (Oxford, 1954), p. 29.

⁶⁴ *Utopia*, ed. H. Osborne, pp. 96–106.

⁶⁵ *Ibid.*, p. 25–26.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 14.

⁶⁷ Турниры упоминаются в связи с браком Екатерины и принца Артура в 1501 г., но только мимоходом, Hay trans., p. 123. См. выше сноску 35; J. S. Brewer, *The Reign of Henry VIII* (London, 1884), I, 44.

⁶⁸ Vergil, pp. 269–271.

⁶⁹ *Ibid.*, pp. 187–189.

⁷⁰ *Ibid.*, p. 161.

⁷¹ Koebner, p. 35.

⁷² Например, *Hall's Chronicle*, pp. 605–622.

⁷³ *Vox Clamantis*, Liber VI, lines 709–714. Я использую прекрасный перевод И. У. Стоктона (E. W. Stockton) (Harvard diss., 1952).

⁷⁴ *Ibid.*, Liber V, lines 485–494.

⁷⁵ *Rot. Parl.*, V, pp. 622–623.

⁷⁶ Я полагаю, это и есть философия, подразумеваемая в речи, упомянутой в предыдущей сноске.

⁷⁷ *Litterae Cantuarienses*, III, pp. 274–285.

⁷⁸ *Ibid.*, Liber VI, chaps. XIII–XIV.

⁷⁹ *In Praise of Peace*, Works, III, pp. 480–492. О расходах на войну также см.: *Vox Clamantis*, Liber VII, chap. IV, lines 269 ff., и сноску 49 выше.

⁸⁰ *Troy Book*, Prologue, pp. 1–4, and Book II, lines 3366 to end. См.: Walter F. Schirmer, *John Lydgate, ein Kulturbild aus dem 15. Jahrhundert* (Tubingen, 1952), pp. 42–43. «On the Prospect of Peace», Wright, II, 209–215. См.: Schirmer, p. 75; cf. p. 202. См. также: *Lydgate's Minor Poems*, II, 556.

⁸¹ *Hoccleve's Works*, ed. F. J. Furnivall, III, E.E.T.S., E.S., No. 72 (1897), 188–196, *passim*. Об этих и других вопросах, относящихся к установкам пятнадцатого столетия в отношении мира, см.: R. P. Adams, «Pre-Renaissance Courtly Peace Propaganda», *Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters*, XXXII (1946), pp. 432–446.

⁸² «Address to Sir John Oldcastle», Works, I, pp. 8–24.

⁸³ G. R. Elton, *The Tudor Revolution in Government* (New York, 1953), Introd.

⁸⁴ Идеал «истинного и подлинного государства», процветавший среди памфлетистов раннего тюдоровского периода, был выражением этого чувства национального единства. Существовали те, кто настаивал на том, что долг каждого гражданина — заставить прислушаться к своему голосу в общем хоре жалоб и обсуждений политики. См., например, Robert Crowley, *The Way to Wealth*, ed. J. M. Cowper, E.E.T.S., E.S., No. 15 (1872), p. 132; Thomas Becon, *The Policy of War*, in *The Early Writings of Thomas Becon*, ed. J. Ayre, Parker Society (Cambridge, 1843), p. 235; *A Discourse of the Common Weal of this Realm of England*, ed. E. Lamond (Cambridge, 1893), p. 10–11. Richard Morison, в *An Exhortation to Styrre all Englyshemen to the Defence of Theyr Countrue* (London, 1539), sig. AIIII, подчеркивает этот долг каждого подданного в отношении обороны, как раз размышляя о возможности вооруженной нации, каждый мужчина которой экипирован и готов служить. См. также: *ibid.*, conclusion.

⁸⁵ S.T.C. 11402, sig. AIIII.

⁸⁶ См. выше главу II.

⁸⁷ Paul A. Jorgensen, «Alien Military Doctrine in Renaissance England». *M.L.Q.* XVII (March, 1956), 43–49. Обо всей теме елизаветинской военной жизни и мысли см.: *Shakespeare's Military World* (Berkley and Los Angeles, 1956) того же самого автора.

⁸⁸ Thomas Proctor, *Of the knowledge and conducte of warres* (London, 1578), S.T.C. 20403; Barnaby Rich, *Allarme to England* (London, 1578), S.T.C. 20978; Geoffrey Gates, *The defence of militarie profession* (London, 1579), S.T.C. 11683.

⁸⁹ Proctor (n. pag.)

⁹⁰ Особенно см.: Rich, sig. HIII; Gates, pp. 9–11.

⁹¹ Gates, p. 53.

⁹² *A right exelent and pleasant dialogue, Betwenw Mercury and an English souldier* (London, 1574), S.T.C. 20998. См. также: Jorgensen, *Shakespeare's Military World*, pp. 223–224.

⁹³ Gates, p. 18.

⁹⁴ См. выше главу III, сноску 27.

ГЛАВА VI

¹ Тракта́т Лю́лля был традиционным и, может быть, типичным. Сжатое изложение содержания книг по рыцарственности см.: James D. Gordon, ed., *The Epistle of Othea to Hector* (U. of Penn. dis., Philadelphia, 1942), introduct.

² Как сказал шотландский поэт начала XVI века, «Знать должна интересоваться только знатностью» («Nobilite suld mell but with nobilnes») *Buke of gude consale to the king* (Edinburgh, 1508). См. также: Wright, II, 244–245, в которой приводится пример Олдкас-ла, который осуждал занятия теологией, ибо «это не подобало занятиям благородных»; Kilgour, p. 105; Caspary, p. 80.

³ In *Metrical Romances*, ed. H. Weber (Edinburgh, 1810), II, 281–365, lines 54–55. См. также: Mathew, «Ideals of Knighthood in Late Fourteenth-Century England», pp. 361–362.

⁴ Ed. George H. McKnight, E.E.T.S., O.S., No. 14 (1866), lines 31–34.

⁵ E. G. *Ipomydon*, lines 56 ff. Cf. *The Geste of King Horn*, in *Metrical Romances*, ed. J. Ritson (London, 1802), II, 91–155, lines 234 ff.

⁶ *A Collection of Ordinances and Regulations for the Government of the Royal Household* (London, 1790), p. 45. Cf. *ibid.*, pp. 28–29.

⁷ *De Laudibus Legum Angliae*, ed. S. B. Chrimes (Cambridge, 1942), chap. XLV. О его рекомендации закона как предмета изучения для государей см. также: chaps. IV, V, VI. Cf. C. F. Arrowood, «Sir John Fortescue on the Education of Rulers», *Speculum*, X (October, 1935), pp. 404–410.

⁸ *Queene Elizabethes Achademy*, ed. F. J. Furnivall, E.E.T.S., E.S., VIII (1869).

⁹ Об этом см. у: J. H. Hexter, «The Education of the Aristocracy in the Renaissance», *Journal of Modern History*, XXII (March, 1950), pp. 1–20.

¹⁰ *Achademy*, p. 10.

¹¹ *Ibid.*, pp. 2–3.

¹² *Ibid.*, pp. 7–8.

¹³ *Ibid.*, pp. 3–5.

¹⁴ *Ibid.*, p. 11.

¹⁵ *Troy Book*, prol., lines 71–89.

¹⁶ Cartellieri, p. 67.

¹⁷ См. об этом в целом у Картильери (Cartellieri); также у: Huizinga, *Waning of the Middle Ages*.

¹⁸ Crotch, p. XCVIII.

¹⁹ A. T. P. Byles, «Medieval Courtesy Books and the Prose Romances of Chivalry», in *Chivalry*, ed. E. Prestage (New York, 1928), pp. 183–205, p. 186.

²⁰ *Ordre of Chyualry*, pp. 22–23. См. комментарий Painter, *French Chivalry*, pp. 81–82.

²¹ Одну из весьма немногочисленных ссылок на книги, в действительности признававшиеся рыцарем пятнадцатого столетия, можно найти в переписке Пастонов. См.: Bennett, *The Pastons and their England*, p. 111 and Appendix I. О грамотности и культурных интересах джентри смотри: H. S. Bennett, «Science and Information in English Writings of the Fifteenth Century», *Mod. Lang. Rev.*, XXXIX (January, 1944), 1–8; J. W. Adamson, «The Extent of Literacy in the XV and XVI Centuries», *The Library*, X (1929–1930), 162 ff.; Thrupp, p. 247; Bennett, *English Books and Readers*, chap. II.

²² О литературе «зерцало государей» в целом и о традиции *Secreta* в частности см.: Wilhelm Kleineke, *Englische Fürstenspiegel vom Policraticus Johans von Salisbury bis zum Basilicon Doron Konig Jacobs* (Halle, 1937); Alan H. Gilbert, *Machiavelli's Prince and its Forerunners* (Durham, N. C., 1938), и того же самого автора «Notes on the Influence of the *Secreta Secretorum*», *Speculum*, III (January 1928), 84–98; Robert Steele, ed., *Secrees of old Philosoffres*, E.E.T.S., E.S., No. 66 (1894), introd.; L. K. Born, ed., *Erasmus' The Education of a Christian Prince* (New York, 1936). Перевод Янга переиздан в *Three Prose Versions of the «Secreta Secretorum»*, ed. R. Steele, E.E.T.S., E.S., No. 74 (1898). См. также: Kingsford, *Henry V*, p. XVIII. Полезные справки можно найти в: Cary, *The Medieval Alexander*.

²³ См. Ashby's *Active Policy of a Prince* and Elyot's *The Image of Governance* (1541), S.T.C. 7664. Фортеस्कью также брался советовать принцу, но отказался от традиции и писал «в похвалу законам Англии».

²⁴ Наиболее оригинальным из английских переложений были «Правление государей» Хоклива, происходящие как от *Secreta*, так

и от Эгидия (см.: *Regement*, stanzas 292–294), и «Деятельная политика» Эшби, которая в значительной степени освободилась от владычества их обоих. Примеры более-менее правильных версий *Secreta* можно найти в: *Three Prose Versions*, ed. Steele; Gilbert of the Haye's *The Buke of the Governance of Princis*, ed. J. H. Stephenson, The Scottish Text Society (1914); *Secreers of old Philosoffres*; William Forrest, *Pleasaunt Poesie of Princlie Practise*, напечатанную в извлечениях в: S. J. Herrtage, *England in the Reign of Henry VIII*, E.E.T.S., E.S., No. 32 (1878).

²⁶ Хей отчасти расширяет свою версию *Secreta* для того, чтобы включить «лордов» так же, как королей и принцев. См., например, p. 75, lines 24–25, и p. 89.

²⁶ См., например, *Regement*, lines 2238–2240, 2297–2299, 2404–2408, 2451–2460, 2651–2653, 2948 ff., 3249 ff., 3263–3269, 3498 ff., 3429; в особенности см.: lines 3963–4004.

²⁷ *Active Policy*, lines 807–813; cf. lines 639–642.

²⁸ См.: B. H. Putnam, *Early Treatise on the Practice of the Justices of the Peace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries* (Oxford, 1924). Существовала важная рукопись такого рода, относящаяся к 1422 году. Первое напечатанное руководство отмечено 1506 годом.

²⁹ *De Laudibus Legum Angliae*, trans. and ed. G. B. Chrimes (Cambridge, 1942), chaps. XLV and XLIX. См. выше сноску 7.

³⁰ Bennett, *Pastons and their England* pp. 22 and 105. См. также: Thrupp, p. 318; Kelso, pp. 44–50.

³¹ Уже упоминавшееся исследование Роскеллом парламента 1422 года показывает, что даже в это время юристы составляли значительную часть членов парламента.

³² О первых поколениях английского гуманизма см.: R. Weiss, *Humanism in England during the Fifteenth Century* (Oxford, 1941). В частности о Типтофте см. pp. 112–122.

³³ Mitchell, chap. VII. О Суде Лорда Маршала также см.: F. P. Barnard, «Heraldry», in *Medieval England*, ed. H. W. C. Davis (Oxford, 1928), pp. 195–244, pp. 232–237. Возможно, что знаменитая речь является произведением неизвестного ученого, которому он заплатил. Weiss, p. 119.

³⁴ *The Declamation of Noblesse*, ed. R. J. Mitchell, in that author's *John Tiptoft*, Appendix I.

³⁵ Cf. Mitchell, p. 182.

³⁶ См.: *The Buke of St. Albans* по этому поводу; также см.: G. M. Vogt, «Gleaning for the History of a Sentiment: *Generositas Virtus non Sanguis*», *Journal of English and German Philology*, XXIV (1925), pp. 102–124; Reed, «Chivalry and the Idea of a Gentleman».

³⁷ Kelso, pp. 29–30; Mason, p. 8.

³⁸ *English Works*, I, 349. См. также: *ibid.*, introd., p. 16.

³⁹ *Ibid.*, pp. 351–354.

⁴⁰ *Declamation*, p. 240. См. также: Weiss, p. 117.

⁴¹ См. выше главу IV.

⁴² P. 235. Cf. *A Dialogue between Cardinal Pole and Thomas Lupset, in England in the reign of King Henry the Eighth*, ed. J. M. Cowper, E.E.T.S., E.S., № 12 (1871), p. 235.

⁴³ В особенности см.: p. 236.

⁴⁴ Crotch, p. 44–45; cf. epilogue to *Declamation*, *ibid.*, pp. 46–47. То, что это перевод принадлежит Типтофту, оспорил К. Б. Макфарлейн в своем недавнем исследовании: William Worcester, pp. 215–216.

⁴⁵ Crotch, pp. 42–43; cf. *ibid.*, pp. 108–109. О проблеме авторства см.: McFarlane, pp. 215–216.

⁴⁶ См. пролог к: *Tullius of Old Age*, Crotch, p. 41; prol. to *Caton*, *ibid.*, pp. 77–78; prol. to *The Four Sonnes of Aymon*, *ibid.*, p. 106; prol. to *The Book of Good Manners*, *ibid.*, pp. 99–100.

⁴⁷ Prol. to *Eneydos*, Crotch, p. 109; H. L. R. Edwards, *Skelton* (London, 1949), introd.; I. A. Gordon, *John Skelton, Poet Laureate* (Melbourne, 1943), pp. 99–100.

⁴⁸ Crotch, p. 41.

⁴⁹ Ferguson, «Realism in the 'Commonwealth' Literature». См. также: Caspari, p. 101.

⁵⁰ Caspari, pp. 137–138.

⁵¹ *Ibid.*, p. 9. О пропагандистских нападках на повстанцев в 1536 году см.: Zeeveld, chap. VIII.

⁵² Weiss, p. 181.

⁵³ См. выше главу IV.

⁵⁴ *Renaissance Diplomacy*, pp. 62–63.

⁵⁵ Vergil, pp. 140–143.

⁵⁶ Прекрасная формулировка этого основного положения сделана: A. R. Myers в *England in the Later Middle Ages* (Penguin Books, 1952), pp. 181 ff.

⁵⁷ *Vita Henrici VII*, p. 43.

⁵⁸ В своем разговоре о Скельтоне я особенно обязан трактовке Нельсона. В особенности см.: chaps. II and III.

⁵⁹ Ed. F. M. Salter, *Speculum*, IX (1934), pp. 25–37.

⁶⁰ *Pastime*, lines 1390–1393.

⁶¹ См. выше главу IV.

⁶² Анализ его трактовки их обоих в отношении к его средневековым источникам см.: Mead, *Pastime*, pp. XLVII–LXIV.

⁶³ *Ibid.*, lines 1574–1575.

⁶⁴ *Ibid.*, lines 5411–5494.

⁶⁵ *Ibid.*, pp. 205–206.

⁶⁶ *Ibid.*, lines 5607–5795.

⁶⁷ *Ibid.*, lines 27 and 1373–1375.

⁶⁸ См.: *ibid.*, pp. 55–57, подробное описание отношения Хоуза к произведениям Лидгейта. Cf. Murison, p. 231.

⁶⁹ *The Education of a Christian Prince*, trans. and ed. L. K. Born (New York, 1936), p. 200.

⁷⁰ *Pastime*, lines 876–896.

⁷¹ *Ibid.*, line 1119.

⁷² *Ibid.*, lines 246–252.

⁷³ *Ibid.*, line 245.

⁷⁴ *Ibid.*, lines 428–431. См. также pp. 126–127.

⁷⁵ *Ibid.*, pp. 128–130.

⁷⁶ *Ibid.*, lines 3361–3388.

⁷⁷ *Ibid.*, lines 3364–3367. Cf. lines 886–889, 2299.

⁷⁸ *Ibid.*, lines 5370–5382.

⁷⁹ *Tree*, p. 98.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 45.

⁸¹ Chambers, *More*, pp. 66–67; Hexter, «The Education of the Aristocracy in the Renaissance», кратко затрагивает эту старинную проблему в ходе прекрасного общего исследования.

⁸² Brodie, ed., *Tree*, introd.

⁸³ Smith, *De Rep. Angl.* Book I, chap. XX.

⁸⁴ *Pastime*, lines 729–819, 897–903, 925–931.

⁸⁵ «The Education of the Aristocracy in the Renaissance».

⁸⁶ In Furnivall, ed., *Early Eng. Meals and Manners*, E.E.T.S., O.S., No. 32 (London, 1868), pp. XII–XIII. См. также: Skelton's «Colin Clout», in *The Poetical Works of John Skelton*, ed. A. Dyce (London, 1843), I, 334; Caspari, pp. 92–93; Paul N. Siegel, «English Humanism and the New Tudor Aristocracy», *J. H. I.*, XIII (October, 1952), pp. 450–468.

⁸⁷ Последний анализ теории образования Эразма см.: Caspari, chap. II. Также см.: L. K. Born, trans. and ed., *The Education of a Christian Prince* (New York, 1936).

⁸⁸ См.: Hexter, *More's «Utopia»: The Biography of an Idea* (Princeton, 1952), pp. 103 ff.

⁸⁹ Erasmus, *Education of a Christian Prince*, p. 200.

⁹⁰ Классовое происхождение Мора было подчеркнуто: Russell Ames, *Citizen Thomas More and his Utopia* (Princeton, 1948).

⁹¹ Новейшая и наиболее глубокая интерпретация Элиота и его образования имеется у: Caspari, chap. IV.

⁹² *A Preservative agaynste Deth* (1545), S.T.C. 7674, sigs. AII–AIII.

⁹³ *Governor*, I, p. 162.

⁹⁴ *Ibid.*, I, pp. 143–144.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК МОНОГРАФИЙ А. Б. ФЕРГЮСОНА

Ferguson, Arthur B. *The Indian summer of English chivalry, studies in the decline and transformation of chivalric idealism* (Durham, N.C., Duke University Press, 1960).

Ferguson, Arthur B. *The articulate citizen and the English Renaissance* (Durham, N.C., Duke University Press, 1965).

Ferguson, Arthur B. *Clio unbound: perception of the social and cultural past in Renaissance England* (Durham, N.C., Duke University Press, 1979).

Ferguson, Arthur B. *The chivalric tradition in Renaissance England* (Washington, D.C., Folger Shakespeare Library; London; Cranbury, N. J., Associated University Presses, 1986).

Ferguson, Arthur B. *Utter antiquity: perceptions of prehistory in Renaissance England* (Durham, N.C., Duke University Press, 1993).

Список сокращений

E.E.T.S. — Early English text Society

E. S. — Early series

O. S. — Original Series

P.M.L.A. — Publications of the Modern Language Association

СПИСОК РУКОВОДСТВ И ТРАКТАТОВ О РЫЦАРСТВЕННОСТИ, ИМЕВШИХ РАСПРОСТРАНЕНИЕ В АНГЛИИ XV–XVI ВВ.

Руководства, написанные рыцарями

Раймон Люль (Раймунд Луллий) (1223–1315).

Llull, Ramon. *The Book of the Ordre of Chyvalry or Knyghthode.*

В переводе Уильяма Какстона (см. русский перевод: Льюль Раймон. Книга о рыцарском ордене. — СПб., 1997).

Жоффруа де Шарни (ум. 1355).

Charny, Geoffroi de. *Questions for the Joust, Tournament, and War.*

Генрих, герцог Ланкастера (1299?–1361).

Henry, duke of Lancaster. *Le livre de seyntz medicines.*

Жоффруа де ла Тур-Ландри (п. XIV — после 1380).

La Tour-Landry, Geoffroy de. *The Book of the Knight of La Tour-Landry, compiled for the instruction of his daughters.*

Переведена с французского на английский язык в царствование Генриха VI и опубликована Какстоном в 1484 году.

(См. русский перевод: Книга рыцаря де ла Тура-Ландри, написанная в назидание его дочерям // Пятнадцать радостей брака. — М., 1991. — С. 154–218.)

Кланвоу, Джон (1341–1391).

Рыцарь-лоллард и сподвижник и друг Чосера.

Clanvowe, John. *Parliament of Fowls.*

Рене Анжуйский, король Сицилии и Иерусалима (1409–1480).

Rene of Anjou, King of Jerusalem and Sicily.

Хей, сэр Гилберт (ок. 1400 — после 1456).

Hay, Sir Gilbert. *The Buke of the Order of Knyghthood.*

(Перевод и интерпретация книги Люлля, который позже сделал Какстон.)

Hay, Sir Gilbert. *Buke of Battailes.*

(Перевод книги Боне.)

Hay, Sir Gilbert. *The Buke of the Governauce of Princes.*

(Перевод и интерпретация Аристотеля.)

Неизвестный автор, ок. 1511 г.

The Great Tournament Roll of Westminster.

**Руководства,
написанные клириками и священниками**

Иоанн Солсберийский (b. 1115/20 — d. 1180).

Policraticus: Of the Frivolities of Courtiers and the Footprints of Philosophers.

Боне, Оноре (ок. 1345 — ок. 1405).

Bonet (Bouvet), Honore. *The Tree of Battles of Honore Bone.*

(Перевод сделан сначала Сэром Гилбертом Хеем, затем Уильямом Какстоном и опубликован в типографии Какстона в конце XV века.)

Легнаньо, Джованни да (ум. 1383) ок. 1360.

Legnano, Giovanni da. *Tractatus de bello, de represaliis et de duello.*

**Руководства,
написанные трубадурами и другими авторами**

Неизвестный автор, ок. 1210–1220.

Hodenc, Raoul De. *Le Roman Des Eles: The Anonymous Ordene De Chevalerie.*

Кристина Пизанская (ок. 1364 — ок. 1431).

Pisan, Christine de. *The Book of Fayttes of Armes and of Chyualrye.*

(Перевод сделан Уильямом Какстоном в 1489 году.)

Неизвестный автор, ок. 1457–1460.

Knyghthode and Bataile. A XVth Century Verse Paraphrase of Flavius Vegetius Renatus' Treatise «De Re Militari».

Неизвестный автор (возможно, Джон Вустер), ок. 1475.

The Boke of Noblesse: addressed to King Edward IV on his invasion of France in 1475.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Adams, R. P. «Designs by More and Erasmus for a New Social Order», *Studies in Philology*, XLII (April, 1945), pp. 131–145.

Adams, R. P. «Erasmus' Ideas of his Role as a Social Critic ca. 1480–1500», *Renaissance News*, XI (Spring, 1958), pp. 11–16.

Adams, R. P. «Literary Thought on War and Peace in English Literature of the Renaissance», *Year Book of the American Philosophical Society*, 1955 (Philadelphia, 1956), pp. 272–277.

Adams, R. P. «Pre-Renaissance Courtly Peace Propaganda», *Papers of the Michigan Academy of Science, Arts and Letters*, XXXII (1946), pp. 432–446.

Adamson, J. W. «The Extent of Literacy in the XV and XVI Centuries», *The Library*, X (1929/30), pp. 162–193.

Allen, J. W. *A History of Political Thought in the Sixteenth Century* (London, 1928).

Ames, Russell, *Citizen Thomas More and his Utopia* (Princeton, 1948).

Arrowood, C. F. «Sir John Fortescue on the Education of Rulers», *Speculum*, X (October, 1935), pp. 404–410.

Ascham, Roger, *English Works*, ed. W. A. Wright (Cambridge, 1904).

Ashby, George, *The Poems of George Ashby*, ed. M. Bateson (E.E.T.S., E.S., No.76, 1899).

Aurner, Nellie S. «Sir Thomas Malory — Historian?» *PMLA*, XLVIII (March, 1933), pp. 362–391.

Barnard, F. P. «Heraldry», in *Medieval England*, ed. H. W. Davies (Oxford, 1928), pp. 195–244.

Baugh, A. C. «Documenting Sir Thomas Malory», *Speculum*, VIII (Jan., 1933), pp. 3–29.

Becon, Thomas *The Policy of War*, in *The Early Writings of Thomas Becon*, ed. J. Ayre (Cambridge, Parker Society, 1843), pp. 230–261.

Bennett, H. S. *The Pastons and Their England* (Cambridge, 1932).

Bennett, H. S. «Science and Information in English Writings of the Fifteenth Century», *Modern Languages Review*, XXXIX (January, 1944), pp. 1–8.

Bennett, H. S. *Chaucer and the Fifteenth Century* (Oxford, 1947).

Bennett, H. S. *English Books and Their Readers, 1475–1557* (Cambridge, 1952).

Bennett, Josephine W. *The Evolution of «The Faerie Queene»* (Chicago, 1942).

Bentley, S. *Excerpta Historica* (London, 1831).

Berdan, J. M. *Early Tudor Poetry, 1485–1547* (New York, 1920).

Berners, John Bouchier, Lord. *The Chronicle of Froissart, translated out of French by sir John Bouchier Lord Berners, annis 1523–1525*, ed. W. P. Ker (London, 1901–1903).

Blair, Claude. *European Armour, 1066 to 1700* (London, 1959).

The Boke of Duke Huon of Burdeux, ed. by S. L. Lee (E.E.T.S., E.S., XL, 1882).

Buke of gude counsale to the king (Edinburgh, 1508?).

The Boke of the Ordre of Chyualry, ed. A. T. P. Byles (E.E.T.S., O.S., No. 168, 1926).

- The Boke of Noblesse*, ed. J. G. Nichols (London, 1860).
The Boke of St. Albans, ed. W. Blades (London, 1881).
Bonet, Honore. *L'Arbre des Batailles*, transl. and ed. G. W. Coopland as *The Tree of Battles* (Cambridge, Mass., 1949).
Bouwsma, W. J. «The Politics of Commynes», *Journal of Modern History*, XXIII (December, 1951), pp. 315–328.
Bradner, L. *Edmund Spenser and «The Faerie Queene»* (Chicago, 1948).
Brende, John, (trans.) Quintus Curtius, *Historie of ... the actes of the greate Alexander* (London, 1553).
Brewer, D. S. «Form in the *Morte Darthur*», *Medium Aevum*, XXI (1952), pp. 14–24.
Brewer, J. S. *The Reign of Henry VIII* (London, 1884).
Brinkelow, Henry, *The Complaint of Rederyck Mors*, ed. J. M. Cowper (E.E.T.S., E.S., XXII, 1874).
The Brut, ed. F. W. D. Brie (E.E.T.S., O.S., № 136, Part II, 1908).
Burkart, E. A. *Stephen Hawe's «The Pastime of Pleasure»* (London, 1899).
Bush, D. *The Renaissance and English Humanism* (Toronto, 1939).
Cartellieri, O. *The Court of Burgundy* (New York, 1929).
Cary, George, *The Medieval Alexander* (Cambridge, 1956).
Caspari, Fritz, *Humanism and the Social Order in Tudor England* (Chicago, 1954).
Caspari, F. «Sir Thomas More and *Justum Bellum*», *Ethics*, LVI (1946), pp. 303–308.
The Castell of Love (London, 1540).
The Castell of Pleasure, ed. Roberta D. Cornelius (E.E.T.S., O.S., № 179, 1930).
Caxton, William. *The Prologues and Epilogues of William Caxton*, ed. W. J. B. Crotch (E.E.T.S., O.S., No. 176, 1928).
Chambers, E. K. *Sir Thomas Malory* (The English Association Pamphlet № 51, January, 1922).
Chambers, E. K. *Arthur of Britain* (London, 1927).
Chambers, E. K. *Sir Thomas Wyatt and Some Collected Studies* (London, 1933).
Chambers, R. W. *Thomas More* (New York, 1935).
Chambers, E. K. *English Literature at the Close of the Middle Ages* (Oxford, 1947).
Chapiro, J. *Erasmus and our Struggle for Peace* (Boston, 1950).
Chartier, Alain, *Le Quadrilogue Invectif*, ed. R. Bouvier (Paris, 1944).
Cheke, Sir John, *The hurt of sedition* (London, 1549).
Chaucer, Geoffrey, *Works*, ed. W. W. Skeat (Oxford, 1894–1900), 6 vols. and suppl.
Chrimes, S. B. *English Constitutional Ideas in the Fifteenth Century* (Cambridge, 1936).

Chrimes, S. B. «House of Lords» and «House of Commons» in the Fifteenth Century», *English Historical Review*, XLIX (July, 1934), pp. 494–497.

Clapham, R. C. *The Tournament, Its Periods and Phases* (London, 1919).

Cline, Ruth H. «The Influence of Romances on Tournaments of the Middle Ages», *Speculum*, XX (January, 1945), pp. 204–211.

A Collection of Ordinances and Regulations for the Government of the Royal Household (London, 1790).

Commynes, Philippe de. *Memoires de Philippe de Commynes*, ed. B. De Mandrot (Paris, 1901–1903), 3 vols. (Коммин, Филипп де. Мемуары/ Пер., статья и прим. Б. П. Малинина. — М.: Наука, 1986).

Courthope, W. J. *A History of English Poetry* (New York, 1920).

Cope, Sir Anthony, *Historie of ... Anniball and Scipio* (London, 1544).

Cornish, F. Warre, *Chivalry* (London, 1901).

The Court of Love, in W. W. Skeat, ed., *Chaucerian and Other Pieces* (Suppl. To Skeat, ed., *Works of Geoffrey Chaucer*) (Oxford, 1897), pp. 409–447.

Courthope, W. J. *A History of English Poetry* (New York, 1920).

Cripps-Day, F. H. *The History of the Tournaments in England and France* (London, 1918).

Crowley, Robert, *The Way to Wealth*, ed. J. M. Cowper (E.E.T.S., E.S., XV, 1872).

Cursor Mundi, Part I., ed. R. Morris (E.E.T.S., O.S., No. 57, 1874).

The Dance of Death, ed. Florence Warren (E.E.T.S., O.S., No. 181, 1931).

Davies, R. T. «Malory's Launcelot and the Noble Way of the World», *Review of English Studies*, N.S., VI (Oct., 1955), pp. 356–364.

Davies, R. T. «Malory's «Vertuose Love»», *Studies in Philology*, LIII (July, 1956), pp. 459–469.

Davis, H. W. C. (ed.). *Medieval England* (Oxford, 1928).

Denholm-Young, N. «Feudal Society in the Thirteenth Century: The Knights», *History*, XXIX (Sept., 1944), pp. 107–119.

A Dialogue between Cardinal Pole and Thomas Lupset, in *England in the reign of King Henry the Eighth*, ed. J. M. Cowper (E.E.T.S., E.S., № 12, 1871).

Dickmann, Mary E. «Characterization in Malory's Tale of Arthur and Lucius», *PMLA*, LXV (Sept., 1950), pp. 877–895.

The Dicts and Sayings of the Philosophers, ed. C. F. Buhler (E.E.T.S., O.S., No. 211, 1941).

A Discourse of Common Weal of this Realm of England, ed. by E. Lamond (Cambridge, 1929).

Donaldson, F. *Piers Plowman: The C-text and its Poet* (New Haven, 1949).

Douglas, Gavin. *The Palice of Honour*, in *Works*, ed. J. Small (Edinburgh, 1874).

Les Douze Triomphes de Henry VII, in *Memorials of King Henry the Seventh*, ed. J. Gairdner (Rolls Series, 1858).

Dunbar, William. *Poems*, ed. J. Small (Edinburgh, 1893).

Duncan, E. *The Story of Minstrelsy* (London, 1907).

Early English Meals and Manners, ed. F. J. Furnivall (London, E.E.T.S., O.S., No. 32, 1868).

Edwards, H. L. R. *Skelton, the Life and Times of an Early Tudor Poet* (London, 1949).

Ellis, H. (ed.) *Original Letters Illustrative of English History*, 2nd Series (London, 1827).

Elton, G. R. *The Tudor Revolution in Government* (New York, 1953).

Elyot, Sir Thomas, *The Boke of Gouvernour*, ed. H. H. S. Croft (London, 1880).

Elyot, Sir Thomas, *The Image of Governance* (London, 1541).

Elyot, Sir Thomas, *A Preservative agaynste Deth* (London, 1545).

An English Chronicle, ed. J. S. Davies (Camden Society, 1st Series, LXIV, 1856).

English and Scottish Popular Ballads, ed. H. C. Sargent and G. L. Kittredge (Boston, ca. 1898).

The Epistle of Othea to Hector (or The Boke of Knyghthode) (перевод Сефена Скрупа), ed. G. F. Warner (London, 1904). См. также публикацию под редакцией J. D. Gordon, U. Of Penn. diss. (Philadelphia, 1942).

Erasmus, Desiderius, *Dulce Bellum Inexpertis*, ed. and trans. Into French, Yvonne Remy and R. Dumil-Marquebreucq (Brussels, Collection Hatomus, vol. VIII, 1953).

Erasmus, Desiderius, *The Education of a Christian Prince*, L. K. Born, ed., (New York, 1936) (см. русский перевод: Эразм Роттердамский. Воспитание христианского государя. М., 2001).

Erasmus, Desiderius, *Querela Pacis*, trans. in J. Chapiro, *Erasmus and our Struggle for Peace* (Boston, 1950).

Fabyan, Robert. *The New Chronicles of England and France*, ed. H. Ellis (London, 1811).

Fayettes of Armes and of Chyualrye, ed. A. T. P. Byles (E.E.T.S., O.S., No. 189, 1932).

Ferguson, A. B. «The Problem of Counsel in *Mum and the Sothsegger*», *Studies in the Renaissance*, II (1955), pp. 67–83.

Ferguson, A. B. «Renaissance Realism in the «Commonwealth» Literature of Early Tudor England», *Journal of the History o Ideas*, XVI (June, 1955), pp. 287–305.

Feylde, Thomas, *Conversation between a Lover and a Jay*, ed. T. F. Dibdin (London, 1818).

Flenley, E. (ed.) *Six Town Chronicles* (Oxford, 1911).

Fletcher, R. H. *The Arthurian Material in the Chronicles* (Boston, 1906).

Forest, William, *Pleasant Poesie of Princelie Practise*, printed in extract in S. J. Herrtage, *England in the Reign of Henry VIII* (E.E.T.S., E.S., No. 32, 1878).

Fortescue, Sir John. *Governance of England*, ed. C. Plummer (Oxford, 1885).

Fortescue, Sir John, *De Laudibus Legum Angliae*, ed. S. B. Chrimes (Cambridge, 1942).

Froissart, John, *Oeuvres de Froissart*, ed. M. le baron Kervyn de Lettenhove (Brussels, 1867–1877).

Fuller, Thomas, *The History of the Worthies of England*, ed. P. A. Nuttall (London, 1840).

Gairdner, J. (ed.) *Memorials of King Henry the Seventh* (Rolls series, 1858).

Gates, Geoffrey, *The defence of militarie profession* (London, 1579).

Of Gentylnes and Nobylte, ed. K. W. Cameron, in *Authorship and Sources of «Gentleness and Nobility»: A Study in Early Tudor Drama* (Raleigh, 1941).

The Geste of King Horn, in *Metrical Romances*, ed. J. Ritson (London, 1802).

A Gest of Robin Hode, in *English and Scottish Popular Ballads*, ed. H. C. Sargeant and G. L. Kittredge (Boston, 1898).

Gilbert, Alan H. *Machiavelli's Prince and its Forerunners* (Durham, N. C., 1938).

Gilbert, Alan H. «Notes on the Influence of the *Secreta Secretorum*», *Speculum*, III (January 1928), pp. 84–98.

Gilbert, Sir Humphrey. *Queene Elizabethes Achademy*, ed. F. J. Furnivall (E.E.T.S., E.S., No. 8, 1869).

Gilmore, Myron P. «*Fides et Eruditio*: Erasmus and the Study of History», in *Teachers of History: Essays in honor of Lawrence Bradford Packard*, ed. H. S. Hughes (Ithaca, 1954), pp. 9–27.

Gist, M. A. *Love and War in the Middle English Romance*. University of Pennsylvania Diss. (Philadelphia, 1947).

The golden boke of Marcus Aurelius (London, 1535).

Gordon, I. A. *John Skelton, Poet Laureate* (Melbourne, 1943).

Gower, John. *The Complete Works of John Gower*, ed. G. C. Macauley (Oxford, 1899–1902), 4 vols.

Gower, John. *Vox Clamantis*, trans. E. W. Stockton (Harvard dissertation, 1952).

Gray, H. L. «Incomes from Land in England in 1436», *English Historical Review*, XLIX (Oct., 1934), pp. 607–639.

Greenlaw, E. *Studies in Spenser's Historical Allegory* (Baltimore, 1932).

Greenwood, Alice D. «English Prose in the Fifteenth Century: Caxton, Malory, Berners», in *Cambridge History of English Literature* (Cambridge, 1930), II, pp. 332–340.

Hall, Edward. *Hall's Chronicle* (London, 1809).

Hawes, Stephen. *A Joyfull Medytacyon to All Englande* (London, 1509).

Hawes, Stephen. *The Pastime of Pleasure*, ed. W. E. Mead (E.E.T.S., O.S., No. 173, 1928).

Hay, Gilbert. *Gilbert of the Haye's Prose MS.*, ed. J. S. Stevenson, Scottish Texts Society (Edinburgh, 1901–14), 2 vols.

Hearnshaw, F. J. C. «Chivalry and its Place in History», in E. Prestage, ed., *Chivalry* (New York, 1928), pp. 1–36.

Herrtage, S. J. *England in the Reign of Henry VII* (London, E.E.T.S., E.S., No. 32, 1878).

Hexter, J. H. «The Education of the Aristocracy in the Renaissance», *Journal of Modern History*, XXII (March, 1950), pp. 1–20.

Heywood, John. *The Weather*, in *Pre-Shakespearian Dramas*, ed. J. Q. Adams (Cambridge, Mass., 1924), pp. 397–422.

Hicks, E. *Sir Thomas Malory, His Turbulent Career* (Cambridge, Mass., 1928).

The Historical Collection of a Citizen of London in the Fifteenth Century, ed. J. Gardiner (Camden Society, N.S., XVII, 1876).

Hoccleve, Thomas. *Hoccleve's Works*, ed. F. J. Furnivall (London, E.E.T.S., E.S., No. 72, 1897).

Hoffman, F. J. *Alain Chartier. His Work and Reputation* (New York, 1942).

Holinshed, Rafael. *Chronicles of England, Scotland and Ireland* (London, 1808).

Housman, J. E. «Higden, Trevisa, Caxton, and the Beginnings of Arthurian Criticism», *Review of English Studies*, XXIII (July, 1947), pp. 209–217.

Hughes, E. «The authorship of the Discourse of the Commonweal», *Bulletin of the John Ryland Library*, XXI (1937), pp. 167–175.

Huizinga, J. *The Waning of the Middle Ages* (London, 1927) (см. русский перевод: Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988).

The history of the most noble and valiant knight Arthur of lyttel brytayne (London, 1555).

Jones, Evan. *Medieval Heraldry* (London, 1945).

Jones, G. F. «The Tournament of Tottenham and Laffenhausen», *PMLA*, LXVI (Dec., 1951), pp. 1123–1140.

Jorgenson, P. A. «Alien Military Doctrine in Renaissance England», *Modern Language Quarterly*, XVII (March, 1956), pp. 43–49.

Jorgenson, P. A. *Shakespeare's Military World* (Berkley and Los Angeles, 1956).

Jusserand, J. J. *Les Sports et jeux d'exercice dans l'ancienne France* (Paris, 1901).

Keeney, B. C. «Military Service and the Development of Nationalism in England, 1272–1327», *Speculum*, XXII (Oct., 1947), pp. 534–549.

Kelso, Ruth. *The Doctrine of the English Gentleman in the Sixteenth Century* (Urbana, 1929).

Kendall, P. M. *Richard III* (New York, 1955).

Kendall, Paul M. *Warwick the Kingmaker* (New York, 1957).

Kilgour, R. L. *The Decline of Chivalry as Shown in the French Literature of the Late Middle Ages* (Cambridge, Mass., 1937).

Kingsford, C. L. *English Historical Literature in the 15th Century* (Oxford, 1913).

Kingsford, C. L., ed., *The First English Life of Henry the Fifth* (Oxford, 1911).

Kleineke, W. *Englische Furthenspiegel vom Policraticus Johannis von Salisbury bis zum Basilikon Doron Konig Jakobs I* (Halle, 1937).

Knyghthode and Bataile (1457–1460?), ed. R. Dyboski and Z. M. Arend (E.E.T.S., O.S., No. 201, 1936).

Koebner, R. «The imperial crown of this realm': Henry VIII, Constantine the Great, and Polydore Vergil», *Bulletin of the Institute of Historical Research*, XXVI (May, 1953), pp. 29–52.

Lees-Milne, J. *Tudor Renaissance* (London, 1951).

Lewis, C. S. *The Allegory of Love* (Oxford, 1936).

Lewis, N. B. «The Organization of Indentured Retinues in Fourteenth-Century England», *Transactions of Royal Historical Society*, 4th Ser., XXVII (1945), pp. 29–39.

The Libelle of Engliche Polycye, ed. G. Warner (Oxford, 1926).

Lippmann, Kurt, *Das ritterliche Personlichkeitsideal in der englischen Literatur des 12- und 13. Jahrhunderts* (Leipzig diss., 1933).

Le Livre du Chevalier de la Tour-Landry, ed. Montiglon, Bibliotheque elzevirienne (Paris, 1854) (см. русский перевод в книге: «Пятнадцать радостей брака» и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. — М., 1991).

Loomis, R. S. «Edward I, Arthurian Enthusiast», *Speculum*, XXVIII (Jan., 1953), pp. 114–127.

Loomis, R. S. «Chivalric and Dramatic Imitation of Arthurian Romance», *Medieval Studies in Memory of A. K. Porter* (Cambridge, Mass., 1939), I, pp. 79–97.

London, H. S. «Some Medieval Treatises on English Heraldry», *Antiquaries Journal* (July–Oct., 1953), pp. 169–183

Lumiansky, R. M. «The Question of Unity in Malory's *Morte Darthur*», *Tulane Studies in English*, V (1955), pp. 29–39.

Lydgate, John, *Lydgate's Troy Book*, ed. H. Bergen, (E.E.T.S., E.S., XCVII, 1906).

John Lydgate, *Fall of Princes*, Part II, ed. H. Bergen (E.E.T.S., E.S., No. 121–124, 1918), 4 vols.

Lydgate, John, *The Minor Poems of John Lydgate*, Part II, ed. H. N. MacCracken (E.E.T.S., O.S., No. 192, 1934).

Malory, Sir Thomas. *The Works of Sir Thomas Malory*, ed. Eugene Vinaver (Oxford, 1947).

Mann, J. G. «Instances of Antiquarian Feeling in Medieval and Renaissance Art», *Archeological Journal*, LXXXIX (1932), pp. 254–274.

Markman, M. «The Meaning of *Sir Gawain and the Green Knight*», *PMLA*, LXXII (Sept., 1957), pp. 574–586.

Mason, J. E. *Gentlefolk in the Making* (Philadelphia, 1935).

Mathew, G. «Ideals of Knighthood in Late Fourteenth-Century England», in *Studies in Medieval History presented to Frederick Maurice Powicke*, ed. R. W. Hunt et al. (Oxford, 1948), pp. 254–362.

Mattingly, G. *Renaissance Diplomacy* (London, 1955).

McCully, Bruce. *Chivalry and Romance in Fourteenth Century England* (Harvard diss., 1910).

McFarlane, K. B. «Bastard Feudalism», *Bulletin of the Institute of Historical Research*, XX (1945), pp. 161–180.

McFarlane, K. B. «William Worcester: a Preliminary Survey», in *Studies Presented to Sir Hilary Jenkinson*, ed. J. C. Davies (London, 1957), pp. 196–221.

Millican, C. B. *Spencer and the Table Round* (Cambridge, Mass., 1932).

Mitchell, R. J. *John Tiptoft* (London, 1938).

Mohl, Ruth. *The Three Estates in Medieval and Renaissance Literature* (New York, 1933).

Monstrelet, *Chroniques d'Enguerrand de Monstrelet*, ed. J. A. Buchon (Paris, 1826).

Moorman, C. «Malory's Treatment of the Sangreall», *PMLA*, LXXI (June, 1956), 496–509.

More, Sir Thomas, *The History of Richard III*, in *The English Works of Sir Thomas More*, ed. E. W. Campbell (London, 1931) (см. русский перевод: Мор, Томас. История Ричарда III. — М.).

More, Sir Thomas. *Utopia*, ed. H. Osborne (London, n. d.) (см. русский перевод: Мор, Томас. Утопия. — М.).

Morison, Sir Richard, *An Exhortation to Styrre all Englyshemen to the Defence of Theyr Countrue* (London, 1539).

Morison, Sir Richard, Translation of Frontinus' *The Strategemes, sleyghtes and Policies of Warre* (London, 1539).

Mum and the Sothsegger, ed. M. Day and Robert Steele (E.E.T.S., O.S., No. 199, 1939).

Murison, William. «Stephen Hawes», in *Cambridge History of English Literature* (Cambridge, 1930), II, 223–238.

Myers A. R. *England in the Later Middle Ages* (Penguin Books, 1952).

Neilson, G. *Trial by Combat* (Boston, 1909).

Nelson, W. *John Skelton, Laureate* (New York, 1939).

Nichols, F. M. «On Feudal and Obligatory Knighthood», *Archaeologia*, XXXIX (1862/63), pp. 189–244.

Original Letters Illustrative of English History, ed. H. Ellis, 2nd Series (London, 1827).

Owst, G. R. *Literature and Pulpit in Medieval England* (Cambridge, 1923).

Pageant of the Birth Life and Death of Richard Beauchamp Earl of Warwick, ed. Viscount Dillon and W. H. St. John Hope (London, 1914).

Painter, S. *French Chivalry* (Baltimore, 1940).

Pauphilet, Albert. *Etudes sur la Quest del Saint Graal* (Paris, 1921).

Percy, Thomas. *Reliques of Ancient English Poetry*, ed. H. B. Wheatley (London, 1927).

Perroy, Edouard. *The Hundred Years' War* (New York, 1951).

Piers the Plowman, ed. W. W. Skeat (London, 1924), 2 vols.

Plommer, H. R. *William Caxton* (London, 1925).

Policies to reduce this Realme of Englande unto a prosperous Wealthe and Estate, in *Tudor Economic Documents*, ed. R. H. Tawney and Eileen Power (London, 1924), III, pp. 312–345.

Political Poems and Songs, ed. Thomas Wright (Rolls Series, 1861).

The porteous of noblenes (Edinburgh, 1508).

Postan, M. M. «Revisions on Economic History IX — The Fifteenth Century», *Economic History Review*, IX (May, 1939), pp. 160–167.

Postan, M. M. «Some Social Consequences of the Hundred Years' War», *Economic History Review*, XII (1942), pp. 1–12.

Powicke, M. R. «Distrainment of Knighthood and Military Obligation under Henry III», *Speculum*, XXV (Oct., 1950), pp. 457–470.

Prestage, E. (ed.) *Chivalry* (New York, 1928).

Proctor, Thomas *Of the knowledge and conducte of warres* (London, 1578).

A Proper Dyalogue betwene a Gentillman and a Husbandman (London, 1530).

Pugh, T. B. and Ross, C. D. «The English Baronage and the Income Tax of 1436», *Bulletin of the Institute of Historical Research*, XXVI (May, 1953), pp. 1–28.

Putnam, B. H. *Early Treatise on the Practice of the Justices of the Peace in the Fifteenth and Sixteenth Centuries* (Oxford, 1924).

Pyers Plowman's Exhortation, unto the Lordes, Knightes and Burgoyses of the Parlyamenthouse (London, 1530).

The Record of Bluemantle Pursuivant (1471–1472), in C. L. Kingsford, *English Historical Literature in the 15th Century* (Oxford, 1913), pp. 379–388.

Reed, A. W. «Chivalry and the Idea of a Gentleman», in E. Prestage, ed., *Chivalry* (New York, 1928).

Rich, Barnaby. *Allarme to England* (London, 1578).

Rich, Barnaby. *A right exelent and pleasant dialogue, Between Mercury and an English souldier* (London, 1574).

Roskell, J. S. *The Commons in the Parliament of 1422* (Manchester, 1954).

Roskell, J. S. «The Social Composition of the Commons in a Fifteenth-Century Parliament», *Bulletin of the Institute of Historical Research*, XXIV (1951), pp. 152–172.

Rotuli Parliamentorum (London, 1767–1777), 6 vols.

Sandberger, Dietrich. *Studien uber das Rittertum in England, vornemlich wahrend des 14. Jahrhunderts* (Berlin, 1937).

Sandoz, E. «Tourney in the Arthurian Tradition», *Speculum*, XIX (October, 1944), pp. 389–420.

Schirmer, W. F. *Der englische Fruhumanismus* (Leipzig, 1931).

Schirmer, W. F. *John Lydgate, ein Kulturbild aus dem 15. Janhrhundert* (Tubingen, 1952).

Schofield, C. L. *The Life and Reign of Edward the Fourth* (London, 1923).

Schofield, W. H. *Chivalry in English Literature* (Cambridge, Mass., 1925).

Secrees of old Philosoffres, Robert Steele, ed., (London, E.E.T.S., E.S., No. 66, 1894).

Segar, Sir William. *The Boke of Honor and Armes* (London, 1590).

Sheppard, J. B. (ed.) *Literae Cantuarienses* (London, Rolls Series, 1889).

Siegel, Paul N. «English Humanism and the New Tudor Aristocracy», *Journal of the History of Ideas*, XIII (October, 1952), pp. 450–468.

Sitwell, Sir George. «The English Gentleman», *Ancestor*, I (April, 1902), pp. 58–103.

Skelton, John. *The Poetical works of John Skelton*, ed. A. Dyce (London, 1843).

Skelton, John. *Speculum principis* (1501), ed. F. M. Salter, *Speculum*, IX (1934), pp. 25–37.

Smith, P. *Erasmus* (New York, 1923).

Smith, R. M. *Froissart and the English Chronicle Play* (New York, 1915).

Smith, Sir Thomas. *De Republica Anglorum*, ed. L. Alston (Cambridge, 1906).

Squibb, G. D. *The High Court of Chivalry* (New York, 1959).

Starkey, Thomas. *Dialogue between Cardinal Pole and Thomas Lupset*, ed. J. M. Cowper (E.E.T.S., E.S., XII, pp. 1871).

Statutes of the Realm (London, 1810–1828).

Stenson, F. M. «The Changing Feudalism of the Middle Ages», *History*, XIX (March, 1935), pp. 289–301.

Surrey, Earl of. *The Poems of Henry Howard, Earl of Surrey*, ed. F. M. Padelford (Seattle, 1928).

Three Prose Versions of the Secreta Secretorum, ed. R. Steele (London, E.E.T.S., E.S., LXXIV, 1898).

Thrupp, Sylvia. *The Merchant Class of Medieval London* (Chicago, 1948).

Tiptoft, John. *The Declamation of Noblesse*, ed. R. J. Mitchell, *John Tiptoft* (London, 1938), Appendix I.

Tito Livio da Forli. *Vita Henrici Quinti*, ed. T. Hearne (London, 1716).

Treharne, R. F. «The Knights in the Period of Reform and Rebellion, 1258–1267; A Critical Study in the Rise of a New Class», *Bulletin of the Institute of Historical Research*, XXI (May and Nov., 1946), pp. 1–12.

Tucker, P. E. «The Place of the 'Quest of the Holy Grail' in the *Morte Darthur*», *Modern Language Review*. XLVIII (1953), pp. 391–397.

The Turnament of Tottenham, in Thomas Percy, *Reliques of Ancient English Poetry*, ed. H. B. Wheatley (London, 1927).

Twenty-six Political and other Poems, ed. J. Kail (E.E.T.S., O.S., No. 124, 1904).

Upton, Nicholas. *De Studio Militari*, ed. F. P. Bernard (Oxford, 1931).

Vergil, Polydore, *Polydore Virgil's English History*, ed. Sir H. Ellis (London, Camden Society, XXXVI, 1846).

Vergil, Polydore, *The Anglica Historia of Polydore Vergil*, ed. Denys Hay, with translation (London, Camden Society, LXXIV, 1950).

Vinaver, Eugene. *Le Roman de Tristan et Iseut dans l'oeuvre de Thomas Malory* (Paris, 1925).

Vinaver, Eugene. *Etudes sur le «Tristan» en prose* (Paris, 1925).

Vogt, G. M. «Gleaning for the History of a Sentiment: *Generositas Virtus non Sanguis*», *Journal of English and German Philology*, XXIV (1925), pp. 102–124.

Wagner, A. R. *Heralds and Heraldry in the Middle Ages* (London, 1939).

Walrond, H., Col. «Archery», in *Shakespeare's England*, ed. Sir W. Raleigh (Oxford, 1926), II, pp. 376–388.

Watson, Sara P. «The Queen's Champion», *Western Reserve Bulletin*, N. S., XXXIV (Sept., 1931), pp. 65–89.

Weiss, R. *Humanism in England during the Fifteenth Century* (Oxford, 1941).

Whiting, B. J. «The Vows of the Heron», *Speculum*, XX (July, 1945), pp. 262–278.

Wyclif, John. *De Civili Domino*, ed. I. Loseth (London, 1900).

Wyclif, John. *Select English Works of John Wyclif*, ed. T. Arnold (Oxford, 1869–1871).

Wiley, W. L. *The Gentleman of Renaissance France* (Cambridge, Mass., 1954).

Wood-Legh, K. L. «Sheriffs, Lawyers, and Belted Knights in the Parliaments of Edward III», *English Historical Review*, XLVI (July, 1931), pp. 372–388.

Worcester, William. *William of Worcester's Collections*, ed. J. Stevenson, in *Letters and Papers Illustrative of the Wars of the English in France during the Reign of Henry the Sixth* (Rolls Series, 1864).

Yates, F. A. «Elizabethan Chivalry: The Romance of the Accession Day Tilts», *Journal of Warburg and Courtauld Institutes*, XX (1957), pp. 4–25.

Zeeveld, W. G. *Foundations of Tudor Policy* (Cambridge, Mass., 1948).

КРАТКИЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Андре (Andre), Бернар (ок. 1455 — ок. 1521) — поэт и историк, француз по рождению, иногда его называют «слепой поэт Тулузы», поскольку родом происходил из этого города. Прибыл в Англию вместе с Генрихом Тюдором, будущим королем Генрихом VII, чьим поэтом-лауреатом и историографом он стал. Был представлен Генриху Фоксом, впоследствии епископом Винчестерским. В 1486 году получил от короля пенсию и звание поэта-лауреата. Являясь монахом-августинцем, он также был назначен наставником к принцу Артуру, старшему сыну Генриха, умершему в юности, был также наставником и будущего короля Генриха VIII. Преподавал в Оксфорде. В 1500 году он начал писать историю жизни Генриха VII, которую он довел до подавления Корнуэльского восстания 1497 года. К тому же каждый год он представлял Генриху свои поэтические сочинения как поэт-лауреат, которые Эразм (деливший с ним келью в августинском монастыре в Лондоне) считал исключительно плохими. Среди его сочинений: «Les Douze Triomphes de Henry VII» и «Memorials of Henry VII».

Антуан, Бургундский Бастард (1421–1504) — незаконно-рожденный сын Филиппа Доброго, герцога Бургундского, и Жанны де ла Прель. С ранних лет прослыл одним из лучших военачальников бургундской армии и участвовал во всех кампаниях. Командовал экспедицией в Сеуту в 1464 году, затем принял участие в Лиге Общественного блага. Долгое время являлся верным сторонником Карла Смелого, но перешел на сторону Людовика XI после того, как был пленен в битве при Нанси (1477 год). Исполнял дипломатические обязанности по поручению Людовика XI, за что был пожалован губернаторством Ардра.

Аптон (Upton), Николас (1400?–1457) — регент хора Солсберийского собора и автор многочисленных трактатов по геральдике и военному искусству. Получил образование в Винчестерской

школе (1408 год), принят в Нью-Колледж Оксфордского университета в 1415 году, по окончании университета получил титул бакалавра гражданского права. В 1420 году назначен субдиаконом. Принят на службу к Томасу де Монтакьюту, 4-му графу Солсбери, вместе с ним сражался во Франции в 1428 году, после гибели графа назначен одним из исполнителей его воли (завещания). В начале 1430-х годов Аптон вернулся к научным занятиям, в 1438 году получил звание доктора теологии в Бродгейтс Холле (впоследствии Колледж Пемброка Оксфордского университета) и в 1446 году стал регентом хора в Солсбери. Его трактат *Libellus de Officio Militari*, посвященный герцогу Глостеру и написанный до 1446 года, включает 4 части: (1) *De Coloribus in Armis et eorum Nobilitate ac Differentia*; (2) *De Regulis et de Signis*; (3) *De Animalibus et de Avibus in Armis portatis*; (4) *De Militia et eorum [sic] Nobilitate*.

Батлер, Джеймс, граф Ормонда (1392 – 23.08.1452) – по прозвищу «Белый граф», 4-й граф Ормонда, сын 3-го графа и Анны, дочери Джона, лорда Уэллза. Наследовал отцу в сентябре 1405 года. Получив великолепное образование благодаря стараниям своего отца, он считался одним из самых образованнейших английских аристократов своего времени. По прибытии в Англию Томаса Ланкастерского, лорда-наместника Ирландии, он поступил к нему на службу, близко подружился с ним и в 1412 году сопровождал его в путешествии по Франции. Сопровождал Генриха V в его французских походах. В 1420 году назначен лордом-наместником Ирландии. Считался эталоном рыцарственности; в частности, в 1422 году вторгся во французскую провинцию О’Мор и повел свою армию через Атийское болото, когда, как повествует хроника, солнце встало на его сторону и светило (чудным образом) всего три часа. По причине многовековых клановых раздоров между Батлерами и Тальботами в 1422 году был обвинен в государственной измене сэром Джоном Тальботом, но в 1423 году оправдан. После смерти Генриха был смещен с поста наместника и вновь был назначен им в 1440 году. В 1446 году был смещен и сразу же после этого, в 1447 году, обвинен Джоном Тальботом, теперь графом Шрусбери, в государственной измене во второй раз, но и на сей раз оправдан «пожизненно» королем. Граф Ормонда все жизнь собирал старинные документы, хроники, генеалогические материалы, которые затем пожаловал основанной им же Коллегии Герольдов. Был женат дважды: в первый раз на Джозанне, дочери 5-го графа Килдера, от которой имел троих сыновей (все последовательно наследовали титул) и двух дочерей; во второй раз на Елизавете, дочери лорда Бергавенни и вдове лорда Грея, от которой не имел потомства.

Бейль, Джон (21.11.1495–1563) — епископ Оссорийский, очень низкого происхождения, получил образование в кармелитском монастыре в Норвиче, после чего был принят в Колледж Иисуса в Кембридже. Будучи вначале рьяным католиком и противником гуманизма и нового образования, он, под влиянием лорда Уэнтворта, изменил свои взгляды, отказался от своих клятв и вызвал большой скандал тем, что женился, что навлекло на него ненависть большей части духовенства. От расправы его спасло только заступничество Томаса Саффолка, графа Сассекса. В 1534 году был призван архиепископом Йоркским к ответу за свою анти-римскую пропаганду. Привлек внимание Кромвеля своими моралите, направленными против римской партии. После падения Кромвеля он вынужден был бежать из Англии (1540 год), поскольку имел слишком много врагов. В Германии, где он оказался со своей женой и детьми, продолжал нападки на папизм и написал, в частности, историю сэра Джона Олдкасла, одного из сподвижников Уиклифа (*A brief Chronicle concerning the Examination and Death of Sir John Oldcastle, collected by John Bale out of the books and writings of those Popish Prelates which were present*, London, 1544). Бейль вернулся в Англию в 1547 году, когда на трон вступил Эдуард VI, и был вскоре пожалован епископством Оссорийским в Ирландии (1553 год). В Ирландии он повел себя очень радикально, отменяя католические ритуалы, расстригая священников и советуя им жениться. По восшествии на престол Марии Тюдор он был заключен в тюрьму, но выпущен, затем бежал в Голландию, где также был арестован, но, заплатив крупную взятку, освобожден, таким образом он оказался в Базеле, где и пребывал до 1558 года, пока не вернулся в Англию по вступлении на престол Елизаветы Тюдор. Он отказался от епископства Оссорийского, был принят на пост пребендария Кентербери, где и умер. Наиболее важными из его работ являются: 1. *Acta Romanorum Pontificum usque ad tempora Pauli IV* (Basle, 1538; Frankfort, 1567; Leyden, 1615); 2. *The Pageant of the Popes, containing the lyves of all the Bishops of Rome from the beginning to the yeare 1555, Englished with additions by J. S. [John Studley* (London, 1574); 3. *A Tragedie or Enterlude manifesting the chiefe promises of God unto man, by all ages in the olde lawe from the fall of Adam to the Incarnation of the Lord Jesus Christ* (London, 1538, reprinted in Dodsley); 4. *New Comedy or Enterlude concerning the three lawes of Nature, Moises and Christe, corrupted by the Sodomytes, Pharyses and Papistes* (1538, London, 1562); 5. *Yet a Course at the Romyshe Foxe* (Zurich, 1543); 6. *A Mysterye of Iniquyte, contayned within the heretycall Genealogye of Ponce Pantolabus, is here both dysclosed and confuted* (Geneva, 1545); 7. *The Apologye of Johan Bale agaynste a ranke Papyst* (1550).

Блаунт, Уильям (ок. 1478–1534) — 4-й лорд Маунтджой, в 1485 году наследовал отцу, в 1486 году был сделан членом совета короля, несмотря на свою юность. В 1496 году отправился в Париж, где обучался под руководством Эразма, чьим патроном он затем остался на всю свою жизнь. В 1498 году Блаунт впервые привез Эразма в Англию, Эразм долгое время жил в доме Маунтджоя. Блаунт являлся близким другом Генриха VIII в его молодые годы. В 1497 году участвовал в подавлении восстания Перкина Уорбека. В 1509 году был назначен констеблем замка Эммс в Пикардии и управляющим марками Кале. В 1511 году вернулся в Англию. В 1512 году был сделан управляющим королевы Екатерины. В 1513 году — назначен управляющим, а затем байлифом Турне. Сопровождал короля в Лагере Золотой Парчи в 1520 году. Присутствовал при встрече Карла V в Дувре в 1522 году. Оставался с королевой Екатериной вплоть до ее развода, в 1533 году упрасивал Кромвеля разрешить ему остаться с королевой после развода. В парламенте отказался голосовать за Акт о Супрематии. Эразм глубоко уважал Маунтджоя и посвятил ему несколько своих трактатов. Блаунт был женат трижды: 1) ок. 1500 года на Елизавете, дочери сэра Уильяма Сэя; 2) ок. 1517 года на Алисе (ум. 1521), дочери сэра Уильяма Вебеля, мэра Лондона; 3) Доротее (ум. ок. 1524), дочери Томаса Грея, маркиза Дорсета. От первого брака он оставил двух дочерей, от второго — сына и дочь.

Боне (Bonet, другое написание Bouvet — Бове), Оноре (ок. 1345 — ок. 1405) — приор Салонского монастыря. Автор поэмы *L'Apparition de maitre de Jean de Meung*, трактата о Великой Схизме XIV века (*Le Songe sur le Schisme*) и важного трактата о военном праве под названием «Древо Битв» (*L'Arbre des Batailles*).

Бошам, Ричард (28.01.1382 — 30.04.1439), граф Уорика, сын Томаса Бошама, графа Уорика и крестник Ричарда II. Наследовал отцу в 1401 году. При коронации Генриха IV возведен в рыцарское достоинство, сделан рыцарем ордена Бани. При коронации жены Генриха IV, Жанны Наваррской, он сражался на турнире в ее честь. В 1403 году был отправлен в Уорикшир для сбора армии, где принудил Оуэна Глендоуэра к сражению и захватил его знамя. В Битве при Шрусбери выступил против семьи Перси и вскоре после этого был возведен в рыцари ордена Подвязки. В 1408 году испросил у короля разрешение на посещение Гроба Господня. Именно на основе этого путешествия и сложилось множество легенд о его подвигах. Вначале он отправился посетить своего родственника, герцога Барского, затем прибыл ко двору Карла VI, тот оказал ему особые почести, посадив за свой стол и снабдив его герольдом для проезда через Ломбардские земли. Здесь его встретил другой герольд, который от имени сэра Пандольфа Малета

вызвал его на поединок в Вероне. Бошам принял вызов, и после совершения паломничества в Рим поединок состоялся. Бошам практически убил своего соперника, когда глава турнира сэр Галеотси Мантуанский крикнул «мир», что означало конец поединка. Затем он отправился в Венецию, где провел некоторое время с дожем, и наконец достиг Иерусалима. Находясь в Святой Земле, осуществляя свои молитвы (на северной стороне храма, как сообщает нам его первый биограф), Бошам явно не терял времени даром. В частности, одна из первых классических рыцарских легенд о нем имела место именно здесь. Говорят, его посетил посланец султана, который объявил ему, что был знаком с историей его предка, Гая де Уорика, о котором «говорится в наших книгах». После чего посланец признался графу, что является христианином в душе, но не решается на открытое исповедание этой религии. В конце концов Бошам отбыл из Иерусалима обратно в Верону, после чего путешествовал по Руси, Литве, Польше, Пруссии, Вестфалии и другим германским землям, и вернулся домой около 1410 года. Король сразу же определил его в свиту принца Уэльского. При коронации Генриха V Бошам стал лордом-распорядителем торжества, после чего сразу же получил назначение в посольство для заключения союза с Бургундией и перемирия с Францией. В 1414 году участвовал в подавлении восстания лоллардов, после чего его назначили губернатором Кале. В том же году он сопровождал делегацию английских епископов на Собор в Констанце. Хронисты отмечают, что великолепие английской миссии превзошло все ожидания и вызвало всеобщее восхищение и зависть. Являясь губернатором Кале, он провел множество рыцарских турниров и поединков, где, как правило, побеждал. В 1416 году принял императора Сигизмунда на его пути в Англию. Во время военных действий в Нормандии король разделил командование армией на три части между им самим, своим братом Кларенсом и Бошамом. После сдачи Руана в 1419 году Бошам был назначен главой миссии по капитуляции города. В этом же году он подготовил Труасский мирный договор и брак между Генрихом V и Екатериной Французской. В последующие два года Бошам принимал участие в осаде и сдаче многих французских городов и замков (в частности, Омарля, за что получил титул графа Омарльского). Когда Генрих V умер, Бошам стал воспитателем его несовершеннолетнего сына. В 1429 году при коронации Генриха VI Бошам внес короля в церковь, после чего отправился заключать перемирие с Шотландией. В 1435 году мы обнаруживаем его во Франции защищающим Кале, а в 1437 году он был назначен наместником во Франции и Нормандии на пост, который до этого занимал герцог Йорк. Назначение это было встречено в штыки, несмотря на популярность Уорика. Тем не менее Уорик отправился во Францию, где и умер в Руане. Уорик был дважды женат: первый

раз на дочери и наследнице лорда Беркли, от этого брака у него родилось трое дочерей. Во второй раз — на вдове своего кузена, графа Вустера (убитого при Ме в 1422 году), от этого брака у него остался сын и наследник.

Бренд (Brende), Джон (? — ок. 1565) — английский переводчик, перевел *The Historie of Quintus Curtius, conteining the actes of the great Alexander, translated out of Latin into Englishe by Iohn Brende* (London, 1553). Он также сделал перевод Записок Цезаря перед самой своей смертью, который не был опубликован по той причине, что Голдинг, другой известный переводчик, счел его неадекватным и предложил сэру Уильяму Сесилу (по чьему заказу был выполнен перевод) свою версию. В документах города Уайта находится завешание, составленное неким Джоном Бренде, перчаточником, около 1572 года, однако вряд ли это относится к переводчику.

Бурсье (Bourchier), Джон (1467–1533) — 2-й лорд Бернерс (Berners), внук 1-го лорда, наследовал деду в 1474 году (его отец, Хамфри Бурсье, погиб в битве при Барнете в 1471 году). Биографы считают, что он получил образование в Оксфордском университете, в Колледже Баллиоля. В 1492 году он поступил на службу к королю Генриху VII, в 1497 году принимал участие в подавлении Корнуэльского восстания. Совершенно ясно, что он был с юных лет знаком с Генрихом VIII, в 1513 году он путешествовал в его свите в Кале и присутствовал при взятии Турени. В том же году он командовал армией графа Сюррея в Шотландии. Когда принцесса Мария вышла замуж за Людовика XII (1514 год), он был послан во Францию в качестве управляющего ее двора, но вскоре вернулся и был назначен канцлером казначейства (1516 год). В 1518 году он был послан вместе с епископом Армахским в Испанию с целью заключить союз между Генрихом и Карлом Испанским. В начале 1519 года он вернулся в Англию и сразу же отправился вместе с королем во Францию для участия в событиях Лагерь Золотой Парчи, о которых он составил подробнейший отчет, за что Королевский Совет вынес ему особую благодарность. В декабре 1520 года он был назначен губернатором Кале (к тому моменту финансовое положение Бурсье сильно пошатнулось и он вынужден был согласиться на низкое жалованье). Переписка с кардиналом Уолси показывает, что Бурсье был занят созданием новых укреплений в Кале и реформой английских армий во Франции и Нидерландах. В 1522 году он принял у себя короля Карла V. В 1528 году король за доблестную службу пожаловал ему несколько маноров, преследуя в том числе цель помочь ему в уплате долгов (прежде всего короне), однако это не помогло, и после смерти Бурсье в 1533 году после продолжительной болезни все его иму-

щество было арестовано. Именно в Кале Бурсье и занялся активной переводческой деятельностью. Первой его книгой были знаменитые Хроники Фруассара, затем еще несколько книг о рыцарстве и рыцарственности («Гугон Бордосский», «Замок любви», «Золотая книга Марка Аврелия», «История рыцаря Артура Бретонского» и др.). Бурсье был женат на дочери герцога Норфолка и имел от нее трех дочерей. Кроме них у него также было три незаконнорожденных сына и дочь, хотя некоторые источники упоминают о разводе и втором браке с Елизаветой Бэкон (ок. 1506 года).

Вергилий, Полидор (1470?–1555?) — историк. Получил образование в Болонье и Падуе. После этого стал секретарем герцога Урбино. Именно в Падуе он написал два своих самых известных трактата *Proverbiorum Libellus* или *Adagia* и *De Inventoribus Rerum* (ок. 1498–1499 гг.). Ок. 1495 года Вергилий стал капелланом Папы Александра VI. Благодаря протекции своего родственника он также получил должность сборщика десятины в Англии и прибыл в Англию в 1501 году. Здесь у него сложились близкие отношения с королем Генрихом VII и тот попросил его написать историю Англии в 1505 году. В 1510 году Вергилий был натурализован и таким образом стал англичанином. В 1514 году отправился в Рим, вернулся в Англию в конце года. Однако он был арестован и посажен в тюрьму по обвинению в даче взятки за голосование в пользу Уолси при приобретении оным кардинальской должности. Но вскоре был отпущен в 1516 году. В том же году Вергилий вернулся в Италию по требованию Папы Льва. В 1517 году он снова посетил Англию. На протяжении последующих лет он занимался написанием истории Англии, которая появилась в 1534 году. Хотя Вергилий и был католиком, но в 1536 году подписал статьи. Затем он принимал участие в процессе Анны Клевской, в 1543 году мы вновь видим его в Лондоне. В 1550 году он вернулся в Италию, в плохом состоянии здоровья. Кроме «Истории Англии» перу Вергилия принадлежат: 1. *De Prodigis* (Basel, 1531); 2. *Divi Joannis Chrysostomi de perfecto Monacho Principe Libellus* (Basel, 1533); 3. *De Patientia et ejus fructu libri duo*, *De Vita Perfecta*, и *De Veritate et Mendacio* (Basel, 1543).

Вивес, Иоганн Людовик (Хуан Луис) (6.03.1492–6.05.1540) — ученый-гуманист, испанец по происхождению (из Валенсии). Получил начальное образование в Валенсии, затем в 1509 году перебрался в Париж для продолжения обучения. Изучал диалектику под руководством Жана Даллара и Гаспара Лакса. В 1512 году переехал в Брюгге. Город ему так понравился, что он решил сделать его своей резиденцией. В 1514 году, однако, мы снова видим его в Париже, где он публикует один из своих первых

трактатов *Christi Triumphus*. В 1516 году переместился в Лувен, где в 1518 году закончил свой другой трактат *De Initiis, Sectis, et Laudibus Philosophiæ*. В 1519 году снова посетил Париж, где познакомился с Эразмом Роттердамским, чье внимание на Вивеса обратил Томас Мор, восхищенный глубиной Вивесова мышления. В 1520 году Вивес начал преподавать в Лувенском университете. Эразм, работавший в то время над подготовкой к публикации трудов Св. Августина, обратился за помощью к Вивесу, который согласился написать вступительную статью и некоторые комментарии. Однако Вивес был сражен тяжелой болезнью и принужден вернуться в Брюгге, где в 1521 году удостоился посещения Генриха VIII и Екатерины Арагонской в сопровождении Томаса Мора. Екатерина Арагонская назначила пенсион своему знаменитому соотечественнику. По выздоровлении он вернулся в Лувен, закончил работу над комментариями к Августину и посвятил свою работу Генриху VIII, который письме от 1523 года выразил свою глубокую признательность. В этом же году умирает его главный патрон и Вивес решает отправиться в Англию, где Генрих давно обещал ему свое покровительство. Он прибывает в Англию в конце 1523 года. Во время пребывания в Англии Вивес присоединился к Колледжу Тела Христова (Корпус Кристи) в Оксфорде, где он работал над своим знаменитым трактатом *Introductio ad Sapientiam*. В 1524 году он совершает короткий визит во Фландрию, чтобы заключить брак с дочерью испанского купца. В 1527 году он вновь уезжает во Фландрию, но на этот раз причиной является развод Генриха с Екатериной Арагонской, которой Вивес глубоко симпатизировал, и действий Генриха он не одобрял. Вивес выступил в защиту Екатерины Арагонской и был ее личным советником в деле о разводе, за что и поплатился шестинедельным заключением в тюрьме, после освобождения ему было запрещено появляться при дворе. Однако он отказался выступать защитником королевы в Суде папской курии в Риме, за что она лишила его пенсионна. Тогда Вивес вернулся в Брюгге к своей жене и возобновил свою деятельность в качестве университетского преподавателя. В последующие три года Вивес написал свои главные трактаты: *De Concordia et Discordia in Humano Genere* (с посвящением Карлу V), *De Corruptis Artibus, De Tradendis Disciplinis* и *De Artibus* (с посвящением Хуану III, королю Португалии). В 1536 году Вивес был приглашен в Парижский университет для прочтения курса лекций. Он умер в 1540 году от тяжелой лихорадки. Английскому читателю той эпохи были известны следующие трактаты Вивеса, переведенные на английский язык: 1. *An Introduction to Wysdome*, translated by Sir Richard Morison (London, 1540); 2. *A very frutefull and pleasant boke, called the instructix of a christen womz*, translated by

R. Hyrd (London, 1540); 3. *A Short Summary of Aristotle's Philosophy by J. L. V.* (London, 1540 (?); 4. *The office and duetie of an husband*, translated by Thomas Paynell (London, 1550 (?); 5. *St. Augustine of the Citie of God; with the learned comments of J. L. V.* (London, 1610).

Вудвилль, Энтони (1442? — 25.06.1483) — лорд Скейлз, 2-й граф Риверс, сын 1-го графа. Наследовал отцу в 1469 году. В детстве вместе с отцом был захвачен сторонниками Йорков и являлся пленником в Кале, пока их не выменяли на представителей Йоркской партии. Титул лорда Скейлза он получил посредством женитьбы (от. 1460 г.) на Елизавете, баронессе Скейлз и Носель, вдове сэра Генриха Бурсье (двоюродного дяди лорда Бернерса). При Таутоне Вудвилль сражался на стороне Генриха VI, но после проигрыша он решил вместе со своим отцом, что Эдуард IV доказал свое право на престол, и они перешли на его сторону. В 1462 году он был признан лордом Скейлзом и призван в парламент с данным титулом. После того как его сестра Елизавета вышла замуж за короля (1464 год), его продвижение стало весьма быстрым. В 1466 году он стал рыцарем ордена Подвязки, получил во владение остров Уайт и земли умершего сэра Джона Фастольфа. Вудвилль, вдохновленный рыцарской славой Ричарда Бошама, также ступил на ниву рыцарских подвигов. В 1465 году он, с поощрения Эдуарда IV, послал вызов Антуану, графу ла Рошу, Бургундскому Бастарду (сводному брату Карла Смелого), также известному рыцарю. Поединок смог состояться только в 1467 году, поскольку Антуан был втянут в войны, которая вела Бургундия. Турнир сопровождался пышными зрелищами и празднествами. Скейлз оказался победителем. В свете складывающегося англо-бургундского альянса было решено заключить брак между новым герцогом Бургундским и сестрой Эдуарда Маргаритой. Лорд Скейлз являлся ее официальным представителем, сопровождал ее в Брюгге, где также принимал участие в турнире по поводу предстоящей женитьбы. По описаниям очевидцев, он сломал одиннадцать копий с Адольфом Клевским. В 1469 году Вудвилль вместе со своим отцом и королем находился в Норфолке, когда Невилли выступили против клана королевской родни. Вудвиллю удалось сбежать, а вот его отец и брат погибли, что сделало его графом Риверсом и констеблем Англии. В 1470 году, когда Уорик одержал победу над королевскими войсками, Риверс разделил ссылку с Эдуардом в Нидерландах. В 1471 году Риверс отбил у Ланкастеров Лондон, пока Эдуард сражался при Тьюксбери, и был сделан личным советником принца Уэльского. Однако события эти оказали на Вудвилля неизгладимое впечатление и обратили его к Богу. В октябре 1471 года он испросил у короля разрешение отправиться в Испанию, чтобы проповедовать среди сарацин, чем король был очень недоволен. Вудвилль, однако, вернулся в следующем

году и сразу же был послан заключить союз с герцогом Бретонским. В феврале 1473 года Риверс был назначен официальным опекуном принца Уэльского и главным «распорядителем» Англии. В следующем году он опять испросил разрешения у короля, чтобы отправиться в паломничество в Компостеллу, однако очень быстро вернулся для участия в переговорах с Людовиком XI и Карлом Смелым, закончившихся перемирием в Пикиньи. В 1476 году он совершил паломничество в Рим. На обратном пути графа Риверса ограбили, и некоторая часть драгоценностей всплыла в Венеции. Риверс потребовал компенсации, которая была ему дарована, Папа Сикст IV пожаловал ему еще и титул защитника и представителя всех папских дел в Англии. Затем он посетил лагерь герцога Бургундского в Море, где начались переговоры о браке овдовевшего Риверса с сестрой шотландского короля Якова III. Хотя все проблемы были улажены, брачный договор подписан и шотландский парламент вотировал 20 тысяч фунтов на содержание Риверса, но помолвка была расторгнута по причине интриг Эдуарда IV с оппонентами шотландского короля. Смерть Эдуарда IV застала его в Ладлоу с принцем Уэльским, который стал королем. Но регентом Эдуард назначил герцога Глостера, надеясь, что Вудвилли спокойно примут его главенство. Риверс отправился на встречу с Глостером, был арестован под предлогом того, что он «создавал препятствия для встречи короля и регента», и казнен 25 июня 1483 года, видимо, без всякого суда. Риверс оставил после себя перевод латинского оригинала *Dictes and Sayings of the Philosophers* (London, 1477), а также *Proverbs of Christine de Pisan* (1478). После неудачной помолвки с Маргаритой Шотландской он женился все-таки во второй раз на Марии, внучке 2-го герцога Сомерсета. У Риверса не было законнорожденных детей, он оставил только незаконнорожденную дочь.

Вустер (иногда Ворчестер — Worcester), Уильям (1415–1482?) — хронист и путешественник, происходил из бюргерской семьи. Иногда использовал фамилию Ботонер, которая принадлежала его матери. Поступил в Оксфорд в 1431 году и затем стал членом Колледжа Баллиоля. В 1438 году сэр Джон Фастольф взял его к себе на службу; Вустер оставался секретарем и официальным представителем Фастольфа до смерти последнего в 1454 году. Вустер держал даже суды от имени Фастольфа. После смерти сэра Джона Вустер стал одним из исполнителей его завещания и долгое время занимался распределением земель и доходов между Пастонами, находившимися в родстве с Фастольфом (он не оставил законных наследников), и другими претендентами. Сам он получил небольшой кусок земли в Норидже. В 1459 году, пока он находился в Лондоне по поводу бесчисленных исков к имению Фастольфа, он на протяжении двух лет продолжил свое обучение,

на сей раз литературе и поэзии. Вустер много путешествовал по стране и оставил детальное описание своих путешествий, которое является ценным источником по истории тогдашней Англии. В период между 1470 и 1480 годами он много писал, как будто в литературе нашел свое призвание. Он был женат (его жена пережила его), имел нескольких детей, из которых старший, Уильям, продолжил его литературные труды. К его произведениям относятся: 1. *Annales rerum Anglicarum* (1324–1468, 1491), in Hearne, *Liber Niger Scaccarii* (London, 1728, reprinted 1771); 2. *A collection of documents* (1447–1450), in Rev. Joseph Stevenson (ed.), *Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France* (Rolls Series, 1864), vol. ii. pt. ii.; 3. *A collection of documents* (1427–1452), in Rev. Joseph Stevenson (ed.), *Letters and Papers illustrative of the Wars of the English in France* (Rolls Series, 1864), vol. ii. pt. ii.; 4. *Acta domini Johannis Fastolf*, in Tanner, Th. (ed.) *Bibliotheca Britannico-Hibernica* (Londini, 1748); 5. *Antiquitates Angliæ*, in Tanner, Th. (ed.) *Bibliotheca Britannico-Hibernica* (Londini, 1748); 6. *De agri Norfolciensis familiis antiquæ*, in Tanner, Th. (ed.) *Bibliotheca Britannico-Hibernica* (Londini, 1748); 7. *Variorum autorum deflorations*, in Tanner, Th. (ed.) *Bibliotheca Britannico-Hibernica* (Londini, 1748); 8. *Registratio sive excerptio versuum proverbialium de libro Ovidii de arte amandi, de fastis et de epistolis* (a.d. 1462), in Tanner, Th. (ed.) *Bibliotheca Britannico-Hibernica* (Londini, 1748).

Гарисон (иногда Харрисон — Harrison), Уильям (18.04.1534–1593) — топограф, хронист и историк. Получил образование в школе собора Св. Павла, затем в Вестминстерской школе, затем в 1551 году поступил в Кембридж, оттуда перевелся в Оксфорд, где получил степень бакалавра в 1556 году, магистра в 1560-м. Затем Гарисон сделался капелланом сэра Уильяма Брука, лорда Кобэма, в 1559 году он получил от последнего ректорство Радуинтер в Эссексе. В 1586 году он был назначен каноником Виндзора, где и умер. Гарисон оставил после себя ценное для историка литературное наследие. Вместе с Реджинальдом Вольфом, печатником королевы Елизаветы, он начал создание всемирной истории, где планировалось описание истории каждой известной нации. Однако Вольф вскоре умер, а его последователи сузили проект до истории Англии, Шотландии и Ирландии, в результате чего и родилось знаменитое «Описание Англии» Гарисона, где он подробно рассказывает об «обычаях» англичан, институтах государственного управления, дает географическое описание страны и т. д. Также Гарисону принадлежат неопубликованные три тома «Хронологии», касающейся прежде всего своего собственного времени и служившей источником Холишеду. Гарисон был женат и имел троих детей, его сын Эдмунд занимался публикацией «Описания» после смерти отца.

Гауэр (Gower), Джон (1325?–1408) — поэт, происходит из семьи джентри графства Кент. Мнения его биографов о том, что он получил образование в Оксфорде, не находят никаких подтверждений в источниках. Но с уверенностью можно сказать, что Гауэр много путешествовал, особенно по Франции, был известен при дворе, но вхож туда стал только в свои преклонные годы. В частности, свою знаменитую поэму «Исповедь влюбленного» (*Confessio amantis*) он написал по просьбе Ричарда II, которому ее первоначально посвятил, но в 1393–1394 годах он написал новое посвящение, и на сей раз оно было предназначено Генриху Ланкастеру, сопернику Ричарда. Гауэр был ярым сторонником Ланкастера и в первые годы его царствования проявил себя его пламенным апологетом. Поэт женился в весьма преклонном возрасте, ок. 1397 года, на некоей Агнес Грюндольф. Брак состоялся в приорстве Св. Марии Эврё, где Гауэр проживал в то время и чьим щедрым пожертвователем являлся. В 1400 году, после продолжительной болезни, Гауэр ослеп. Другом Гауэра был другой великий английский поэт — Джеффри Чосер, который посвятил ему свою поэму «Троил и Хризеида». Сохранились три основных произведения Гауэра: 1) *Speculum Meditantis* («Зерцало размышляющего» или «Зерцало человечества» — *Mirour de l'omme*); 2) *Vox Clamantis* («Глас вопиющего») и 3) *Confessio Amantis* («Исповедь влюбленного»), а также около пятидесяти французских баллад.

Гевара, Антонио де (Guevara y de ?Norona, Antonio de) (ок. 1480 — 3.04.1545) — испанский историк. Родился в знатной семье в провинции Астурия, вероятно в городе Тресеньо. Начал карьеру при королевском дворе в качестве пажа, в 1504 году вступил в орден францисканцев, в 1521-м стал придворным капелланом. После того как Гевара поддержал Карла V в ходе т. н. восстания комунерос, поднятого городами и местной знатью (1519–1521), тот отблагодарил его, назначив в 1526 году на пост придворного хрониста. С 1528 по 1537 год. Гевара был епископом Гуадикса, в 1535-м сопровождал Карла в его походе на Тунис. С 1543-го был епископом Мондоньедо. Гевара рано завоевал признание как писатель, среди его произведений «Часы государевы, или Золотая книга императора Марка Аврелия» (*Reloj de principes o libro aureo del emperador Marco Aurelio*, 1529), автобиография Марка Аврелия, «Совершенного государя», предназначалась в качестве наставления для правителей (Размышления самого Марка Аврелия стали известны в Европе лишь в 1558-м). Трактат «Порицание жизни придворного и похвала труженику» (*Menosprecio de corte y alabanza de aldea*) вышел в 1539-м. В том же году было опубликовано сходное по содержанию и стилю сочинение «Предупреждение фаворитам и руководство для придворных» (*Epistolas*

familiares, 1539), которое можно считать одним из наиболее ранних образцов европейской эссеистики.

Генрих V (9.08.1387 — 21.08.1422) — король Англии в 1413–1422 годах. Наследовал отцу Генриху IV Болингброку. Женат (1420) на Екатерине Валуа (1401–1437), дочери Карла VI, короля Франции. После смерти Генриха вышла замуж за сэра Оуэна Тюдора, чей внук, Генрих Тюдор, стал королем Англии в 1485 году.

Генрих VI (6.12.1421 — 21.04.1471) — король Англии в 1422–1461, 1470–1471 годах из династии Ланкастеров. Женат в 1445 году на Маргарите Анжуйской (1429–1482), дочери Рене I, герцога Анжуйского. Единственный сын, Эдуард, принц Уэльский (1453–1471) убит в битве при Тьюксбери.

Генрих VII (28.01.1457 — 21.04.1509) — английский король в 1485–1509 годах из династии Тюдоров. Вступил на престол, победив в битве при Босворте и убив Ричарда III Плантагенета. Женат в 1486 году на Елизавете Йорк (1466–1503), дочери Эдуарда IV. Из десяти детей старший сын, Артур, принц Уэльский умер в 1502 году, шестнадцати лет от роду, когда наследование перешло ко второму сыну, будущему королю Генриху VIII.

Генрих VIII (24.06.1491–20.01.1547) — король Англии в 1509–1547 годах из династии Тюдоров. Женат шесть раз: 1) в 1509 году на Екатерине Арагонской (1485–1536), дочери испанского короля (Екатерина Арагонская в первом браке являлась супругой Артура, принца Уэльского). Из рожденных от этого брака шестерых детей выжила только Мария Тюдор, королева Англии в 1553–1558 годах. Брак был аннулирован королем как главой англиканской церкви в 1533 году; 2) в 1533 году на Анне Болейн (1501–1536), дочери Томаса, графа Уилтшира. Из троих детей выжила только Елизавета Тюдор, королева Англии в 1558–1603 годах. Брак был аннулирован в 1536 году по причине обвинения Анны Болейн в государственной измене, за что она и была казнена; 3) в 1536 году на Джейн Сеймур (1505–1537), дочери сэра Джона Сеймура. Единственный сын от этого брака стал королем Англии Эдуардом VI; 4) в 1540 году на Анне Клевской (1515–1557), дочери Иоанна III, герцога Клевского. Этот брак был аннулирован спустя несколько недель после его заключения; 5) в 1535–1540 годах на Екатерине Говард (1520–1542), дочери Эдмунда, лорда Говарда, сына герцога Норфолка. Была казнена по причине государственной измены; 6) в 1543 годах на Екатерине Парр (1512–1548), дочери сэра Томаса Пара, вдове 2-го лорда Бруга, вдове 3-го лорда Латимера. После смерти короля вышла замуж в четвертый раз за лорда Сеймура. Кроме того, от связи

с Элизабет Блаунт у Генриха был незаконнорожденный сын, Генрих Фицрой, герцог Ричмонда (1519–1536).

Гилберт, сэр Хамфри (1539?–1583) — мореплаватель, сводный брат сэра Уолтера Рэли по матери. Получил образование в Итоне и Оксфорде и полностью посвятил себя изучению морского дела и навигации. Начал свою морскую карьеру в 1563 году под командованием Амброзия Дадли, графа Уорика. В 1566 году служил капитаном под командованием сэра Генриха Сидни в Ирландии. В 1569 году Гилберт победил знаменитого кланового вождя Маккарти Мора и был назначен наместником ирландской провинции Мюнстер. Во время своего наместничества он, в частности, написал лорду-наместнику Ирландии, что с мятежниками нельзя идти на компромисс, к покоренной нации нельзя оказывать милосердия и править ею с благородством. Тем не менее Сидни возвел его в рыцарское достоинство в 1570 году. В 1571 году Гилберт был избран членом парламента от Плимута, но Палата Общин трижды отказала принять его. В 1572 году его вместе с полуторатысячным английским десантом послали в Нидерланды поддерживать зеландцев в борьбе против Габсбургской тирании. Однако англичане потерпели там поражение, и Гилберт был вынужден вернуться в большом раздражении. В 1573–1578 годах он спокойно проживал в Лаймхаузе, лелея планы по открытию новых земель «во славу Ее Величества королевы Англии». В частности, именно он стал теоретиком и инициатором первого английского поселения в Америке. Однако экспедиция по причине погодных условий и испанских пиратов вынуждена была вернуться в Плимут. Потеряв все деньги в этой экспедиции, Гилберт вернулся обратно на службу в 1579 году, снова в Ирландию. На сей раз его главным проектом стало основание поселения на острове Ньюфаундленд. В 1583 году Гилберт высадился в бухте Св. Иоанна на этом острове и основал там первую английскую колонию в Северной Америке, став ее губернатором. Однако его губернаторство успешным не было, поселение вскоре исчезло. Кроме своих занятий навигацией, Гилберт проявлял интерес и к литературе. В частности, он написал знаменитый трактат «The Erection of (Queen Elizabethes) Achademy in London for Education of her Maiesties Wardes and others the youths of nobility and gentlemen» («Основание Академии в Лондоне для воспитания сирот Ее Величества и других молодых людей из знатных и благородных семей»).

Глостер, герцог Годфрид (1391–1447) — младший сын короля Генриха IV от его первой жены, по прозвищу «Добрый герцог Хамфри». Возведен в рыцарское достоинство в 1399 году накануне коронации своего отца. В 1400 году стал рыцарем ордена Подвязки, в 1403-м участвовал в битве при Шрусбери. Получил хорошее

образование в Оксфорде, колледже Баллиоля, с ранних лет начал собирать и читать книги, а также оказывать покровительство «ученым мужам». В 1413 году был назначен чемберленом Англии и в 1414 году сделан герцогом Глостера и графом Пемброка. Принимал активное участие в политических и военных предприятиях своего брата Генриха V, участвовал в битве при Азенкуре, где был ранен (герцог Алансонский сбросил его с коня, от смерти его спас сам Генрих V). После этого он стал маркграфом Лланстефана (графство Кармартен), наместником Пяти Портов и констеблем Дуврского замка. В 1416 году назначен опекуном и главным судьей королевских лесов и парков к югу от Трента. В 1416 году Глостер принимал в Дуврском замке императора Сигизмунда. При встрече в Кале он стал заложником, гарантировавшим безопасность герцога Бургундского на переговорах. Принимал участие во второй французской экспедиции Генриха V в 1417 году. При смерти Генрих назначил его представителем Бедфорда как регента (старшего брата Глостера), однако Глостер на открытии парламента потребовал пост регента для себя. Получив отказ, он тогда потребовал пост протектора и главного советника короля в отсутствие Бедфорда во Франции, что было ему даровано. Однако против решений регентского совета Глостер не шел. Первый же поступок Глостера на этом посту оправдал опасения Генриха V: он женился в 1422 году на Жаклине (Якобе) Баварской, единственной дочери Вильгельма IV, графа Геннегау, Голландии и Зеландии, которая унаследовала все эти земли после смерти своего отца и бежала в Англию ок. 1421 года от своего второго мужа графа Брабантского, брак с которым был аннулирован Папой в 1421 году. Этот брак сразу же втянул Англию в соперничество с Филиппом Бургундским из-за контроля над Нидерландами. Глостер отправился в Нидерланды, отвоевывать наследство своей жены, где потерпел полное поражение. Парламент же в 1425 году назначил его канцлером Бофора. Однако к 1427 году Глостеру удалось вернуть пост протектора и канцлера обратно (после продолжительной борьбы, перемежавшейся его болезнью), и он начал новый виток борьбы с Бедфордом за регентство. В январе 1428 года Папа аннулировал брак Глостера и Жаклины. Парламент потребовал от Глостера предъявить претензии на Геннегау и восстановление брака. Перед Палатой Лордов даже появилась делегация, состоящая из английских женщин знатного происхождения, которая осудила Глостера в том, что он не помогает своей законной жене, а развратничает тут со шлюхой Элеанорой Кобэм. Однако Жаклина сама отказалась от борьбы, подписав в июле Делфтский договор, по которому она подчинилась Филиппу Бургундскому, назначила его своим законным наследником, обещала не вступать в брак без его согласия и провозгласила, что никогда не была в законном браке с герцогом Глостером. Глостер спокойно принял ее заявление и

ок. 1431 года женился на своей любовнице Элеаноре Кобэм. В 1429 году после коронации Генриха VI Глостер также лишился должности протектора, однако борьбу с Бофорами и Бедфордом продолжил. В 1433 году, в условиях угрозы новой войны между Бургундией и Бедфордом, Глостер предложил отправиться в Кале и помочь Бедфорду и Бофору с возведением новых укреплений и подготовкой к войне, однако ничего из этого не вышло. Бедфорд воспротивился этому, совет занят его сторону, а молодой король хотел всеобщего мира. Однако Бедфорд умер в 1435 году, что сделало Глостера наследником престола. В 1436 году Глостер получил пост капитана Кале, города, который в тот момент был осажден, и отправился на выручку городу, однако мало преуспел, после чего вернулся в Англию. В 1440 году он являлся противником заключения мира с Францией (чем приобрел определенную популярность как защитник английских интересов) и при обсуждении вопроса об освобождении герцога Орлеанского покинул зал заседаний совета. Удалился в Южный Уэльс. В 1441 году его жена вместе с Болингброком и Саутвеллом была обвинена в государственной измене, колдовстве и т. д. Однако она отделалась только заключением, Болингброк был казнен, а Саутвелл умер в Тауэре. Глостер не посмел вмешаться, и, таким образом, его жена была заключена в тюрьму на протяжении нескольких последующих лет. В 1447 году Глостер был обвинен в государственной измене, арестован, но умер у себя во дворце. Его слуги и сторонники, в том числе и его незаконнорожденный сын Артур, были прощены королем в последний момент перед казнью. Глостер не оставил законнорожденного потомства, его незаконная дочь Антигона стала женой графа Танкервилля. «Добрый герцог Хамфри» был большим патроном искусств и наук, чем и приобрел свою популярность и репутацию. Он жертвовал огромные суммы на библиотеки колледжей Оксфордского университета; в частности, главный зал Бодлеанской библиотеки, где сегодня хранятся манускрипты, называется «Библиотекой герцога Хамфри».

Говард, Генрих (1517?–1547) — называемый графом Сюррея (иногда Серрей, Сари — Surrey), старший сын 3-го герцога Норфолка, свой титул носит с 1529 года, когда его отец наследовал герцогство (Говард носил титул «из вежливости», будучи наследником герцогского титула). Воспитывался при дворе Генриха VIII. Участвовал в суде над Анной Болейн в качестве графа Маршала вместо своего отца. В 1537 году был посажен в тюрьму за то, что ударил придворного, распространявшего про него слухи, что он тайно симпатизировал Болейн. В 1541 году стал рыцарем ордена Подвязки. Характер у Сюррея был взбалмошный; так, в 1543 году совет короля выдвинул против него обвинение в нарушении поста, а также за битие стекол в домах мирных лондонцев и церквях.

Принимал участие в нескольких сражениях, в 1544-м в битве против Франции командовал английским флотом. Заподозренный королем в претензиях на английский престол, был обвинен в государственной измене и казнен, сложив голову на плахе на Тауэрском холме (там же, где 12 годами раньше Томас Мор). Как поэт, являлся учеником и последователем Томаса Уайета, введя вместе с ним в английскую литературу темы и форму «петраркистской» поэзии. Отступив от канонов итальянского сонета, ввел сонет, состоящий из трех четверостиший и заключительного куплета (впоследствии названный шекспировским сонетом). При всей условности, лирика графа Сюррея проникнута искренним, истинным чувством (его сонеты к «прекрасной даме» Джеральдине, подражание Петрарке, элегия «Заточение в Виндзоре»). 40 стихотворений графа Сюррея были опубликованы в антологии «Песни и сонеты», вышедшей в 1557 году под редакцией издателя Ричарда Тоттела (так называемый Тоттелевский сборник, включивший также и 96 стихотворений Уайета и вышедший после смерти обоих поэтов). Граф Сюррей ввел в английскую поэзию октаву (размер, которым позже будут написаны поэмы Байрона «Дон Жуан» и «Видение суда»). Ему принадлежит помимо этого приоритет введения белого стиха, получившего впоследствии особенно широкое распространение в драматургии К. Марло и Шекспира.

Графтон, Ричард (?–1572?) — хронист и печатник, являлся богатым лондонским купцом. В 1537 году преданность протестантизму привела его к идее публикации Библии на английском языке. В 1537 году он вместе с Эдуардом Уитчерчем опубликовал перевод, сделанный «Томасом Мэтьюзом», который стал известным как «Мэтьюзовская Библия». На самом деле имя «Томас Мэтьюз» являлось псевдонимом Джона Роджерса. Тем не менее Библия была посвящена Генриху VIII, епископ Кранмер и канцлер Кромвель получили по экземпляру. В 1538 году другой вариант, исправленный и дополненный, вышел в Париже. Французское правительство, однако, обвинило печатника в ереси, тираж был конфискован, самому Графтону еле удалось бежать в Англию. После этого Графтон в основном занимался печатанием Библии, но после 1542 года обратился и к светским книгам. Он напечатал, в частности, описание кампании Карла V в Баварии *The Order of the Great Turckes Court* и Эразмовы *Aprophthegms*. В 1543 году Графтон получил королевский патент на публикацию церковной литературы, а в 1546 году стал официальным печатником принца Эдуарда. В 1547 году, по вступлении Эдуарда на престол, он получил эксклюзивное право на печатание актов парламента и статуты королевства. Графтон напечатал первую книгу проповедей в 1547 году, первую книгу Общих Молитв в 1549-м и первое издание «Актов парламента» в 1552-м. По вступлении на престол Джейн

Грей Графтон напечатал ее прокламацию, за что королевой Марией Тюдор был лишен поста королевского печатника и брошен в тюрьму. Однако после нескольких недель помирился с ней. В 1553–1554, 1562–1563, 1566–1567 годах являлся членом Парламента, а также главой Бридуэлского госпиталя. В 1543-м начал свою деятельность как хронист, напечатав «Хронику» Гардинга (или Хардинга). В ней он добавил продолжение с того года, когда Гардинг остановился, то есть со времен Эдуарда IV до года публикации. В 1548 году он опубликовал хроники Холла, также проведя некоторую редакцию, за что его сурово раскритиковал Стоу. Только перестав быть королевским печатником, Графтон позволил себе выступить в качестве автора, и в 1562 году в типографии Тоттеля была опубликована его собственная хроника *Abridgement of the Chronicles of England* («Сокращенное изложение английских хроник»). Ее переиздавали несколько раз. В 1565 году Графтон опубликовал «Руководство по английским хроникам» (*Manuell of the Chronicles of England*), которое Стоу опять же яростно критиковал. В 1568 году появилась его *Chronicle at large and meere Historye of the Affayres of Englande*.

Данбар, Уильям (1465?–1530?) — шотландский поэт, из семьи Данбаров, графов Марчей. 1475–1479 годы провел в университете Сент-Эндрюс. Вступил во Францисканский монашеский орден и некоторое время был странствующим францисканским монахом. Около 1490 года он стал частым гостем при дворе Якова IV, участвовал в шотландских миссиях на континент (в частности, в миссии графа Босуэла в Париж в 1491 году). В 1500-м ему был назначен пенсия в размере 10 фунтов в год пожизненно. Данбар принимал участие в посольстве, посланном ко двору Генриха VII Тюдора по поводу заключения брака между Маргаритой Тюдор и Яковом IV. В 1503 году он выпустил свою первую поэму *The Thrissill and the Rois*, посвященную этому браку. Данбар стал любимым поэтом королевы, сопровождал ее в поездке на север Шотландии в 1511 году. Практически ничего не известно о Данбаре после битвы при Флоддене (1513), что заставило некоторых хронистов предположить, что он пал вместе с королем. Однако его поэма «Оризон» посвящена посольству герцога Альбана во Францию, состоявшемуся в 1517 году. Ясно одно, что Данбар был мертв к 1530 году. К его поэмам относятся: *The Thrissill and the Rois* (1503), *The Goldyn Targe, Flyting and Lament for the Makaris* (все три между 1503 и 1508), ему также принадлежат такие сатиры, как *The Twa Marriit Wemen and the Wedo* и *The Dance of the Sevin Deidly Synnis*, *The Fenyet Friar of Tungland* и *Dream of the Abbot of Tungland*.

Дадли, Эдмунд (1462?–1510) — государственный деятель и юрист, происходил из семьи джентри в графстве Сассекс (его отец являлся шерифом Сассекса) и связан с баронской фамилией Дадли. В 1478 году был послан Оксфорд, затем изучал право в Грейз Инне. В 1485 году его знание законов и способности привлекли внимание Генриха VII и тот сделал его своим советником. Уже в 1492 году он принимал участие в Булонских переговорах. В этот период Дадли располагал полным доверием короля и занимался финансовой политикой (в основном фискальной) по отношению к состоянию баронских земель после Войны Роз. В 1504 году он был избран спикером Палаты Общин и становится главным барристером короля. В 1506 году получает должность управляющего укусных предприятий в Гастингсе. Однако в 1509 году Дадли был обвинен в государственной измене и казнен в 1510 году. Именно находясь в Тауэре, он написал трактат *The Tree of Commonwealth* («Древо Государства»), который, однако, так и не достиг Генриха VIII, которому был предназначен. Дадли был дважды женат: в первый раз на Анне, сестре лорда Видзора, во второй раз на Елизавете, дочери Эдуарда Грея, виконта Лайла. Его старший сын от первого брака Джон стал герцогом Нортумберленда.

Дуглас, Гевин (1474?–1522) — шотландский поэт и епископ, третий сын 5-го графа Ангуса. В 1489–1494 годах учился в университете Сент-Эндрюс, затем завершил свое образование в Париже. В 1496 году принял рукоположение. В 1501 году получил должность провоста Сент-Джайлза в Эдинбурге. В 1514 году овдовевшая королева Маргарита вышла замуж за племянника Дугласа, молодого и привлекательного графа Ангуса, что повлияло на его карьеру. Не получив архиепископства Сент-Эндрюсского, королева выдвинула его кандидатом на пост епископа Данкельдского. Однако этот пост он получил только в 1516 году после продолжительных дебатов и пертурбаций. В 1517 году он сопровождал регента Шотландии в Париж и принимал участие в заключении Руанского мира. Однако правление Ангуса привело шотландские дела в печальное состояние. Когда королева вернулась в Шотландию и увидела, как обстоят дела, она решила развестись с Ангусом, что лишило Дугласов власти и привело к возвращению герцога Альбана. Дуглас поспешил укрыться при дворе Генриха VIII, но был лишен своего епископства. В Англии он подружился с Полидором Вергилием, занимался литературой и поэзией. Дуглас умер от чумы в 1522 году. К его поэмам относятся: *The Palice of Honour*, *King Hart* и перевод Энеиды.

Елизавета I (7.09.1533 — 23.03.1603) — королева Англии в 1558–1603 годах из династии Тюдоров.

Жуанвиль (Joinville), Жан де (ок. 1224 — 24.12.1317) — сын Симона де Жуанвиля и Беатрисы Бургундской. Наследный сеньял графства Шампань. Получил хорошее образование, довольно редкое среди аристократии. Участвовал в 7-м крестовом походе (1248–1254), попал вместе с Людовиком Святым в плен и был ближайшим советником короля Людовика IX во время пребывания его в Святой Земле. В 1267 году поссорился с королем, сочтя бесполезным участие в новом крестовом походе. После смерти Людовика Святого Жуанвиль занимался шампанскими делами, участвовал в Лиге баронов против Людовика X, затем примирился с ним. Автор мемуаров, в которых значительное место отведено событиям этого похода, в них дан яркий портрет Людовика IX.

Иоанн Солсберийский (ок. 1115–1180) — английский ученый, политический мыслитель, епископ Шартрский. Родился в Олд-Солсбери (графство Уилтшир), откуда и пошло его прозвище. Получил образование во французских школах. В 1147 году поступил на службу к Теобальду, архиепископу Кентерберийскому, где познакомился со многими молодыми клириками, в частности с Томасом Бекетом, будущим архиепископом Кентерберийским. В 1148–1153 годах по поручению архиепископа неоднократно совершал поездки к папскому двору; несколькими годами позже (ок. 1164) написал краткую хронику под названием «История Святого Престола» (*Historia pontificalis*). Приблизительно с 1154 по 1161 год был секретарем архиепископа Теобальда, а с 1162 по 1170 год — советником Томаса Бекета. К этому периоду относятся его письма, а также два главных литературных труда: «Поликратик» и «Металогикон» (оба написаны в 1159). Иоанн Солсберийский был одним из выдающихся представителей школы Шартра, где он стал епископом (1176) и провел остаток своей жизни. «Поликратик» (пространный компендиум политических идей и права) и «Металогикон» (руководство по изучению логики), отразившие широкий круг идей того времени, были произведениями человека энциклопедической образованности и острого ума. Письма Иоанна Солсберийского дают представление о жизни ученого мира и церковных кругов, в которых он вращался.

Какстон (иногда Кэкстон — Saxton), Уильям (1422?–1491) — первый английский печатник родом из графства Кент. Фамилия его произносилась тогда как Каукстон или Каустон, как свидетельствует Национальный Биографический Словарь (DNB). Какстон получил начальное образование и в 1438 году был отдан в обучение лондонскому торговцу тканями (купцу мерсеру) Роберту Лангу. В 1441 году после смерти своего мастера Какстон отправляется в Брюгге, с купцами которого лондонские торговцы имели близкие связи, где продолжает свое обучение до 1446 года.

После окончания обучения он начинает свое собственное дело и к 1450 году числится среди преуспевающих торговцев. В 1453 году он прибывает в Лондон, чтобы официально вступить в гильдию торговцев тканями, а в 1462 году, по новой хартии, дарованной Эдуардом IV купеческой ассоциации купцов авантюристов, Какстон становится губернатором представительства в Брюгге. Это был достаточно ответственный пост, поскольку он служил арбитром посреди английский купцов, торгующих в Брюгге, и должен был разбирать споры с местными купцами. В 1464 году Какстону было поручено возобновить торговый договор между Англией и Нидерландами, однако переговоры успеха не принесли, более того, Филипп Бургундский запретил ввоз английских тканей в свои владения, а Англия объявила блокаду фламандскому текстилю. Английские купцы занялись сразу же контрабандой, и поэтому в 1466 году Уорик приказал Какстону наказать виновных. Какстон обратился к мэру Лондона и Гильдии купцов мерсеров, прося их освободить его от исполнения данных обязанностей, но им это не удалось. Конец всему положила смерть Филиппа, брак же Карла Смелого и сестры Эдуарда IV поспособствовал возобновлению торгового договора. Помимо исполнения своих обязанностей Какстон находил время и для путешествий. Он посетил Утрехт в 1464, 1465 и 1467 годах, а в марте 1469-го начал свою переводческую деятельность с популярного средневекового романа *Le Recueil des Histoires de Troye* («Книга Троянских историй»). В 1470-м Какстон переходит на службу ко двору герцогини Бургундской. В 1471 году он заканчивает перевод в Кельне и начинает распространение своей книги, но она пользуется такой популярностью, что Какстон решает освоить только что открытое искусство печати и в 1474 году публикует «Книгу Троянских историй» на английском языке. Именно она стала первой печатной английской книгой. В 1474–1475 годах Какстон завершает перевод «Правил игры в шахматы» и публикует его (это вторая печатная английская книга). В 1476 году Какстон покидает Брюгге и отправляется в Лондон, где основывает типографию и публикует свою следующую книгу «Высказывания и Афоризмы Философов», переведенную графом Риверса, но подвергшуюся ревизии Какстона. В 1478 году выходит «История Язона» (перевод французского оригинала Рауля Лефевра *Les Fais... du... Chevalier Jason*). С 1477 по 1490 год Какстон полностью уходит в печатание английских переводов античных и французских авторов. Он публикует книгу Мэлори «Смерть Артура» (1481), перевод трактата Цицерона «О дружбе» (1481), голландскую версию «Рейнарда Лиса» (1481) и перевод Энеиды. Какстон явно находился в милости у короля Эдуарда IV, был близок со многими знатными семьями (графом Риверсом, графом Сассекса, графом Вустера, графиней Ричмонда и др.). Он посвятил «Книгу о рыцарстве» Ричарду III. При Генрихе VII он

тоже находился в фаворе и посвятил принцу Уэльскому Артуру «Энеиду». Какстон опубликовал более 70 книг (он работал с тремя помощниками — Пинсоном, Коплендом и де Уордом). Какстон также был женат (ок. 1469) и имел дочь.

Кастильоне, Балдассар (6.12.1478 — 2.02.1529) — итальянский государственный деятель, дипломат и писатель. Родом из знатной семьи, Кастильоне получил образование при дворе Людовико Сфорцо в Милане. Вернувшись в Мантую в 1499 году, он поступил на службу к маркизу Миланскому, затем перейдя на службу к герцогу Урбино в 1504 году. Вскоре он был послан в Англию, чтобы получить орден Подвязки, пожалованный Урбино. В 1513 году новый герцог Урбино отправляет его в Рим своим официальным представителем, в Риме он переходит на службу к Папе. Во время своего пребывания в Риме он знакомится с Рафаэлем, который рисует его портрет (сейчас находится в Лувре). В 1525 году в должности папского нунция он отправляется ко двору императора Карла V, который отзывался о нем как о «совершенном благородном сеньоре». Кастильоне является автором знаменитого диалога «Придворный», написанного в 1513–1518 годах и опубликованного в 1528 году.

Клопинель, Жан, из Мена (ок. 1210 — ок. 1240) — французский поэт и филолог. К сожалению, мало биографических данных сохранилось о нем. Вероятно, он владел домом в Париже и мог вполне быть архидиаконом Беса, региона, расположенного между Парижем и Орлеаном. Написал продолжение, вторую часть аллегорической поэмы Гильома де Лорриса «Роман о Розе», в которой обнаружил недюжинную эрудицию в области античной филологии. Сохранились его переводы с латинского языка, в том числе писем П. Абеляра к Элоизе. В написанном в конце жизни «Завещании» содержатся сведения автобиографического характера. За многосторонний характер знаний и религиозный скептицизм Жан де Мён был прозван Вольтером Средневековья.

Колет (иногда Колей — Colet), Джон (1467?–1519) — декан собора Св. Павла и основатель школы Св. Павла при соборе. Его отец был мэром Лондона. Учился в школе Св. Антония, ок. 1483 года поступил в Оксфорд, Колледж Магдалины. В 1493 году отправился в путешествие по Европе для продолжения обучения (побывал в Париже, во Флоренции посетил Савонаролу). В 1497 году принял сан священника и стал тьютором Оксфордского университета. В 1498 году во время визита Эразма в Оксфорд Колет был представлен ему, с этих пор они стали близкими друзьями. В 1504 году он получил пост декана собора Св. Павла, а в 1505 году — титул доктора теологии Оксфордского университета.

Генрих VIII благоволил к Колету. В частности, в 1514 году перед экспедицией во Францию он советовался с Колетом, спрашивая его о возможных путях оправдания войны. В 1511–1512 годах Колет был втянут в теологический спор по поводу лоллардовской ереси; в частности, был обвинен в том, что симпатизирует ей. Тем не менее обвинения были сняты. По прибытии Эразма в Англию Колет проводил с ним много времени. К тому же Колет стал правой рукой кардинала Уолси. Теологическое и философское наследие Колета достаточно обширно: 1. *The Convocation Sermon of 1512* (London, 1512); 2. *A righte fruitfull Admonition concerning the order of a good Christian man's life ... made by the famous Doctour Colete* (London, 1534); 3. *Coleti Theologi olim Decani Divi Pauli æditio una cum quibusdam G. Lili Grammatices rudimentis* (London, 1534); 4. *Opus de Sacramentis Ecclesiæ* (London, 1867); 5. *An Exposition of St. Paul's Epistle to the Romans* (London, 1873); 6. *An Exposition of St. Paul's First Epistle to the Corinthians* (London, 1874).

Коммин, Филипп де (1447–1511) — французский государственный деятель, историк. Происходил из знатного фламандского семейства ван ден Клитов. В юности попал ко двору бургундского герцога Филиппа III Доброго, стал приближенным графа Шароле (с 1467 года — герцог Бургундии Карл Смелый). В 1467-м был посвящен в рыцари, получил высокую придворную должность камергера. Повсюду сопровождал Карла Смелого и выполнял его дипломатические поручения. В 1468-м во время встречи в Перонне Карла Смелого с французским королем Людовиком XI познакомился с последним и в 1472-м перешел на его сторону, став личным советником. Принимал участие в переговорах 1473–1476 годов между Людовиком и Карлом Смелым; с целью создания союза против Папы Сикста IV был послан в Италию (до 1478). После смерти Людовика XI арестован (1487) за участие в оппозиционной лиге принцев, просидел 5 месяцев в железной клетке в донжоне Лошского замка. В марте 1489-го удалился в одно из своих поместий без права выезда. Вновь был приглашен ко двору, но уже Карла VIII, в 1490-м, включен в свиту короля, сопровождавшую Карла в Италию. Участвовал в дипломатической подготовке итальянских войн 1494–1559 годов. В 1495-м был послом в Венеции, сопровождал Людовика XII в Геную (1507). Во время ссылки начал работу над «Мемуарами» (1489–1498). Воспоминания Коммина делятся на 2 части: первая, большая, охватывает время правления Карла Смелого и Людовика XI и состоит из 6 книг; вторая (из двух книг) посвящена итальянскому походу Карла VIII. См. русское издание: Коммин, Филипп де. Мемуары/ Пер., статья и прим. Б. П. Малинина. — М.: Наука, 1986.

Копленд, Роберт (ок. 1475–1547) — печатник, являлся помощником Какстона. Первая напечатанная им книга называлась *The Boke of Justices of Peas ... empyrnted at London in Flete-strete at the signe of the Rose Garland by Robert Copland*, которую он издал в 1515 году. Копленд также держал книжную лавку и торговал бумагой. Кроме того, он являлся церковным старостой одной из Лондонских церквей. Помимо печатания книг Копленд также занимался литературными упражнениями. Среди его публикаций: стихотворные поэмы *The Hye way to the Spyttel Hous* и *Jyl of Breyntford's Testament*, а также: 1. *The Kalender of Shepeherdes* (London, W. de Worde, 1508); 2. *Kynge Appolyn of Thyre* (London, W. de Worde, 1510); 3. *The Myrroure of the Chyrche... by Saint Austyn of Abyndon* (London, W. de Worde, 1521); 4. *A Goosteley Treatyse of the Passyon of our Lorde Jesu Chryst, with many deuout contemplacyons, examples, and exposicyons of the same* (London, W. de Worde, 1521); 5. *The Introductory to write and to pronounce Frenche, compyled by Alexander Barcley* (London, R. Copland, 1521); 6. *The Rutter of the See, with the Hauores, Rodes, Soundynges, Kennynges, Wyndes, Flodes and Ebbes, Daungers and Coastes of Dyuers Regyons* (London, R. Copland, 1528); 7. *The Secret of Secrets of Aristotyle, with the Gouvernale of Princes* (London, R. Copland, 1528); 8. *The Hye Way to the Spyttel Hous* [col.] 'Emprynted at London in the Flete-strete, at the Rose Garland, by Robert Copland (London, c. 1535); 9. *The Complaynte of them that ben to late maryed* (London, W. de Worde, n.d.); 10. *The Life of Ipomydon* (London, W. de Worde, n.d.); 11. *The maner to liue well... compyled by maistre Johan Quentin* (London, R. Copland, 1540); 12. *The Questionary of Cyrurgyens, with the formulary of lytel Guydo in Cyrurgie* (London, R. Wyer, 1541); 13. *The Knyght of the Swanne: Helyas* (London, W. Copland, n.d.); 14. *The Art of Memorye, that otherwise is called The Phenix* (London, W. Middleton, n.d.); 15. *The Seuene Sorowes that women have when theyre Husbandes be deade. Compyled by R. Copland* (London, W. Copland, n.d.).

Коуп, сэр Энтони (ок. 1500 — 5.01.1551) — происходил из благородной семьи, его отец являлся личным казначеем Генриха VII. Получил образование в Оксфордском университете (Ориель Колледж), но не закончил его. Совершил путешествие по Франции, Германии и Италии, посещая по пути различные университеты. Наследовав своему отцу около 1526 года, поселился в деревне и предался литературным занятиям. Однако вскоре он поступил на службу к королю и стал управляющим двора королевы Екатерины Парр, за что и был возведен в рыцарское достоинство в 1547 году. В том же году был назначен одним из королевских визитаторов по Кентерберийскому диоцезу. В 1548 году получил должность шерифа графства Оксфорд. Он был женат, оставил после себя сына и дочь. К его работам относятся: 1. *The Historie of*

the two moste noble Capitaines in the Worlde, Anniball and Scipio...gathered and translated into Englishe out of T. Livius and other authorities (T. Berthelet, London, 1544); 2. *A Godly Meditacion upon XX. select and chosen Psalmes of the Prophet David ...by Sir Anthony Cope, Knight* (London, J. Day, 1547).

Кристина Пизанская (ок. 1364 — ок. 1430) — дочь Томазо Пизанского. Воспитана при дворе Карла V. Вышла замуж ок. 1380 года за Этьена Кастеля, нотариуса и королевского секретаря (умер в 1390 году, оставив ее 25-летней вдовой с тремя детьми). Чтобы прокормить себя и свою семью, Кристина писала на заказ исторические трактаты и поэмы. Около 1418 года она удалилась в доминиканский женский монастырь в Пуасси, где провела остаток своих дней. Является одной из первых женщин-ученых. Ее литературное наследие включает следующие работы: *Le Livre de la mutacion de fortune* (с. 1400–1403); *Le Livre du chemin de long estude* (с. 1402–1403); *Epistres du debat sur le Roman de la Rose* (с. 1402); *Le Livre de la cite des dames* (с. 1404–1405); *Le Livre des Faitz et bonnes Moeurs du Saige Roy Charles* (между 1397 и 1403 гг.); *Le Livre de Paix* (ок. 1400); *Cent Ballades* (с. 1410); *Le Dittie de Jeanne d'Arc* (1429).

Кромвель, Томас (1485? — 28.07.1540) — граф Эссекса, канцлер Англии. Происходил из семьи кузнеца, который также держал гостиницу и пивоварню. В юности Кромвель отличался неприличным и буйным поведением, даже попал в тюрьму за какой-то проступок, после чего был вынужден покинуть страну. Он отправился во Фландрию и Италию, путешествовал по югу Европы. Более того, Кромвель был наемным солдатом в период итальянских войн и участвовал в битве при Кореглиано. После этого он возвращается в Англию, и мы находим его в 1512 году купцом, торгующим в Милдбурге. Около 1513 года Кромвель женится на Елизавете Уайкс, дочери своего старого соседа Генриха Уайтса, гофмейстера Генриха VII, и вдове королевского гвардейца. В 1514 году получает должность сборщика епископских податей при кардинале Уолси. В 1523 году благодаря поддержке кардинала он становится членом парламента, где открывается его ораторский дар. В 1524 году Кромвель становится членом Грейз Инн, в 1525 году Уолси назначает его в комиссию по разбору злоупотреблений в нескольких английских монастырях. В 1530 году при падении кардинала Уолси Кромвель оставался с ним и поддерживал его, что, однако, не помешало ему думать о своем продвижении. В 1531 году он стал членом королевского совета. В данном случае своим возвышением Кромвель был обязан собственно своему чутью. Именно ему принадлежала идея объявления Генриха главой англиканской церкви. После принятия Акта о Супрематии в 1534 году Кромвель был назначен его главным исполнителем,

то есть на его плечах лежала реформа английской церкви. Будучи в близких отношениях с Анной Болейн, он в том числе способствовал и браку Генриха и Анны. Тем не менее он сыграл решающую роль в обвинении Болейн в государственной измене и ее казни. В 1537 году его возвели в рыцари ордена Подвязки. В том же году он был назначен смотрителем королевских лесов к северу от Трента, в 1538 — капитаном Кэрисбрука и острова Уайт, затем констеблем замка в Лидсе. В 1539 году Кромвель стал чемберленом Англии, и в том же году он вел все переговоры о браке короля с Анной Клевской. В 1540 году (17 апреля) он был сделан графом Эссекса. Однако спустя два месяца герцог Норфолка обвинил его в государственной измене, Кромвель был арестован и брошен в тюрьму. Палата Лордов нашла его виновным по всем статьям обвинения (в том числе и в том, что он являлся католиком), король же был недоволен печально завершившимся браком с Анной Клевской. 27 июля 1540 года Кромвель был казнен. Его сын, Грегори, однако, был призван в парламент годом спустя с титулом барон Кромвель.

Купер, Томас (1517? — 29.04.1594) — епископ Винчестерский. Родился в Оксфорде, в семье очень бедного портного. Образование получил в школе Св. Магдалины в качестве хориста, но был настолько успешен, что был взят в Колледж Св. Магдалины и после окончания стал его членом. Намереваясь изначально стать священником, Купер тем не менее увлекся протестантскими взглядами, получил докторскую степень по физике и начал практиковать в Оксфорде. В 1545 году умер Томас Лакей, который занимался написанием «Всемирной Летописи», она окончилась на 17 г. н. э., Купер взялся довести хронику до царствования Эдуарда IV. Это произведение было опубликовано в 1549 году (было еще несколько изданий под названием «Хроника Купера»). Одновременно Купер работал и над другой книгой под названием *Bibliotheca Eliotæ. Sive Dictionarium Lat. et Angl. auctum et emend. per Tho. Cooper* (Латино-английский словарь Элиота), которая была опубликована в 1552 году. Однако после смерти королевы Марии он вернулся к своей изначальной цели принять духовный сан и стал священником в 1560 году. В 1565 году он выпустил *Thesaurus Linguae Romanæ et Britannicæ ...op. et ind. T. Cooperi Magdalenensis. Accessit Dictionarium Historicum et Poeticum*, который обычно называется «Куперовский словарь». На протяжении 1570-х годов он был втянут в памфлетный спор, развернувшийся внутри англиканской церкви, касавшийся некоторых вопросов богослужения и проповеди. В 1584 году он сделался епископом Винчестерским. В конце 1580-х годов Купер опять оказался втянутым в спор, на сей раз о правомерности епископства внутри англиканской церкви.

Лайамон (последняя треть XII — первая треть XIII века) — монах-отшельник, автор «Брута». Все данные, которые имеются у историков о нем, выведены из самого сочинения. Он сообщает о себе достаточно мало, в частности, что для того, чтобы написать историю первого человека, пришедшего на английскую землю, он много путешествовал. Само произведение показывает, что Лайамон являлся представителем своеобразного «возрождения», наметившегося в Англии в конце XII века. Его основным источником был прежде всего Вас, закончивший свое произведение о Бруте в 1155 году, к тому же он пользовался Бедой. Практически треть поэмы посвящена деяниям короля Артура, описанным исключительно в рыцарском духе. Ничего не известно о его смерти или происхождении, историкам удалось лишь установить, что Лайамон скорее всего был родом из Средней Англии.

Лален (de Lalaing), Жак де (1430 — 4.07.1463) — знатный бургундский рыцарь, прославленный в «Книге о деяниях доброго мессира Жака де Лалена», посвященной его путешествиям в качестве странствующего рыцаря по Франции, Испании, Сицилии и Неаполю. Рыцарь Ордена Золотого Руна.

Леланд, Джон (1506?–1552) — королевский антиквар. Получил образование в школе Св. Павла в Лондоне, затем в Колледже Христа в Кембридже и закончил обучение в 1522 году со степенью бакалавра. Затем он продолжил свое обучение в Колледже Всех Святых в Оксфорде, а также в Парижском университете. В Англию он вернулся известным в определенных кругах специалистом по древнегреческому и латинскому языкам. После получения в 1525 году сана священника он был назначен тьютором молодого герцога Норфолка. К 1528 году благодаря своим элегантным латинским панегирикам он добился благоволения двора и начал получать маленькую пенсию. Генрих VIII пожаловал ему должность королевского библиотекаря, а в 1530 году назначил его своим капелланом. В 1533 году он написал поэму на коронацию Анны Болейн, в 1537 году — на рождение принца Эдуарда. В 1533 году Леланд получил официальную должность королевского антиквара, которую никогда еще никому не жаловали ни до, ни после него. Король пожелал, чтобы Леланд занялся написанием истории Англии и для этого разыскивал все оставшиеся источники на территории королевства, что Леланд и сделал. К 1545 году его тур по стране был закончен (в частности, в период секуляризации монастырей Леланду удалось сохранить достаточно много хроник и документов, хранившихся в монастырских библиотеках), Леланд представил королю обращение под названием «Новогодний подарок», где описал суть своих исследований. Самым известным его произведением являются «Путевые записки», которые он

делал во время своего путешествия по стране в поисках исторических документов. Леланд не только собирал документы, но и позволял себе критику других историков своего времени. Хорошо известен его спор с Полидором Вергилием и брошенные против Вергилия обвинения. К его произведениям, в том числе, относятся: 1. *Næniæ in mortem Thomæ Viati equitis incomparabilis* (London, Reginald Wolfe, 1542); 2. *Genethliacon illustrissimi Eaduerdi Principis Cambriæ, Ducis Coriniæ et Comititis Palatini, libellus ante aliquot annos inchoatus. Nunc vero absolutus et editus* (London, R. Wolfe, 1543); 3. *Assertio inclytissimi Arturij, regis Britannici. Elenchus antiquorum nominum* (London, John Herford, 1544); 4. *Nænia in mortem Henrici Duddelegi equities* (London, John Mayler, 1545); 5. *Bononia Gallo-mastix in laudem victoriæ felicissimi Henrici VIII Anglici, Francisci, Scotici* (London, John Mayler, 1545); 6. *The Laboryouse Journey and Serche of J. Leylande for Englande's Antiquitees geven of him for a Newe Yeares Gifte to King Henry the VIII in the 37 Yeare of his Raygne, with Declacyons enlarged by J. Bale* (London, 1549).

Ливий, Тит де Форли из Феррары (Titus Livius de Frulovisiis, of Ferrara) (ок. 1417–1456) — итальянский поэт и оратор при дворе Годфрида, герцога Глостера в 1436 году. Неизвестно, было ли это имя его настоящим именем, но происходил он из провинции Форли (в Италии). Известен как автор *Vita Henrici Quinti, Regis Invictissimi*. Он сообщает нам, что еще мальчиком его воображение было воспламенено подвигами Генриха V и именно поэтому он решил написать его историю. Книга была посвящена Генриху VI, который в 1437 году сделал его членом своего совета. Практически ничего не известно о нем после 40-х годов XV века.

Лидгейт, Джон (1370?–1451?) — английский поэт. Родился в Лидгейте, рядом с Ньюмаркетом, отсюда происходит и его фамилия. Получил образование в одной из монастырских школ и в возрасте 15 лет вступил в Берийское аббатство. Возможно, он провел некоторое время в Глостер Холле в Оксфорде, где обычно обучались бенедиктинские монахи. В 1393 году он стал деканом церкви в Хедэме и наконец принял сан священника в 1397 году. В 1390 году познакомился Чосером, пример которого давно вдохновлял его на написание стихов. В царствование Генриха IV много времени проводил в Лондоне, в поисках более выгодного места. По вступлении на престол Генриха VI стал выступать в роли придворного поэта. Его патроном являлся герцог Глостера. Очень много писал стихов на заказ от знатных семей. В 1426 году он вместе со своим знатым патроном отправился в Париж, а в 1429 году на коронацию Генриха VI написал латинскую балладу. В 1439 году он получил пенсию от короля, которая позволяла ему безбедно существовать, оставаясь придворным поэтом. Однако,

помимо баллад на заказ, его литературное наследие достаточно обширно, и он является одним из крупнейших английских поэтов, писавших на среднеанглийском языке. Лидгейт также считал себя учеником Чосера. К его главным произведениям относятся: 1. *Falls of Princes* (между 1430–1438), посвящена герцогу Глостера; 2. *Troy Book* (1412–1420), посвящена Генриху V; 3. *The Story of Thebes* (ок. 1420); 4. *The Life of our Lady*, написана для Генриха V; 5. *Our Lady's Lamentacion* (между 1430–40); 6. *The Vertue of ye Masse* (между 1430–1440); 7. *Dance of Death* или *Dance Machabre* (написана по-французски с то же время, что и предыдущие); 8. *On the Procession at the Feast of Corpus Christi*; 9. *Lydgate's Testament*; 10. *Court of Sapience*; 11. *Secreta Secretorum* или *Secrees of Old Philosoffres* (1440-е); 12. *Medicina Stomachi* или *Diatory*; 13. *The Temple of Glas* (1440-е); 14. *Flour of Curtesie*.

Лоррис, Гильом де (ок. 1210 — после ок. 1250) — автор «Романа о Розе», работал над романом ок. 1230–1240 годов. Ничего практически не известно о нем, кроме того что имя его происходит от названия деревни рядом с Орлеаном.

Лутфут (Loutfut), Адам (вторая половина XV века) — шотландский герольд, практически ничего о нем не известно, кроме того что он работал с Кактоном и сделал еще один перевод трактата Люлля «Книга о рыцарском ордене» на шотландский язык. Он также является автором и другой книги: *Deides of Armorie: A Heraldic Treatise and Bestiary* (ок. 1494), которая посвящена шотландской геральдике, но написана на шотландском диалекте английского языка, а не гэликe.

Люль (иногда Льюль, Люллий, Луллий — Llull), Раймон де (1232–1316) — автор «Книги о рыцарском ордене». Родился на Майорке в знатной семье, до тридцати лет находился при дворе инфанта Жауме, писал стихи на провансальском языке. В 1263 году он неожиданно уходит в монастырь и оставшуюся часть своей жизни посвящает религиозно-подвижнической деятельности. В частности, Люль совершил паломничество в Рокамадур и в Сантьяго де Компостеллу, затем вернулся на Майорку, где основывал в Мирамаре, при поддержке покровительствовавшего ему Жауме II, первую в Европе школу иностранных языков, в которой монахи изучали арабский и еврейский языки с целью применения их в миссионерской деятельности. К его произведениям относятся: 1. Книга о Любящем и Возлюбленном; 2. Книга о рыцарском ордене; 3. Книга о животных (Все три трактата в русском издании: Льюль Р. Книга о Любящем и Возлюбленном. — СПб., 1997); 4. *Libre del gentil e dels tress avis* («Книга о язычнике и тех мудрецах»); 5. *Vita coetania de Ramon Llull*.

Морисон, сэр Ричард (ок.1507–1556) — английский дипломат и писатель. Некоторые биографы считают, что он учился в Итоне, но источники это не подтверждают. Получил степень бакалавра в Оксфорде в 1528 году и поступил на службу к кардиналу Уолси, однако, предчувствуя скорую развязку событий, вскоре покинул его и отправился изучать греческий язык в Италию. Он жил в Венеции и Падуе, имел небольшой пенсией, но все время находился в финансовых трудностях. Несмотря на свою литературную деятельность в Италии, он принял кальвинизм, тем не менее его переписка показывает, что он приятно проводил там время, за что получил прозвище «веселый Морисон». В 1535 году Кромвель вызвал его в Англию и назначил пребендарием Йетминстера. В 1541 году Генрих сделал его главой библиотеки кармелитского монастыря. В 1546 году Морисон получил свое первое дипломатическое назначение, отправившись послом в Ганзейские города. На смерть Генриха VIII ему было приказано советом отправляться к королю Дании и объявить о вступлении на престол Эдуарда. В июле 1550 года Морисон получил рыцарское достоинство и был направлен послом к императору Карлу V. Однако император не любил Морисона за то, что тот исполнял свои обязанности очень усердно. В 1553 году он был отозван и в конце этого года отправился путешествовать по Европе, где и умер в Страсбурге. Морисон был женат на Бриджет, дочери лорда Хасси (она во второй раз вышла замуж за Генриха Мэннерса, графа Ратленда). К его сочинениям относятся: 1. *Apomaxis Calumniarum* (London, 1537); 2. *Epistle of Sturmius* (London, 1538); 3. *An Invective ayenste the great detestable vice, Treason* (London, 1539); 4. *The Strategemes, Sleyghtes, and Policies of Warre, gathered together by S. Julius Frontinus* (London, 1539); 5. *Introduction to Wisdom by Vives* (London, 1540)

Мэлори, сэр Томас (ок. 1410–1471) — автор «Смерти Артура». О Мэлори сохранилось мало биографических данных, известно, что он служил под началом Ричарда де Бошама, капитана Кале, около 1430 года, был возведен в рыцарское достоинство в 1445 году, затем избран членом парламента от Уорикшира. Около 1470 года Мэлори вручил Какстону «Смерть Артура», наиболее рыцарственную книгу о легендах короля Артура и рыцарей Круглого стола. Какстон напечатал ее в 1485 году. Однако рыцарственность самого Мэлори находилась под большим сомнением. Книгу Мэлори написал, находясь в тюрьме по обвинению сразу в нескольких преступлениях и проступках. В 1443 году он был в первый раз обвинен в нападении и похищении имущества общей стоимостью 40 фунтов. В 1450 году (4 января), как говорят нам документы, он находился в засаде в лесу Кумбл Эбби еще с двадцатью вооруженными людьми, имея целью напасть и убить герцога Бэкингема, что ему не удалось (охрана герцога оказалась

начеку). 23 мая того же года он напал на Джоанну, жену Ньюго Смита, соседнего землевладельца, и изнасиловал ее. Неделю спустя он с помощью своего слуги угрозами и побоями забрал 100 шиллингов у Маргариты Кинг, также проживавшей по соседству. 6 августа Мэлори вновь изнасиловал Джоан Смит и забрал имущество, принадлежащее ее мужу, общей стоимостью в 40 фунтов. В сентябре он украл 20 шиллингов у другого соседа. Спустя год мы встречаем Мэлори грабящим земли еще одного своего соседа. В общей сложности он увел 7 коров, 2 телят, повозку и 335 овец всего на сумму около 30 фунтов. Наконец в июле 1451 года он был арестован и посажен в тюрьму в ведении шерифа графства Уорик. Однако из тюрьмы он бежал, две недели спустя Мэлори с подельниками ворвался в цистерианский монастырь, сломал аббату два ребра и, оскорбляя монахов физически и словесно, полностью разграбил монастырь. Наконец Мэлори был арестован второй раз, посажен в тюрьму и судим. Во время процесса он признал все свои преступления, кроме грабежа монастыря. Суд приговорил его к пожизненному заключению, и даже прощение, дарованное в 1455 году, ему не помогло. Но при этом он специально был исключен из списка прощенных в 1468 году. Умер Мэлори в тюрьме, погребен в часовне Св. Франциска, рядом с Ньюгетом (английской уголовной тюрьмой).

Невиль, Уильям (ок. 1492 — после 1518) — поэт, сын 2-го лорда Латимера. Практически ничего не известно о его жизни, кроме того что он был женат на Елизавете, дочери сэра Джайлза Гревилла, и проживал в графстве Вустер. Его единственной сохранившейся поэмой является *The Castell of Pleasure; the conveyaunce of a dreame how Desyre went to the Castell of Pleasure, wherein was the garden of affeccyon, inhabyted by Beaute, to whome he amerously expressed his love, upon the whiche supplicacion rose grete stryfe, dysputacion, and argument betweene Pyte and Dysdayn* (ок. 1518 г.).

Олдкасл, сэр Джон (ок. 1378 — 14.12.1417) — один из лидеров лоллардов. Происходил из знатной семьи, в начале царствования Генриха IV служил королю в Уэльских марках. В 1404 году являлся членом парламента в качестве рыцаря от графства, в 1406 году назначен шерифом Херефордшира, в 1409 году — один из опекунов манора Динас. Благодаря женитьбе на Джоанне, леди Кобэм (для нее это был третий брак), он получил земли в Кенте и титул лорда Кобэма после смерти ее деда ок. 1408 года. Поэтому в 1413 году он был призван в парламент в качестве лорда Кобэма и во всех официальных документах именовался данным титулом. Благодаря своей дружбе с принцем Уэльским, будущим королем Генрихом V, он имел возможность для продолжения своей военной карьеры и в 1411 году был отправлен в помощь герцогу Бур-

гундскому. Как Олдкасл стал лоллардом, неизвестно, тем не менее в его землях движение лоллардов было особенно сильным. В 1413 году он присутствовал на собрании лоллардов, священник, проповедовавший там, был арестован и обвинен в ереси. Были предъявлены и обвинения против Олдкасла. Но Генрих V попросил епископов отложить слушание дела из уважения к Олдкаслу и попытался убедить его отказаться от своих взглядов, но безуспешно. Олдкасла арестовали и посадили в Тауэр, но он вскоре бежал и встал во главе восстания лоллардов, подавленного с особой жестокостью. Олдкаслу удалось скрыться, но за его голову была объявлена высокая награда, и началась охота на лидера лоллардов. Ему удалось скрываться в течение двух лет, но в конце 1417 года его убежище раскрыли, в результате чего он был взят в плен живым, но сильно раненным, что, однако, не помешало сжечь его заживо. К сожалению, благодаря Шекспиру мнение об Олдкасле долгое время было весьма нелицеприятным, ибо он вывел его в своем «Генрихе IV» как забияку и мерзавца. Тем не менее оправдание было написано уже в 1601 году, когда Джон Уивер выпустил *The Mirror of Martyrs; or the Life and Death of Sir John Oldcastle*.

Пейс, Ричард (1482?–1536) — декан собора Св. Павла. Получил образование под руководством епископа Винчестерского Томаса Ленгтона, который послал его затем учиться в Падую. После Падуи Пейс отправился в Феррару, где познакомился с Эразмом, затем в Болонью. По возвращении в Англию он вступил в Колледж Королевы (Оксфорд), где и принял священнический сан. В 1510 году был назначен пребендарием Южного Маскема. В конце 1510 года Пейс отправился вместе с кардиналом Бейнбриджем в Рим, вернувшись откуда в 1515 году, он стал секретарем короля Генриха VIII. В октябре 1515 года Уолси поручил ему дипломатическую миссию в Швейцарию, чтобы заручиться ее поддержкой против Франции. При этом переговоры со швейцарцами были очень опасным, Пейс несколько раз попадал в тюрьму (швейцарцы его периодически арестовывали как французского шпиона), однако, несмотря на это, он находил время для литературных упражнений. В 1516 году по окончании миссии был назначен статс-секретарем. В 1519 году, когда трон императора Священной Римской империи оказался вакантным, Пейс был послан в Германию, чтобы заручиться поддержкой германских князей в пользу Генриха, однако поддержки не получил, но тем не менее был сделан деканом собора Св. Павла. Сопровождал короля в Лагере Золотой Парчи. В 1521 году, когда умер Папа Лев, Уолси выдвинул свою кандидатуру, и Пейс был послан в Венецию заручиться поддержкой в его пользу, этого оказалось недостаточно, и Папой был избран другой претендент. Пейс оставался в Италии, однако в

1523 году новый Папа также умер и Уолси еще раз послал Пейса в Рим, но и в этот раз его миссия не увенчалась удачей. К тому же здоровье Пейса сильно пошатнулось. В 1527 году он был удален от должности декана по умственному состоянию, его болезнь прогрессировала. Пейс умер в 1536 году в полном безумии. К его произведениям относятся: 1. *Richardi Pacei, invictissimi Regis Angliae primarii secretarii, eiusque apud Elvetios oratoris, De Fructu qui ex doctrina percipitur, Liber. In inclitya Basilea*; 2. *Oratio Richardi Pacei in pace nuperime composita et federe percusso: inter inuictissimum Angliae regem, et Francorum regem Christianissimum in aede diui Pauli Londini habita*; 3. *Plvtarchi Cheronæi Opvscvla De Garrulitate de Anarchia...etc. ...per eximium Richardum Paceum Angliae oratorem elegantissime versa*.

Пинсон, Ричард (ок. 1465–1530) — английский печатник, нормандец по происхождению. Прибыл в Англию еще во время жизни Какстона. В 1490 году начал свое дело. Благодаря знанию французского и старофранцузского языков он начал выпускать переводы с этих языков на английский. Затем опубликовал латинскую грамматику и иллюстрированное издание «Кентерберийских рассказов» Чосера. В 1493 году он опубликовал *Dialogue of Dives and Pauper* Паркера, свою первую датированную книгу. И хотя Пинсон не публиковал так много книг, как его конкурент де Уорд, но в целом издания Пинсона находились на более высоком уровне. В 1496 году в его типографии появилось издание «Теренция», первой классической книги, в 1500 году — «Поваренная книга» (*Boke of Cookery*). В 1509 году он опубликовал проповеди Иеронима Феррарского (*Sermo fratris Hieronymi de Ferraria*). С другой стороны, будучи королевским печатником, он опубликовал и книгу Генриха, направленную против Лютера. В целом за свою деятельность типография Пинсона выпустила около 300 книг.

Проктор, Томас (ок. 1559 — после 1584) — поэт, сын Джона Проктора, историка и первого директора Тербриджской грамматической школы. В 1584 году закончил свое обучение в гильдии печатников. После этого о нем ничего не известно. К его произведениям относятся: 1. *A gorgeous Gallery of gallant Inventions. ...First framed and fashioned in sundrie formes by divers worthy Workemen of late dayes, and now joyned together and builded up by T. P.* (London, 1578); 2. *The Triumph of Trueth, manifesting the Advancement of Vertue and the Overthrow of Vice. Hereunto is added «Caesars Triumph», the «Gretians Conquest», and the «Desert of Dives», published by T. P.* (London, n.d.); 3. *Of the Knowledge and Conduct of Warres, two bookes, latelie written and sett foorth, profitable for suche as delight in histories, or martiall affayres, and necessarie for the present tyme* (London, 1578). Неясно, этому ли Томасу Проктору принадлежат следующие трактаты: 1. *A Profitable Worke to this Whole Kingdome ...by Tho. Procter,*

Esqre (London, 1610); 2. *The Right of Kings, conteyning a Defence of their Supremacy* (London, 1621); 3. *The Righteous Man's Way ...* (London, 1621).

Растел, Джон (ок.1480–1536) — английский печатник и юрист. Учился в Оксфорде, затем вступил в Линкольнз Инн, где получил юридическое образование. Затем у него была хорошая практика, часто его можно встретить в документах как советника в процессах против лондонских компаний. Интересовался также и политикой, в 1529–1536 годах являлся членом парламента, голосовал за реформу церкви. Занялся печатным делом около 1516 года. В 1520-е годы он выпустил несколько книг, таких как *The Mery Gestys of the Widow Edith*, 1525; *The Hundred Mery Talys*, 1526; *Necromantia*, n.d. Однако сам он печатанием занимался мало, много времени проводил в своем загородном доме, а в типографии находились в основном работники. В 1530 году Растел, как член парламента, оказался втянутым в религиозные споры и выпустил книгу *A New Boke of Purgatory*, в которой защищал римскую веру, но в результате дискуссии стал протестантом. Его главной книгой является *The Pastyme of the People, or the Chronicles of Divers Realms and most especially of the Realm of England, briefly compiled and imprinted in Cheapside by John Rastell* (1530). Кроме того, он напечатал следующие книги: *Exposiciones Terminorum Legum Anglorum* (1527); *A new Interlude and a Mery of the Nature of the IIII Elements* (1519). Последние годы жизни Растел провел в тюрьме, куда был брошен за долги, несмотря на то или в связи с тем, что был женат на сестре Томаса Мора.

Рич, Барнаби (1540?–1617) — английский писатель и военачальник. Родом из Эссекса. В юношеском возрасте вступил в армию, принимал участие в войнах королевы Марии с Францией. В начале царствования Елизаветы был в Нидерландах, где получил чин капитана. Затем отправился на службу в Ирландию. Принимал участие в экспедиции графа Эссекса в Ольстер. Начал писать романы около 1574 года. В 1584 году вернулся в Ирландию, где, уйдя от дел в 1593 году, оставался до своей смерти. К его произведениям относятся: 1. *A right exelent and pleasaunt Dialogue betwene Mercury and an English Souldier, contayning his Supplication to Mars* (1574); 2. *Allarme to England, foreshewing what perilles are procured where the people liue without regarde of Martiall Lawe* (London, by Henrie Middleton, for C. B., 1578); 3. *Riche his Farewell to Militarie profession, conteining verie pleasaunt discourses fit for a peaceable tyme* (London, by Robert Walley, 1581); 4. *The straunge and wonderfull aduentures of Don Simonides, a gentilman Spaniarde* (London, by Robert Walley, 1581); 5. *The true Report of a late Practice enterprised by a Papist with a yong Maiden in Wales* (London, by Robert Walley, 1582);

6. *The Second Tome of the Trauailles and aduentures of Don Simonides* (London, for Robert Walley, 1584); 7. *A Pathway to Military Practise..., whereunto is annexed a Kalender of the Imbatteling of Men* (London, by John Charlewood, 1587); 8. *The Adventures of Brusanus, prince of Hungaria, pleasant for all to read, and profitable for some to follow*. Written by Barnabe Rich seaven or eight yeares sithence, and now published by the great intreaty of divers of his freendes (London, for Thomas Adames, 1592); 9. *Greenes Newes both from Heauen and Hell. Prohibited the first for writing of Bookes, and banished out of the last for displaying of Conny-catchers*. Commended to the Presse by B. R. (London, 1593); 10. *A Martiall Conference, pleasantly discoursed between two Souldiers only practised in Finsbury Fields, in the modern Wars of the renowned Duke of Shoreditch, and the mighty Prince Arthur*. Newly translated out of Essex into English by Barnaby Rich, gent., a servant to the Queenes most Excellent Matie. (London, 1598); 11. *A Looking Glass for Ireland* (London, for John Oxenbridge, 1599); 12. *A Souldier's wishe to Briton's welfare; or a discourse fit to be read of all gentlemen and souldiers, written by a captaine of Experience* (London, 1604); 13. *The Fruites of long Experience*. London by Thomas Creede for Jeffrey Chorlton (London, 1604); 14. *Faultes, Faults, and nothing else but Faultes*. At London, printed by Jeffrey Chorleton (London, 1606); 15. *A short survey of Ireland, truely discovering who it is that hath so armed the Hearts of that People with Disobedience to their Prince* (London, for B. Sutton and W. Barenger, 1609); 16. *Roome for a Gentleman, or the Second Part of Faultes, collected and gathered for the true Meridian of Dublin in Ireland, and may serve fitly else whereabout* (London, for Jeffrey Chorlton, 1609); 17. *A New Description of Ireland* (London, for Thomas Adams, 1610); 18. *A true and a kinde Excuse, written in defence of that Booke intituled «A newe description of Irelande»*. (London, for Thomas Adams, 1612); 19. *A Catholicke Conference betweene Syr Tady Mac-Mareall, a popish priest of Waterforde, and Patricke Plaine, a yong Student in Trinity College, by Dublin, in Ireland* (London, for Thomas Adams, 1612); 20. *The Excellency of good women* (London, by Thomas Dawson, 1613); 21. *Opinion Diefied (sic). Discovering the Ingins, Traps, and Traynes that are set in this age, whereby to catch Opinion* (London, for Thomas Adams, 1613); 22. *The Honestie of this Age, proouing by good circumstance that the world was neuer honest till now* (London, for T. A., 1614); 23. *My Ladies Looking Glasse. Wherein may be discerned a wise man from a foole, a good woman from a bad, and the true resemblance of vice masked under the vizard of virtue* (London, for Thomas Adams, 1616); 24. *The Irish Hubbub, or the English Hue and Crie* (London, for John Marriot, 1617).

Ричард III (2.10.1452 – 22.08.1485) – король Англии в 1483–1485 годах, из династии Йорков (сын Ричарда, герцога Йорка, брат Эдуарда IV), наследовал племяннику (которого, как утверж-

дает Мор, он и убил, что ставится под сомнение современной историографией). Женат в 1471 году на Анне Бошам (1456–1485), дочери Ричарда Невилля, графа Уорика. От этого брака у него было десять детей, старший из которых Эдуард, принц Уэльский, умер в 1484 году, одиннадцати лет от роду. Другой сын, Джон Глостер, был казнен в 1499 году Генрихом Тюдором. Третий сын Ричард умер в 1550 году. Некоторые генеалоги считают, что Стефен Хоуз являлся незаконнорожденным сыном Ричарда. Убит в битве при Босворте.

Сегар, сэр Уильям (ок. 1560–1633) — герольд. Его отец был протонарием в Голландии. Сам он получил образование писца и служил сэру Томасу Гениджу, вице-чемберлену королевы Елизаветы. Благодаря этому поступил в Коллегию Герольдов и был сделан герольдом графом Шрусбери в 1585 году. В качестве герольда участвовал в турнире, данном графом Лестера в Утрехте в 1586 году. В 1589 году он был назначен сомерсетским герольдом, а в 1593 году — герольдмейстером Норроя. В 1603 году он был назначен герольдмейстером Ордена Подвязки и вручил подвязку королю Дании. В 1616 году он был возведен в рыцарское достоинство. В том же году его посадили в тюрьму вместе с йоркским герольдом за то, что последний подтвердил генеалогическое древо лондонского палача. Но вскоре Сегар был оправдан и выпущен. В 1624 году он был рекомендован для членства в планируемой к созданию королевской академии под названием Коллегия и Сенат Чести. Принимал участие в возведении принца Оранского в рыцарское достоинство. К его произведениям относятся: 1. *An account of the festival of St. George, kept at Utrecht by the Earl of Leicester*, 1586; 2. *The Booke of Honor and Armes. Wherein is discoursed the causes of Quarrell and the nature of Iniuries, with their Repulses* [anon.] (London, 1590); 3. *Armes of the Knightes of the Noble Order of the Garter* [1591]; 4. *Honor, Military and Ciuil, contained in foure bookes* (London, 1602); 5. *Verses in praise of J. Guillim's 'Rudimentes of the Arte of Armor*, (circ. 1610); 6. *The Genealogie or Pedegree of ...Captaine Sir William Cole of the Castell of Eneskillen* (1630); 7. *R. Jacobi I Delineatio Metrica*; 8. *Aspidora Segariana, or the Grants, Confirmations, c. of Sir W. Segar*; 9. *The Earl Marshal his Office both in Peace and War. Set down by the Special Commandment from the King's Majesty's own Mouth*; 10. *Pedigree of the Family of Weston, of Sutton Place*; 11. *The Arms and Descents of all the Kings of England from Egbert to Queen Elizabeth*.

Сигизмунд (14.02.1368 — 9.12.1437) — император Священной Римской Империи в 1410–1437 годах, король Богемии и Венгрии, герцог Люксембургский с 1419 года. Председательствовал на Соборе в Констанце, где судили Яна Гуса, обещал ему защиту, но затем изменил свое мнение, посадил Гуса в тюрьму и не про-

тивился его сожжению по обвинению в ереси. Был женат в 1385 году на Марии Венгерской, королеве Венгрии. Его единственная дочь Елизавета Богемская вышла замуж за Альберта Габсбурга, герцога Австрийского, ставшего затем королем Богемии и Венгрии.

Сидни, сэр Филипп (30.11.1554 — 17.10.1586) — английский военачальник, государственный деятель и поэт. Старший сын сэра Генриха Сидни и внук герцога Нортумберленда. Его крестным отцом был Филипп II Испанский и первый граф Бедфорда. В девять с половиной лет получил свою первую должность от своего отца, лорда президента Уэльса, — светское ректорство нескольких приходов. В 1564 году поступил в школу Шрусбери. В 1568-м — в Колледж Церкви Христовой в Оксфорде. Здесь он был представлен сэру Уильяму Сесилу, который стал его патроном. В 1571 году во время свирепствования чумы в Лондоне Сидни покинул Оксфорд без получения степени, и вскоре королева разрешила ему отправиться в путешествие на континент на два года. Сидни отправился во Францию в свите графа Лестера, который ехал туда для проведения переговоров о браке Елизаветы и герцога Алансонского. В Париже был принят при дворе Карла IX, но также близко сошелся с лидерами гугенотов, и в частности — с Генрихом Наваррским, который обходился с ним как с другом. Но после Варфоломеевской ночи Сидни был вывезен из Франции в Германию, где продолжил свое путешествие. Летом 1573 года он прибыл в Вену, где посетил двор императора Максимилиана II. Затем направился в Италию, также посетил Польшу и Чехию. В 1575 году ему было приказано вернуться домой. По возвращении он начал свою придворную карьеру. Познакомившись с Эссексом, он завоевал его доверие, но страстно полюбил его дочь Пенелопу, которая, однако, вышла замуж за другого. Этой страсти мы обязаны многими лирическими поэмами Сидни. В последующие годы исполнял дипломатические поручения королевы в Европе. Около 1580 года Сидни покинул двор, придворная жизнь ему опротивела. Особенно сильно сказалась на нем ссора с графом Оксфорда (при игре Сидни в теннис с другими придворными граф прибыл без приглашения и присоединился к игре. Сидни сделал замечание незваному гостю, но в ответ получил лишь презрение и ни слова. Будучи уязвленным до глубины души, он вызвал графа на дуэль. Королева дуэль запретила и приказала Сидни извиниться перед графом ввиду его более высокого положения. Сидни отказался, за что и был удален от двора на несколько недель). Другой причиной стал написанный Сидни трактат в осуждение брака королевы и графа Анжуйского. Однако покровительство его дяди было велико, и в 1583 году он был возведен в рыцарское достоинство (стал рыцарем ордена Подвязки) и получил должность смотрителя королевских запасов.

В том же году Сидни женился, потеряв надежду завоевать Пенелопу (которая после смерти Эссекса вышла замуж за лорда Рича), и отправился в Европу по дипломатическим делам. В 1585 году Сидни присоединился к английскому корпусу, который королева отправила в Нидерланды для сражения с испанцами. Он был смертельно ранен при осаде Цутфена 22 сентября 1586 года (пуля попала ему выше колена, а свои набедренные латы он отдал другу, который лишился своего вооружения во время боевых действий). Сидни умер после трехнедельных страданий. Он является автором поэмы «Аркадия» и многочисленных сонетов (часть из них переведена на русский язык и опубликована в различных сборниках, см., например: Западно-европейский сонет. — Л., 1988. — С. 315–328. Из цикла «Астрофил и Стелла»).

Скельтон, Джон (1460? — 21.06.1529) — английский поэт, родом из Норфолка. С ранней юности увлекался классическими языками и современной ему французской литературой. Будучи студентом Оксфордского университета, перевел несколько писем Цицерона и «Историю» Диодора Сицилийского. Около 1490 года Скельтон получил титул поэта-лауреата Оксфордского университета. В 1493 году перешел в Кембридж. С ранних лет Скельтон начал сочинение поэм в честь королевской семьи и представителей английской знати. Так, в 1483 году он посвятил оду на день смерти Эдуарда IV, в 1489-м — на смерть 4-го герцога Нортумберленда, в 1509-м — элегию в честь Генриха VII. Талант Скельтона был замечен, и около 1498 года его назначили тьютором принца Генриха (будущего короля Генриха VIII). Однако честность поэта и критика придворных обычаев привела его в тюрьму в 1502 году, но ненадолго. В 1505 году Скельтон получил титул поэта-лауреата от Кембриджского университета. Будучи священником (получил сан в 1489 году), Скельтон также имел несколько бенефиций, позволявших ему поддерживать свое существование. Однако кардинал Уолси Скельтона не любил, и на протяжении 1520-х годов до самой своей смерти Скельтон воевал с кардиналом, умерев всего двумя неделями раньше падения Уолси. К его произведениям относятся: *The Bowge of Court* (1489); *Boke of Phylip Sparowe* (ок.1500); *The Garlande of Laurell*; *The Tunnyng[e] [i.e. brewing] of Elynour Rummyng* (начало XVI века); *Vox Populi Vox Dei*; *The Image of Ypocrisy*; *Interlude of Virtue*; *Comedy Achademiss*; *Magnificence*; *Colyn Cloute*; *The Tratyse of Triumphs of the Red Rose*; *The balade of the Mustard Tarte*; *Epitomis of the myller and his ioly wake*; *A Balade of the Scotyshe Kynge* (ок. 1513 г.).

Скруп, Стефен (?–1472) — английский переводчик. Практически ничего о нем не известно, кроме того что он переводил с французского языка. Самым известным его переводом является

поэма Кристины Пизанской *The Epistle of Othea*, опубликованная Какстоном в 1480 году. Возможно, являлся священником.

Смит, сэр Томас (23.12.1513–1577) — английский государственный деятель, ученый и писатель. Получил начальное образование в грамматической школе, затем (ок. 1525) поступил в колледж Св. Иоанна в Кембридже. В 1526 году он вступил в Колледж Королевы в Оксфорде и в 1527 году благодаря влиянию Кромвеля был назначен королевским школяром. В 1529 году он получил бакалаврскую, в 1533-м — магистерскую степень. Сразу по окончании университета был назначен профессором, преподавал естественную историю, в 1538 году стал публичным оратором и посредником между университетом и королем. В 1540 году Смит отправился за границу для продолжения обучения; вернувшись в 1542-м, был назначен профессором гражданского права и вице-канцлером университета. В 1546 году принял сан священника, но перешел в протестантизм и во время гонений на Гарднера и его сторонников в Кембридже явился их горячим защитником. В 1547 году Смит поступил на службу к протектору Сомерсету, чей зять являлся его кузеном. В том же году его сделали провостом Итона, а в 1548 году он получил должность статс-секретаря. Смит оставался верным протектору до конца, за что был посажен в тюрьму в 1549 году. Но вскоре освобожден и в мае 1551 года отправился в свите графа Нортгемптона во Францию. В 1554 году стал членом парламента, но не принимал участие в государственных делах. По вступлении на престол королевы Елизаветы Смит вновь был избран в парламент, но на сей раз вернулся к активной государственной деятельности и в 1562 году отправился послом во Францию, где шла гражданская война между Гизами и гугенотами. Елизавета решила помочь гугенотам, захватив Гавр, за что Смит был арестован и помещен в тюрьму уже во Франции. Он был освобожден в 1564 году по заключении мира между Англией и Францией, но в Англию вернулся только в 1566 году. В 1571 году Смит, являясь членом тайного совета королевы, был уполномочен произвести расследование о заговоре Норфолка, в 1572 году — был послан в Париж с предложением брака между Елизаветой и герцогом Алансонским. В следующем году он был назначен статс-секретарем, но в 1575 году здоровье его совсем ухудшилось, что заставило его уйти в отставку. Смит переводил очень много с греческого языка, но его основной работой стала *De Republica Anglorum; the Maner of Governement or Policie of the Realm of England* (1584 г.), претерпевшая более сотни изданий только за последующее столетие.

Спенсер, Эдмунд (ок. 1552 — 13.01.1599) — английский поэт. Родился в Лондоне (об этом он сообщает в поэме «Проталамион»

(*Prothalamion*), точная дата рождения неизвестна. Посещал Мерчант-Тейлорз-Скул (привилегированную среднюю школу) в Лондоне; в 1569 году поступил в Колледж Пемброка в Кембридже, где в 1573-м получил степень бакалавра, а в 1576-м — магистра. Неизвестно, чем занимался Спенсер, покинув Кембридж. На основании одного рассуждения из его книги «Взгляд на современное положение Ирландии» (*A view of the present state of Ireland*) можно предположить, что он посетил эту страну в 1577 году. Когда в 1578 году Джон Янг (в прошлом глава Колледжа Пемброка) стал епископом Рочестерским, он взял Спенсера к себе секретарем. В следующем году Спенсер какое-то время служил в доме графа Лестера. К концу 1579 года он опубликовал, без указания имени, «Календарь пастуха» (*Shepherd's Calendar*). Поскольку книга содержала критику церковной политики правительства Елизаветы, анонимность издания была, вероятно, оправданной мерой предосторожности. Если Спенсер надеялся, что посредничество графа Лестера поможет ему получить место при королевском дворе, то он обманулся в своих ожиданиях: летом 1580 года он отправился в Ирландию в качестве секретаря лорда Грея, наместника в Ирландии. Это назначение открыло перед Спенсером путь к успешной карьере в ирландской правительственной администрации. К этому времени Спенсер уже был женат — в 1579-м он обвенчался с Макабией Чайлд. Проработав два года у лорда Грея, начал самостоятельную карьеру и служил сначала в Дублине, а позднее на юге Ирландии. Наиболее прибыльной — и беспокойной — оказалась должность заместителя секретаря Совета по делам провинции Мюнстер. В 1587 году английские лендлорды начали колонизацию Мюнстера и стали прибирать к рукам большие угодья, конфискованные у ирландских мятежников. Поскольку Спенсер в тот момент находился в Мюнстере, ему удалось получить имение близ Корка, площадью 1200 га. Теперь он сам вошел в круг крупных землевладельцев и постепенно освободился от своих должностных обязанностей. Все это время он понемногу писал «Королеву фей» (*Faerie Queene*). К лету 1589 года, очевидно, была в основном закончена та часть поэмы, которая теперь составляет ее первые три книги: У. Рэли видел рукопись, когда навещал поэта в его ирландском имении. Осенью Рэли вернулся в Лондон вместе со Спенсером. Благодаря Рэли он был представлен королеве, посвятил ей «Королеву фей» и был вознагражден ежегодной пенсией в 50 фунтов. Он оставался в Лондоне почти 18 месяцев и за это время отправил издателям первые три книги «Королевы фей» (1590) и две меньшие по объему работы — элегию «Дафнаида» (*Daphnaida*, 1590) и сборник стихотворений разных жанров «Жалобы» (*Complaints*, 1591). Спенсер вернулся в Ирландию, успев приобрести прочную репутацию крупнейшего поэта. Дабы отметить свое триумфальное возвращение и выразить признательность

Рэли, он начал сочинять поэму (завершена лишь в 1595) под названием «Возвращение Колина Клаута» (*Colin Clout's Come Home Again*), что являлось продолжением поэмы Скельтона «Колин Клаут». Первая жена Спенсера умерла в конце 1590 года. Около 1592 года он начал ухаживать за Элизабет Бойль и в 1594-м обвенчался с ней. О его дальнейшей жизни мы знаем очень мало. Во вторую свою поездку в Лондон (1596) он опубликовал продолжение «Королевы фей» и еще две поэмы — «Проталамион» и «Четыре гимна» (*Four Hymns*). В 1598 году, в разгар Тиронского восстания, Спенсер был вынужден покинуть свое имение и искать убежища в Корке. Оттуда он был послан в Лондон с сообщениями для английского правительства. Умер Спенсер в Лондоне.

Старки, Томас (1499?–1538) — английский писатель. Получил образование в колледже См. Магдалины в Оксфорде. В 1516 году получил степень бакалавра, в 1521-м — магистра. После выпуска стал профессором естественной философии в Оксфорде, в 1522 году выступал в качестве проктора при введении Уолси в должность. В 1522–1524 годах являлся членом колледжа Св. Магдалины, затем был представлен к приходу, но в 1530 году покинул Англию ради должности в Падуе. В 1534 году Старки вернулся в Лондон и был назначен одним из королевских капелланов. В руках Старки по поручению короля находилась переписка с кардиналом Полем (Поулом) по поводу развода Генриха. Когда же Поль послал Генриху свое *Pro Ecclesiasticæ Unitatis Defensione*, явно очертив границу его полномочий, то Старки оказался в опасности. В 1536 году он получил отставку и стал управляющим колледжа Тела Христова. К произведениям Старки относятся: *A Treatise against the Papal Supremacy* (1534); *An Essay on Preaching* (1535); *Dialogue between Pole and Lupset* (ок. 1534)

Стаффорд, Джон (ок. 1383 — 25.05.1452) — епископ Батский и Уэллский, архиепископ Кентерберийский, канцлер. Возможно, является незаконнорожденным сыном сэра Хамфри Стаффорда из Уилтшира. Его мать стала монахиней в монастыре Святой Троицы в Кентербери. Его племянником был граф Девоншира. Получил образование и докторскую степень (ок. 1413 года) в Оксфорде. В 1419 году был назначен деканом Суда Архиепископа и архидьяконом Солсбери, в 1421 году стал канцлером Солсбери. В том же году сделан хранителем Малой Печати, а в 1422 году получил пост казначея. В 1425 году был пожалован епископом Батским и Уэллским. В 1428 году сопровождал молодого короля во Францию, а по возвращении в 1432 году был сделан канцлером и оставался им на протяжении последующих восемнадцати лет. Будучи канцлером, поддерживал политику Бофора, в 1443 году получил должность архиепископа Кентерберийского.

Стоу, Джон (1525? — 6.04.1605) — английский хронист и антикварий. В юности занимался торговлей одеждой, то есть делом своего отца. В 1547 году вступил в гильдию портных и торговцев одеждой, но никогда не принимал в ее деятельности активного участия. С середины 1550-х годов начал увлекаться сбором различных древностей, хроник, книг, рукописей и т. д., что превратило его в одного из виднейших антикваров своего времени. Первой публикацией Стоу стали произведения Чосера *The woorkes of Geffrey Chaucer, newly printed, with divers addicions whiche were never in printe before* (London, 1561). В 1562 году Стоу обнаружил манускрипт «Древа Государства» Эдмунда Дадли, деда графа Лестера, на ту пору являвшегося фаворитом королевы, переписал его и представил его графу, а затем опубликовал. Около этого времени Стоу начинает написание и публикацию своих знаменитых хроник (*Annales of England*). Однако при этом Стоу оставался католиком и так и не принял реформу церкви, поэтому периодически у него возникали конфликты с властями. Это также отражалось и на его деятельности. Тем не менее Стоу публиковал не только свои, но и хроники других авторов. Так, в 1567 году он опубликовал хронику Матвея Вестминстерского, в 1571 году — хронику Мэтью Париса (Матвея Парижского в отечественной традиции, однако в данном случае Парис — это фамилия, а не место рождения или проживания), в 1574 году — хронику Томаса Уолсингема. Стоу считается одним из самых аккуратных хронистов Англии.

Типтофт, Джон (1427?–1470) — граф Вустера, сын барона Типтофта. Наследовал отцу в 1443 году. Получил образование в Колледже Баллиоля, в Оксфорде. В 1449 году был сделан графом Вустера. В 1451 году был назначен судьей *oyer et terminer* для графства Сюррей. Во время Войны Роз находился на стороне Йорков. В 1452 году назначен казначеем и членом совета короля. В 1456–1457 годах являлся наместником Ирландии. В 1459 году был послан в качестве посланника к Папе Пию II. В 1461 году вернулся в Англию. Вступление на престол Эдуарда IV открыло Типтофту путь к новым должностям. В 1461 году назначен главным судьей по ирландским делам и констеблем Тауэра, а в 1462 году — констеблем Англии. В этом же году судил в Вестминстере графа Оксфорда и его старшего сына, приговорив их к смерти. В награду возведен в рыцари Ордена Подвязки. В 1463 году назначен управляющим королевского двора и защитником морских границ с целью не допустить побега королевы Маргариты, но королеве удалось бежать, и таким образом миссия его провалилась. В 1464 году сделан канцлером Ирландии. В 1467 году Вустер был назначен констеблем вместо графа Десмонда, которого он обвинил в государственной измене и казнил. После Линкольнширского восстания и восстановления на престоле Генриха VI

Вустер был арестован и казнен по обвинению в смерти Десмонда и его детей. За все свои деяния во время Войны Роз получил прозвище «Английский мясник». Кроме своих государственных поступков, был известен как ученый и переводчик. Говорят, что он написал *Orationes ad Pium II, ad Cardinales, et ad Patavinos*. Он перевел диалог Цицерона «О дружбе» и «Записки о Галльской войне» Цезаря. Будучи констеблем, он составил *Ordinances for justes of peace royal* и *Ordinances for justes and triumphes*, а также *Orders for the placing of nobility*. Типтофт был трижды женат: 1) на вдове графа Уорика; 2) Елизавете, дочери Роберта Грейндора; 3) Елизавете, вдове сэра Роджера Корбета.

Тур-Ландри, Жоффруа де ла (п.п. XIV в. — после 1380) — французский рыцарь, автор «Книги рыцаря де ла Тур-Ландри, написанной в назидание его дочерям». Родился и жил в провинции Анжу. Он был женат на Жанне де Руже, имел от нее двух сыновей и трех дочерей. Для дочерей он и написал в начале 70-х годов XIV века свою книгу. См. русское издание в книге: Пятнадцать радостей брака и другие сочинения французских авторов XIV–XV вв. — М., 1991. — С. 154–218.

Уорд, Уинкин де (ок. 1456–1534?) — английский печатник. Родом из города Ворта в Эльзасе (его имя, читающееся по-английски как Уорд, является указанием места, откуда он родом). Его настоящее имя Ян ван Винкин. Еще молодым человеком он прибыл в Англию и поступил в ученики к Уильяму Какстону. Сопровождал Какстона в Брюгге в 1476 году. Когда Какстон умер в 1491 году, Уинкин наследовал его дело, но в первые два года издал всего пять книг. Однако в 1493 году он опубликовал *Liber Festivalis* Мирка в совершенно новой форме, и с тех пор его дела пошли на лад. В отличие от Какстона, он не проявлял никакого интереса к литературе, ничего сам не переводил и не издавал, но был очень успешным деловым печатником. В его типографии было опубликовано больше всего книг: между 1495 и 1500 годами он опубликовал по крайней мере 110 различных книг. В 1500 году Уинкин открывает свою собственную типографию на Флит стрит, несомненно, для того, чтобы эффективнее конкурировать со своим главным соперником Ричардом Пинсоном. В 1509 году Уинкин открыл также и свою книжную лавку, которая стала центром книжной торговли в Лондоне, как розничной, так и оптовой. На Уинкина работали такие переводчики и печатники, как Генри Уотсон, Роберт Копленд, Джон Гуф и другие. В первую треть XVI столетия Уинкин опубликовал более 600 книг, среди них произведения Эразма, Мора, Вивеса, переводы на английский Цицерона, Цезаря, Вергилия и других античных авторов.

Уоргем, Уильям (1450? — 22.08.1532) — архиепископ Кентерберийский. Получил образование в школе Викигема, затем поступил в Нью-Колледж в Оксфорде, стал членом этого колледжа в 1475 году. Оставил колледж в 1488 году со степенью доктора права и отправился в Лондон, где стал адвокатом Архиепископского суда. В 1491 году он посетил Рим и в том же году был отправлен в Антверпен для разрешения споров с Ганзейскими купцами. В 1493 году находился в посольстве во Фландрии. В 1494 году получил пост субдекана в Личфильде и назначен хранителем свитков. В 1496 году принимал участие в переговорах о браке принца Артура и Екатерины Арагонской. В 1497 году вместе с Ричардом Фоксом отправлен в посольство в Шотландию с требованием выдать Перкина Уорбека. В 1496–1499 годах занимался в основном решением торговых споров во Фландрии. В 1501 году был послан вместе с Чарльзом Сомерсетом в посольство к герцогу Максимилиану с целью возобновления союза с Англией, договор о котором был подписан в 1502 году. В награду за данную миссию Уоргем был сделан епископом Лондонским и хранителем малой печати. В 1504 году он получил должность канцлера и был сделан архиепископом Кентерберийским. В 1508 году избран канцлером Оксфордского университета. По вступлении на престол Генриха VIII венчал его на царство. Также в его обязанности входило открытие парламентов. Уоргем славился своим ораторским искусством, его вступительные речи всегда являлись образцом для подражания. В 1514 году, проведя церемонию по возведению Уолси в кардинальское достоинство, Уоргем отдал ему и канцлерскую должность. В 1521 году сопровождал короля в Лагере Золотой Парчи. Уоргем всегда являлся противником Уолси, поэтому официальные диспуты между ними не прекращались. В частности, когда Уолси приказал сжечь произведения Лютера в Вестминстере, Уоргем хотя и присутствовал, но поддержку не оказал, за что Уолси как папский легат периодически пытался ограничить юрисдикцию Уоргема. Когда Генрих выдвинул требование о разводе с Екатериной, Уоргем, однако, не стал опровергать заключение, сделанное по этому поводу Уолси, но плохое здоровье не позволило ему принимать активное участие в данном деле. Однако в 1531 году он выступил с протестом против реформирования, за которое стоял Уолси. Эразм Роттердамский всегда ценил Уоргема.

Фабиан, Роберт (ок. 1463–1512) — лондонский хронист. Как и его отец, стал торговцем тканями и членом гильдии торговцев тканями. В 1493 году был назначен шерифом Лондона, в 1496 году входил в делегацию лондонских купцов, направившую Генриху VII петицию с изложением убытков, нанесенных ганзейскими купцами во Фландрии. В 1498 году принимал участие в подавлении корнуэльского восстания. В 1503 году ушел с поста олдермена и

шерифа Лондона под предлогом своей нищеты (что, однако, было неправдой). Фабиан является первым светским лондонским хронистом, жителем Лондона. Его хроники назывались *The Concor-dance of Histories* и были опубликованы в 1516 году Пинсоном под названием *The New Chronicles of England and France*.

Фастольф, сэра Джон (1378?–1459) — английский военачальник и государственный деятель. Ходил в пажах при Томасе Мобрее, герцоге Норфолка, незадолго до изгнания последнего, затем перешел на службу к герцогу Кларенса, второму сыну Генриха IV. В 1405–1406 годах сопровождал Кларенса в Ирландию, по возвращении из которой женился в 1408 году на дочери 3-го лорда Тиббота и вдове сэра Стефена Скрупа. В 1413 году стал хранителем замка Вер в Гаскони. В 1415 году сражался во Франции, после взятия Арфлера был назначен губернатором города вместе с герцогом Экзетера. Проявил себя в битве при Азенкуре, затем при взятии Руана. В 1417 году стал наместником провинции Кондесюр-Нуаре, в следующем году возведен в рыцарское достоинство. В 1422 году он получил должность управляющего двором герцога Бедфорда, тогда регента Франции. В 1423 году — пост наместника Нормандии, а также провинций Анжу и Мэн. В битве при Верне в 1424 году он взял в плен герцога Алансонского. Помимо этого Фастольф вел успешные завоевательные походы во Франции, взяв ряд замков и подчинив ряд провинций. В 1426 году стал рыцарем Ордена Подвязки. В 1429 году принимал участие при осаде Орлеана, именно под его руководством осада продвигалась успешно, но после победы Жанны д'Арк именно он был обвинен в поражении лордом Тальботом. Тем не менее в 1430 году его назначили наместником Кана. Последующие десять лет Фастольф провел в постоянных разъездах между Англией и Францией, исполняя различные военные и дипломатические поручения. В 1440 году он окончательно вернулся в Англию, ушел в отставку и вел жизнь землевладельца, время от времени наезжая в Лондон. Последние двадцать дней его жизни описаны в переписке Пастонов, которые были близки Фастольфу. Он умер в достоинстве и почете. Однако благодаря Шекспиру, который вывел его в образе Фальстафа, ставшего гораздо популярнее реального человека, репутация Фастольфа был незаслуженно опорочена.

Фейлд (Feylde), Томас (п. XVI века) — английский поэт, практически ничего о нем не известно, кроме его поэмы *Here begynneth a lytel treatyse called the contrauerse bytwene a loue and a laye lately compiled* (London: Imprynted ... by Wynkyn de Worde [1527?]).

Фердинанд V Арагонский (10.03.1452–25.01.1516) — король Испании в 1512–1516 годах по прозвищу «Католик». Женат

в 1469 году на Изабелле (1451–1504), королеве Кастилии, дочери Хуана II, короля Кастилии. Их дочь, Екатерина Арагонская, стала последовательно сначала женой Артура, принца Уэльского, затем Генриха, будущего короля Англии Генриха VIII.

Фокс, Джон (1516–1587) — английский мартилог. В 1532 году Фокс поступил в Оксфордский университет и затем стал членом Колледжа Св. Магдалины. В 1548 году был назначен тьютором осиротевших детей графа Сюррея и отвечал за их обучение на протяжении пяти лет. В этот период он начал писать свои религиозные трактаты, среди которых были *De non plectendis morte adulteris consultatio Ioannis Foxi*, *A Sarmon of Jhon Oecolampadius to Yong Men and Maydens*, *An Instruccyon of Christen Fayth*, *De Censura, sive Excommunicatione Ecclesiastica*, *Interpellatio ad archiepiscopum Cantabr.* По вступлении на престол королевы Марии из тюрьмы был выпущен старый герцог Норфолка, строгий католик, не любивший Фокса и считавший его виновным в «неправильном» воспитании своих внуков. Фокс отличался устойчивым протестантизмом и в 1555 году вынужден был уехать в Германию. Следующие годы он провел в Страсбурге. В 1559 году Фокс вернулся в Англию, принял сан священника и стал продолжать свою работу над житиями мучеников, а также развернул широкую проповедническую деятельность. Произведения Фокса вызывали большое недовольство католиков и Папы Римского лично. Самым крупным произведением являются *Actes and Monuments*, переизданные неоднократно количество раз на протяжении последующих двух столетий.

Фортеस्कью (иногда Фортеस्कё), сэр Джон (1394?–1476?) — английский юрист и правовед. Получил образование в Колледже Экзетера, в Оксфорде, затем перешел в Линкольнз Инн, откуда выпустился в 1429 году со степенью барристера. Упоминания о нем с этого времени часто встречаются в погодных книгах, ок. 1435 года он выполняет функции судьи различных ассиз. В 1442 году он получает должность главного судьи королевской скамьи, а в следующем году ему жалуются рыцарское достоинство. С 1445 году парламент начинает назначать его в комиссию по рассмотрению петиций. Фортеस्कью был известен своей принципиальностью и преданностью дому Ланкастеров, поэтому представители партии Йорков его люто ненавидели (сэр Джон Фастольф дал ему весьма нелюбимую характеристику). В 1460 году после смены династий его постигла участь всех приверженцев Ланкастеров. Он был объявлен вне закона, земли его конфискованы, и поэтому Фортеस्कью с семьей бежит в Шотландию, где проводит последующие два года в написании трактатов в поддержку дома Ланкастеров, в том числе и знаменитый *De Natura Legis Naturæ*. Затем Фортеस्कью переезжает вместе с коро-

левой Маргаритой во Фландрию, где живет в крайней нищете и продолжает сочинение правовых произведений. В частности, его другое известное сочинение *De Laudibus Legum Angliæ* написано именно там. В 1471 году, когда Уорик нанес поражение силам Эдуарда IV, Фортескью возвращается в Англию и принимает активное участие в делах королевства, но после возвращения Эдуарда и вторичного объявления вне закона он удаляется в одно из своих конфискованных имений, где и умирает. Дата смерти его неизвестна, но последнее упоминание о нем относится к 1476 году. Кроме указанных выше к его произведениям относятся: 1. Тракаты о положении Короны: (1) *De Titulo Edwardi Comitum Marchiæ*; (2) *Of the Title of the House of York*; (3) *Defensio juris Domus Lancastriæ*; 2. Тракат об управлении Англией, известный под различными названиями *The Difference between an Absolute and Limited Monarchy, On the Governance of the Kingdom of England, De Dominio Regali et Politico* (ок. 1471); 3. *A Dialogue between Understanding and Faith*.

Франциск I (12.09.1494 — 31.03.1547) — король Франции в 1515–1547 годах, сын Карла Валуа, герцога Ангулемского. Был дважды женат: 1-й раз в 1514 году на Клод, дочери Людовика XII (1499–1524), 2-й раз — в 1530 году на Элеаноре Австрийской.

Фруассар, Жан (ок. 1337 — ок. 1410) — французский хронист и поэт. В 1361 году отправился в Англию с королевой Филиппой для того, чтобы составить стихотворную поэму о битве при Пуатье. С этого момента начинается его хроника. Путешествовал по Англии и Шотландии до 1367 года. С 1369-го находился при дворе герцога Брабантского, с 1381 по 1384 год — при дворе Карла Блуасского. В 1392-м отправился в Париж, а затем в Англию. Поссорившись с Гаем де Блуа, нашел защиту при дворе герцога Филиппа Бургундского. Его главной работой является *Chroniques de France, d'Angleterre, d'Ecosse, de Bretagne, de Gascogne, de Flandre et lieux circonvoisins*, охватывающая историю Европы с 1328 по 1400 год.

Хейвуд, Джон (Heywood, John) (1497?–1580?) — английский поэт и драматург. С 1519 года состоял на службе при дворе Генриха VIII в качестве певца и клавесиниста; в его обязанности входили также сочинение пьес и подготовка спектаклей. Хейвуд также являлся членом Пемброк колледжа в Оксфорде и, скорее всего, выпускником этого университета. Хейвуду принадлежат лучшие английские комедии начала XVI века, среди них — «Действо о погоде» (*The Game of Wether*), «Действо о любви» (*The Game of Love*) и «Разумный и Неразумный» (*The Witty and the Witless*). Более всего известна комическая сценка «Четыре П» (*The Four P. P.*), в которой Паломник, Продавец индульгенций, Аптекарь и Разнос-

чик хвастают друг перед другом своими похождениями и рассказывают небылицы. Хейвуду приписываются также изданные анонимно в 1533 «Индальгенщик и монах» (*The Pardoner and the Friar*), где чувствуется влияние Дж. Чосера, и «Джон, Джен Тиб и сэр Джон» (*John, Johan Tib and Sir John*), в духе французского фарса. К стихотворным его произведениям относятся «Пословицы» (*Proverbs*, 1546), «Паук и Муха» (*The Spider and the Fly*, 1556) и «Эпиграммы» (*Epigrams*, 1556–1562). К его изданным произведениям относятся: 1. *A mery Play between the Pardoner and the Frere, the Curate and Neybour Pratte* (London, Printed by Rastell, 1533); 2. *A Mery Play between Johan the Husbande, Tyb the Wife, and Syr Jhan the Priest* (London, Printed by Rastell, 1533); 3. *The Four P.P.* (London, Printed, n.d., by William Middleton, 1569); 4. *The Play of the Wether, a new and a very mery interlude of all maner of Wethers* (London, 1533); 5. *The Play of Love* (London, n.d.); 6. *A dialogue conteyning the number of the effectuell prouerbes in the Englishe tounge, compact in a matter concernynge two maner of maryages. With one hundred of Epigrammes, and three hundred of Epigrammes vpon three hundred prouerbes; and a fifth hundred of Epigrams. Wherevnto are now newly added a syxt hundred of Epigrams, by the sayde John Heywood* (London, 1562, 1576, 1587, 1598).

Хигден, Ранульф (ок. 1275–1364) — английский хронист. Родился и принял монашеский сан в Честере в 1299 году. Видимо, он много путешествовал по стране, как видно из его основного сочинения «Полихроникон». К сожалению, сведений о нем практически не сохранилось. К его произведениям относятся: 1. *Speculum Curatorum* (ок. 1340); 2. *Ars componendi Sermones*; 3. *Pædagogicon Grammatices*; 4. *Distinctiones Theologicæ*; 5. *Abbreviationes Chronicorum* или *Cronica bona et compendiosa de Regibus Angliæ tantum, a Noe usque in hunc diem* (ок. 1300), приписывается Хигдену; 6. *Expositio super Job*; 7. *In Cantica Canticorum*; 8. *Sermones per annum*; 9. *Determinationes sub compendio*; 10. *In litteram calendarii*.

Хоклив (или Оклив), Томас (1370?–1450?) — английский поэт. Служил в качестве клерка малой печати короля на протяжении 20 лет (1387–1407). В 1411–1412 годах Хоклив сочинил свое самое известное произведение *De Regimine Principum*. Кроме того, наследие Хоклива включает несколько поэм, где он описывает себя как любителя удовольствий и праздности, а также ведущего разгульный образ жизни (см. *Male Regle, Mother of God* и *Letter of Cupid*).

Холл, Эдуард (ок. 1498–1547) — английский историк и хронист. Получил образование в Итоне, который закончил в 1514 году. В 1518 году ему была присуждена степень бакалавра

в Королевском Колледже в Кембридже, после чего он поступил в Грейз Инн изучать право. В 1532 году его назначили судебным исполнителем по общим тяжбам, в 1536 году — представителем округа Бред Стрит. Одновременно он преподавал в Грейз Инне. Холл был горячим сторонником Генриха VIII и реформаторской партии. В 1542 году он заседал в парламенте. Поскольку Холл был абсолютно предан Генриху, то и его хроники отражают слепое возвеличивание дома Тюдоров. Холл часто нападал на Полидора Вергилия, считая, что тот принижает англичан и Англию. Его хроники называются *The Union of the Noble and Illustre Famelies of Lancastre and York*.

Хей, сэр Гилберт (ок. 1400 — после 1456 г.) — шотландский поэт и переводчик. Получил образование в университете Сент-Эндрюс, выпустился оттуда с магистерской степенью в 1419 году и отправился во Францию, где, благодаря влиянию жены дофина Маргарите, дочери Якова I Шотландского, получил пост чемберлена двора Карла VII. Вернулся в Шотландию в 1445 году. Последнее упоминание о нем относится к 1456 году. К литературному наследию Хейя принадлежат: 1. *Buke of Battailes* Оноре Боне; 2. *The Buke of the Order of Knyghthood*, перевод Люллиевской *Le Livre de l'Ordre de Chevalerie*; 3. *The Buke of the Governauce of Princes*, перевод *Secretum Secretorum*.

Хейлз, Джон (ок. 1515 — 28.12.1571) — английский государственный деятель и писатель. Не получил никакого формального образования, но самостоятельно выучил несколько языков (латинский, греческий, французский и немецкий). Около 1543 года он опубликовал свое первое произведение *Highway to Nobility* и перевел рецепты Плутарха для сохранения здоровья. Хейлз получил некоторые земли после упразднения монастырей, но превратил госпиталь Св. Иоанна в Ковентри в бесплатную школу ок. 1548 года. Хейлз входил в комиссию, созданную Сомерсетом для расследования нарушений и злоупотреблений землевладельцев при огораживаниях. Хейлз был членом парламента и проводил политику помощи бедным, при его содействии был принят ряд актов в помощь беднякам. После падения Сомерсета Хейлз бежал из Англии, и в 1552 году мы находим его в Страсбурге. По вступлении на престол Елизаветы Хейлз возвратился в Англию, но в 1564 году опять впал в немилость за то, что выпустил памфлет, направленный против брака графа Хартфорда, старшего сына протектора Сомерсета, и дочери герцога Саффолка. Его даже посадили в Тауэр, но вскоре выпустили. Кроме указанных выше работ Хейлзу приписывают авторство трактата *A Discourse of Common Weal of this Realm of England*, составленного ок. 1549 года.

Хоуз, Стефен (ок. 1475–1523?) — английский поэт. Получил образование в Оксфорде, где изучал английскую поэзию и литературу, затем путешествовал по Европе. Его знания привели его ко двору Генриха VII, где ему дали должность камердинера королевских покоев. Именно тогда он написал свою знаменитую аллегорию *The Passetyme of Pleasure*. В честь вступления на престол Генриха VIII он написал *A Joyfull Medytacyon*. Дата смерти его неизвестна, но дата его завещания относится к 1523 году. Существует мнение некоторых герольдов, что Стефен Хоуз являлся незаконнорожденным сыном короля Ричарда III, когда тот еще был герцогом Глостером, однако веских доказательств не приводится. К его произведениям также относятся: 1. *The Conversyon of Swerers* (Wynkyn de Worde, 1509); 2. *A Joyfull Medytacyon to All Englande* (London, 1509); 3. *A compendious story... called the Exemple of Vertu in the whiche ye shall finde many goodly Storys and naturall Dysputacyons bytween four ladyes named Hardynes, Sapyence, Fortune, and Naturo, compyled by Stephen Hawys, one of the gromes of the most honourable chambre of oure soverayne lorde Kyng Henry VII* (London, printed about 1512); 4. *The Comfort of Lovers* (Wynkyn de Worde), n. d.

Шартье, Ален (ок. 1390 — между 1430–1440) — французский поэт. Был секретарем короля Карла VII. В качестве дипломата побывал во многих странах, в том числе в Италии. Для поэзии Шартье (баллады, рондо, поэмы) характерно преодоление условного языка любовной лирики конца Средневековья — поэмы «Книга о четырех дамах», «Немилосердная красавица» (обе — 1424). В политических трактатах Шартье «Четырехголосая инвектива» (1422), «Придворный» (середина 1420-х годов) резко и красноречиво говорится о бедах Франции, о разложении дворянства и страданиях народа, выносящего на себе все тяготы Столетней войны 1337–1453. К другим произведениям Шартье относятся: *Brüviaire des Nobles*, *Livre de l'espérance* и *Livre des trois vertus*.

Чосер, Джеффри (1344?–1400) — виднейший из английских поэтов Средневековья, крупнейшая фигура английской литературы. Предполагают, что он родился между 1340 и 1344 годами и что местом рождения был Лондон. Джон Чосер, отец Джеффри, преуспевающий виноторговец, занимал пост помощника королевского кравчего в Саутгемптоне. Первая запись, касающаяся Джеффри (1357), найдена в расходной книге Элизабет, графини Ольстерской, жены герцога Лайонела (одного из сыновей Эдуарда III). О Джеффри упоминается как о паже, которому было куплено новое платье. Вероятно, до определения в пажи мальчик учился в лондонской школе: ему полагалось уметь читать и производить простые вычисления, равно как иметь некоторые познания в латыни и даже, возможно, во французском языке. На службе у гер-

цога Лайонела систематическое образование мальчика должно было продолжиться на более аристократический манер: теперь ему полагалось уделять особое внимание искусствам, основательнее изучать французский и латынь, а также совершенствоваться в благородных занятиях. В 1359–1360 годах Чосер служил в английских войсках во Франции. Он попал в плен неподалеку от современного Реймса; в начале 1360 года за него был заплачен значительный выкуп, и он смог вернуться в Англию. В том же году Чосер снова отправился во Францию, будучи по-прежнему на службе у герцога Лайонела, но теперь уже в качестве курьера; это была первая из его многих дипломатических миссий. Затем его имя примерно на семь лет исчезает из хроник. Весьма вероятно, что за это время Чосер женился на Филиппе Роут, которая входила в свиту графини Ольстерской, а на момент свадьбы — в свиту королевы; ее сестра Кэтрин Суинфорд была самой известной любовницей, а затем третьей женой Джона Гонта, четвертого сына Эдуарда III. В 1367 году имя Чосера вновь появляется в документах; на этот раз он упоминается как королевский камердинер; упоминается также, что он получал от короны пенсioen. После этого имя Чосера начинает встречаться часто: королевские подарки ему и его жене, очередные пособия, новые назначения, дипломатические поездки. Зафиксировано и чрезвычайно важное для истории литературы поручение Чосеру в 1372 году вести переговоры с герцогом ГENUИ. Этим назначением датируется первая поездка поэта в Италию (точнее, первая, в которой мы можем быть уверены), оказавшая, наряду со второй, в 1378-м, огромное влияние на творчество Чосера. В 1374-м Чосер получил в безвозмездное пользование дом в Олдгейте и был назначен инспектором таможни Лондонского порта (позже, в 1382-м Чосер был назначен также инспектором Малой таможни). В 1375-м ему был пожалован надзор над графством Кент с перечислением в его пользу различных штрафов, налагаемых таможней. С 1376 по 1381 год Чосеру дозволялось оставлять заместителя на время отлучек из Лондона, что указывает на важность его служебного положения. Филиппа по-прежнему пользовалась королевским благоволением, и, надо полагать, Джеффри делил с ней удачу вплоть до ее смерти около 1387 года. Однако существуют очевидные свидетельства того, что еще до смерти Филиппы Чосер неожиданно оказался в стесненных обстоятельствах. В 1386-м он лишился дома в Олдгейте и обоих инспекторских постов; кроме того, в 1387–1389 годах отсутствуют записи о субсидиях, выплаченных поэту, зато неоднократно зафиксированы судебные приказы о выплате им долгов. В 1389-м Чосер был назначен надзирателем королевских работ и оставался на этом посту в течение двух лет. Вероятнее всего, Чосер сам попросил отставки, поскольку служба требовала постоянных разъездов, а поэт был уже немолод. Нет причин предполагать, что

он был уволен, не справившись с работой: поэт сразу же получил свое последнее назначение — помощника лесничего Королевского леса в Северном Питертоне. О последующих годах жизни Чосера мы знаем несколько меньше. Записи о выплате жалованья нерегулярны, так что, вероятно, поэту необходимо было брать займы в Казначействе. Тем не менее в 1399 году он сумел арендовать на 53 года дом близ Вестминстерского аббатства. В этом доме Джефри Чосер и умер 25 октября 1400 года. К произведениям Чосера относятся: 1. Поэма «Книга герцогини» (*The Book of the Duchess*, 1369); 2. «Дом славы» (*House of Fame*, 1379); 3. «Птичий парламент» (*Parliament of Fowls*, начало 1380-х гг.); 4. «Легенда о славных женщинах» (*Legend of Good Women*); 5. «Троил и Хризеида» (*Troilus and Criseyde*); 6. «Кентерберийские рассказы» (*Cantenbury Tales*).

Эгидий Римский (иногда **Аэгидус**, **Aegidius Romanus**) (1245–1316) — монах-августинец, богослов, ученик Фомы Аквинского. Хотя и родом из Неаполя, но перебрался во Францию, где после прохождения обучения стал крупным теологом и богословом и был назначен воспитателем будущего короля Франции Филиппа Красивого. Трактат «О правлении государей» написан в 1280 году.

Эдуард IV (22.04.1442 — 9.04.1483) — король Англии в 1461–1470, 1471–1483 годах, из династии Йорков (сын Ричарда, герцога Йорка). Женат в 1464 году на Елизавете Вудвилль (1437–1492), дочери Ричарда Вудвилля, графа Риверса, вдове Джона Грея, 7-го лорда Феррерса (от этого брака у нее было двое сыновей). Эдуард оставил после себя 10 детей, 3 сыновей и 7 дочерей. Двое его сыновей, Эдуард V, король Англии в 9.04.–2.06.1483 года, и Ричард, герцог Йорка, погибли в Тауэре при неизвестных обстоятельствах. Третий сын — Георг, герцог Бедфорда, умер двух лет от роду (1477–1479). Кроме законнорожденных, Эдуард имел троих незаконных детей от Елизаветы Уайт, связь с которой продолжалась в 1460–1464 годах.

Эдуард VI (12.10.1537 — 6.07.1553) — король Англии в 1547–1553 годах. Сын Генриха VIII Тюдора и Джейн Сеймур. Умер неженатым и не оставившим потомства.

Элиот, сэр Томас (1490? — 20.03.1546) — английский дипломат и писатель. Его отец являлся врачом, Элиот, видимо, получил образование дома. В 1511 году стал клерком суда ассизов, где его отец был судьей. Наследовал своему отцу в 1522 году, а в 1527 году был назначен шерифом графств Оксфорд и Брекнок. В 1531 году он опубликовал свой трактат *Boke called the Governour*

и в этом же году был послан с миссией к императору Карлу V с целью получить поддержку последнего в разводе Генриха с Екатериной Арагонской. В 1532 году он получил должность шерифа графства Кембридж. В 1535 году он вновь был послан ко двору императора. По возвращении, а это случилось после казни Томаса Мора, Элиот был вынужден присоединиться к новой религии, хотя симпатии его лежали на стороне Мора. В 1542 году он стал членом Парламента, в 1544 году — шерифом графств Кембридж и Хантингдон. К его произведениям относятся: 1. *The Booke named the Gouvernour, deuised by Sir Thomas Elyot, knight* (printed 1531, 1534, 1537, 1546, 1557, 1565, and 1580); 2. *Pasquil the Playne* (London, 1533); 3. *Of the Knowledge which maketh a Wise Man* (1533); 4. *A Swete and deuoute Sermon of Holy Saynt Ciprian of the Mortalitie of Man; The Rules of a Christian Lyfe, made by Picus, Erle of Mirandula* (1534); 5. *The Doctrine of Princes, made by the noble oratour Isocrates, and translated out of Greke in to Englishe* (London, 1534); 6. *The Castel of Helth* (London, 1534, 1539, 1541, 1561, 1580 (?), 1595); 7. *The Bankette of Science* (London, 1539, 1542, 1545, 1557); 8. *The Dictionary of Syr T. Eliot, knight* (London, fol. 1538 and 1545); 9. *The Education or Bringing up of Children, translated out of Plutarche* (London, n.d.); 10. *The Defence of Good Women* (London, 1545); 11. *The Image of Governance, compiled of the actes and sentences notable of the moste noble Emperour Alexander Severus, late translated out of Greke into Englyshe* (London, 1540, 1544, 1549, and (by William Seres) 1556); 12. *Howe one may take profyte of his enmyes, translated out of Plutarche* (London, n.d.); 13. *A Preservative agaynste Deth* (London, 1545).

Эскем, Роджер (1515–1568) — английский общественный деятель. Получил начальное образование дома. В 1530 году поступил в колледж Св. Иоанна в Кембридже. В 1534 году он стал членом этого колледжа после получения бакалаврской степени и начал лекторскую деятельность в Кембридже. Ок. 1544 года он начал работу над трактатом об искусстве стрельбы из лука для того, чтобы сохранить благоволение Генриха VII, и в 1545 году презентовал законченный трактат под названием «Токсофилус» королю. С 1545 года Эскем начинает свои отношения с принцессой Елизаветой, помогая ей в получении образования. В 1550 году Эскем отправляется в путешествие по Европе, сопровождая молодого джентльмена в качестве тьютора. В 1553 году он вернулся в Англию, вступление на престол королевы Марии не ухудшило его положения, он так и оставался лектором в Кембриджском университете до самой своей смерти. К его работам относятся: 1. *Toxophilus* (London, Edw. Whytchurch, 1545, 1571, 1589); 2. *A Report and Discourse written by Roger Ascham of the Affaires and State of Germany and the Emperour Charles his Court, duryng certain years while the sayd Roger was there* (London, 1553); 3. *The Scholemaster, a plaine and perfite way*

---

of teachyng children to vnderstand, write, and speake in Latin tong (London, 1570).

Эшби, Джордж (ок. 1390 — 20.02.1475) — английский поэт. О нем сохранилось мало сведений, кроме того что он находился в свите Маргариты Анжуйской во время ее путешествия по Европе. Есть также упоминание о нем как об узнике Флитской тюрьмы по причине того, что он поддерживал Ланкастеров. Именно сыну Генриха VI и посвящены его трактаты *De Activa Pollecia Principis* и *Dicta et Opiniones Diversorum Philosophorum*.

Янг, Джеймс (п.п. XV века) — английский переводчик. Он являлся стряпчим в графстве Лимерик (Ирландия), затем арендовал некоторые земли и в конечном счете был осужден за неясные проступки. Являясь слугой 4-го графа Ормонда, он перевел *Secreta Secretorum* именно по приказу последнего. Янг также перевел и работу Геральда Камбрейского *Expugnatio Hiberniæ*.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Андре, Бернар 87, 116, 124, 191–193, 231, 233
 Антуан, Бургундский Бастард 46
 Аптон, Николас 33, 41, 44
 Батлер, Джеймс, граф Ормонда 216
 Боне, Оноре 169
 Бошам, Уильям 9, 11
 Бошам, Ричард 52, 67, 73
 Бренд, Джон 113
 Бурсье, Джон 35, 85
 Вергилий, Полидор 53, 125, 126, 184, 185, 192, 196–198, 231
 Вивес, Иоганн Людовик 118
 Вудвилль, Энтони 46, 47
 Вустер 33, 43, 57, 100, 169–171, 173–176, 186, 207, 225, 226
 Гарисон, Уильям 113
 Гауэр, Джон 12, 36, 56, 58, 62, 84, 132, 147, 154, 158, 161, 163, 188, 190, 200
 Генрих V 38, 44, 55, 56, 67, 71, 72, 75, 82, 98, 157, 174, 175, 188–190, 203, 204, 206, 215, 219, 220, 250
 Генрих VI 12, 119, 142, 157, 172, 180, 232
 Генрих 55, 88, 90, 93, 119, 120, 127, 181, 187, 193–197, 222, 232–236, 240
 Генрих VIII VII 40, 53–57, 61, 98, 100, 106, 107, 119, 120, 124, 126, 128, 129, 168, 187–190, 198, 200, 201, 232, 240, 241, 243, 251, 252
 Гилберт, сэр Хамфри 33, 142, 209–211
 Глостер, герцог Годфрид 69, 115, 182, 223
 Графтон, Ричард 125
 Дадли, Эдмунд 87, 190, 237, 238
 Данбар, Уильям 34
 Дуглас, Гевин 34
 Иоанн Солсберийский 112, 143
 Какстон, Уильям 10, 12, 25, 26, 33–35, 37, 39, 44, 47, 48, 57, 62–67, 71, 84–88, 113, 123–126, 141, 142, 144, 161, 162, 166, 168, 186, 193, 207, 213–215, 220, 223, 226, 227, 241, 246
 Кастильоне, Балдассар 104, 230, 244
 Клопинель, Жан, из Мена 93
 Колет, Джон 194
 Коммин, Филипп де 33, 102, 166, 173, 178, 181, 182, 188, 246
 Копленд, Роберт 37, 91
 Коуп, сэр Энтони 114
 Кромвель, Томас 109, 229
 Купер, Томас 125
 Лайамон 95
 Лален, Жак де 52
 Леланд, Джон 126
 Ливий, Тит де Форли из Феррары 53, 69, 231
 Лидгейт, Джон 34, 68, 85, 112, 116, 159, 200, 212, 234
 Лоррис, Гильом де 93
 Лутфут, Адам 33
 Люлль, Раймон де 135, 142, 144, 145, 150, 165, 175, 193, 213, 220
 Морисон, сэр Ричард 103, 109, 114, 202, 203, 229, 242
 Мэлори, сэр Томас 9, 12, 25, 26, 34, 35, 37, 40, 44, 50, 57, 65, 69–85, 87, 88, 91, 92, 98, 105, 123, 124, 126–128, 146, 168, 186
 Олдкасл, сэр Джон 11, 201
 Пейс, Ричард 239, 240, 248
 Пинсон, Ричард 95
 Проктор, Томас 204, 205
 Растел, Джон 125
 Рич, Барнаби 130, 204
 Ричард III 50, 65, 164–166, 170, 193

- Сегар, сэр Уильям 113
 Сигизмунд 73
 Сидни, сэр Филипп 21, 43, 66, 119, 130, 203
 Скелтон, Джон 87, 116, 227, 232, 233
 Скруп, Стефен 33, 57, 83
 Смит, сэр Томас 113
 Спенсер, Эдмунд 21, 26, 50, 86, 87, 119, 126, 127
 Старки, Томас 88, 103, 106, 107, 114, 225, 242
 Стаффорд, Джон 159, 164
 Стоу, Джон 125
 Типтофт, Джон 10, 33, 43, 100, 115, 223–226, 236
 Тур-Ландри, Жоффруа де ла 77, 92, 192
 Уоргем, Уильям 194
 Уорд, Уинкин де 37
 Фабиан, Роберт 35, 46, 95, 125, 191
 Фастольф, сэр Джон 58, 76, 83, 170, 175–177, 189, 222, 226
 Фейлд, Томас 91
 Фердинанд V Арагонский 52, 184
 Фокс, Джон 121
 Фортескью, сэр Джон 39, 58, 102, 160, 166, 170, 209, 221, 246, 248
 Франциск I 51, 53, 197
 Фруассар, Жан 9, 35–37, 53, 64, 95–98, 116, 136, 185
 Хей, сэр Гилберт 33, 142
 Хейвуд, Джон 105
 Хейлз, Джон 104–108, 114, 130, 242, 243
 Хигден, Ранульф 95, 125
 Хоклив, Томас 200, 201, 217
 Холл, Эдуард 51, 53, 185, 197–198
 Хоуз, Стефен 12, 23, 26, 33, 34, 50, 85–94, 98, 119, 148, 168, 233–237, 239
 Чосер, Джеффри 12, 14, 15, 36, 92, 105, 138, 208, 246
 Шартье, Ален 146, 148, 166, 169
 Эдуард I 63, 67, 123, 153
 Эдуард III 52, 67, 153, 200, 247
 Эдуард IV 46, 50, 57, 79, 169, 171, 178, 180–184, 190, 194, 209, 210, 212, 219
 Эдуард VI 104, 126
 Элиот, сэр Томас 104, 108, 118, 215, 227, 242–244
 Эскем, Роджер 37, 54, 118, 121, 126
 Эшби, Джордж 33, 58, 160, 190, 215, 219, 246
 Янг, Джеймс 216

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие к оригинальному изданию	19
Введение	21
Глава I. Рыцарское «Возрождение»	31
Глава II. Назидательный пример рыцарственности	61
Глава III. Новый пример и новый контекст	101
Глава IV. Рыцарственность и государство	129
Глава V. Рыцарственность и шовинизм	167
Глава VI. Рыцарственность и воспитание гражданина	207
Заключение	245
Примечания	251
Библиография	280
Список монографий А. Б. Фергюсона	280
Список руководств и трактатов о рыцарственности	281
Современные исследования	282
Краткий биографический словарь	295
Именной указатель	349

Научное издание

АРТУР БОУЛЗ ФЕРГЮСОН
ЗОЛОТАЯ ОСЕНЬ
АНГЛИЙСКОЙ РЫЦАРСТВЕННОСТИ

Главный редактор Чубарь В. В.
Принимающий редактор Антонов Т. В.
Литературный редактор Кирюкова Ю. С.
Выпускающий редактор Трофимов В. Ю.
Художественный редактор Лосев П. П.
Корректор Быстрова Л. А.
Оригинал-макет Арефьева С. В.

Подписано в печать 25.11.2003. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Усл. печ. л. 18,5. Гарнитура «Остава-С». Бумага для печатных
изданий. Печать офсетная. Тираж 1500 экз.
Заказ № 4774

Издательская группа «Евразия»
197343, Санкт-Петербург, ул. Земледельческая, д. 3
тел. 303-93-25
e-mail: evrasia@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Предлагаемая читателю книга Артура Фергюсона, написанная более сорока лет назад, проливает совершенно неожиданный свет на привычные нам категории изучения средневекового рыцарства. По жанру работа Фергюсона смыкается со знаменитой книгой Хейзинги "Осень Средневековья" и составляет одно, парадоксальное, но весьма гармоничное целое. Обе они рассказывают о функционировании идеи рыцарственности, раскрывают причины ее независимого от действительности существования в драматически меняющихся условиях XV столетия. Франко-бургундский материал Хейзинги оттеняется абсолютно отличным и совершенно специфичным английским материалом. Тем не менее, вряд ли можно говорить о преемственности между этими двумя исследованиями. Разделенные несколькими десятками лет и бурными водами Атлантического океана, Хейзинга и Фергюсон творили по-разному, пользовались разной методологией и обращались к разным сюжетам. Сама книга представляет собой шесть очерков по истории скорее рыцарской мысли, нежели рыцарских практик, взаимосвязанных между собой и посвященных различным аспектам проявления рыцарственности в XV веке: политической, национальной, образовательной и интеллектуальной сферам функционирования рыцарских идей на закате Средневековья.